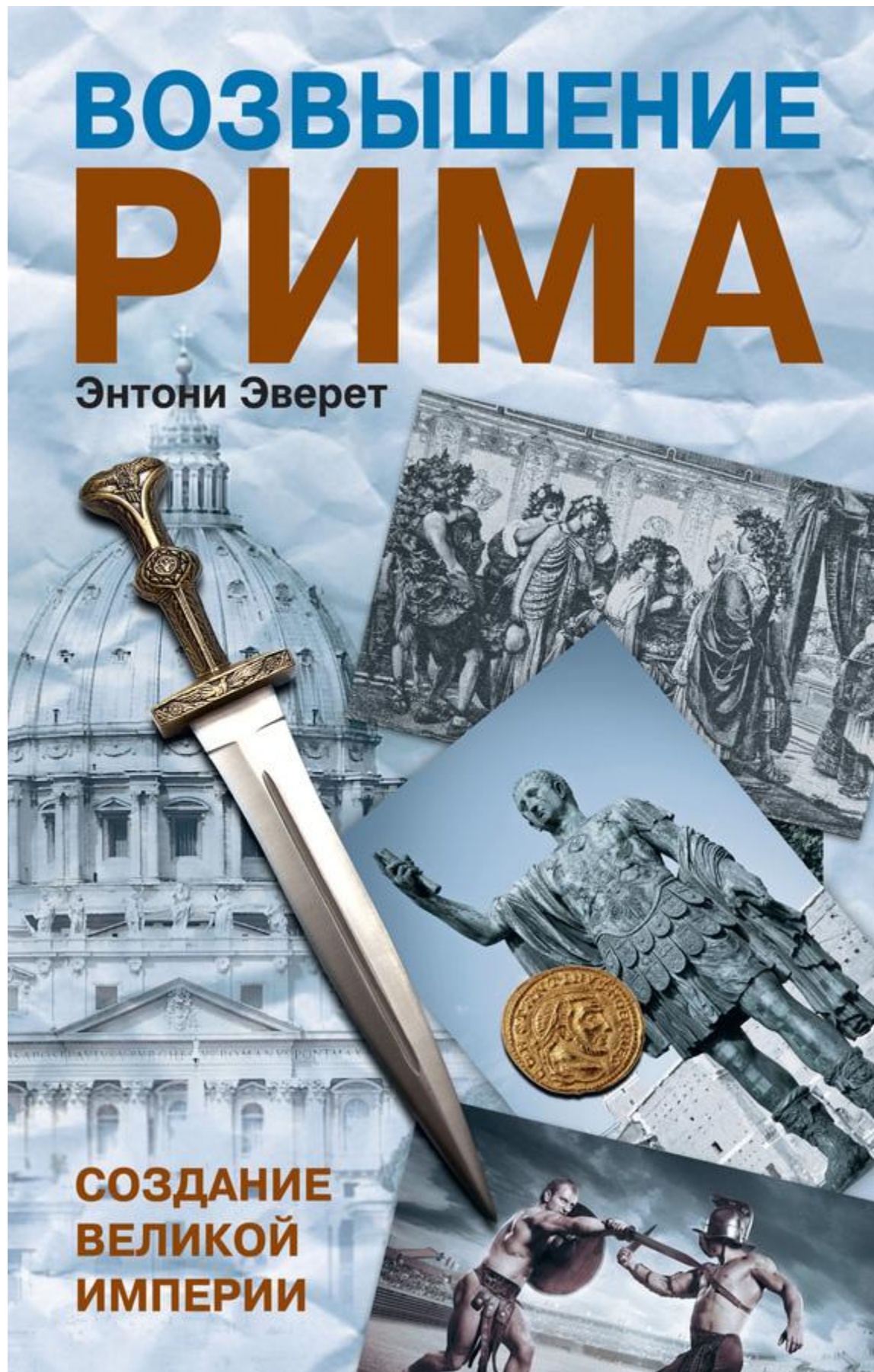

Энтони Эверит
Возвышение Рима. Создание Великой Империи

Все тайны истории –

*«Эверит, Энтони Возвышение Рима. Создание великой империи»: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079174-3*

Аннотация

Современная история и культура западных стран тесно связана с Римской империей. Римляне оставили нам в наследство искусство мостить дороги и строить освещаемые туннели, фонтаны и канализацию, античную мифологию и праздничные церемонии, римское право, ораторское искусство и латынь, язык ученых и богословов с древних времен и до наших дней.

Как создавалась одна из величайших империй в истории?

Как небольшой торговый город на реке Тибр смог стать центром и властителем ойкумены?

В чем секрет легендарной непобедимости римских легионов?

Как создавалась система управления Римской империей, ставшая образцом для многих современных государственных учреждений?

Энтони Эверит Возвышение Рима. Создание Великой Империи

Памяти поэта Жозе-Марии Эридиа, моего предшественника и исследователя Рима

Оригинальное издание «*The Rise of Rome. The Making of the World's Greatest Empire*», впервые опубликованное в 2012 г., печатается на русском языке с разрешения издательства Random House, an imprint of The Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc., New York и литературного агентства Nova Litera SIA.

© 2012 Anthony Everitt

© ООО «Издательство АСТ», перевод на русский язык

Треббия

Зловещий день настал, рассвет осветил вершины.
Лагерь встает. Внизу бурлит и пенится река
Проворный нумидийский эскадрон поит своих коней.
Повсюду раздаются сигналы трубачей.

Не внемля Сципиону и прорицателям, что
Треббия вышла из берегов, что ветренно, и дождь,
Семпроний-консул, желая новой славы,
Поднял топор свой – и ликторы пошли.

Краснеют отблески на мрачном темном небе,
На горизонте пылают селения инсумбров,
И где-то далеко протрубил боевой слон.

Внизу у моста, к опоре прислонившись,
Уверенный в победе Ганнибал слышит
Громкий топот марширующих легионов.

Предисловие

Многие историки, начиная с Эдуарда Гиббона, изучали вопросы упадка и распада Римской империи. Но как создавалась империя? Как получилось, что небольшой итальянский торговый город у брода через реку Тибр смог завоевать весь известный в то время мир? Я постараюсь ответить на эти вопросы в процессе изложения истории возвышения Рима. Впервые за многие годы для широкого круга читателей выходит история становления Римской республики, в которой особое внимание уделено ее значению для происхождения всего Западного мира. Такая история станет настоящей сокровищницей для того, кто впоследствии собирается изучать этот вопрос более подробно.

Это далекое прошлое необходимо изучать еще и потому, что с наследием римлян мы постоянно сталкиваемся в своей жизни. Оно до сих пор является для нас источником вдохновения, а также влияет на наше отношение к социальным, политическим и моральным ценностям. Мы живем в том мире, который был создан римлянами.

Идеи Рима отпечатались в наших генах. Они породили многочисленные пословицы, поговорки и крылатые выражения, которые мы используем в нашей повседневной жизни и часто уже не задумываемся об их первоначальном значении: «Все дороги ведут в Рим», «Величие, что звалось – Рим», «В Риме поступай так, как поступают римляне», «Рим строился не один день», «Рим – вечный город».

Каждые несколько лет в Голливуде выходит новый фильм, который воссоздает для нас эту исчезнувшую культуру, среди них «Гладиатор», «Спартак», «Бен-Гур» и «Камо грядеши». Римская власть и жестокость внушают нам благоговейный трепет. Мы ужасаемся и одновременно приходим в восторг от их «игрищ» – кровавых развлечений, когда гладиаторы сражались с друг другом для увеселения огромной толпы зрителей.

Римляне были практичными людьми, они постоянно осваивали разные технические новшества. Они первые освоили методику строительства протяженных дорог. Они показали, как можно удобно и цивилизовано жить в городах, несмотря на то, что такая жизнь была доступна только богатой прослойке общества.

Они оставили мировому сообществу не только кирпичи и известковый цементный раствор. Римляне также отличались практичностью и в другом отношении, поскольку они свято верили в верховенство закона. С самых ранних лет существования своего государства они создали правовую систему, которую они продолжали улучшать на протяжении всей своей истории. Римское право показало большое влияние на правовые системы многих современных европейских государств, а также Соединенных Штатов.

Вскоре после того, как в V веке перестала существовать Западная Римская империя, латынь прекратили употреблять в качестве живого языка. Однако затем у нее началась долгая «загробная» жизнь. До 1960-х годов и Второго Ватиканского собора все религиозные службы Римско-католической церкви велись на латыни. Даже в наше время используются латинские названия цветов и растений, медицинские названия частей тела и болезней. Латинские имена имеют созвездия, которые мы видим на ночном небе. Кроме того, они часто названы в честь героев и героинь греко-римских легенд. Названия многих американских правительственных учреждений, такие как сенат, конгресс и президент, происходят из латыни. В некоторых

средних школах и во многих учебных заведениях и университетах до сих пор ведется обучение латинскому языку. В книжных магазинах Европы и Америки продаются переводы произведений древнеримских поэтов и историков.

Отцы-основатели Соединенных Штатов Америки воспитывались на классической римской литературе. Они восхищались римской системой республиканского правления. Им очень понравилось равновесие между тремя ветвями власти: царской (всесильные римские консулы), олигархической, или правление нескольких знатных семей (римский сенат), и демократической, или правление народа (римские гражданские собрания, которые принимали законы). Создатели нового американского государства воспользовались этой схемой и создали систему трехчастного управления, полного сдерживаний и противовесов. В состав такой системы вошли президент, сенат, а также палата представителей и судебная система.

Мифы об основании города и события первых веков его существования исторически почти никак не подтверждаются, однако они стали основой римского самосознания. Эти мифы представляют собой богатую поэтическую традицию, которая поддерживала европейскую цивилизацию в течение двух тысяч лет. Только в нескольких последних поколениях наш коллективный разум стал отказываться от них. Если у этой книги есть какая-то цель, то это – напоминание о том, что мы теряем.

В книге будет рассмотрен очень широкий круг вопросов и проанализировано развитие римской политики, военной силы и общества. Однако моя книга – это прежде всего история в виде рассказа. Я попытаюсь превратить богатую событиями историю в увлекательный рассказ, попытаюсь воскресить на страницах книги незаурядные личности, которые творили эту историю – от Тарквиния Гордого до Мария, от Кориолана до Суллы, от Сципиона Африканского до братьев Гракхов. Наиболее харизматичным из них оказался не римлянин, а тот, кто чуть было не разрушил весь Рим – великий и ужасный Ганнибал.

Одной из любопытных особенностей римской истории является то, что в ней часто можно найти параллели между теми далекими временами и сегодняшним днем. Однако такие сравнения часто оказываются рискованными, поэтому я оставляю их на собственное усмотрение читателей. Лучше будет, если они сами установят такие связи без всякой посторонней помощи.

Надежды и стремления многочисленных актеров в этой длинной драме укрепляет знаменитая легенда – легенда об осаде и разграблении Трои (или Илиона, как он именуется у Гомера в его поэтическом эпосе «Илиада») и о трагическом героизме греческого воина Ахиллеса, обреченного на смерть в молодости, в расцвете сил. Позднее примером для многих молодых греков и римлян, от Пирра до Помпея, стал, чем-то похожий на Ахиллеса, знаменитый Александр Великий. Эти люди всегда стремились чем-то подражать ему. Вообще-то, многие давно поняли, что Рим стал своего рода возрожденной Троей, готовой отомстить за себя грекам, которые когда-то захватили ее. Когда в Италию вторгся эпирский царь Пирр (носивший также имя сына Ахиллеса), он решил, что он снова развязал троянскую войну. Ганнибал в качестве оружия в своей пропагандистской кампании против Рима использовал мифические божества – жену Юпитера, Юнону, и полубога Геркулеса.

Один из главных героев моего повествования – сам город Рим. Его храмы, статуи, ритуалы и символы стали визуальным отражением коллективной памяти. Римляне очень ценили связь мест, святынь, храмов и статуй своего города с теми или иными историческими событиями. Церемонии совершения обрядов часто содержали загадочное отражение событий, произошедших много лет назад. Даже городской ландшафт, имеющий подробное топонимическое описание, представлял собой отдельную книгу по истории. Прошлое воплощалось в настоящем. Живущие в городе ощущали, что они ходят по тем же самым

местам, где ходили их великие предки, и что события отдаленного прошлого вполне могли повториться с самыми незначительными изменениями.

Римляне были воинами и значительную часть своей истории провели в сражениях со своими соседями в Италии, а затем и с государствами, расположенными на берегах Средиземного моря. В системе римского управления были неразрывно связаны политика и война. Честолюбивые мужи, желающие достичь вершин власти, должны были овладеть ораторским искусством у себя на родине и искусством военачальника в провинции. А власть – *империя* – зависела от того, как они умели достигать собственной славы или добиваться уважения в обществе, и в меньшей степени от их достижений для пользы общества.

При рассказе о деяниях известных личностей (обычно это – мужчины) особое внимание я уделяю тому, как римляне видели свое прошлое. Я собираюсь не просто изложить подробную историю, а сделать как бы портретный набросок, основанный на взглядах самих римлян. При чтении этих страниц неизбежно придется столкнуться со множеством войн, смертей и с пролитой кровью, однако я всегда стараюсь чередовать это с мирными периодами.

К счастью, до нашего времени сохранилось много частных писем оратора и политика I века до н. э. Цицерона. Эти письма открывают нам состояние ума и взгляды тех людей, которые столкнулись с крахом своего государства. Средством против пессимистических настроений того времени им служило изучение истории и предметов старины более раннего периода. Если бы Цицерон и его единомышленники не занимались этими исследованиями, мы знали бы гораздо меньше об истории их родного города, а кроме того, мы знали бы меньше того, что же такое было в этом городе, что так много значило для них.

Ученые вполне обоснованно подвергли сомнению историческую достоверность событий, описанных в литературных источниках. Древние историки с материалом в руках приложили все силы к тому, чтобы восполнить все пробелы в истории. Они стремились заполнить их тем, что казалось им наиболее вероятным. Наиболее известным из них был Тит Ливий. В своем многотомном сочинении «История от основания города» («*Ab urbe condita*») он проявил талант ученого и художника. Это выдающееся произведение обладает некоторыми качествами хорошего исторического романа. Ливий – замечательный автор, однако приведенные им сведения не всегда заслуживают доверия.

В некоторых случаях исследователи того времени берут на себя слишком много. Они отвергают некоторые события, потому что те, с точки зрения их рационального мышления, просто неправдоподобны. Они считают, что их необходимо переписать правильно. Однако в истории, к сожалению, случается очень много неправдоподобного. Человеческие деяния таковы, что часто их трудно объяснить рационально.

На протяжении всего периода времени, описанного в этой книге, особенно это относится к самым ранним векам, постоянно встречаются разные несоответствия. По поводу одних случаев уже имеется общее мнение, по поводу других – продолжаются споры, зачастую очень жаркие. Во время последних иногда появляются даже слишком необычные решения. Я постоянно указываю на такие неопределенности, и если нет указания в основном тексте, то оно обязательно появится в сносках. Мне кажется, что не стоит тратить много времени на вопрос о трудностях интерпретации, поскольку он интересен в основном только специалистам, а не широкому кругу читателей.

В соответствии с особенностями различных литературных источников, я разделил книгу на три части: «Легенда» – эпоха царей, где большинство событий не имеет ничего общего с действительностью, по крайней мере описанных таким образом, «Предание» – завоевание Италии и конфликт в системе управления, где реальные и вымышленные события переплетены между собой, и «История» – республика как средиземноморская держава, где в литературных

источниках предпринята попытка изложить события с высокой степенью объективности и точности.

Свое изложение я завершаю рассказом о жестокой гражданской войне, вспыхнувшей в I веке до н. э. между Суллой и Марием, и о государственной деятельности Помпея Великого на Востоке. Здесь наиболее очевидно проявилось противоречие между внешним триумфом и внутренним крахом.

С увеличением завоеваний республика фактически стала владеть обширной средиземноморской империей. В то же самое время в Риме произошел окончательный и бесповоротный крах в системе управления, и люди, которые правили миром, оказались неспособны управлять собой.

Читатели, которым интересно узнать о дальнейших событиях, могут обратиться к моим биографическим произведениям о Цицероне и Августе. В этих книгах прослеживается довольно продолжительный кровавый переход Рима от ограниченной демократии до полной автократии.

Если упоминается какой-нибудь год или век, то их следует считать до н. э., если не указано иное.

Система римских имен довольно сложная и требует объяснения. У большинства граждан мужского пола было три имени. Первым было личное имя, или преномен (*praenomen*). В эпоху поздней республики во всеобщем употреблении находилось только восемнадцать имен, из которых наиболее часто встречались Авл, Гай, Гней, Деций, Квинт, Луций, Марк и Публий. Как правило, старший сын брал личное имя своего отца. Это очень неудобно, потому что необходимо было как-то отличать разные исторические личности с одинаковыми именами.

Преномен дополнялся номеном (*nomen*), родовым именем, которое соответствует нашей фамилии. После него ставился когномен (*cognomen*). Первоначально оно представляло собой прозвище, данное человеку за какие-то его отличительные черты (таким образом, имя «Цицерон» означает «горох», оно появилось из-за того, что видимо у кого-то из Туллиев на лице была родинка). Впоследствии это имя использовали для обозначения более многочисленной семьи или рода. Успешный военачальник получал дополнительный когномен, или агномен (*agnomen*), по имени побежденного им противника или по месту сражения с ним. Так, после победы над Ганнибалом в Северной Африке Публия Корнелия Сципиона стали называть Публием Корнелием Сципионом Африканским.

Подчиненное положение женщин подтверждалось тем, что у них было только одно имя – женский вариант родового имени. Таким образом, дочь Марка Туллия Цицерона звали Туллия. Получается, что сестры должны были иметь одинаковые имена, что, скорее всего, приводило к неудобствам в кругу семьи. После брака женщины обычно сохраняли свое имя (поэтому жену Цицерона звали не Туллия, а Теренция).

Когда римский гражданин хотел написать свое полное имя, после своего номена он ставил преномены своего отца и своего рода. Таким образом, полностью Цицерона звали так: Marcus Tullius M[arci] f [ilius] C[ornelia tribu] – Марк Туллий сын Марка из рода Корнелия Цицерон.

Если читателю этой книги потребуется найти какое-нибудь имя по указателю, то он должен искать его по номену. Таким образом, Цицерона надо искать по имени «Туллий» на букву «Т» – Туллий Цицерон Марк. Это не всегда удобно, но именно так – правильно.

Введение

Два старых приятеля, будучи уже в зрелых годах, надеялись встретиться друг друга снова. Шел 46 год до н. э., и самый плодовитый писатель того времени, Марк Теренций Варрон,

отправился на свою загородную виллу, расположенную в нескольких километрах к югу от Рима. Несмотря на рассудительность и практичность, Варрона нельзя считать глубоким мыслителем, поскольку он пытался только систематизировать все доступные в то время знания. Его сосед, Марк Туллий Цицерон, был великим оратором и выступал в судах и во время политических дискуссий в сенате. Самовлюбленный, красноречивый и впечатлительный Цицерон являлся полной противоположностью невозмутимому Варрону. Эти два человека быстро подружились друг с другом, потому что у них обнаружили одинаковые интересы. Наиболее сильно у них проявилась общая страсть к изучению римской старины.

К счастью, несколько писем Цицерона к Варрону оказались неподвластными разрушительному действию времени. В одном из писем Цицерон убеждал Варрона «жужжать»: «Однако у меня появляется надежда, что твой приезд приближается. О, если б он был для меня утешением! Впрочем, меня тяготят столь многочисленные и такие тяжелые обстоятельства, что нужно быть самым большим глупцом, чтобы надеяться на какое-нибудь облегчение».

Говоря о «тяжелых обстоятельствах», Цицерон имел в виду положение римской правящей элиты во время гражданской войны. Те, кто занимал высокие должности, часто подвергались опасности быть убитыми или искалеченными. Они с тревогой задавали себе вопрос, как им следует поступать в то время, когда единственная в Древнем мире сверхдержава – Римская республика – за границей показала свое могущество, а у себя дома оказалась близка к полному разрушению?

Большинство очевидцев того времени считало, что полоса неудач началась приблизительно столетие назад. Завоевание Римом Греции и значительной части Ближнего Востока привело к наплыву в страну большого количества золота, не говоря уже о «человеческом золоте» – огромной массе рабов. Рим захлебнулся в богатстве и стал, по сути дела, столицей всего обитаемого мира. Город превратился в крупный мегаполис, где смешались различные культуры. Его население превысило один миллион человек.

Такое положение стало непредвиденным следствием завоеваний Рима и создания империи. Наверное не является случайным и то, что приблизительно в это же время началось серьезное исследование римской древности. В то время, когда Варрон и Цицерон достигли зрелого возраста, некогда стойкие, социально ответственные, находчивые и скромные римляне уже разложились под влиянием отрицательных восточных качеств – жадности, стремления к роскоши и сексуальной распущенности. Городская система управления исправно работала в течение многих столетий. Собрание граждан, утверждающих законы, уравнивало небольшое правящее сословие римской знати. Однако для успешной работы такой системы особую важность имела способность к компромиссу и к разумной достаточности. Теперь римляне утратили эту способность.

Кризис назрел, когда Цицерон был еще молодым человеком. В 82 году кровопролитная гражданская война, которая с небольшими перерывами велась в республике в течение пятидесяти лет, достигла своего первого ужасного апогея. Войскам было запрещено входить в Рим, однако мстительный и честолюбивый военачальник, Луций Корнелий Сулла, создал и возглавил в городе армию из римских граждан, с помощью которой он устроил резню своих противников.

Высшее общество со страхом ожидало решения того, кто же должен стать жертвой. Наконец, один из молодых людей отважился спросить в сенате у Суллы.

«Ведь мы просим у тебя, – сказал он, – не избавления от кары для тех, кого ты решил уничтожить, но избавления от неизвестности для тех, кого ты решил оставить в живых».

«Я еще не решил, кого простить».

«Ну так объяви, кого ты решил покарать».

Сулла взял слово и приказал, чтобы время от времени на центральной площади Рима – Форуме – выставляли побеленные доски, на которых писали имена тех, кто должен был умереть. Никаких показательных казней не было. Казнить мог каждый, кто того пожелает. После того как он приносил отрубленную голову казненного, ему выплачивали за это значительное вознаграждение. Все имущество казненных подлежало конфискации. Этот процесс называли проскрипцией (от латинского *proscriptio* – «доски со списком»).

Сулла преследовал цель устранить своих противников, однако его сторонники часто пользовались такой возможностью для сведения своих личных счетов, а также для обогащения. Один несчастный собственник жаловался: «Горе мне! За мною гонится мое альбанское имение».

В свои двадцать с небольшим лет Цицерон был уже многообещающим адвокатом. По роду своей профессии он столкнулся с этими жестокими и мошенническими действиями. В своем первом уголовном деле он смело осудил действия одного из приближенных Суллы, бывшего греческого раба по имени Хрисогон. Цицерон доказал, что одного из землевладельцев обвинили в несуществующем заговоре и внесли его в списки подлежащих проскрипции. После этого Хрисогон получил возможность конфисковать все его владения и продать их по спекулятивной цене.

Не без риска для собственной безопасности Цицерон нарисовал незабываемый портрет беспринципного человека, любой ценой стремящегося к наживе: «Посмотрите внимательно на этого человека, господина судьи. Видите, как тщательно он уложил и умастил маслом свои волосы, как он расхаживает вокруг Форума в сопровождении толпы своих приспешников, которые (что, по его мнению, оскорбительно) все являются гражданами Рима. Посмотрите, как он презирает всех, считая их намного ниже себя, и думает, что только он один богат и влиятелен».

К счастью, власти оставили Цицерона в покое. Может быть, это случилось потому, что военачальник не представлял себе, что такие преданные ему люди, как Хрисогон, могли воспользоваться запутанной ситуацией.

Сулла был не только хладнокровным убийцей, но и искусным политиком. Он провел реформы, направленные на то, чтобы расширить полномочия правящего класса и гарантировать, чтобы никто больше не смог последовать его примеру и захватить власть в государстве с помощью армии. Однако эти реформы потерпели неудачу. Политики, которые, подобно Цицерону и Варрону, стремились соблюдать законы, оказались не у дел именно из-за череды всевозможных «сулл». Последний такой «сулла» – Гай Юлий Цезарь – развязал гражданскую войну, в результате которой прекратила существование Римская республика. Победа Цезаря означала, что для таких политиков уже не осталось никаких ролей на общественной сцене.

Как мог реагировать на это патриотически настроенный римлянин? Поскольку Варрон и Цицерон были увлеченными людьми, им ничего не оставалось делать, кроме как заниматься научной деятельностью. В то время это означало, в частности, писать истории Рима, составлять политические трактаты или исследовать римские древности.

«Только бы для нас было твердо одно: жить вместе среди своих занятий, – написал Цицерон Варрону в апреле, – если кто-нибудь захочет использовать нас не только как зодчих, но и как мастеров для возведения государства, не стоит отказываться, и лучше взяться за эту задачу. Если же никто не воспользуется нашими услугами, то нам все равно следует читать и писать об идеальной республике».

Варрон, конечно же, воспользовался этими советами. Ему приписывают авторство 490 книг на разные темы, однако в полном виде до нас дошла только одна из них – трактат о

сельском хозяйстве. Варрон прожил очень долгую жизнь. К концу жизни он завершил одну из самых известных своих работ – «О сельском хозяйстве» (*De re rustica*). Он сказал своей жене: «Если, человек – всего лишь пузырь, то старик – тем более. Мой восьмидесятый год советует мне собрать свои пожитки раньше, чем я уйду из жизни». Однако на самом деле после этого он прожил еще десять лет. Среди других достижений Варрона можно отметить установление им хронологии, по которой дата основания Рима приходится на 753 год до н. э. Несмотря на некоторые ошибки, его хронологию используют до сих пор, как дань традиции.

Варрон и Цицерон продолжали встречаться. Они с одинаковым пессимизмом оценивали текущее положение дел и вспоминали прошлую славу Рима. Они приезжали друг к другу в одну из своих загородных или приморских вилл. Цицерон бывал весьма дотошным и требовательным гостем. «Если у меня будет время для поездки в тускульскую усадьбу, – писал он, – я увижу тебя там; если нет, направлюсь в кумскую усадьбу и заранее извещу тебя, чтобы была приготовлена баня». Немного позже он в шутку угрожал: «Если ты не приедешь ко мне, то я примчусь к тебе».

В одном из писем Цицерон выразил восхищение своим ученым другом: «Эти твои тускульские дни я действительно считаю образцом жизни и охотно уступил бы всем мое богатства, чтобы мне было дозволено жить таким образом, без препятствий со стороны какой-либо силы. Этому я подражаю, как могу».

Римские историки и собиратели древностей не считали себя настоящими учеными. Подобно Цицерону и Варрону они рассматривали себя членами правящего сословия, оказавшимися без дела. Их цель состояла в том, чтобы обучить вырождающееся поколение той эпохи, в которой жили они сами. Они стремились быть правдивыми, но когда им не хватало фактов, они обращались к легендам и старались заполнять пустые промежутки тем, что они чувствовали, и даже тем, что по их мнению должно было произойти.

Они составили историю первых лет существования Рима, поскольку, будучи оставшимися не у дел политиками последнего вздоха республики, хотели, чтобы такая история существовала. Для них она стала как бы альтернативой разрушительному настоящему.

Английский поэт XIX века, историк и политик, Томас Бабингтон Маколей, предположил, что мифы об основании Рима происходят из народных баллад, некоторые из которых он восстановил в своем незабываемом стихотворении.

Лучше, чем кто-то другой, он передал строгий дух римского патриота:

В этом мире к каждому из нас
Рано или поздно смерть приходит.
Не лучше ли мужчине умереть,
Сражаясь против жестоких врагов,
За прах своих предков
И святилища своих богов?

Рассказы таких личностей, как Варрон и Цицерон, содержат не только сетования об утраченной добродетели. В этих рассказах можно встретить страшные истории давно минувших дней, переработанные – если вообще не сочиненные заново – таким образом, чтобы стать строгим предостережением для современных авторов преступников, которые подрывали основы государства. Изложение событий в этих рассказах не всегда отражает истинное положение дел (насколько мы можем это утверждать почти три тысячи лет спустя), однако историческое несоответствие имеет для нас гораздо меньшую важность, чем тот свет, который эти рассказы проливают на ощущения римлянина, когда он подробно рассматривал себя в

зеркале идеализации.

I Легенда

1. Новая Троя

Рассказ о происхождении Рима можно начать с гигантского деревянного коня.

В течение десяти лет союз греческих правителей осаждал Трою. Этот могущественный город-государство находился у входа в пролив Дарданеллы на северо-западе современной Турции. Греческие войска высадились около Трои в основном из-за спора трех богинь: жены верховного бога Юпитера Юноны, богини мудрости Минервы и богини любви Венеры. Они пытались завладеть золотым яблоком, на котором было написано «Прекраснейшей». Даже приближенные к ним боги не посмели решать спор этих могущественных и вспыльчивых богинь. Поэтому было решено, чтобы их рассудил простой смертный – молодой пастух по имени Парис, который пас свое стадо на склонах горы Ида в нескольких километрах от Трои. Парис обладал единственным достоинством – притягательной симпатичной внешностью, в остальном же он ничем не отличался от толпы.

Богини явились к Парису обнаженными. Каждая из них предложила ему что-то свое: Юнона – власть, Минерва – знания, а Венера – обладание самой красивой женщиной в мире, царицей Спарты Еленой. Безответственный и страстный Парис принял третье предложение и присудил яблоко Венере. Проигравшие богини удалились, собираясь отомстить.

Оказалось, что Парис имел царское происхождение. Его отцом был царь Трои, Приам. Когда его мать была беременна, она увидела сон, что рождает не ребенка, а горящий факел. Супруги сочли этот сон серьезным божественным предзнаменованием будущих бедствий и велели пастуху отнести ребенка на гору и оставить там на произвол судьбы (обычное средство избавления от нежелательных младенцев в классической древности), чтобы его съели дикие животные. Пастух не смог совершить такое и взял мальчика к себе.

Как только стало известно об истинном происхождении юноши, его родители забыли о том дурном сне и признали его в качестве своего сына. Приам отправил его со своим флотом в дружественную поездку по греческим островам. Однако Парис имел другие намерения. Он отправился прямо в Спарту и прибыл ко двору Менелая и его жены, Елены. Елена оказалась еще прекрасней, чем он думал. В то время как Менелай уехал на Крит, Парис тайно бежал вместе с Еленой и вернулся в Трою, получив таким образом то, что ему обещала Венера.

Несмотря на то, что Приам признал, что его сын нарушил законы гостеприимства, уведя чужую жену, он опрометчиво принял молодую пару в своих стенах. Он должен был понять, что на самом деле допустил в свой город горящий факел, как было предсказано во сне его жене.

Брат обманутого мужа был верховным повелителем большого числа небольших греческих государств. Он заручился поддержкой правителей этих государств и создал объединенную армию, которая должна была выступить против Трои, силой вернуть Елену и наказать этот город за то, что он принял ее. Десять лет продолжалась осада города, но ни одна из сторон так и не приблизилась к победе. Самая известная битва произошла на девятом году осады. Она связана с обидой наиболее сильного греческого воина – молодого и вспыльчивого Ахиллеса.

Будучи красивым ребенком с рыжими волосами, Ахиллес воспитывался как девочка и в детстве постоянно находился в кругу девочек, в соответствии с традицией. Его мать, внучка морского бога Посейдона (римский Нептун), Фетида, поступила с Ахиллесом так, потому что она знала, что его ожидает судьба получить широкую известность и умереть молодым или прожить долгую жизнь никому не известным. Как любящая мать, она, конечно же, выбрала для

своего сына долгую жизнь. Ахиллесу дали женское имя – Пирра (по-гречески «огненный», за цвет его волос). Он был довольно привлекателен, благодаря чему какое-то время его считали девочкой, однако, когда одна из его подружек оказалась беременной, обман раскрылся. После того как Ахиллесу разрешили «стать» мужчиной, он отказался от пожелания своей матери и выбрал славу. Вскоре он приобрел известность как великий воин. С большим воодушевлением Ахиллес отправился сражаться в Троию, хорошо понимая, что никогда уже не вернется оттуда.

Судя по описаниям эпических поэтов, таких как Гомер, в эту героическую эпоху сражения велись не организованными группами воинов, а представляли собой ряд одновременных отдельных битв или поединков между царями и представителями знати. Действия рядовых воинов всецело зависели от успеха или неудачи участников этих поединков. После ссоры с военачальником Ахиллес остался в своем шатре и отказался вступать в бой. Однако он разрешил своему близкому другу и (как некоторые говорят) любовнику, Патроклу, взять свои доспехи и сражаться под его именем. Патрокл был убит, и под впечатлением его гибели греческий герой вернулся на поле битвы. В сражении Ахиллес убил самого храброго троянского воина Гектора, который был старшим сыном царя Приама.

Вскоре погиб и сам Ахиллес. Его сразила стрела Париса, выпущенная из лука. Затем Парис стал жертвой другого лучника. Положение обеих сторон в войне стало безвыходным.

Чистосердечный и бесстрашный, благородный, но безжалостный в своей мести Ахиллес стал культовой фигурой Древнего мира. Молодые греки и римляне в течение многих веков восхищались им и стремились быть на него похожими. Великий завоеватель Александр Македонский у изголовья своего ложа хранил свиток с «Илиадой» Гомера, непревзойденная поэзия которой воспеваает гнев Ахиллеса.

Однажды утром троянские воины, стоящие на стенах, посмотрели в сторону моря и поразились тем, что предстало их взору. Греческий лагерь на берегу был пуст, а флот ушел. Они решили, что война закончилась и захватчики отправились к себе домой. Воодушевленные таким известием люди выбежали из города. Они крайне удивились, когда увидели около города огромного деревянного коня, однако подосланный греками человек сказал им, что это – дары богине Минерве. Очевидно, перебежчик объяснил троянцам, что если они разрушат коня, то вызовут неудовольствие богини, а если внесут его в город, то она станет их защитницей, несмотря на неприятную историю с золотым яблоком.

Некоторые утверждали, что коня надо сжечь или сбросить в море, но в конце концов все-таки решили завести его в Троию. Городские ворота оказались слишком малы, поэтому для того, чтобы провести коня, троянцы разобрали часть стены. Вечером жители города устроили шумное пиршество. Часовые потеряли бдительность, и когда загулявшие троянцы, наконец, отошли ко сну, город уже лежал под звездным небом полностью беззащитным.

Греки, конечно же, не собирались уходить. Их корабли встали на якорь за прибрежным островом Тенедос, расположенным в нескольких километрах от Трои. Греки собирались после наступления темноты вернуться в Троию. Одиссей – коварный правитель Итаки, острова в Ионическом море, – разработал хитрый план. Именно он придумал построить деревянного коня, полого изнутри, в который могли поместиться двадцать вооруженных воинов. Он также поручил перебежчику рассказать троянцам ложную историю о назначении коня. Рано утром он открыл потайную дверь и освободил находящиеся внутри воинов. Тем временем основные греческие войска по берегу подошли к городу и беспрепятственно вошли в него.

Представитель младшей ветви троянской царской семьи, зять Приама, Эней, в эту ночь остался в доме своего отца, Анхиса, в одном из отдаленных кварталах города. Мать Энея, Венера, принимала деятельное участие в делах Трои, особенно в разных любовных интригах. Она обольстила юного Анхиса и почти две недели провела с ним в непрерывных любовных

утехах. Эней увидел во сне окровавленное тело воина, покрытое пылью. Это был один из тех, кого убил Ахиллес. Убитый предупредил Энея, что город захвачен и предан огню, а ему обязательно надо бежать. Эней проснулся и проверил, так ли это. Поднявшись на крышу дома, он увидел, что со всех сторон полыхают пожары.

Эней понял, что для предотвращения катастрофы сделать уже ничего нельзя. Согласно предсказанию, которое он получил во сне, его священная обязанность состояла в том, чтобы увести оставшихся в живых и возродить Трою в другом месте. Он взял с собой городские пенаты – изображения троянских домашних богов – и (как утверждают некоторые) знаменитый Палладий – древнюю священную статую Минервы, сделанную из дерева, которая упала с неба.

Небольшая группа людей – Эней, его престарелый отец и малолетний сын Асканий, которого также называли Юл, – избегая греческих мародеров, пробралась к городским воротам по темным сторонам улиц. Внезапно Эней обнаружил, что нигде нет его жены. Он бросился назад искать ее, но безуспешно. На рассвете он возвратился ни с чем и очень удивился, когда увидел многочисленную толпу беженцев, которые ждали его приказаний.

Другая история повествует о том, что Эней командовал подкреплением союзников, которое отступило в троянскую крепость и пыталось не дать противнику захватить весь город. Эней отвлек на себя большие силы греков, чтобы дать возможность уйти значительной части мирных жителей Трои, а после заключения перемирия с греками вывел своих людей из Трои в боеспособном состоянии.

Так или иначе, в живых осталось значительное число троянцев. Они приняли решение навсегда покинуть свою родину и уйти под командованием Энея. Они построили корабли и отплыли, не имея определенного пункта назначения. Идея троянцев состояла в том, чтобы где-нибудь найти пристанище и построить там свою новую родину.

Однако сказать такое было гораздо легче, чем сделать. Они безуспешно пытались основать свой город во Фракии и на Крите. Некоторое время Эней провел у своего родственника, который после гибели молодого царя, сына Ахиллеса, Пирра, стал правителем в Эпире на западном побережье Греции. Этот родственник посоветовал Энею обосноваться в Италии. Однако злопамятные богини Юнона и Минерва всеми силами стремились предотвратить возрождение ненавистной Трои, поэтому Энею пришлось претерпеть множество опасных приключений. Эней очень долго странствовал, так же как и Одиссей во время своего возвращения на Итаку. Он так же по счастливой случайности спасся от одноглазого гиганта Полифема. Наконец, во время шторма корабли троянцев сбились с курса и потерпели крушение у побережья Северной Африки.

Там они обнаружили таких же, как и они, странников, которые собирались строить новый мир. Группа выходцев из Финикии построила свое поселение на береговой полосе, приобретенной у местных племен. Финикийцы происходили из крупного портового города Тир, расположенного на прибрежном острове. Этот город находится на территории современного Ливана.

В Тире было монархическое правление. Корыстолюбивый правитель этого города организовал убийство одного богатого землевладельца и завладел его состоянием. Вдова убитого, Дидона, собрала большую группу людей, которые ненавидели или боялись своего царя, и (по указанию явившегося ей покойного мужа) раскопала золотой клад, который использовала для организации бегства. Дидона и ее последователи захватили в порту несколько судов и на них покинули Тир.

Когда изможденные троянцы, потрепанные штормом и пропитанные соленой водой, прибыли в Северную Африку, Дидона со своими спутниками занималась строительством Карфагена (по-финикийски – «новый город»). Город располагался на большом мысу,

окруженном с севера и юга двумя лагунами. Троянцы очень удивились и явно немного позавидовали тому, что предстало их взору.

Римский поэт Вергилий написал «Энеиду», эпическую поэму о приключениях Энея. Он представил эту сцену так:

«Смотрит Эней, изумлен: на месте хижин – громады;
Смотрит: стремится народ из ворот по дорогам мощным.
Всюду работа кипит у тирийцев: стены возводят,
Города строят оплот и катят камни руками
Иль для домов выбирают места, бороздой их обводят».

Дидона встретила незнакомцев и, выслушав их историю, посочувствовала Энею во всех его неудачах. Теперь богиня Юнона оказалась в затруднительном положении. Если бы Эней решился сделать своим новым домом Карфаген, то он не обрел бы блестящее будущее в Италии, которое ему предсказывали, а следовательно, больше не будет никакой опасности того, что возродится новая Троя. Но, к большому сожалению богини, чтобы Эней остался в Карфагене, этот презренный троянец должен был жениться на Дидоне – любимице Юноны. Для Юноны это было бы серьезной жертвой, но у нее не было другого выбора.

С помощью Венеры все устроили так, что карфагенская царица влюбилась в изгнанника. Во время выезда на охоту в окрестные холмы Юнона устроила случайную грозу, и пара укрылась в пещере, где природа сделала свое дело. Дидона решила, что эта встреча и есть бракосочетание.

К сожалению, местный африканский вождь имел виды на Дидону и не собирался терять ее. Будучи страстным приверженцем Юпитера, он обратился к нему за помощью и жаловался: «Этот новый Парис с полумужеской свитой, Митрой фригийской прикрыв умощенные кудри, владеет тем, что похитил у нас!»

Юпитер ничего не знал о кознях своей жены и очень разозлился. Он сразу же отправил к Энею вестника, чтобы тот напомнил о его предназначении и призвал Энея немедленно отправляться в Италию. Эней Верный (а он получил такое прозвище из-за своей верности) был потрясен этим напоминанием. Он без промедления оставил Дидону.

Оказавшись в таком трудном положении, Эней попытался оправдаться перед ней и возложил всю вину на верховного бога: «Так перестань же себя и меня причитаньями мучить, – сказал он, – я не по воле своей плыву в Италию».

Отвергнутая Дидона решила умереть. Она велела разложить большой траурный костер, который, по ее словам, нужен для того, чтобы сжечь оставленные Энеем меч, одежду и его изображение. На самом деле костер предназначался ей для самоубийства. Она поднялась на костер и нанесла себе удар кинжалом. Перед смертью Дидона произнесла проклятие, предсказав вечную вражду между ее новым городом и тем, который ее троянский возлюбленный и его потомки создадут в Италии:

«Пусть ни союз, ни любовь не связует народы!
О, приди же, восстань из праха нашего, мститель,
Чтобы огнем и мечом теснить поселенцев дарданских
Ныне, впредь и всегда, едва появятся силы.
Берег пусть будет, молю, враждебен берегу, море –
Морю и меч – мечу: пусть и внуки мира не знают!»

В конце концов, Эней и его спутники добрались до Италии. Когда они проплывали вдоль ее западного побережья, они увидели большой лес, расступающийся там, где впадали в море желтые воды реки Тибр. Здесь троянцы решили высадиться на берег. Их странствие завершилось. На этом берегу, между реками Тибр и Анио, обитало племя латинян. Троянцев встретил царь этого племени, престарелый Латин, зависимый от своей жены. По имени этого племени называется область Лаций (ныне – Лацио). Латин и его люди были греческого происхождения. По желанию жены Латина их дочь, Лавиния, была помолвлена с молодым и энергичным вождем рутулов по имени Турн. Однако в этот раз царь решил поступить по-своему. Он передумал и отдал свою дочь в жены только что прибывшему троянцу Энею.

Неизбежным результатом этого стала война, и в поединке один на один Эней убил Турна. После своей победы он основал город и назвал его в честь своей жены, Лавиний. Рутулы ослабели, однако не прекратили борьбу. Военные действия возобновились. Крупная битва произошла около реки Нумик близ Лавиния. С обеих сторон было очень много жертв, и когда наступила ночь, армии прекратили сражаться.

Однако Эней исчез. Некоторые думали, что он вознесся к богам, а другие – что он утонул. Его мать сознательно не предпринимала никаких шагов к тому, чтобы обожествить его. Знаток древностей, Дионисий Галикарнасский, живший в I веке н. э., сообщает, что в его время на месте битвы все еще стоял памятник. Он представлял собой небольшой холм, вокруг которого высились стройные ряды деревьев. Надпись гласила: «Отцу и подземному божеству, который разгоняет воды реки Нумик».

С тех пор как Эней покинул тлеющие развалины Трои, прошло семь лет.

2. Цари и тираны

Река Тибр вытекает из двух источников, находящихся в буковых лесах на Апеннинских горах, которые протянулись через всю Италию, как скалистый позвоночник. Тремя большими петлями Тибр пересекает равнину и, пройдя более 400 километров, впадает в Средиземное море. В 25 километрах от побережья он образовывал излучины в виде буквы S, поскольку протекал между лесистыми холмами, некоторые из которых имели отвесные склоны. Между холмами простиралась заболоченная равнина, по которой текла река. На некоторых холмах располагались небогатые поселения, состоящие из нескольких глинобитных хижин. Эти поселения были хорошо защищены. В них был чистый воздух, в отличие от болотистой равнины с ее вредными испарениями. Полукочевые жители занимались в основном скотоводством. Летом они гнали свои стада на пастбища вверх по течению Тибра, а на зиму возвращали их обратно на равнину.

Именно здесь один из величайших героев и полубогов древнего мира, Геркулес, убил огнедышащего великана, Какуса, который питался человеческой плотью и жил в пещере на одном из холмов. У могучего сказочного героя, Геркулеса, было огромное число поклонников обоих полов. Матерью Геркулеса была простая женщина, а отцом – бог Юпитер, из-за чего Геркулеса возненавидела богиня Юнона, которая очень редко могла сдерживать свои чувства. Выведенный из себя от ее подстрекательств, Геркулес убил своих собственных детей, а затем, во искупление за это, совершил двенадцать подвигов, требующих проявления нечеловеческой силы и храбрости.

Геркулес получил известность как покровитель греческих колонистов и торговцев, которые совершали опасные путешествия по всему Средиземноморью. С течением времени росло число историй о подвигах, совершенных Геркулесом. Он начал свое путешествие в городе Гадес (ныне – Кадис), который он основал на юго-западе Испании. В этом городе

обосновались соперничающие с греками финикийские торговцы, которые также почитали Геркулеса под именем Мелькарт. Геркулес прошел через всю Испанию, вдоль южной части Галлии (ныне – Южная Франция), перешел через Альпы в Италию, затем переправился на Сицилию и, наконец, добрался до Греции. Как писал Дионисий Галикарнасский, «Геркулес, став сильнейшим из всех в его время полководцем, предводительствуя большими силами, пройдя всю землю вплоть до Океана [имеется в виду Атлантический океан], уничтожая всякую тиранию, тягостную и горестную для подданных, или город, оскорбляющий и позорящий близлежащие города, или преобладание людей дикого образа жизни, применявших нечестивые убийства чужестранцев, учредил законные царства, мудрое управление и для всех приемлемые и человеколюбивые обычаи. Сверх того, он перемешал эллинов и варваров, живших в глубине страны, с прибрежным населением, отношения которых до той поры были недоверчивы и которые были отчуждены друг от друга».

Герой гнал свой скот и в конце концов дошел до скопления холмов над Тибром, на одном из которых жил страшный трехликий гигант, которого он убил во время совершения своего девятого подвига. Геркулес переправился через реку и устроил себе обед с вином, после чего заснул на заросшем травой берегу. Какус воспользовался моментом и украл у него самых лучших быков. Он вел их в свою пещеру за хвосты, чтобы следы их копыт указывали неправильное направление. Проснувшись, Геркулес заметил, что часть скота отсутствует, но он так и не понял, куда она делась (полубоги очевидно соображали хуже, чем нынешние простые смертные). Однако, когда стадо стало уходить, некоторые телки замычали, а уведенные быки ответили им, выдав тем самым свое местонахождение. Геркулес пришел в ярость и бросился на Какуса, который попытался отбиться от него. В результате борьбы Геркулес убил Какуса своей дубиной. Затем он укрепил холм, позднее названный Палатинским, и продолжил свой путь.

Река часто разливалась от проливных дождей и выходила из берегов, превращая холмы в острова. В результате одного из таких разливов в воде оказалось корыто с новорожденными мальчиками-близнецами, которое прибило к склону одного из холмов. Когда вода спала, корыто наскочило на камень и опрокинулось. Младенцы вывалились в грязь и заплакали. Они оказались под смоковницей. Под это дерево обычно приходят животные в поисках тени.

Туда пришла волчица, которая только что родила детенышей, поэтому ее соски были раздуты от молока. Она облила испачкавшихся мальчиков и накормила их своим молоком. Затем прилетел дятел и тоже помог детям, охраняя их. Когда дороги освободились от воды, появились пастухи, ведущие на пастбище свои стада. Они были очень поражены увиденным. Невозмутимая и бесстрашная волчица посмотрела на людей, а затем спокойно удалилась и исчезла в пещере, спрятанной в густом лесу, из которого текла река.

Это необычное происшествие стало следующим значительным шагом в том длительном процессе, кульминацией которого было основание Рима. Со времени прибытия Энея в Лаций прошло триста лет. Сын Энея Асканий основал город Альба-Лонга и почти сорок лет правил им. Этот город располагался под горой Альбан, которая представляет собой потухший вулкан (ныне называемый Монте-Каво). Асканий стал родоначальником династии царей, которые почти ничем не прославились. В конце концов, в начале VIII века до н. э., власть перешла по наследству двум братьям – Нумитору (старший) и Амулию.

Амулий сверг с трона своего старшего брата. При этом он никак не навредил Нумитору и не заключил его в тюрьму. Он убил его сына и добился того, чтобы его дочь не смогла иметь детей, которые после достижения совершеннолетия могли бы претендовать на его царство. Амулий вынудил ее стать весталкой, в результате чего она должна была всю жизнь оставаться девственницей. Однако этого не получилось, поскольку девушка привлекла внимание бога войны, Марса, и через девять месяцев она родила здоровых близнецов, Ромула и Рема. Амулий

приказал слуге забрать у нее детей и покончить с ними, то есть оставить их одних в какой-нибудь пустынной местности.

Именно после этого мальчиков обнаружила волчица. Среди пастухов, которые нашли близнецов, был пастух царского стада, Фаустул. Он воспитал младенцев, и спустя годы они превратились в отважных и бесстрашных юношей, готовых к отчаянным поступкам. Они также имели горячий нрав. Плутарх написал о них в своих «Жизнеописаниях» следующее: «Они были в добрых отношениях со своей ровней и с теми, кто стоял ниже их, но с царскими надсмотрщиками, начальниками и главными пастухами держались высокомерно. Они занимались... гимнастическими упражнениями, охотой, состязаниями в беге, борьбой с разбойниками, ловлей воров и защитой обиженных».

Когда братьям было около восемнадцати лет, между ними и несколькими пастухами Нумитора возник спор. Стороны обвиняли друг друга в нарушении границ чужого пастбища. Братья часто организовывали драки. Люди Нумитора, которые сильно пострадали в драках, потеряли всякое терпение. Они решили схватить Ромула и Рема и передать их властям.

Среди холмов у реки Тибр центральным считался Палатинский холм, у которого были довольно крутые склоны. У подножия одного из склонов находилась пещера, где было логово волчицы. Это место считалось у пастухов священным, так как оно было связано с богом пастухов. В феврале в честь этого бога здесь проводили древний праздник. Молодые люди обегали холм в одной набедренной повязке, сделанной из шкур животных, которые были принесены в жертву. Во время всеобщего веселья молодые люди стегали всех встречных кожаными ремешками. Цель ритуала состояла в том, чтобы очистить стада общины, а в более позднее время считалось, что этот обряд также способствовал увеличению рождаемости в общине. В эпоху Варрона и Цицерона на пути бегущих молодых людей становились женщины. Они охотно подставляли свое тело под удары, считая, что таким образом они быстрее забеременеют и легче разрешатся от бремени.

В один из таких праздников в обрядах участвовали две группы мальчиков. В первой группе бежал Рем, а вслед за ней, во второй – Ромул. Разозленные пастухи устроили засаду в том месте, где сужалась дорога. Когда к засаде приблизилась первая группа, они с громким криком выскочили на дорогу, бросая камни и копья. Пастухи застали Рема и его спутников врасплох, так как те были без одежды и оружия. Их быстро победили и захватили в плен. Ромул избежал нападения и собрал много сторонников, с помощью которых собирался спасти брата.

Рема и его спутников привели к царю, который собирался примерно наказать их в назидание другим. Желая угодить своему брату, Нумитору, сочувствующему пострадавшим пастухам, царь поручил исполнение наказания ему. Нумитор посмотрел на пленников, которых уводили со связанными за спиной руками. Его сильно поразил привлекательный облик Рема и то, с каким невозмутимым достоинством отнесся этот юноша к своей неудаче. Нумитор сразу же догадался, что этот юноша был благородного происхождения. Он отвел его в сторону и спросил: «Кто ты? Кто твои родители?»

Молодой человек ответил, что все, что он знает, это то, что человек, воспитавший его, нашел его вместе с братом-близнецом в лесу, когда они были младенцами. Нумитор подозревал, что кроется за этой историей, и, немного помедлив, напомнил Рему, что он должен быть наказан и что ему могут вынести смертный приговор. «Если я освобожу тебя, поможешь мне в одном деле, которое будет выгодно нам обоим?» – спросил он.

Тогда Нумитор рассказал, как Амулий лишил его неотъемлемого права на трон. Он попросил Рема помочь ему вернуть себе власть. Рем, предвкушая азартную игру, ухватился за этот шанс. Ему велели ждать указаний и, тем временем, сообщить Ромулу просьбу как можно скорее присоединиться к ним. Когда прибыл Ромул, он подтвердил все то, что его брат

рассказал об их происхождении.

Тем временем Фаустул, опасаясь, что рассказу братьев могут не поверить, решил для подтверждения принести Нумитору то самое корыто, около которого он нашел младенцев-близнецов. Он понес корыто в Альба-Лонгу, спрятав его под одеждой. Проходя через городские ворота, он вызвал подозрения у стражников, которые не могли понять, почему он прячет самый обычный предмет утвари. К несчастью, среди стражников оказался тот самый человек, который относил младенцев к реке. Он-то и узнал знакомое ему корыто. Фаустула сразу же отвели к царю, чтобы он все объяснил.

Фаустул рассказал всю историю. Амулий отнесся к этому подозрительно дружелюбно, поэтому когда он спросил, где сейчас мальчики, Фаустул ответил, что они пасут свои стада в полях. Царь велел ему найти их и привести во дворец, где обещал оказать им теплый прием. К старому пастуху присоединилось несколько стражников, которым дали секретные указания посадить Ромула и Рема под стражу. Тем временем царь послал за Нумитором, чтобы удержать его при себе, пока его люди не сделают с близнецами все, что он задумал.

Однако посыльный рассказал Нумитору обо всем, что готовил Амулий. Нумитор предупредил близнецов и их сторонников, а также подготовил своих телохранителей и друзей. Они прорвались в город, который оказался плохо защищен, быстро нашли Амулия и убили его. После этого Нумитор снова оказался на троне.

Скептики, которые подобно Дионисию Галикарнасскому полагали, что «историческому сочинению не пристало ничего из мифологических росказней», рассказывали другую историю. Нумитор подменил близнецов двумя другими детьми, так как он боялся, что Амулий убьет их. И Нумитор не ошибся. А своих настоящих внуков он отдал Фаустулу и его жене. Она была женщиной легкого поведения и носила имя Лупа, или «волчица», как обычно называли блудниц. Мальчики получили хорошее воспитание и после успешного устранения Амулия они были уже готовы к общественной жизни.

Так или иначе, история одной пары братьев получила свое удовлетворительное заключение, однако будущее другой пары оставалось не совсем определенным. Что же оставалось делать этим своевольным молодым людям? Они стремились к политической власти, но с восстановлением на троне их деда им не представлялось возможным добиться этого в Альба-Лонге. Однако население в царстве росло, и всегда находились первопроходцы для основания нового города. Вот такая задача вполне подходила Ромулу и Рему (можно предположить, что именно она позволила Нумитору вздохнуть с облегчением).

Братья решили, что группа холмов у Тибра станет идеальным местом для нового города. Наличие брода позволяло держать под контролем дорогу по равнине на западном берегу, холмы обеспечивали хорошую защиту от нападения. Возможность судоходства по Тибру до этого места позволяла подниматься судам с солью по реке, от места впадения в море. Позднее дорогу к устью реки называли *via Salaria*, то есть «Соляная дорога».

У Цицерона, который изучал историю далекого прошлого в I веке до н. э., не возникло никакого сомнения в том, что такой выбор места имел решающее значение для более позднего успеха Рима: «Благодаря реке город мог и получать по морю все то, в чем нуждался, и отдавать то, чем изобиловал, и мог по этой же реке не только ввозить из-за моря все самое необходимое для пропитания и жизни, но и получать привезенное по суше; таким образом, Ромул, мне кажется, уже тогда предвидел, что наш город рано или поздно станет средоточием величайшей державы».

Братья решили, что сначала они укрепят один из холмов, однако они не смогли договориться, какой именно. Ромул выбрал Палатинский, а Рем соседний – Авентинский – холм. Поскольку ни один не хотел уступать другому, то они вернулись в Альбу и попросили

своего деда, чтобы он посоветовал им, как решить этот спор. Он предложил, чтобы каждый из братьев встал на выбранном им холме и принес жертву богам. После этого им следовало наблюдать за полетом птиц, по которым традиционно узнавали о божественном решении. Победителем в споре оказывался тот, кто видел у себя птиц наиболее благоприятного вида.

Рем первым сообщил, что мимо него пролетели шесть коршунов. Ромул, чтобы не оказаться проигравшим, солгал, что увидел двенадцать коршунов. Рем не поверил ему. Однако, когда он пошел к Палатинскому холму на встречу с братом, он увидел, что в небе действительно появились двенадцать коршунов. Вопрос остался нерешенным, так как оба брата заметили птиц одного и того же вида. Рем требовал признать победителем его, потому что он первым увидел коршунов, а Ромул настаивал, что победил именно он, потому что он над ним коршунов было больше.

Рем был в негодовании и, когда Ромул начал копать защитный ров на Палатинском холме, сделал несколько издевательских замечаний о его работе. Рем перескочил через ров, а его брат, теперь уже также разозленный, напал на него. В стычке приняли участие друзья и сторонники обоих братьев. Присутствующий здесь Фаустул без оружия бросился в центр битвы, пытаясь разъединить сражающихся. Однако за свои старания он был убит. Неподалеку от своего брата погиб также и Рем. Во времена Варрона и Цицерона считалось, что старинный каменный лев на Форуме отмечает место погребения Фаустула.

Когда восстановилось спокойствие, Ромул осознал то, что он натворил. Он основал свое новое государство на преступлении. И не на простом преступлении, ведь, совершив братоубийство, он нарушил одно из самых священных табу. Соперничество родных братьев очень часто встречается в мифологии Древнего мира – сыновья Эдипа, Этеокл и Полиник, убили друг друга в схватке, в библейской истории Каин убил Авеля. Но здесь было нечто новое – миф об основании государства имел в своей основе братскую ненависть и насилие. Римляне, жившие во время разложения республики, считали, что все это неизбежно приведет к братоубийственным гражданским войнам, в результате которых в Риме казнили каждого десятого представителя правящего сословия.

В горести и раскаянии Ромул утратил желание жить и на некоторое время пребывал в бездействии. Постепенно его состояние улучшилось, и он, наконец, построил на холме свой город. Это стало не только политическим, но и религиозным событием. На холме вырыли яму, «мундус», ставшую символическим входом в потусторонний мир. В эту яму все бросили по горсти земли и первые созревшие плоды. Затем Ромул, как вождь или царь, запряг в плуг быка и корову и пропахал глубокую борозду вокруг города. Таким образом он отметил «померий» (*pomerium*), или границу города. Эта граница стала священной, и только из-за нее жрецы могли наблюдать за полетом птиц и, тем самым, определять благосклонность богов. За этой линией соорудили городские стены или укрепления, а пространство по обеим сторонам стен оставили свободным. Там не строили ни домов, ни складов, а также не устраивали кладбищ (впоследствии всю эту церемонию повторяли всякий раз, когда Рим основывал свою «колонию», то есть новый подчиненный город).

Римляне эпохи поздней республики пытались определить дату основания Рима. Согласно широко распространенному мнению, основание Рима произошло в VIII веке до н. э., однако существовало доказательство о точном годе. Вычисления показали 728 и 751 годы до н. э., но общепринятой датой стала та, которую определили ближайший друг Цицерона, просвещенный богач по имени Аттик, и Варрон. Они предложили считать датой основания Рима 753 год до н. э. До сих пор в современных книгах по истории можно встретить эту традиционную дату возникновения Рима. Варрон, как собиратель древностей, преклонялся перед древними тайными знаниями. Однажды он пригласил к себе астролога, чтобы тот рассчитал дату

рождения Ромула на основе событий его жизни. На самом деле этот астролог сделал нечто похожее на обратный гороскоп: «[Ромул] был зачат в утробе своей матери в первый год второй олимпиады, в двадцать третий день египетского месяца хеака, в третьем часу, в миг полного затмения солнца, и... родился в двадцать первый день месяца тотис на утренней заре».

Или, другими словами, в 772 году до н. э.

В первые годы существования Рима население города составляло немногим более трех тысяч латинян. Если Ромул собирался построить жизнеспособное сообщество, которое могло бы не только обеспечить свою безопасность, но и организовать производство необходимых для жизни товаров, ему надо было гораздо больше граждан. Для этого Ромул проводил политику привлечения в Рим иноземцев и предоставлял им римское гражданство. Такая политика оставалась неизменной почти тысячу лет.

Первой мерой Ромула было открыть доступ в город всякого рода изгнанникам, лишенцам, преступникам и беглецам, будь они свободные или рабы, чтобы они могли обрести в нем пристанище. Вскоре таких собралось очень много. (Эта история напоминает нам начало заселения Австралии.) Теперь выяснилось, что среди такого большого числа граждан мужского пола было очень мало женщин. Для достижения равного количества мужчин и женщин требовалось срочно предпринять какие-то решительные действия.

Царь провозгласил, что около беговой дорожки (Большой цирк) обнаружен подземный алтарь. Этот алтарь посвящен Консу – богу благих советов. Ромул организовал для всего народа торжественное жертвоприношение с играми и зрелищами. Однако Ромул не просто так устроил эти мероприятия. Как только собралось много народа, среди которого были не только римляне, но и представители соседнего племени сабинов, царь занял свое место в первом ряду. Это было сигналом для того, чтобы множество вооруженных мужчин бросились хватать всех молодых незамужних сабинянок, которые пришли со своими семьями посмотреть представление. При этом остальных сабинов оставили невредимыми и обещали им вознаграждение.

Римские историки так и не смогли договориться, сколько же тогда было похищено женщин. Они называли цифры 30, 527 и 683. Однако одно было очевидно: все похищенные были девственницами.

Сабины были воинственным племенем, но прежде чем начать военные действия, они отправили посольство в Рим с просьбой вернуть женщин. Ромул отказался и выдвинул встречное предложение: разрешить браки между римлянами и сабинянками. За этим последовали три сражения, не приведшие к успеху ни одной из сторон. И наконец, под командованием военачальника Тита Татия сабины вторглись в Рим и захватили его укрепления на Капитолийском холме (или Капитолии). Молодая римлянка, Тарпея, предала своих соотечественников и ночью открыла сабинам одни ворота, чтобы взамен получить то, «что сабиняне носят на левой руке» – золотые украшения на запястьях. Однако сабиняне любили предательство, но ненавидели предателя, поэтому воины начали бросать в Тарпею свои щиты, которые они держали в левой руке, и вскоре под их тяжестью она погибла. В память о ней отвесная скала на Капитолийском холме называется Тарпейской. С этой скалы сбрасывали приговоренных к смерти за убийство или измену (и также людей с сильными физическими или умственными недостатками).

Затем развернулось сражение в болотистой долине между холмами Рима (ныне Форум). Римляне потерпели поражение и стали отступать к Палатинскому холму. Ромула ранило камнем по голове, однако он устоял и криками призвал своих людей к сопротивлению. Отвага вернулась к ним в том месте, где позднее пролегла «виа-сакра» (Священная дорога) и был построен храм в знак благодарности Юпитеру-Статору («Останавливающему»). Римляне переломили ход сражения и оттеснили противника туда, где теперь стоит храм Весты.

В этот момент произошло необычайное событие. С каждого склона в долину начали спускаться сабинянки. Их похитили и насильно выдали замуж, однако теперь они уже смирились со своей судьбой. Сабинянки встали между воюющими сторонами и положили конец войне. Стороны заключили соглашение, в котором утверждалось, что римские мужья должны относиться к своим женам-сабинянкам с подобающим уважением, и все, кто хотел сохранить свои браки, могли это сделать без всяких препятствий. Большинство женщин не стали уходить от своих мужей.

Ромул (продолжая проводить свою прежнюю политику) и сабиняне приняли еще более радикальное решение. Они договорились о слиянии своих государств. Все сабины получили римское гражданство и теперь пользовались теми же гражданскими правами, что и римляне. Татий и Ромул стали соправителями.

Ромул был упрямым и своенравным правителем. Будучи царем, он хотел следовать своим собственным путем. Через пять лет его соправитель умер, и Ромул стал властвовать один. Его достижения можно разделить на две части. Во-первых, он установил систему управления – царь командовал армией и осуществлял правосудие, но советовался (насколько это возможно) с собранием, сенатом (в конце концов, он стал состоять из двухсот старейшин). В сенат привлекали людей знатного рода – патрициев. Членов сената называли «отцами государства» (*patres*). Они пользовались важными религиозными привилегиями. Только эти люди могли стать жрецами и совершать основные обряды. У них были полномочия советоваться с богами (осуществляя покровительство, или *auspicia*). Они также рассчитывали календарь на текущий год, куда входило большое количество религиозных праздников, в которые нельзя было заниматься общественной деятельностью. Кроме того, члены сената осуществляли управление в период междуцарствия, наступавший после смерти царя, и организовывали выборы преемника.

Население по родовому принципу разделили на три трибы (племена), две из которых составляли латины и сабины. Каждая триба выбрала трибуна, который представлял ее интересы, а во времена войны командовал ополчением трибы. Эти три трибы, в свою очередь, делились на десять курий (*curiae*), или общин, названных по именам тридцати похищенных сабинянок. Они создавали народное собрание, куриатную комицию (*comitia curiata*), где члены курии обсуждали предложения, которые выдвигали царь или сенат. Далее курия делилась на десять родов. При обсуждении предложений каждый член собрания имеет один голос, таким образом голос одной курии определяется большинством голосов ее членов, то есть, каким будет решение куриатной комиции, тогда определяло большинство голосов.

Средиземноморские города-государства в раннеклассический период в основном имели прямое демократическое, олигархическое или монархическое правление. В первом случае для принятия всех важных решений граждане встречались на собрании, причем один человек имел один голос. Во втором случае все дела в государстве решало правящее меньшинство. В третьем случае правил монарх или тиран (по-гречески «диктатор», причем это слово не всегда имело отрицательное значение). Довольно часто в городах с применением насилия менялся тип правления. Наиболее интересным в ранней римской системе управления было то, что в ее основу положили сложный и хитроумный принцип, объединяющий все три типа правления.

Ромул проявлял решительную активность не только на поле боя, но и в народном собрании. Именно он задал тон той военной агрессии, которая определяла собирательный образ Рима на протяжении всей его истории. Более двадцати лет он вел войны с соседями своего государства, расширяя его территорию и увеличивая его население.

Конечно же, это не означало, что указ царя был непреложным законом. Царь делал подарки своим воинам. Он наделял их землей, а также отдавал им часть трофеев, захваченных в

сражениях. Однако спустя годы он стал более жестким и категоричным, особенно по отношению к сенату. Однажды, когда они не смогли прийти к соглашению, царь заявил: «Я выбрал вас, сенаторы, не для того, чтобы вы управляли мной, а для того, чтобы вы были в моем окружении». При появлении среди народа он выработал собственный стиль: на голове его была корона, а в руках – скипетр с орлом. Он носил обувь ярко-красного цвета и длинный белый плащ с фиолетовыми полосками.

На тридцать седьмом году своего правления царь пошел на Марсово поле – большое открытое пространство к северу от Капитолия, – чтобы устроить военный смотр около Козьего болота (теперь здесь Пантеон). Внезапно подул сильный ветер, раздался раскат грома и надвинулась тьма (возможно, это было затмение). Землю окутал густой туман, и Ромул исчез из вида. Когда туман рассеялся, то Ромула не было на троне. Его так и не смогли нигде найти. Сенаторы, стоявшие около него, утверждали, что он вознесся на небо. Кто-то из народа сказал, что он стал богом, и вскоре все присутствующие приветствовали его как бога.

Распространилась и другая версия смерти Ромула. Некоторые патриции, члены сената, оказались настолько недовольны тираническими методами его правления, что заговорились его убить. Они свалили его с ног во время заседания сената, изрубили его тело на части, а затем, когда они уходили из сената, каждый «отец» унес какую-то часть тела под одеждой. Таким образом Ромул исчез.

Сенат не пользовался уважением обычных граждан, но они не обратили внимания на слухи о сговоре, когда, по словам историка Ливия, «находчивость одного человека, как передают, прибавила веры этому рассказу [о прославлении Ромула]». Будучи ведущим политиком, этот человек утверждал в народном собрании, что Ромул сошел с небес и явился ему. Призрак сказал, что ему следует поклоняться под его божественным именем Квири́н. Он обещал, что «мой Рим станет главой всего мира, и пусть римляне будут усердно изучать военное искусство». Один из самых ранних историков Рима считал эту историю бессовестным обманом, однако, несмотря на это, она пользовалась доверием.

Наибольшее распространение получила официальная версия обожествления Ромула. В нее поверили даже такие опытные и скептические комментаторы, как Цицерон. Он отметил, что в далеком нецивилизованном прошлом «измышлять было легко, так как неискушенные люди были легковерны... Ромул же, как мы видим, жил менее шестисот лет назад, когда письменность и науки уже давно стали общим достоянием».

Как это ни странно, но события, связанные с насильственной смертью царя, поразительным образом повторились на глазах у Цицерона, когда в 44 году до н. э. великий тиран своего времени, Гай Юлий Цезарь, был убит своими бывшими сторонниками во время заседания сената. В тот момент Цицерон действительно присутствовал в зале заседаний, и, скорее всего, он задался вопросом о таком совпадении. Затем, в течение семи дней на небе можно было наблюдать новую комету. Простые люди решили, что это – душа Цезаря. Подобно Ромулу, он вознесся на небо и присоединился к сонму богов. Во время своего конца Рим повторил свое начало.

В римской монархии не было закона о передаче власти по наследству. Монарха избирало народное собрание (с некоторым участием сената). Большинство римских царей не являлись родственниками друг другу. Они были иноземцами или, по крайней мере, не связанными с сенатом людьми. Благоприятным последствием этого стало устранение соперничества между сенаторами и стабилизация сената как общественного института.

Согласно Цицерону, некоторое время сенат пытался управлять без царя, но люди не приняли такого правления. Прошли выборы монарха, в результате которых победил сабинянин Нума Помпилий, не являющийся уроженцем Рима. Если Ромул был царем-воином, то Нума

стал царем-жрецом. «Каждому гражданину он распределил землю, – пишет Цицерон, – чтобы не допускать грабежей и внушить гражданам любовь к миру». Особое внимание он уделял религии, которую он считал сложной системой правил, церемоний и обрядов, разработанной для того, чтобы определить желания богов и использовать их для пользы общества. По этим вопросам Нума советовался с доброй водной нимфой по имени Эгерия. Он тайно встречался с ней в священной роще (около того места, где в III веке н. э. построили бани Каракаллы). Многие нововведения Нумы Помпилия заимствованы из этрусских религиозных обычаев. Цицерон писал: «Что касается самих священнодействий, он повелел, чтобы тщательное совершение их было трудоемким, а предметы, нужные для них, – очень простыми. Ведь он ввел много такого, что надо было знать наизусть и соблюдать; зато все это не требовало издержек».

Слово «трудоемкий» – не преувеличение. Пожилые римляне, занимающие общественные должности, вынуждены были проводить значительную часть своего времени на разных церемониях. Если происходила какая-то ошибка – оговорка, пропуск фразы или же какая-то помеха, связанная, к примеру, с писком крысы, – то всю процедуру надо было повторить снова. И так до тех пор, пока вся церемония не пройдет без единой ошибки. В одном случае, для того чтобы жрец полностью разобрался в церемонии, ее провели тридцать раз.

После Нумы царем стал Тулл Гостилий, который был еще более воинственным, чем Ромул. Во время его правления римляне вели продолжительную борьбу с Альба-Лонгой, городом, построенным сыном Энея, из которого Ромул и Рем отправились основывать Рим. По сути дела это была первая гражданская война Рима. Воюющие стороны договорились о том, что проигравший согласится на безоговорочную капитуляцию. Римляне придавали большое значение совместным обещаниям. Как правило, при заключении соглашения они проводили тщательно подготовленную религиозную церемонию. Царь поклялся, что, если по какой-то причине римский народ не выполнит условий соглашения с противоборствующей стороной, он попросил царя богов, Юпитера, сразить римлян, так же как он сразит жертвенного кабана. С этими словами он убил кабана кремневым кинжалом.

Чтобы избежать полномасштабного сражения с большим количеством жертв, стороны постановили, что поединок пройдет между двумя тройками братьев – Куриациев от Альбы и Горациев от Рима. Все Куриации в сражении были ранены, а два брата Горациев – убиты. Затем оставшийся в живых, Публий Гораций, переломил ход сражения и поразил всех своих противников. Он бился с ними поочередно, поскольку из-за своих ран они оказались разобщены.

Публий стал героем дня. Он возвращался в Рим, неся останки и доспехи трех поверженных Куриациев. У городских ворот он встретил свою сестру, которая была невестой одного из поверженных братьев Куриациев. Заметив, что Публий несет его плащ, она распустила волосы, разразилась рыданиями и стала выкрикивать имя своего возлюбленного.

Публий, еще не остывший от ярости битвы, выхватил меч и ударил им свою сестру прямо в сердце. «Отправляйся к жениху с твоею не в пору пришедшей любовью! – воскликнул он. – Да погибнет всякая римлянка, которая станет оплакивать врага!»

Публия приговорили к смерти за убийство и передали дело на рассмотрение народу, но никто не одобрил казнь народного героя. Однако для искупления вины такого серьезного преступления необходимо было что-то совершить. Род Горациев обязали провести искупительные церемонии. После их проведения через улицу перебросили деревянный брус, под которым прошел Публий с покрытой головой, в знак подчинения.

Что характерно, эти два древних памятника сохранились, и многие считали их доказательством истинности этих событий. В конце I века Ливий описывал их так: «Этот брус существует и по сей день, и всегда его чинят за общественный счет, и называют его «сестрин

брус». Гробница убитой девушки – на месте, где та пала мертвой, – сложена из тесаного камня».

Для таких людей, как Цицерон и Варрон, Рим представлял собой сцену, где одновременно происходило великое и ужасное. Их современники испытывали восхищение и душевный подъем от невидимых актеров блистательного прошлого. Поступок Горация очень характерен для римлянина: он совершил преступление, которое показало не его порок, а его достоинство – в данном случае благородный гнев доблести.

Война с Альбой вызвала не только гнев отдельных личностей, но и коллективный гнев. Военные действия возобновились, и победа, в конце концов, осталась за римлянами. Население неприятельского города перевели в Рим и предоставили ему римское гражданство, как обычно поступали с побежденными. Однако весь их город был разрушен. Ливий писал: «Все здания, общественные и частные, сравнивают с землей, в один час предав разрушению и гибели труды четырех столетий». Получалось, как будто бы Альба-Лонга никогда не существовала. Ранее не случалось такого, что римляне уничтожали вражеский город и от страха в полную силу проявляли свою ненависть.

Переправиться через Тибр можно было двумя способами. Первый способ – перейти или переехать на телеге через один брод, который вел на остров Тиберина, расположенный посреди реки, а затем – через другой брод, ведущий уже на противоположный берег. Такой переход был не очень удобным. Второй способ – переправиться на лодке. Им очень часто пользовались торговцы солью, когда поднимались от соляных разработок, расположенных около устья реки.

Преемником Тулла стал Анк Марций. Одним из достижений этого царя стала замена парома мостом. Этот первый римский мост назывался «Сублиций», то есть – «Свайный». Этот мост построили только из дерева, так как по каким-то, давно забытым, религиозным причинам для его сооружения было запрещено использовать металл. Ремонт моста возложили на главную коллегию римских жрецов, понтификов (*pontifices* означает «строители мостов»). Мост часто страдал от наводнений, и его восстановление являлось священной обязанностью. Этот мост просуществовал около тысячи лет, вероятно, им пользовались даже в V веке н. э.

Объявление войны не обходилось без религиозных церемоний. Римляне считали, что если бы они отправились на войну с несправедными целями, то навлекли бы на себя гнев богов. Причина войны обязательно должна быть справедливой. Анку Марцию приписали создание ритуальной формулы, благодаря которой действия Рима принимали законный характер.

Когда объявляли о каком-нибудь нарушении, о каком-нибудь поводе к войне, глава делегации или «отец-отряженный» (*pater patratus*) вместе с тремя сопровождающими (выбранными из коллегии жрецов и называемыми фециалами (*fetiales*)) отправлялся к границам того народа, от которого требовали удовлетворения. Посол покрывал голову шерстяной накидкой и говорил: «Внемли, Юпитер, внемлите рубежи племени такого-то. Я вестник всего римского народа, по праву и чести прихожу я послом, и словам моим да будет вера!» Затем он подробно разъяснял суть предполагаемого нарушения и, призывая в свидетели Юпитера, завершал свою речь так: «Если неправо и нечестиво требую я, чтобы эти люди и эти вещи были выданы мне, да лишишь ты меня навсегда принадлежности к моему отечеству».

После этого посольство пересекало границу, и «отец-отряженный» повторял эту формулу первому встречному (по-видимому, несколько удивленному) человеку, а затем снова – в воротах чужого города, и еще один, заключительный, раз на торговой площади. Если его требования не удовлетворяли в течение тридцати дней, он продолжал формальное объявление войны, обращаясь уже не только к царю богов, но также к богу ворот и дверей и вообще ко всем богам: «Внемли, Юпитер, и ты, Янус Квирина, и все боги небесные, и вы, земные, и вы, подземные, – внемлите! Вас я беру в свидетели тому, что этот народ (тут он называет, какой

именно) нарушил право и не желает его восстановить. Но об этом мы, первые и старейшие в нашем отечестве, будем держать совет, каким образом нам осуществить свое право».

Если их обращение не принимают, то посланники возвращаются домой и обсуждают сложившееся положение с сенатом. Каждого участника спрашивают, что он об этом думает, и те, как правило, отвечают так: «Чистой и честной войной, по суждению моему, должно их взыскать; на это даю свое согласие и одобренье». Если большинство давало свое согласие, то один из фециалов возвращался к границам противника и официально объявлял войну. Он бросал копьё через границу в знак того, что начались военные действия.

В более позднее время с расширением территории Рима эту процедуру проводить стало все трудней. Поэтому в городе выделяли участок земли, который символически считали территорией противника и на который можно было бросить копьё. Вместо фециалов теперь действовал специально назначенный сенатор. Однако принцип обязательного оправдания войны сохранялся, по крайней мере теоретически.

Анк Марций также занимался увеличением территории города. Он включил в его состав два холма – Авентинский и Целийский, – которые находились у границ города. Он также основал порт Остия в устье Тибра. Это является признаком того, что Рим развивал торговлю.

Крошечное поселение на Палатинском холме начинало становиться на ноги.

3. Изгнание

К северу от Рима жил загадочный народ, создавший высокоразвитую культуру. Это были этруски; их родина – Этрурия, расположенная приблизительно на месте современной области Тоскана. Они впервые появились на исторической сцене в IX веке до н. э. Для своего языка этруски приспособили греческую письменность, однако, в отличие от языков многих средиземноморских и ближневосточных народов, их язык не относился к индоевропейской языковой семье. Этрусский язык еще полностью не расшифрован, а его происхождение неизвестно.

На самом деле мы до сих пор точно не знаем, откуда произошли сами этруски. Некоторые говорят, что они прибыли из Лидии – царства, располагавшегося на западе современной Турции (где позднее, в VI веке до н. э., правил царь Крез, ставший олицетворением огромного богатства). Этруски якобы прибыли в Италию во главе с сыном Креза – Тирреном. Греки называли этрусков тирренцами. Такое предположение имеет большие основания, поскольку в течение многих сотен лет Апеннинский полуостров был своего рода архаичной Америкой. Это был новый мир, открытый для колонистов всех мастей. Предприимчивые финикийские и греческие торговцы бороздили моря в поисках разных товаров и рынков сбыта. Аристократы рассматривали себя как особый класс, не связанный с каким-то одним народом. Они контактировали друг с другом, невзирая на границы государств. Ничто не мешало военным силам лидийцев (или, еще шире, азиатов) вторгнуться в Италию почти так же, как герцог Вильгельм с горсткой нормандских рыцарей захватил власть во всей англо-саксонской Англии.

Довольно заманчиво предположить смешение разных культур, при котором местное население обогатилось греческими и финикийскими художественными стилями, новыми методами обработки металлов и сложными приемами градостроительства. Однако современные ученые отличались большей скептичностью. Они предполагали, что медленное развитие местных земледельческих поселений постепенно привело к созданию свободной федерации небольших городов-государств. Другие опустили руки и уклонились от споров, так как решили, что это похоже на вопрос о том, как звали мать Гекубы – «не стоящий того, чтобы о нем говорили, и не имеющий никакого смысла для изучения».

Так или иначе, к VIII веку этруски уже превратились из общины простых земледельцев в городское сообщество торговцев и ремесленников. Они объединились в федерацию, и в каждом городе-государстве правил свой царь, или лукумон (*lauchme*). Этрусские правители купались в роскоши. Они появлялись в фиолетовом одеянии и с золотой короной. Их всегда сопровождали множество слуг, которые несли фасции (*fascies*) – связки прутьев со вставленным в них топором. Этруски были хорошими воинами. В Центральной и Северной Италии они создали значительную империю, рубежи которой на севере достигали Бонои (ныне – Болонья), а на юге – районов Кампании. Рим, скорее всего, сохранил свою независимость, однако он находился под влиянием этрусского искусства и архитектуры, и прежде всего этрусских религиозных обрядов.

Как писал Ливий, этруски «более всех других привержены религиозным обрядам, тем паче что они отличаются особым умением их исполнять». Учение этрусков изложено в нескольких книгах, которые часто использовали их ученики в Риме. Свод этих книг называется «Этрусские знания» (*Etrusca disciplina*). В этих книгах затрагиваются такие темы, как исследование внутренностей животных, объяснение природы грома и молнии, а также «правила, как основывать города, как освящать алтари и храмы, как строить неприступные крепостные валы; законы, касающиеся городских ворот, деления на племена, куриев и центуриев и все остальные вопросы такого типа относительно войны и мира».

Любой самый обыкновенный предмет и каждое событие имело свой тайный священный смысл. Из этого вытекало, что весь мир представлял собой набор символов. Почти все самые невинные животные или растения могли таить в себе угрозу или обещание благополучия. Так, например, некоторые виды деревьев считались «злыми», так как они росли под покровительством сил потустороннего мира. Если кто-то заметил, что в саду выросли шиповник, папоротник, дикая груша, черная смоквица и другие кустарники, на которых созревали черные плоды и ягоды, их сразу же следовало выкорчевать и уничтожить. Лавр, в отличие от них, наоборот, приносил удачу. Сны беременных женщин служили предсказанием триумфа или бедствия, так же, как положение или необычные очертания внутренних органов принесенных в жертву животных. Для гадания использовалась бронзовая модель печени, разделенная на сорок четыре части, каждая из которых была связана с именем отдельного бога. Часть печени обозначала место, выделенное каждому богу в этрусском мироздании. Особое внимание требовалось обращать на небесные явления. Буря, дождь (особенно, если падает вода какого-то необычного цвета или состава), кометы, полет птиц и пчел – все это подлежало тщательному изучению и сложному толкованию. Представители этрусской знати являлись гаруспиками (*haruspices*), то есть прорицателями. Их услуги пользовались большим спросом в Риме на протяжении значительной части его истории.

Свои кладбища этруски организовывали так же, как и города, в виде прямоугольной сетки. Во время расцвета этрусской культуры гробницы богатых людей воспроизводили дома, в которых эти люди жили при жизни. В могилах, как и в домах, имелись коридоры и комнаты. В них сохранялась вся домашняя обстановка. В погребальной камере одной знатной дамы археологи нашли: «золотые украшения, маленькие сосуды для ароматических масел и духов, пиксиды (*pyxides*) [круглые коробочки с отделяемыми крышками] – деревянные шкатулки для мелочей, – все эти вещи могли пригодиться только женщине для ее загробного существования. Но к этим вещам добавлялась кухонная утварь: подставки для дров и вертела, котелок и треножник к нему; наконец, столовый сервиз – тот самый, который использовали для поминок по усопшей: кувшины, амфоры [двуручные кувшины для хранения вина или масла], черпаки и сосуды для смешивания вина с водой, чаши и блюда».

Яркие фрески на стенах гробниц изображают картины повседневной жизни этрусков.

Несмотря на то, что иногда там встречаются изображения страшных демонов потустороннего мира, основная масса фресок показывает нам радость жизни в виде различных человеческих развлечений – пиры, танцующие и музицирующие юноши, скачки на конях, лов рыбы, борьбу и другие виды спорта. Один из наиболее читаемых и влиятельных историков Древнего мира, Феопомп, оставил очень подробное, даже слишком откровенное, описание этрусского стиля любовных сношений. «Женщины занимаются гимнастикой, и нагота у них не считается бесстыдством... Они очень красивы лицом, но невоздержаны в вине. Женщины вскармливают родившихся детей, не разбирая, кто их отец. Мужчины удаляют волосы с тела бритвем и смоляными пластырями в специальных заведениях с мастерами вроде наших цирюльников».

«Они настолько свободны от стыда, что когда хозяин дома занимается любовью, то его самыми бесстыдными словами спрашивают, что он при этом чувствует. Когда они собираются в семейном или дружеском кругу, то делают это так: когда все напьются и соберутся ко сну, то слуги при непогашенных светильниках вводят к ним иногда девок, иногда красивых мальчиков, а иногда и жен; а когда они с ними усладятся, то приводят здоровых парней, которые тоже с ними сходятся. Сходятся и любят они иногда на глазах друг друга, а иногда отгораживаясь ширмами из реек, на которые набрасывают свои плащи. До женщин они очень охочи, а до мальчиков и подростков еще больше».

Есть подтверждения того, что женщины являлись уважаемыми членами этрусского общества. Они, в отличие от римских женщин, имели не только личные имена, но и фамилии. На гробничных фресках изображены жены и мужья, сидящие вместе на пирах, что, наверное, очень удивляло греков. Видимо на изображении показаны счастливые семейные пары. Все это не обязательно связано с общей распущенностью. При этом описание Феопомпом свободных любовных отношений служит еще одним подтверждением относительной независимости женщины.

Именно из этого сложного, подавляющего своей высокой культурой общества в Рим прибыл совершенно чуждый римлянам человек и завоевал трон. Неожиданное обстоятельство состояло в том, что по происхождению он был не этруск, а сын аристократа, изгнанного из одного из могущественных и известных греческих городов – Коринфа.

Греция представляла собой «змеиную яму» со множеством крошечных и соперничающих друг с другом государств, из которых самым богатым в то время был Коринф. Этот город находился на узком перешейке, соединяющем материковую Грецию и Пелопоннес. Такое выгодное расположение привело к тому, что Коринф стал перевалочной базой, а его торговцы отправлялись на восток в Малую Азию и на запад – в Италию. Коринфская керамика и благовония стали известны по всему Средиземноморью и очень распространились среди этрусского высшего сословия.

В Коринфе правил род Бакхиадов, но между 620 и 610 годами власть захватил их политический противник по имени Кипсел. Он снискал популярность в народе и стал тираном, выступающим против аристократии. Кипсел правил в интересах низших слоев общества, в основном мелких землевладельцев. Он конфисковал богатство своих противников и расширил гражданские права простого народа.

Представителей Бакхиадов отправили в изгнание, однако они пытались сопротивляться, после чего многие из них были казнены. Среди тех, кто избежал кровопролития, был Демарат, богатый торговец благородного происхождения. Он прибыл в Этрурию, где у него имелись торговые связи. Демарат привез с собой свое богатство и многочисленных сторонников, среди которых были известный живописец и несколько художников по керамике. Он открыл производство замечательной керамической посуды в коринфском стиле и поселился в крупнейшем этрусском городе Тарквинии (сегодня – Тарквиния, коммуна Италии) или же в

соседней с ним Цере. Местное население очень хорошо приняло Демарата, а географ Страбон даже утверждал, что он стал правителем города.

Достижение таких жизненных успехов в разных странах не так удивительно, как может показаться на первый взгляд. Судя по сохранившимся надписям, люди греческого, латинского и италийского происхождения довольно часто добивались высоких должностей в Этрурии. Богатство и родословная человека имели гораздо большее значение, чем принадлежность тому или иному сообществу, городу или государству.

Демарат женился на небогатой местной жительнице благородного происхождения. У нее родилось двое сыновей Арунс и Лукумо (последнее имя – вероятно искаженная форма от этрусского «Лаухме», что означает «царь»). Он обучил своих сыновей всем искусствам, как это принято в греческой системе образования. Став совершеннолетним, Лукумо решил переехать в Рим, где, по его мнению, такой деятельный человек, как он, нашел бы гораздо больше возможностей проявить себя, нежели в своем родном городе. Он поменял свое имя и стал Луций Тарквиний. Позднее ему дали дополнительное прозвище «Приск», или «Древний», чтобы отличать его от следующего царя, также носящего имя Тарквиний. По мнению Цицерона, прибытие в Рим Луция Тарквиния стало поворотным моментом в истории, поскольку вместе с ним в римское провинциальное болото вошли греческие духовные и материальные ценности: все от неистощимого желания познавать мир до теории устройства государства, от замечательной керамики до поэзии Гомера, эпические произведения которого, «Илиада» и «Одиссея», стали расценивать как авторитетные пособия по благородной и героической жизни. Прежде всего римляне с восторгом приняли всю ту роскошь, которую принесла с собой более развитая культура. Цицерон отметил: «Ведь в наш город притек из Греции не малый, я бы сказал, ручеек, а полноводная река наук и искусств».

Переезд Луция в Рим горячо поддержала его жена, Танаквиль. Она принадлежала к благородному этрусскому роду и часто страдала от снобистского презрения к себе со стороны соотечественников, которые осуждали ее брак с изгнанником и иноземцем. Танаквиль считала, что в недавно основанном Риме, где еще не было старинных родов, она завоеует заслуженное уважение.

Она еще более воодушевилась, когда направляясь по дороге из Тарквинии в Рим, они доехали в открытой повозке до Яникульского холма, расположенного на другом берегу Тибра против Рима, недалеко от нового моста. Вдруг над ними показался орел, который затем устремился вниз и схватил шапку с головы Луция. Птица взлетела в небо, а затем снова ринулась вниз и ловко вернула шапку на голову владельца. Танаквиль, которая, как большинство этрусков, очень хорошо толковала все знамения и чудеса, сочла это предсказанием будущего величия.

Доказательства своей правоты ей пришлось ждать недолго. Прибытие в город такого богатого человека, как Луций, привлекло внимание римлян, и через некоторое время его представили царю. Благодаря своей просвещенности и образованию, а также радушию в обращении, Луций вскоре стал близким другом и советчиком царя. Он также выделял средства на военные кампании Анка Марция.

У царя было два сына, которые приближались к своему совершеннолетию и собирались унаследовать трон. Однако у Тарквиния были другие замыслы. После смерти Анка Марция, в соответствии с пожеланием царя, он стал опекуном мальчиков. Тарквиний сразу же отправил царских детей на охоту в дальние уголья. Пока они охотились, он убедил народное собрание избрать новым царем его.

Как его предшественники, Тарквиний вел войны со своими соседями и одержал победу над союзом этрусских городов. Рим постепенно превращался в сильное воинственное

государство, с которым необходимо было считаться. Военные победы над соседними народами, расширение его территории и увеличение числа его граждан привело к росту богатства. Грабежи обогатили город, и в Риме началось строительство крупных сооружений, таких как Большой цирк для проведения скачек в долине между Авентинским и Палатинским холмами, а также начались работы по осушению заболоченной долины между римскими холмами. Во время одного из сражений царь поклялся построить на Капитолийском холме храм в честь Юпитера Лучшего и Величайшего, и вот теперь он выполнил свое обязательство. В местах, где не было городских укреплений, построили стены из огромных обтесанных каменных блоков.

Тарквиний стал первым римским военачальником, который провел триумф – военную процессию в честь одержанной победы. Он въезжал в город на колеснице, ведомой четырьмя лошадьми, а за ним следовало его войско. Он был одет в роскошные одежды и имел символы власти и могущества – инсигнии. В их число входили тога и расшитая золотом пурпурная туника, золотая корона, отделанная драгоценными камнями, скипетр из слоновой кости и кресло. Его лицо было покрыто слоем киновари (сульфид ртути, ядовитое вещество, если его постоянно использовать в качестве косметического средства), которая придавала ему красный оттенок в подражание цвету статуи Юпитера на Капитолийском холме. Как царя этрусков, его сопровождали двенадцать ликторов, мужчин, которые несли фасции – символы телесного наказания и смертной казни.

Все эти символы власти представляли собой естественные знаки самоутверждения диктатора, опирающегося на поддержку народа. Величие всегда притягивает и внушает страх. Считая римского царя итальянской версией греческих тиранов, мы можем задать вопрос, как воспринимали своего царя римские патриции – «древние роды» со времени Ромула, и можно ли сравнить это восприятие с тем, как коринфский род Бакхиадов относился к Кипселу. Тарквиний, несомненно, пытался ослабить положение патрициев, для чего увеличил число сенаторов на сто человек за счет выходцев из малоимущих родов.

Он также увеличил в армии число всадников, или эквитов (equites). Эти граждане были достаточно богаты и могли содержать собственных лошадей. Они составляли еще одну основу власти, которая не основывалась на патрициях. Тарквиний попытался еще прочнее укрепить их положение, объединив их в три новые трибы, или группы, имеющие один голос в народном собрании. Влиятельный патриций, Атт Навий, выступил против этих нововведений. Царь сильно разозлился и решил отомстить ему.

Навий был предсказателем и жрецом, ответственным за толкование полета птиц. Тарквиний решил уличить его в шарлатанстве и доказать, что он никогда не произносил ни одного правдивого слова. Он вызвал к себе Навия и спросил его: «Я хочу знать, исполнится ли то, что я задумал? Сделай-ка мне предсказание и быстро возвращайся. Я буду ждать тебя здесь».

Предсказатель сделал все, что от него требовали, и сообщил, что он получил благоприятные знамения и что все задуманное осуществится. «Ты сам осудил себя за неприкрытую ложь при объявлении о желании богов, – воскликнул царь, – я хотел узнать, смогу ли я разрезать бритвой этот точильный камень на две равные части». Все зрители, понимая, что такое невозможно, только посмеялись над Навием.

Невозмутимый Навий ответил: «Подойди, ударь по нему бритвой, и он разделится на две половины. Если этого не случится, то осуди меня на любое наказание». Тарквиний сделал так, как ему сказал Навий, и бритва легко прошла через камень, а на лезвии даже отпечатались след державшей его руки.

Будучи благоразумным, царь признал свое поражение. Он отменил свои нововведения, а также велел отлить бронзовую статую Навия и установить ее на Форуме в знак признания его

достижений. Дионисий Галикарнасский вспоминал: «Она и при мне еще сохранилась – поменьше человеческого роста, с повязкой на голове [как жрец при жертвоприношении] – и стояла перед Курией близ священной смоковницы. А чуть поодаль от нее, говорят, были спрятаны точило под землей, а бритва – под каким-то алтарем».

Луций Тарквиний ничего не сделал сыновьям Анка Марция. За многие годы их обида выросла, и время от времени они организовывали неудачные заговоры против царя. Однако он, верный памяти их отца, всегда прощал их проступки. Однажды Навий неожиданно исчез из города, и сыновья Анка сделали очевидный вывод, что налицо какие-то грязные игры, в которых виноват сам царь. Они организовали группы своих сторонников, которые обвинили Тарквиния в убийстве. Они утверждали, что такого человека нельзя допускать к участию в религиозных обрядах, которые он, как царь, обязан был проводить. Его положение усугубило еще и то обстоятельство, что он был «не римлянином, но пришлым и не имеющим родины».

Тарквиний, будучи уже восьмидесятилетним стариком, пошел на Форум и решительно защитил себя от обвинения. Общественность поддержала его, считая обвинение злостной клеветой. Сыновья Анка Марция принесли царю свои извинения, а он, как обычно, простил им. Три года прошло без происшествий, а затем они организовали новый заговор.

Двух своих наиболее отчаянных сторонников они одели в пастушеское платье и вооружили плотницкими топорами, что было довольно странно. Братья научили их, что нужно говорить и что сделать и среди бела дня отправили во дворец. Когда эти лже-пастухи приблизились к зданию, они разыграли ссору и затеяли между собой драку. Тем временем, около них собралась толпа, якобы пришедших из деревень, и тоже начала ругаться, поддерживая или осуждая дерущихся.

В конце концов, Тарквиний велел привести к нему этих людей. Они притворились, что спорят о каких-то козах и постоянно кричали друг на друга, ничего не говоря по существу. Присутствующие подняли их на смех и отпускали разные шутки. И вдруг спорящие напали на царя и один из них нанес ему по голове смертельный удар топором. Оставив оружие в ране, убийцы бросились бежать к воротам, но ликторы схватили их. Под пыткой они указали на зачинщиков заговора, которые бежали из города, но через некоторое время были найдены и казнены.

Царь погиб, однако система власти смогла успешно пережить этот кризис. Царица Танаквиль закрыла двери дворца и удалила оттуда всех свидетелей. Затем она послала за лекарствами, как будто Тарквиний был еще жив, и незамедлительно вызвала своего зятя на срочный совет.

Это был Сервий Туллий, о происхождении которого имеются разные мнения. Большинство считает, что он был сыном рабыни, принадлежавшей царице. Кто был его отцом, осталось неизвестным, или же о нем быстро забыли. Цицерон пишет: «Когда он, воспитанный среди рабов, прислуживал за царским столом, царь не мог не заметить искры ума, уже тогда горевшей в мальчике; так искусен был он и во всякой работе, и в беседе. По этой причине царь, дети которого были еще очень малы, полюбил Сервия так, что его в народе считали царским сыном, и с величайшим усердием обучал его всем тем наукам, которые когда-то постиг сам, и дал ему прекрасное образование по греческому образцу».

Благоприятное впечатление, которое мальчик производил на царя и царицу, усилилось благодаря различным знаменам. Некоторые сообщают, что с матерью Сервия произошел удивительный случай, когда она приносила жертву в очаге дворца. Из очага внезапно появился фаллос и вошел в нее. Она рассказала Танаквиль, что произошло. Царица сразу поняла, что здесь не обошлось без божественного вмешательства. Она наблюдала за беременностью женщины и старалась, чтобы божественное происхождение ее ребенка осталось в тайне. Это

оказалось нелегкой задачей, поскольку различные знамения продолжались. Однажды, когда ребенок спал, яркое пламя охватило его голову, но не причинило ему никакого вреда. Время от времени люди замечали вокруг его головы нимб. Многие решили, что его отцом скорее всего был бог огня – Вулкан.

Танаквиль доказала своему мужу, что молодой Сервий явно достигнет гораздо больших успехов (даже чем их собственные дети). Мальчик воспитывался так, как будто был их собственным сыном, поэтому, достигнув совершеннолетия, Сервий, как было принято, женился на царской дочери.

После убийства Тарквиния его вдова посоветовала Сервию Туллию захватить трон. Возле дворца собралась толпа, которая кричала и пыталась прорваться вперед. Тогда Танаквиль подошла к окну на верхней половине дома и произнесла небольшую речь: «Царь-де просто оглушен ударом; лезвие проникло неглубоко, – объявила она, – он уже пришел в себя; кровь обтерта, и рана обследована; все обнадеживает; вскоре, она уверена, они увидят и самого царя, а пока она велит, чтобы народ оказывал повиновение Сервию Туллию, который будет творить суд и исполнять все другие царские обязанности».

В течение следующих нескольких дней Сервий правил, как регент. За это время он упрочил свое политическое положение и создал себе сильную охрану. Когда все было готово, из дворца послышалось горестное сообщение о смерти Тарквиния. Несмотря на отсутствие поддержки в народном собрании, притязания Сервия на трон поддержал сенат. С этого момента он уже совершенно законно правил как царь. Позднее он позаботился о том, чтобы обеспечить себе поддержку, и специально для этого выдал замуж двух своих дочерей за сыновей умершего царя, Луция и Арунса. Сервий надеялся, что такой шаг позволит ему избежать несчастной судьбы его предшественника.

Сервий Туллий, как и все более поздние великие личности в истории Рима, искренне верил в свою удачу. Он старался установить особые отношения с богиней удачи, Фортуной, и посвятил ей многочисленные святыни по всему городу. На форуме Боарий, или Бычьим форуме (транспортный узел, где пересекались несколько улиц, назван так не потому, что там был рынок скота, а по установленной там статуи бронзового вола) обнаружили древний храм, может быть один из тех храмов, которые основал Сервий. Говорили, что эта богиня навещала его ночью. Она проникала в его спальню через окно. По-видимому, он провел с ней ритуал, называемый «священный брак», в ходе которого правитель вступал в близкие отношения с богиней в ее храме. Таким образом он утверждал свою власть и обеспечивал изобилие и благосостояние своих подданных (в роли богини, естественно, выступала рабыня или храмовая жрица любви).

Было бы неправильно предполагать, что римское общество на этом раннем этапе своей истории было первобытнообщинным. Города-государства, подобные Риму, не могли развиваться без широкого распространения грамотности, во всяком случае среди высшего слоя общества. Сервий Туллий известен главным образом своими смелыми государственными преобразованиями. Они полностью зависели от информационной технологии того времени – не просто письма (алфавита и цифр), но технической возможности хранения данных в архиве, организации доступа к ним и использования этих данных для различных целей. Другими словами, без такой системы было бы почти невозможно осуществлять централизованное управление в военной и политической сферах. Также было бы трудно организовать работу сложных правительственных учреждений, благодаря которым прославился Рим.

Царь отменил три трибы и тридцать курий, созданные Ромулом, и заменил их на территориальные трибы – четыре городских и еще несколько триб, относящихся к сельской местности, окружающей Рим. Трибы управлялись старейшинами, или «командирами», которые отвечали за организацию местной обороны, сбор налогов и набор в армию.

В трибах также проводили регулярную перепись. Для подсчета населения Сервий придумал очень хитроумный способ. Когда старейшина трибы совершал жертвоприношения и устраивал праздник, всех присутствующих просили поддержать его деньгами. Мужчины давали небольшую монету определенного достоинства, женщины – другого достоинства, а дети – третьего. Таким образом, после того, как все внесли свои монеты, можно было легко подсчитать число членов племени, их возраст и пол.

Кроме того, все римляне были обязаны сообщить свое имя, имя своего отца, свой возраст, а также имена своих жен и детей. Под присягой они должны были установить денежную стоимость всей своей собственности. Если кто-то давал ложные сведения, то у него отбирали все имущество, а его самого продавали в рабство.

С еще большей изобретательностью Сервий Туллий создал систему, с помощью которой можно было одновременно контролировать голосованием в народных собраниях и решать вопросы, связанные с военными обязанностями граждан. Идея состояла в том, чтобы при поддержке демократического голосования дать больше прав на участие в голосовании богатым гражданам и потребовать от них крупных финансовых вложений, когда богатые будут служить в армии.

Как это было достигнуто? Мы начинаем со слова «центурия» (*centuria*) или «сотня», которая буквально означает группу из ста мужчин (хотя, на самом деле, их могло быть и меньше). Это самое маленькое подразделение в основной организационной единице римской армии – легионе. Один легион состоял из шестидесяти центурий, или шести тысяч воинов (ко II веку до н. э. это число сократилось, и легион насчитывал 4200–5000 человек). «Центурией» также называли группу людей, у которых был один голос в народном собрании. Всадников насчитывалось восемнадцать центурий, а пехотинцев (*pedites*) – сто семьдесят. Пехотинцы были разделены на пять классов по имущественному цензу и по возможностям приобретения тех или иных доспехов и вооружений. Воины первого и самого богатого класса формировались в 80 центурий, второго, третьего и четвертого – по 20 двадцать каждого класса и пятый класс – 30 центурий (лица, не участвующие в сражениях, такие как трубачи и плотники, приписывались к какому-нибудь из этих пяти классов). В каждом классе одна половина центурий составлялась из пожилых людей 47–60 лет, а вторая половина – более молодых возрастов 17–46 лет. Таким образом, в первой группе возрастной диапазон был намного меньше, чем во второй. Такой порядок организован для того, чтобы создать преимущественное положение для лиц старшего возраста, обладающих жизненным опытом. Тех, у кого достаток был ниже минимального уровня, переписывали отдельно и не разрешили служить в армии.

Когда начиналось голосование в народном собрании, то голосовали представители каждой центурии, которые могли отдать свой единственный голос за или против обсуждаемого мероприятия. Подсчет голосов начинали с первого класса, затем переходили ко второму и так далее. Как только достигалось большинство голосов, голосование прекращалось. Это приводило к тому, что богатые контролировали гораздо больше центурий, чем бедные. Действительно, центурии в низших классах быстро поняли, что они вообще очень редко могли отдать свой голос.

Наряду с тем, что богатые имели больше влияния на собраниях, у них было больше обязанностей на поле битвы. Они гораздо чаще призывались в армию, и для этого им приходилось покупать себе дорогостоящее оружие и снаряжение (бронзовые шлемы, поножи, нагрудники, копья и мечи). Низшие классы сражались как легковооруженные лучники. В основе реформ Сервия лежал тимократический принцип, то есть они отражали интересы собственников. Идея состояла в том, что осторожные и продуманные решения будут принимать только те, кому есть что терять. Очевидно, что патриции были недовольны этими реформами,

поскольку их господство опиралось не на деньги, а на родословную. Патриции требовали предоставить им исключительные права при разделении власти.

Для Цицерона и умеренных консерваторов, живших сотни лет спустя, Сервий Туллий стал вторым основателем (*conditor*) Рима, поскольку он открыл способ, как приручить революционные силы демократии. «[Царь] утвердил принцип, которого всегда следует придерживаться в государственных делах, чтобы большинство не обладало наибольшей властью, – отметил он с одобрением, – таким образом, с одной стороны, никто не лишался права голоса; с другой стороны, при голосовании наиболее влиятельными были те, кто был наиболее заинтересован в том, чтобы государство было в наилучшем состоянии».

Согласно Ливию, перепись Сервия насчитала около 80 000 граждан, то есть взрослых мужчин, способных к службе в армии. Это было значительным числом, и царь расширил границы Рима и померия – священного пространства за городскими стенами или крепостными валами. Появилось жизненное пространство, способное вместить постоянно растущее население, и все семь холмов оказались на территории Рима, обнесенные непрерывной стеной. Эти значительные укрепления Сервия частично сохранились до наших дней (датировка строительства стен – ошибочна. На самом деле они были построены в конце IV века, а до того времени Рим имел довольно слабую защиту. По-видимому, Сервий Туллий просто построил нечто вроде земляного вала).

Численность населения Рима согласно переписи также вызывает недоверие. Современные ученые предполагают, что в конце VI века до н. э. население города составляло около 35 000 человек. При такой численности на поле боя могли выйти более 9000 мужчин призывного возраста, другими словами, один легион из 6000 человек, 2400 легковооруженных воинов и 600 всадников. По меркам того времени это была крупная армия. Таким образом, Рим стал обладать довольно большой силой. О Сервии даже сообщают, что он вел войну против могущественных этрусков, в том числе и с городом Вейи – наиболее богатым в союзе этрусков.

Потомки предыдущего царя снова создали препятствия действующему правителю. Как мы уже видели, Сервий попытался обеспечить верность сыновей Тарквиния Приска тем, что выдал за них замуж двух своих дочерей. Оба этих союза оказались неудачными. Старший сын Тарквиния, Луций, имел взрывной характер и всячески стремился занять трон, а его жена любила своего отца и всеми средствами пыталась успокоить своего мужа. В отличие от нее, вторая дочь Сервия презирала своего супруга, Арунса, который был миролюбивым юношей и горько сожалел, что она вышла за него, а не за Луция.

Как прообраз Леди Макбет, вторая дочь Сервия тайно встречалась с Луцием. Она бранила его за недостаточную решительность и призывала организовать заговор против своего отца. Их первым шагом стало устройство своих собственных дел. Они умертвили каждый своего супруга и, не соблюдая никакого траура, вступили друг с другом в брак, на который с трудом получили согласие Сервия.

Затем новая супружеская пара начала работать над осуществлением своей главной задачи. Луций часто посещал дома патрициев и напоминал им о том, что сделал для них его отец. Он всячески подчеркивал, что они обязаны ему за благодеяния его отца. Таким образом он собрал вокруг себя много богатых молодых людей.

Улучив удобный момент, Луций с вооруженной охраной пробился на Форум, вошел в здание сената и сел на трон (это было курульное кресло, или *sella curulis*, своего рода роскошный табурет, облицованный слоновой костью, с кривыми перекрещивающимися ножками в виде буквы X, с низкими подлокотниками и без спинки), и приказал глашатаю, чтобы тот призвал сенат встречать царя Тарквиния. Затем он высказал длинную тираду против Сервия Туллия. Главное обвинение, по словам Ливия, было следующим: «Вот как он рожден,

вот как возведен на царство, он, покровитель подлейшего люда, из которого вышел и сам. Отторгнув у знатных землю он, ненавидя чужое благородство, разделил между всяческой рванью».

Другими словами, Сервий, как и Приск, был тираном греческого образца и ненавистником патрициев.

Луций, сын Тарквиния, все еще был в сенате, когда царь узнал о том, что там происходит. Сердитый и встревоженный, Сервий поспешил на Форум и, стоя на пороге сената, прервал оратора.

«Что это значит, Луций, сын Тарквиния? Ты до того обнаглел, что смеешь при моей жизни созывать отцов и сидеть в моем кресле?»

«Это – кресло моего отца. Истинный наследник трона – царский сын, а не раб».

Началось смятение. Приветствия сменились на угрозы. Возбужденная толпа сразу же ринулась в сенат. Тарквиний зашел уже слишком далеко, чтобы отступать. Будучи человеком крепкого сложения, он схватил старого царя в охапку, сбросил его с лестницы на Форум, а затем вернулся к собравшимся. Между тем прислужники Сервия бежали, оставив его в одиночестве без охраны. Потрясенный случившимся, он попытался добраться до своего дворца, но несколько сторонников Тарквиния поймали и убили его.

Многие считали, что убийство произошло по наущению его дочери Туллии. Ее муж позвал ее на Форум, и она приехала туда в колеснице из сената. Туллия первая приветствовала его в качестве царя. Тарквиний посоветовал ей уехать домой, поскольку беспокойная толпа представляла опасность. Ливий пишет: «Добираясь домой, она достигла самого верха Киприйской улицы (vicus Cyprius), где еще недавно стоял храм Дианы, и колесница уже поворачивала вправо к Урбиеву взвозу, чтобы подняться на Эсквилинский холм, как возница в ужасе осадил, натянув поводья, и указал госпоже на лежащее тело зарезанного Сервия. Тут, по преданию, и совершилось гнусное и бесчеловечное преступление, памятником которого остается то место: его называют «Проклятой улицей» (vicus Sceleratus). Туллия, обезумевшая... погнала колесницу прямо по отцовскому телу и на окровавленной повозке, сама запятнанная и обрызганная, привезла пролитой отцовской крови к пенатам своим».

Много лет назад, в мифическом прошлом, прекрасный бог солнца, музыки и стрельбы из лука, Аполлон, пытался соблазнить одну девушку. За близость с ним он обещал выполнить любое ее желание. Она схватила горсть песка и попросила столько лет жизни, сколько песчинок поместилось у нее горсти. Ее желание исполнилось, но, как и многие другие смертные, на которых обращали внимание любвеобильные классические божества, она забыла попросить себе вечную молодость. С течением времени она постепенно увядала. Предсказательница, или Сивилла, жила в пещере у города Кумы. Она предсказывала будущее и писала свои предсказания на листьях дуба, который рос у входа в ее пещеру. Как сообщает писатель I века н. э. Гай Петроний Арбитр, Сивилла раньше сидела в бутылке, свисающей с крыши. Когда кто-то спросил ее, что ей надо, она ответила: «Помирать надо» (эта пещера действительно существовала. Ее обнаружил один современный археолог. Во времена Цицерона и Варрона она считалась священной и за ней присматривала жрица).

В первые века существования Рима Сивилла была более деятельной. Однажды, уже будучи похожей на старуху, она пришла ко двору царя и принесла с собой девять книг с записанными пророчествами. Сивилла предложила царю Тарквинию купить их у нее за некую сумму. Тот отказался. Тогда Сивилла ушла и сожгла три из девяти книг. Через некоторое время она снова пришла и предложила Тарквинию шесть оставшихся книг за ту же цену. Ее подняли на смех. Она опять ушла и сожгла еще три книги. Когда она снова вернулась, то предложила три оставшиеся книги за ту же самую цену.

К этому времени Сивилла уже привлекла внимание царя. Он попросил у авгуров совета. Те предупредили, что его отказ купить все девять книг приведет к бедствиям Рима и что теперь он должен приобрести, по крайней мере, те книги, что остались. Тарквиний заплатил Сивилле и положил книги в подземелье под храмом Юпитера на Капитолийском холме, строительством которого он в то время занимался. Там эти книги хранились до I века до н. э., и их пророчествами пользовались, когда в стране возникали сложные ситуации. В I веке до н. э. храм Юпитера полностью сгорел вместе с книгами.

Из истории известно о противоречивых чертах характера Тарквиния: с одной стороны – поспешность и высокомерие, а с другой – прагматическое отношение к трудностям. Не удивительно, что он заслужил прозвище «Гордый». Цицерон как-то заметил, что основа политической мудрости состоит в том, чтобы понять «пути и повороты в делах государства». В случае Тарквиния Гордого кривая непреклонно вела его от убийства до деспотизма. Цицерон продолжал: «[Он] не начинал свое правление с чистой совести и, сам страшась высшей кары за совершенное им злодеяние, хотел, чтобы его страшились».

Тарквиний старался никому не делегировать властные полномочия. Все общественные дела вел он сам или трое его сыновей – Тит, Арун и Секст.

Доступ к царю строго контролировали, а сам он относился ко всем с высокомерием и жестокостью. Однажды, вопреки всем правилам, он велел раздеть многих римских граждан, привязать их к столбам на Форуме и избить розгами до полусмерти.

Несмотря на жестокости Тарквиния, его правление по многим показателям можно назвать успешным. Как и предыдущие цари, он проводил захватническую внешнюю политику и часто сочетал военную силу с коварством. Его главная цель состояла в том, чтобы объединить вокруг Рима племена области Лаций. Для этого он двинул свои войска на юг полуострова против племени вольсков, живущих на юге этой области. Римские владения теперь доходили до моря, где на берегу находился торговый порт Остия. В результате правления Тарквиния Гордого она расширилась на юг за счет земель соседних латинских племен. Здесь мы видим зарождение будущего имперского Рима.

Город Габии отказался присоединиться к союзу, созданному Римом, и Тарквиний начал его осаду. Добившись незначительных успехов, он решил применить хитрость. Его сын Секст, притворившись, что его отец плохо обращался с ним, сбежал в Габии и показал его жителям свою спину со следами тяжких побоев. Вскоре он завоевал доверие жителей, и они назначили его военачальником города. Затем он отправил к своему отцу посыльного с вопросом, что ему делать дальше. Тарквиний, подозревая посыльного в неверности, не проронил ни слова, а только прошелся по саду, сшибая палкой головки высоких маков.

Удивленный посыльный возвратился в Габии и сообщил о странном поведении царя. Секст сразу все понял. Он должен был истребить всех наиболее влиятельных граждан города. Одних он казнил открыто, а других, которых нельзя было обоснованно обвинить ни в одном проступке, – тайно. Третьим он позволил отправиться в изгнание. Все имущество этих лиц Секст разделил между остальными гражданами. Ливий очень точно заметил: «Сладкая возможность урвать для себя отнимает способность чувствовать общие беды». В результате Габии без всякого сопротивления оказался в руках римлян.

Царь усиленно занимался строительством. В Большом цирке он установил ряды для зрителей и завершил возведение грандиозного храма Юпитера Лучшего и Величайшего на гребне Капитолийского холма (Тарквиний Приск заложил храм и только начал его строить). Этот храм, покоящийся на массивном основании длиной 62, а шириной 54 метра, стал символом величия Рима эпохи Тарквиниев. Храм вероятно строили из саманного кирпича и обмазывали гипсом. В храме было три целлы (cellae – внутренние помещения), посвященные,

соответственно, Юпитеру, его жене Юноне и Минерве (здесь богини представлены в гораздо лучшем виде, чем во время своего непристойного спора о Парисе, который к тому времени позабыли). Культовая статуя Юпитера выполнена из терракоты. Бог показан в тот момент, когда он метает молнии. Он облачен в тунику и пурпурную тогу (нам уже знакомы эти одеяния, так как их носят военачальники, празднующие триумф, когда они проезжают через весь город на Капитолийский холм). Крыша храма сделана из дерева с яркими разноцветными украшениями из терракоты. На вершине треугольного фасада стояла еще одна терракотовая статуя Юпитера, который изображен в колеснице, запряженной четверкой лошадей.

До начала строительства авгуры изучили мнения тех божеств, у которых на этом месте были святые места. Согласие на переселение в другие места дали все божества, за исключением бога границ Термина, поэтому в состав нового храма включили специальную святыню в его честь. Несогласие Термина сочли добрым предзнаменованием, поскольку оно означало незыблемость границ Рима.

Храм Юпитера сразу же стал центром религиозной жизни Рима. В нем была сокровищница, куда победоносные военачальники жертвовали свои военные трофеи. В результате этого помещения храма постепенно загромодили, и в 179 году до н.э. многочисленные статуи и висящие на колоннах юбилейные щиты пришлось убрать.

Большую практическую ценность имело превращение ручья, который пересекал Форум, в главный канализационный коллектор города – Большую клоаку. В него впадали более мелкие протоки. Во времена Тарквиния это был открытый коллектор, через который перебросили арочный мост, который также являлся храмом Януса – бога дверей, начала и конца. В результате этого на Форуме исчезло болото, и там стало можно строить крупные здания.

Появилось зловещее знамение. Некоторые увидели, как из трещины в деревянной опоре дворца выскользнула змея. Все в панике бежали. Встревожился даже сам Тарквиний, хотя его тревога была связана не столько с испугом, сколько с дурным предчувствием. Он решил посоветоваться с дельфийским оракулом и получить достоверное объяснение.

Дельфы – городом в Центральной Греции – располагался на нескольких террасах вдоль склонов горы Парнас. На этих крутых склонах возвышался храм Аполлона. Здесь находилось прорицалище оракула – одно из многих священных мест, разбросанных по всему Средиземноморью, где бог давал ответы на вопросы о будущем. Дельфийский оракул получил всемирную известность. Он давал советы не только о судьбах отдельных людей, но и о будущем целых государств.

Царь не решился доверить таблички с ответами оракула никому, кроме своих самых близких родственников. Поэтому он велел отправиться в Грецию двум своим сыновьям, Титу и Аруну, которые, по словам Ливия, пойдут «через земли, где редко ступала нога римлянина, и по морям, куда никогда не заходили римские корабли». Их сопровождал племянник царя, Луций Юний Брут, потомок одного из сподвижников Энея. Это был странный юноша, сознательно выбравший «маску» для сокрытия своего истинного облика. Богатое имущество его семьи вызывало нежелательный интерес у царя, который к тому же еще и убил его старшего брата. Брут хорошо понимал, что Тарквиний не колеблясь может казнить любого аристократа, и боялся, что его очередь будет следующей. Таким образом, он притворился простачком и позволил царю захватить свое имущество, не выражая никакого протеста. Он даже принял прозвище «Брут», что на латыни означает «тупица».

Дельфы – конечный пункт путешествия – имел очень живописное местоположение. Когда пути осталось совсем немного, дорога пошла круто в гору и, как описывал ее автор знаменитого путеводителя по древней Греции, Павсаний, стала «тяжелой даже для пешехода налегке». Те, кто впервые приходили в город, шли по аллее для процессий – священной дороге к

окруженному стеной святилищу Аполлона, расположенному в верхнем городе. Вдоль аллеи стояли памятники и лежали приношения за полученные предсказания. Там было двадцать сокровищниц – небольших зданий, напоминающих миниатюрные греческие храмы, в которых хранились замечательные приношения Аполлону. Часто они представляли собой произведения искусства, как, например, бронзовый «Дельфийский возничий». Это один из величайших памятников греческой скульптуры, сохранившийся до наших дней. Также в Дельфах стояла бронзовая версия деревянного Троянского коня. Повсюду были статуи обнаженных победоносных атлетов.

Посланцы Тарквиния пробились в Храм Аполлона, который стоял в центре священного участка. На фасаде храма были высечены три известных принципа, воплощающие греческую идею благопристойной жизни: «Познай самого себя» (*γνίψε υεβχφππ*), «Ничего сверх меры» (*μζδεν βγβп*) и, немного настораживающе, «Поручительство причиняет горе» (*ρσπцзфзт еггхб рбсб д бфз*). Здесь они внесли плату за предсказание и сделали пожертвование. Всех входящих в храм и их животных опрыскивали водой. В храме они снова сделали пожертвование и разложили жертвы или их части на специальном столе. Затем священные прорицатели (греческое слово *ρσπцзфзт* – «пророк») проводили римлян до того места, где они могли слышать, но не видеть, Пифию. Эта жрица высказывала свои пророчества во внутреннем святилище.

Пифию выбирали из местных жительниц определенного возраста. Она должна была всю жизнь служить в храме и сохранять целомудрие. Перед прорицанием она совершала омовение в близлежащем Кастальском источнике, поджигала несколько лавровых листьев (лавр был растением Аполлона) и ячменную муку в символическом очаге в храме. Затем она садилась на треногу, возлагала на голову лавровый венок и выпивала священную ключевую воду, после чего оказывалась во власти бога. Вероятно, все это вызывало экстаз, и она «брехала», то есть произносила отрывочные восторженные фразы.

Прорицатели пересказывали ее бред изящным гекзаметром. Такие пророческие сообщения часто бывали двусмысленными. Богу требовалось очень тщательно рассмотреть суть вопроса тех, кто приходил к нему за советом, прежде чем дать относительно него какое-нибудь заключение. Из этого не следует, что Пифия гарантировала точность своих слов. Если бы она хотела, то могла бы говорить четко и правильно. Жрица и служители храма хорошо разбирались в международной политике, а когда им приходилось давать советы по личным вопросам, они несомненно использовали свои знания человеческой психологии. Однако греки считали вполне естественным, что божественные предсказания неоднозначны. Люди могли узнать о своем будущем только до некоторого предела.

Брут понял, как правильно подойти к Пифии. В качестве жертвования он преподнес деревянную палку. Тит и Арун только посмеялись над его несерьезным подарком. Они не знали, что палка изнутри была полая и что в ней Брут скрыл золотой жезл. После того как Тарквиний получил ответ от оракула (нам не сказали, какой он был), они решили задать другой вопрос: «Кто из нас станет следующим царем Рима?» Оракул ответил, как обычно, загадочно: «Верховную власть в Риме, о юноши, будет иметь тот из вас, кто первым поцелует мать».

Тит и Арун истолковали все буквально. Они решили, что это пророчество необходимо сохранить в тайне, чтобы, по крайней мере, их брат Секст не смог исполнить пророчество. А сами они решили, что кинут жребий, кому первому целовать мать после возвращения в Рим. Однако Брут предположил, что сказанное Аполлоном имело другое значение. Он сделал вид, будто бы оступился, и припал губами к земле, которая и есть общая мать всем живущим.

Это совсем непохоже на прошлый раз, когда римские старейшины, нуждающиеся в руководстве, пришли к святыне бога в поисках его совета.

Династию победил не политический или военный кризис, а нашумевшая любовная история. Долгая осада города Ардеи, столицы латинского племени рутулов, ослабила дисциплину в римском лагере. При такой долгой осаде довольно часто стали разрешать отлучки, особенно для командиров. Царские сыновья организовывали богатые попойки в своих шатрах. Однажды они пили в подразделении у Секста Тарквиния. Кто-то завел речь о женах, и каждый стал хвалить свою выше всякой меры. Тогда член царского рода, Луций Тарквиний Коллатин, прервал разговор: «К чему слова – всего ведь несколько часов, и можно убедиться, сколь выше прочих моя Лукреция?»

Он предложил всем поехать в Рим и войти без предупреждения в свои дома, чтобы посмотреть, чем занимаются их жены. Они, подогретые вином, согласились и поскакали в город. Они увидели, что царские невестки наслаждаются со своими сверстницами на роскошном пиру. Затем они поехали в Коллацию, расположенную в нескольких километрах от города, где стоял дом Коллатина. В этом доме картина была совершенно иной. Несмотря на поздний вечер, они обнаружили, что Лукреция в окружении своих служанок занимается прядением шерсти. И тут все до одного признали ее первенство среди жен.

Коллатин предложил всем поужинать с ним. После радушного приема все отправились обратно в лагерь. Именно во время этой трапезы Секст был потрясен красотой Лукреции и ее благочестием. Он решил соблазнить ее.

Его план был очень прост. Несколько дней спустя он снова поехал в Коллацию с одним спутником, ничего не сказав об этом Коллатину. Лукреция радушно приняла его и подала ему ужин. Затем Секста проводили в спальню, и все домочадцы отправились спать. Он дождался некоторое время, пока, как ему показалось, не стало совсем тихо и все крепко уснули. Вынув из ножен меч, он ворвался в комнату Лукреции. Придавлив ее грудь левой рукой, он негромко сказал: «Молчи, Лукреция, я Секст Тарквиний, в руке моей меч, умрешь, если крикнешь».

Лукреция в испуге проснулась. Секст всеми способами пытался убедить испуганную женщину согласиться на близость с ним. Однако она оставалась непреклонной даже под страхом смерти. Тогда Секст прибегнул к крайней мере. Он пригрозил ей, если она откажется, то он убьет ее и к ней в постель подбросит голое тело своего убитого раба. Тогда он сможет сказать, что застал ее во время грязного прелюбодеяния и казнил обоих виновников (по общепринятым нормам того времени, неверную супругу можно было убить на месте, не опасаясь осуждения за это в суде).

Лукреция не смогла смириться с мыслью о посмертном позоре и согласилась. Секст наслаждался ею, а затем торжествующий возвратился в лагерь. Тем временем оскорбленная женщина отправила посланников к своему отцу в Рим и своему мужу в Ардею. Они должны были сообщить им, что произошло нечто ужасное, и чтобы отец и муж немедленно приехали к ней с несколькими верными друзьями. Когда посланник прибыл к Коллатину, с ним был Брут, и он согласился сопровождать его в этой срочной поездке.

Они застали сокрушенную горем Лукрецию в спальне. Когда Коллатин и Брут вошли, она разрыдалась и рассказала им, что случилось. Она сказала: «Тело одно подверглось позору – душа невинна, да будет мне свидетелем смерть. Но поклянитесь друг другу, что не останется прелюбодей без возмездия. Имя его – Секст Тарквиний».

Они поклялись и сделали все, чтобы успокоить Лукрецию. Она ответила: «Себя я, хоть в грехе не виню, но от кары не освобождаю». Она вонзила себе в сердце нож, спрятанный у нее под одеждой, налегла на него и упала мертвой.

Пока все пребывали в замешательстве, Брут вынул нож из тела Лукреции и, сорвав с себя маску простака, произнес клятву с большой силой и чувством. Слушатели его были потрясены.

Давая великую клятву на крови Лукреции, он воскликнул: «Я буду преследовать Луция

Тарквиния с его преступной супругой и всем потомством и не потерплю ни их, ни кого другого на царстве в Риме».

Тело Лукреции вынесли на городскую площадь, где сразу же собралась толпа. Брут обратился к ним, призывая выступить против Тарквиния, а затем повел их на Рим. Там он обратился к народному собранию, заседавшему на Форуме. Он подробно и красочно описал преступление Секста и коснулся вопроса о тиранической системе правления царя. Он вспомнил незаслуженное убийство добродетельного царя, Сервия Туллия, и жестокость его дочери и жены Тарквиния, Туллии, которая проехала по трупу Сервия. Народное собрание потребовало отстранить царя от власти и изгнать его вместе со своей семьей.

Новости об этих событиях скоро достигли Тарквиния, который немедленно покинул лагерь в Ардеях и отправился в Рим, чтобы восстановить порядок. Тем временем Брут с вооруженными добровольцами двинулся в Ардею, чтобы призвать войско к выступлению против царя. Узнав о передвижении царя, он поехал по объездной дороге, чтобы избежать встречи с ним, и достиг лагеря почти в то же самое время, когда Тарквиний прибыл в Рим. Они столкнулись с разным приемом. Войска с большим воодушевлением приветствовали Брута, в то время как местные власти в Риме закрыли городские ворота и не пустили бывшего монарха. Тогда царь и двое его сыновей отправились в Этрурию. Секст Тарквиний уехал в Габии, где его быстро нашли и казнили родственники тех, кого он уничтожил.

Шел 509 год до н. э., цари ушли, легенду должна была сменить история, а Рим готовился к новому большому историческому пути.

4. Что же произошло на самом деле

История, изложенная до сих пор, представляет собой то, что римляне хотели знать об этом и как они верили в то, что им говорили. Какова достоверность расчета даты основания Рима и монархии, приведенного в предыдущих главах? Трудно быть совершенно уверенным, но на этот вопрос, по-видимому, можно дать два ответа: с одной стороны – очень слаба, а с другой – достаточно сильна.

Римляне сами признавали, что некоторым элементам традиции нельзя доверять. Ливий считает, что рассказы о древности «приличны скорее твореньям поэтов, чем строгой истории, – и продолжает, – древности простительно смешивать человеческое с божественным, прошлое всегда воспринимается с налетом божественности, а если какому-нибудь народу позволительно освящать свое происхождение и возводить его к богам – то это наш народ».

Связь с Троей римлянам навязали греческие историки, которые любили рассматривать заинтересовавшие их новые иноземные страны в русле своей культурной истории, но это нельзя считать нежелательным подарком. Греки считали троянцев не какими-то коварными азиатами, а вполне достойными греками. Действительно, некоторые говорили, что «троянский народ по большей части принадлежал к эллинскому и некогда выселился из Пелопоннеса». Это означало, что римляне, которые очень боялись греческой культуры и страдали от комплекса неполноценности за свою собственную, вполне могли причислить себя к греческой идентичности. Их восхищение скрывало зависть и враждебное соперничество, поэтому, связывая себя с троянцами, римляне в каком-то смысле выступали в качестве конкурентов, которые когда-нибудь могли завоевать Грецию и тем самым отомстить за своих предков.

Возможно, что около 1184 года до н. э. – в традиционную дату – в Трое произошла какая-то война. Этот город, конечно же, существовал в действительности, так как современные археологи ракопали его остатки. Даже в то далекое время греки и финикийцы уже пересекали Средиземное море, на берегах которого они, в конечном счете, основали свои «колонии» –

самостоятельные города-государства, однако значительная часть этих городов появилась почти на четыре века позднее. Эней не мог оказаться в Карфагене, поскольку этого города тогда не существовало. (Греческий историк Тимей считал, что Дидона основала этот североафриканский город в 814 году.) Эней также никогда не существовал. Вымышлены множество богов и героев, приключения которых описаны в «Илиаде» Гомера.

Ромул и Рем также несуществующие персонажи. На самом деле имя «*Romulus*» и означает «основатель Рима» («*-ulus*» по-этрusco обозначает основателя). Рем также может быть этимологически связан со словом «Рим». Рассказы о брошенных младенцах, впоследствии достигших высокого положения, довольно часто встречаются в древней мифологии (вспомните Моисея, Эдипа и, конечно же, Париса из Трои).

Настоящая трудность, с которой столкнулись римляне, состояла в том, что у них было две противоречащих истории основания их города, которые якобы произошли с разницей в несколько сотен лет независимо друг от друга. Одна – о блуждающем троянском герое, а другая – о местных мальчиках Ромуле и Реме. Римляне решили принять обе, а потому им пришлось каким-то образом упорядочить их и совместить в одно как можно более правдивое повествование. Энею приписали открытие Италии и создание новой родины в Лации, а уже непосредственно Рим оставили близнецам. Чтобы заполнить длительный промежуток времени, для связи этих двух легенд придумали целый список воображаемых царей Альба-Лонги.

Римские историки последних лет существования республики не всегда обращались к вымыслу, однако отдаленные и легендарные события они рассматривали сквозь призму своего времени. То обстоятельство, что Ромул стал прибегать к деспотической форме правления и был убит в сенате, скорее всего является отражением того, что они наблюдали в свое время. Отсюда же происходит странное предсказание Ливия о смерти Цезаря.

О дате основания Рима было много споров. Большинство считало, что это произошло в VIII веке. Как мы уже упоминали, Варрон выбрал для этого события 753 год до н. э. Это и стало общепринятой датой. Однако этот выбор привел ко второй хронологической загадке. Получилось, что между Ромулом и изгнанием Тарквиния правили только семь царей. При этом среднее время правления каждого царя получается очень долгим – 35 лет, что практически невероятно.

Римляне приняли это, а вот современные ученые оказались более рассудительными. По-видимому, кроме этих семи, существовали еще какие-то цари, о которых не сохранилось никаких письменных свидетельств. Этот вопрос, кажется, решили археологи. Они обнаружили остатки небольших первобытных поселений, существовавших много веков, а убедительные свидетельства о наличии городской жизни, четко отличающейся от сельской, начинаются только с середины VII века. Таким образом, реальная дата основания Рима оказывается почти на сто лет позднее, чем первоначально считали. Это оказало значительную помощь, хотя нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что некоторые монархи могли не войти в традиционную историю. Теперь традиционное число царей вполне соответствует общему периоду времени их правления. Кроме того, отдельные выводы, полученные по результатам раскопок, занимают свое положение в соответствии с литературной традицией. Например, установлено, что Регия или дворец на Форуме построили в конце VII века, когда согласно исправленной хронологии правил Нума Помпилий, которому и приписывается строительство дворца. Постройка первого здания для римского сената приписывается Туллу Гостилию (это отражено в его названии «Курия Гостилия»). Найденные остатки этого здания датируются началом VI века, именно в это время, по нашим предположениям, Тулл правил Римом.

Должно было пройти еще много времени перед тем, как мы столкнемся с реальными (в той или иной степени) личностями, которые не только описаны в мифах, но и действительно

существовали в истории. Первые четыре царя, по-видимому, являются почти полностью вымышленными, хотя события, произошедшие во время их правления, действительно имели место. Каждому царю приписали решение определенных задач, которые на самом деле стояли перед монархией, однако их не обязательно решал именно этот царь.

Ромул создал упорядоченную социально-политическую систему с трибами и куриями. Деяния миролюбивого Нумы составили все то, что относилось к религии и (по словам Цицерона) «любви к спокойствию и миру», то есть культы, жреческие коллегии и общепринятый календарь религиозных и светских праздников. Беспокойные Тулл Гостилий и Анк Марций вели захватнические войны с помощью боеспособной призывной армии. Неясно, имел ли Анк Марций какое-то отношение к строительству порта Остия и Свайного моста. Однако мы можем с полной уверенностью сказать, что два Тарквиния и Сервий Туллий были реальными персонажами (поскольку сообщения о деяниях обоих Тарквиниев очень похожи, то, может быть, вместо этих двух царей на самом деле был один). Тарквиний Приск, по всей вероятности, пришел к власти между 570 и 550 годами до н. э.

По мере приближения к свержению монархии, картина становится более четкой. Несмотря на подробное описание истории, произошедшей с Лукрецией, за мелодраматическим сюжетом могут скрываться подлинные события. Даже если мы с подозрением относимся к странному характеру Брута, нельзя не признать, что Брут – крупная историческая личность, которая внесла большой вклад в создание республиканских учреждений, просуществовавших более пятисот лет.

Как только туман мифа развеивается, сразу же появляются четкие очертания реальных событий. Надо признать, что имеющиеся у нас разрозненные традиционные исторические повествования все-таки могут дать нам довольно важные сведения о тогдашней исторической действительности. Во времена монархии Рим действительно из небольшого городка около брода превратился в крупнейший город-государство Центральной Италии, расширив свою территорию в результате многочисленных военных конфликтов с местными племенами области Лаций. В Риме развились политические учреждения, такие как сенат и народное собрание. С большой степенью вероятности можно сказать, что римские цари изобрели некоторый способ того, как связать богатство с политическим влиянием и военными обязательствами. Скорее всего, это сделал правитель по имени Сервий Туллий. (Однако элементы сложной центуриальной системы возникли в более поздний период, а римляне часто стремились осовременить историю, считая, что ранняя республика была устроена почти точно так же, как и ее более развитая наследница в последующие века, с той разницей только, что первая имела меньшие размеры.)

Таким образом, сложившаяся система управления развилась как попытка разрешить конфликт между обычными гражданами и знатными патрициями. Последние цари на самом деле правили точно так же, как греческие тираны, которые нуждались в поддержке народа. Они проводили агрессивную внешнюю политику и вкладывали средства в искусства и архитектуру.

В городе возвели величественные общественные здания, которые должны были украшать процветающий и могущественный город-государство. Форум превратили из грязного болота в большую городскую площадь. Сначала утверждали, что какое-то время Рим насильственно присоединили к союзу этрусских городов, однако современные ученые не нашли этому никаких подтверждений. Несмотря на сильное влияние этрусской культуры, распространенной к северу от города, и то, что два царя были выходцами из Этрурии, Рим сохранил свою полную самостоятельность.

В Риме развивалась своя собственная культура на основе многообразия и привлечения иноземцев, при этом поддерживался собственный, традиционный способ производства. Эти две

характерные черты так же стары, как и самые ранние истории о Риме. И наконец, Ромул решил, что надо обязательно привлекать иноземцев, чтобы они стали гражданами, а его преемник Нума Помпилий, по утверждению Цицерона, ввел «религиозные священнодействия [и] законы, которые до сих пор сохранились в наших памятниках». Вероятно, космополитическая открытость миру и преданность «обычаям предков», выражающаяся латинским термином «*mos maiorum*», были взаимосвязаны. Если надо было сохранять социальную сплоченность, то должно было быть что-то еще, что требовалось исправлять или уравнивать. Во всяком случае, это приводило к напряженности, которая станет характерна для последующей истории Рима.

Если римляне I века, такие как Цицерон и его друзья, смотрели на себя в зеркало далекого царского прошлого, что же они могли там увидеть? Прежде всего то, что они были избранными людьми. Сама судьба поместила их в величайшую мировую империю. Своими ратными подвигами они превзошли даже могущество греков в Средиземноморье, культура, искусство и военные успехи которых до сих пор не имели себе равных. Будучи троянцами, они не относились к варварам, выходящим за рамки греческой культуры. И наконец, будучи троянцами, они сполна вернули себе все утраченное при падении Трои.

Рим не сразу строился. Во многих мифах об основании города кажется, что он появился внезапно и сразу же стал крупным центром. С Римом все было не так: его традиционный основатель Ромул был просто вехой в этом длительном процессе, который начался среди обгоревших остатков Трои и завершился в спальне Лукреции. Подлинная история на самом деле начинается только с изгнанием Тарквиния и созданием республики.

Римляне отличались сильной религиозностью, однако их религия, испытавшая сильное влияние этрусской, представляла собой нечто большее, чем сложная паутина суеверия. Боги обладали различными силами, и их требовалось умиротворять на каждом шагу. Для всех сторон жизни существовали ритуальные обряды, будь то ремонт и обслуживание моста или заключение делового соглашения.

Римляне создали крайне агрессивное общество, однако они очень хорошо усвоили одну жизненную политическую истину: полную военную победу можно достичь только путем соглашения с побежденным. Большинство создателей империй в Древнем мире были жестокими и беспощадными и не сразу усваивали эту истину. Так, в IV веке до н. э. Александр Великий после своего завоевания Персидской империи продвинул ведущих выходцев с Востока в свои новые правительственные учреждения и призвал к сотрудничеству между победителями и побежденными, что очень не нравилось преданным ему македонцам. Когда в македонском войске произошел случай, похожий на похищение сабинянок, Александр вынудил своих солдат жениться на местных женщинах. В римлянах прежде всего поражает то, с какой последовательностью в течение многих веков они проводили свою политику. Они понимали, что именно эта политика приводит к тому, что их бывшие враги соглашались следовать римскому порядку, а также постоянно увеличивают свое население и, как следствие – людские ресурсы, необходимые для римской армии.

И все же существовала одна трудность. Война обязательно должна быть справедливой, как ответ на чье-то нападение. Именно так утверждали религия и закон. Римляне, считая себя добродетельными людьми, верили в святость соглашений. Однако они понимали, что не всегда поступают так, как надо. Наиболее очевидным примером неправильного поведения стало похищение сабинянок (хотя сами женщины отпустили им этот грех).

Предметом несомненной гордости стала сложная система управления Римом, которая представляла собой результат коллективной мудрости поколений. Печальный парадокс состоял в том, что с самого начала ее подорвали великие люди. Основатель города Ромул также создал

прецедент для тиранического правления. Римлянам очень хорошо удавалось делать именно то, что они хотели, и в то же самое время они невозмутимо убеждали себя в правильности своих поступков.

Наиболее ярким отличительным свойством римской жизни стало то, насколько тесно в ней переплетались три совершенно отличных друг от друга рода деятельности, которые в других обществах четко разделены. Между политической, юридической и религиозной деятельностью не было никаких границ. Так, вообще не было отдельного класса жрецов, поскольку один человек был жрецом и политиком. Также он мог быть политиком и военачальником, политиком и юристом. Религиозный обряд воплощал в себе политическую деятельность, направлял и освящал ее. Римляне очень тщательно заботились о том, чтобы получить для своих действий одобрение божества.

II Предание

5. Земля и ее народ

Что же еще, кроме шапки Тарквиния, увидел орел во время своего непрерывного поиска добычи, когда он падал вниз и взмывал вверх, когда парил и нырял во влажный воздух над Лацием?

Перед ним простиралась местность, которая в течение многих лет оставалась непригодной для человеческого жилья. Во II тысячелетии до н. э. вулканы выбросили много пепла и лавы на прибрежную равнину, где также существовала еще одна опасность – частые наводнения. В радиусе тридцати километров от Рима можно найти более пятидесяти кратеров. Когда, наконец, извержения прекратились (каменный дождь на Альбанских горах зафиксировали даже во время правления Тулла Гостилия), на земле оказался слой пепла, богатого поташом и фосфатами. На склонах холмов быстро выросли леса и сформировалась плодородная содержащая азот почва. Теперь здесь можно было осваивать новое занятие – земледелие, и бывшие кочевники могли поселиться здесь навсегда, обрабатывать глинистую землю и процветать.

Сегодня урожай зерновых культур здесь собирают в июне. В течение последующих летних месяцев солнце безжалостно палит, воздух очень горячий, лишенные лесного покрова холмы и поля высыхают. Повсюду расстилается пустынный пейзаж. Наш орел летел над совершенно другой местностью – цветущей, плодородной и утопающей в зелени. Урожай тогда собирали на месяц позже, чем сейчас, – в июле. Лаций был хорошо увлажнен. На равнине росли лавр, мирт, бук и дуб, а на горных склонах – вечнозеленые сосна и пихта. Среди лесов повсюду виднелись пруды, озера, заливы и реки. Характерным ландшафтом Лация являлась заболоченная долина между холмами. Одна из таких долин впоследствии стала римским Форумом. Поскольку Тибр постоянно менял свое русло, то по этой долине часто протекал его временный рукав.

Во время полета на Лацием орел мог видеть около пятидесяти сельских поселений, вероятно защищенных изгородями. Некоторые поселения даже достигали размера небольших городов. Для этих поселений специально расчищали землю, а вокруг них сажали пшеницу, просо и ячмень. Жители держали много домашних животных – волов, коз, овец и свиней. В садах росли оливки и смоковницы. Некоторое время назад этруски начали выращивать новую культуру – виноград. Спрос на древесину привел к постепенной вырубке лесов. Географ Страбон записал в I веке до н. э. свои наблюдения: «Весь Лаций – благодатный край, богатый всевозможными плодами». Единственное гиблое место Лация – малярийные болота на юге этой

области.

Земледельцы хорошо понимали, что стекающая по склонам дождевая вода постепенно смывает плодородную вулканическую почву, которая давала им средства к существованию. Они построили туннели и дамбы, предназначенные для того, чтобы орошать поля, а также для сохранения от размыва тонкого слоя почвы. Тибр нес в своих водах очень много ила, поэтому новый порт в Остии, созданный недавно предшественником первого Тарквиния на римском троне, вскоре стал заноситься илом.

Если бы наш орел расправил свои крылья и поднялся еще выше, то он мог бы обозреть весь узкий Апеннинский полуостров, длина которого составляет около 1100 километров. Скованные льдом Альпы отделяют его от остальной части Европейского континента. У подножия Альп протянулась широкая, плоская равнина, по которой медленно течет многоводная река Падус (ныне – По). Эта равнина отделена от остальной части Италии цепью Апеннинских гор, поэтому римляне, которые передвигались почти всегда в направлении восток – запад, относили эту равнину к кельтской Галлии и считали, что она не имеет ничего общего с Италией.

Затем горная цепь поворачивала и тянулась на юг, подобно длинному позвоночнику из известняка, между ребрами которого виднелись узкие скалистые ущелья. Террасы, высокогорные долины и травянистые нагорья сделали эту гористую местность очень удобной для проживания. В горах при такой естественной защите жили выносливые люди, которые разводили домашний скот и продавали различные продукты животноводства, такие как шерсть, кожа и сыры.

На восточном побережье между отвесными скалами и морем не было почти никакого пространства даже для прокладки дороги. Там редко встречалась хорошая почва, а береговая линия почти не образовывала заливов. И наконец, когда наш орел приблизился к подошве «итальянского сапога» и его высокому «каблуку», он увидел, что горная цепь расширялась, превращаясь в сухие и ветреные степи Апулии.

Береговая линия на западе полуострова отличалась более извилистыми очертаниями. Красивую горную местность Этрурии пересекали несколько горных цепей, между которыми располагались небольшие, но очень плодородные равнины. Наряду с Варроном, в I веке до н. э. греческий философ, политик, географ и историк Посидоний отмечал, что этруски достигли очень высокого уровня жизни в значительной степени благодаря плодородию своей земли, на которой могли произрастать все виды фруктов и овощей: «В целом Этрурия, будучи необычайно плодородной, располагает обширными равнинами, которые отделяют друг от друга пригодные для земледелия гористые местности, а дожди идут здесь соразмерно не только зимой, но и в летнюю пору». К югу от Этрурии находятся обширные плодородные области Лаций и Кампания. Именно здесь уготовлено было возникнуть Риму.

Италия обращена на запад. Ее единственное неудобство – небольшое число судоходных рек и хороших естественных гаваней вдоль побережья. Но для возникновения любого крупного государства наличие большого количества сельскохозяйственных угодий гораздо важнее, чем число мореходов.

Этот факт оказал сильное воздействие на самосознание римлянина, на его коллективный разум. Изобильная земля Лация полностью соответствовала идеальным представлениям римлянина о своем месте и о хорошей жизни. Даже живя в городе, он стремился приобрести небольшой клочок земли. Поэт Гораций (полное имя: Квинт Гораций Флакк), творческая жизнь которого началась после смерти Цицерона, описывал счастливого человека и облек это стремление в классическую стихотворную форму:

Забыв и форум, и пороги гордые
Сограждан, власть имеющих,
В тиши он мирно сочетает саженцы
Лозы с высоким тополем,
Присматривает за скотом, пасущимся
Вдали, в логу заброшенном,
Иль, подрезая сушь на ветках, делает
Прививки плодоносные,
Сбирает, выжав, мед в сосуды чистые,
Стрижет овец безропотных.

В другом стихотворении такой человек благодарит свою судьбу после приобретения небольшой усадьбы:

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! – И лучше, и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле...

Такое стремление к сельской простоте гармонично уживалось с верой в то, что первоначально римляне были отважными и скромными. Представители соседнего народа сабинов, в отличие от тех, кто теперь стал римскими гражданами, в течение многих веков придерживались старинных норм поведения и отказывались от комфортной жизни более поздней упаднической эпохи. Сам Рим был более добродетельным и привлекательным, когда он только что стал городом. Младший современник Цицерона и Варрона, Проперций, с восхищением описывал то далекое прошлое:

В курию, ныне высокое здание для сенаторов с полосой
широкого пурпура, отцы-деревенщины сходились, облаченные в
шкуры.
Витой рожок созывал прежних Квиритов на собрание,
и часто сотня их, собравшись на траве, составляла сенат.

В этот «золотой век» было очень мало золота. Политики не имели никакого богатства, не защищали ничьи интересы и были настоящими патриотами. И только время могло показать, сохранится ли такое идеальное положение дел по мере роста римского богатства и укрепления власти.

Около двух с половиной миллионов лет назад, когда первобытные люди стали использовать каменные орудия труда, начался каменный век. Незаселенная и пригодная для проживания Италия стала домом для многих сменяющих друг друга волн мигрантов. Небольшие группы – по-видимому, от двадцати пяти до ста человек – бродили по полуострову, собирали съедобные растения, охотились на диких животных или подбирали падаль.

Двенадцать тысяч лет назад температура на планете заметно повысилась, поднялся уровень мирового океана. Существенно улучшились условия жизни. Люди освоили земледелие и постепенно переходили от кочевого к оседлому образу жизни. Они научились делать глиняную посуду, шлифовать камень и делать из него разные сложные предметы. С начала IV тысячелетия до н. э. в разных частях Апеннинского полуострова начинают возникать оседлые

земледельческие общины. Доказательства их существования найдены на севере, в Лигурии, в предгорьях Апеннинских гор, а также в районе Рима. В Северную Апулию прибыли переселенцы с востока (видимо они пересекли Адриатическое море). Они жили в поселениях, окруженных защитными рвами. После того как земля вокруг поселений истощалась, пастушеские общины вместе со своими козами, свиньями, волами, ослами и собаками уходили в новые места.

Во II тысячелетии до н. э. каменные орудия труда уступили место бронзовым. Постепенно сложились две наиболее крупных социальных группы. Одна из них обитала на равнине вдоль среднего течения реки По. Эта группа получила название «террамары» (*terramare*) по невысоким холмам, богатых черноземом, найденным в поселениях этих общин бронзового века (на современном местном диалекте эти холмы называются «*terra mara*»). Другая, менее развитая, называлась «апеннинская культура». Население полуострова росло, хотя и очень медленно.

К концу II тысячелетия все наиболее развитые культуры Восточного Средиземноморья пережили ряд серьезных потрясений. Наиболее сильно пострадала большая Хеттская империя (названная так по городу Хаттуса), которая располагалась на значительной части нынешних территорий Турции и Сирии. Хеттская империя считается первой в мире конституционной монархией, так как она имела сложную правовую систему. Приблизительно после 1180 года хеттское государство распалось из-за внутренних неурядиц и неизвестных нам внешних вторжений.

Почти в тот же самый период произошло разграбление Трои. По этому вопросу нам не следует полагаться на Гомера, поскольку в результате раскопок археологи нашли развалины сожженного города, которые датируются между 1270 и 1190 годами до н. э. (что не так сильно отличается от традиционной даты десятилетней осады, описанной в «Илиаде» Гомера). Это могла быть как Троя, так и какой-нибудь другой город.

В материковой Греции преобладала микенская цивилизация. Колоссальные руины в Микенах на Пелопоннесе до сих пор поражают воображение современных посетителей этого места. Здесь развернулось действие одного из трагических рассказов греческой мифологии – падение дома Атрея. Сыновья Атрея, Агамемнон и Менелай, развернули военную кампанию против Трои. После своего возвращения Агамемнон пал жертвой своей неверной жены, а затем за него отомстили его дети, рожденные от жены-убийцы. Около 1100 года до н. э. микенцы исчезли в водовороте насилия. Многие их города оказались стертыми с лица земли. Последующую эпоху из-за отсутствия письменных источников назвали «темными веками». Мы не знаем, почему произошла эта катастрофа. Может быть произошло вторжение захватчиков, которых позже назвали дорийцами. Это было одно из тех племен, которое считали своими предками греки классической эпохи.

Египетские надписи сообщают о вторжении таинственных захватчиков, известных как «народы моря». Современные ученые почти ничего не могут сказать относительно их происхождения. Вероятно эти народы сыграли какую-то роль в разрушении государства микенцев и хеттов. Независимо от того, откуда они пришли, они принесли с собой опустошение.

Независимо от того, существовали на самом деле «темные века» или нет, до получения первых свидетельств экономического возрождения нам придется подождать несколько столетий. С середины VIII века до н. э. мореплаватели стали совершать исследовательские и торговые путешествия. Это подтверждается увеличением количества глиняной посуды, которую находят по всему Средиземноморью. Большинство путешественников отправлялись с богатого и более развитого Востока на менее развитый Запад, то есть, они двигались вдоль

североафриканского побережья в Италию и Испанию. Наиболее активными путешественниками были финикийцы, имеющие крупные торговые перевалочные пункты в Карфагене и Гадесе. Как уже отмечалось, в Греции возникло множество небольших городов-государств, многие из которых отправляли группы своих граждан основывать «колонии», то есть такие же независимые города-государства, которые сохраняли формальные связи только со своими «метрополиями». В течение полутора веков греческие переселенцы смогли проникнуть почти в каждую область, известную в классическом мире.

Наиболее привлекательными местами для колонизации являлись Сицилия и Южная Италия. Греки основали там много крупных городов-государств, среди которых Партенопей, или Неаполис (ныне Неаполь) и Кумы. Оба этих города находятся в области Кампания к югу от Лация. Еще южнее располагались города Тарент (Таранто), Брундизий (Бриндизи) и Сиракузы. Здесь было так много греческих колоний, что эту область называли Великой Грецией. В полном соответствии с таким названием, центр греческой культуры сразу же переместился на запад. Это можно сравнить с тем, как в результате своего быстрого развития в XIX веке Соединенные Штаты вскоре оставили позади европейский «Старый Свет».

Когда греки прибыли на Апеннинский полуостров, то в Центральной и Северной Италии они обнаружили местную культуру, которую сегодня ученые называют культурой Виллановы (название происходит от поселения, где в 1853 году раскопали древний некрополь). Об этой культуре мы знаем благодаря множеству предметов, найденных в некрополе. Представители культуры Виллановы не были единым народом, скорее это были просто люди, которых объединяли общие культурные особенности. В отличие от других итальянских общин, они кремировали своих умерших. Самым важным является то, что они научились выплавлять железо. Основные занятия – охота и животноводство. К VIII веку до н. э. они добились очень высокого качества керамических и бронзовых изделий. Исходя из этого, можно утверждать, что ремесленное производство стало отдельным занятием, которое было доступно только хорошо обученным мастерам. Население продолжало увеличиваться, и некоторые поселения могли насчитывать несколько тысяч жителей.

Представители культуры Виллановы жили в Этрурии. Но как же могло случиться, что эта культура превратилась в сложную и своеобразную культуру этрусков, резкий подъем которой начался в VIII веке до н. э.? Чтобы приписать этрускам греческое происхождение, в древности создали теорию (изложенную в главе 3), что этруски – это выходцы из Лидии, или же, прибывшие в Италию пеласги (легендарный народ, вытесненный из Греции другими народами, такими как дорийцы и ионийцы).

На самом деле наиболее правдоподобный ответ на этот вопрос найти довольно легко. Этруски обладали большими запасами железной руды, которая пользовалась повышенным спросом, поскольку в то время быстро распространялось использование железа. Они обменивали руду грекам на разные изделия. В результате этого этруски накопили огромное богатство и заимствовали многие черты греческой культуры – ремесленные изделия (например, афинскую керамику), а также манеры поведения (например, пиры с любовными утехами). В Этрурии процветали экономика и искусства (этрускский язык пока остается неизученным, однако можно предположить, что это был единственный живой язык, сохранившийся здесь с древнейших времен, когда в Италию еще не переселились народы, говорящие на индоевропейских языках).

Хотя этруски жили не в едином государстве, а в свободной федерации независимых городов, они расширили свою территорию за пределы Тосканы и заняли значительную часть Кампании. Этруски даже вступили в союз с величайшей державой западного Средиземноморья, Карфагеном, и вместе с ним в 535 году до н. э. одержали крупную морскую победу над

греческими торговцами, основателями города Массалия (ныне Марсель). В результате этого карфагеняне установили свой контроль над Сардинией, а этруски получили Корсику.

Этот процветающий мир начинался у самого порога, и он очень привлекал провинциальный Рим в то время, когда его поселения объединялись в город. Утверждение о занятии Рима этрусками необоснованно, однако они оказали огромное влияние на Рим. Оно ощущается почти везде – в правилах проведения религиозных обрядов, в технике земледелия, в работах по осушению и орошению, в производстве изделий из металла и в строительстве общественных зданий. Новые города Этрурии стали примером для сельских жителей Лация в деле объединения своих усилий и создания крупных поселений. В 509 году, ко времени изгнания Тарквиниев, около пятидесяти малочисленных общин превратились в десять или двенадцать крупных городов. Они доминировали над областью, а самые населенные из них – Пренесте (ныне Палестрина), Тибур (Тиволи) и Тускул (ныне в развалинах) – вели дела с Римом на равных.

Экономический рост привел к социальной стратификации – или, проще говоря, разделению общества на классы. В Лации возникла аристократия. Археологи раскопали царские гробницы, в которых обнаружили множество дорогих предметов и драгоценностей – доспехи и колесницы, медные котлы и треноги, золотые и серебряные сосуды, глиняная посуда из Коринфа и финикийские амфоры.

«Волшебниками», которые осуществили такие существенные преобразования в Этрурии (как мы уже отмечали) и в Лации – где все происходило гораздо медленнее – конечно же стали греки. Греческие торговцы принесли с собой алфавитную систему письма (можно также предположить, что это были финикийцы), передовые способы производства, искусство и архитектуру, олимпийских богов и богинь, мифы и легенды, включая, конечно же, историю Трои. По-видимому, Гомер написал свои большие эпопеи, «Илиаду» и «Одиссею», немного раньше – в VIII веке. В них превозносятся достоинства аристократии. Герои эпоса, такие как Ахиллес, обладали понятием личной чести. Равняясь на этих героев, они вели войны и занимались политикой, чтобы завоевать славу и вечную память, приближающую человека к бессмертию, ведь именно к нему и должны стремиться люди. Они везде и всюду гордились своей родословной (зачастую вымышленной) и щедрым гостеприимством по отношению к чужестранцам. Они считали, что родовитость и отвага – качества более достойные, чем стремление к богатству.

Все это заимствовали римляне и решили, что это их собственные идеи. Патриции вполне соответствовали духу Гомера по своей гордости и по своему стремлению к славе, а также в своем требовании власти в государстве на основе наследственного права и в своем презрении ко всему тому, что хоть как-то напоминало демократическую форму правления. В более позднее время традиционалисты очень любили утверждать, что Рим развивался самостоятельно, и только когда он достиг зрелости, то вдруг обнаружил греческую культуру. Один из собеседников в диалоге Цицерона «О государстве» сказал: «Мы [римляне] воспитаны не на заморских и занесенных к нам науках, а на прирожденных и своих собственных доблестях». Это не могло быть более неправильным. Греция стояла в комнате, когда родился Рим, и по сути дела была его акушеркой.

Мы можем скептически относиться к легендарным приключениям Ромула и Рема, но когда классические авторы описывали территорию Рима во время его основания, они были недалеко от истины. Перед нами предстают покрытые лесом холмы и ущелья, где расположены различные поселения, жители которых занимались скотоводством, хотя незадолго до этого времени здесь также появились земледельцы. В своем патриотическом эпосе «Энеида» Вергилий писал, что жители были

дикие нравом, они ни быков запрягать не умели,
Ни запастись ничем, ни беречь того, что добыто:
Ветви давали порой да охота им скудную пищу.

Они были «дикарями, что по горным лесам в одиночку скитались». «Капитолий, блещет золотом там, где тогда лишь терновник кустился... Стада попадались навстречу повсюду там, где Форум теперь».

Как уже упоминалось, римляне считали, что Ромул основал свой укрепленный город на Палатинском холме. Как памятник тем первобытным временам на западном склоне холма находилась «Casa Romuli» – «хижина Ромула». Эта хижина с глинобитными стенами и соломенной крышей сохранялась в течение многих веков. Скорее всего ее часто восстанавливали, потому что она сгорала из-за неосторожного обращения жрецов с жертвенными огнями, а также разрушалась из-за неблагоприятных погодных условий и просто от времени.

Именно здесь при раскопках нашли остатки древнего поселения. В самом нижнем культурном слое, относящемся ко времени первых хижин, археологи нашли очаги с керамикой, похожей на ту, которая распространилась в VIII веке. К счастью, это совпадало с датой основания Рима, которую рассчитал Варрон – 753 год до н. э. Также имелись и другие наводящие на размышления находки, например погребения с керамикой и бронзой, очень похожие на те, что были у культур того времени, развившихся южнее Рима в Альбанских горах. Кроме того, на заболоченной земле, где впоследствии появился римский Форум, найдены два вида погребений: продолговатые ямы (*fossae*), где умерших хоронили в гробах; и обычные ямы (*pozzi*), куда после кремации хоронили урну с пеплом. Это подтверждает традиционный взгляд, что на разных холмах поселились различные группы людей, имеющие разные обычаи.

Однако, как мы поняли, дата Варрона оказалась слишком ранней. На основе археологических свидетельств можно утверждать, что прежде, чем деревни на этих семи холмах объединились в одно поселение, должно было пройти около ста лет. И только во второй половине VII века до н. э. Рим превращается в городское поселение, после чего в нем, по-видимому, возникает монархия.

Откуда мы это знаем? На болотистой низине у Палатинского и Капитолийского холмов обычно располагался рынок, на котором расставляли довольно много прилавков и телег. В середине VII века некоторые хижины снесли, а уровень низины повысили за счет привезенной земли. Постепенно земляное покрытие утрамбовали, и получилась первая городская площадь, или Форум. Позднее часть площади замостили и создали Комиций – открытую площадку для проведения народных собраний. Первоначально Большую клоаку, или канализацию, использовали для осушения земли, чтобы на ней можно было проводить собрания, а также возводить склады и храмы. Ученые определили, что здание, построенное около 600 года до н. э., являлось домом сената.

В одном углу Форума до нашего времени сохранилось небольшое треугольное в плане здание. Когда-то оно было больше, чем теперь. Это здание построено на том месте, где раньше стояло десять или двенадцать хижин. Хижины снесли, чтобы освободить место именно для этого здания. Это Регия Нумы Помпилия. Судя по названию, здесь была официальная резиденция царя.

На Капитолийском холме и сегодня можно увидеть фундамент огромного древнего храма. Это храм Юпитера Лучшего и Величайшего, который построен во времена Тарквиниев. Храм свидетельствует о величии Рима, которым управляли эти цари.

Орел, который сорвал шапку с головы Тарквиния Приска около Яникульского холма, видел за рекой только скопления хижин на вершинах лесистых холмов. Если бы эта птица прожила свою обычную жизнь и через тридцать лет снова пролетела бы над группой холмов у Тибра, то она поразилась бы открывшемуся зрелищу – оживленная рыночная площадь, красочные святилища и храмы, склады и общественные здания. Появился новый, залитый солнцем, город.

6. Наконец свободные

После того как Брут и поддерживающие его заговорщики избавились от Тарквиния, им пришлось решать, что делать дальше. В принципе каждый из них видимо очень хорошо мог представиться народу как следующий царь. Однако они не сделали этого и установили республику. Само по себе это является признаком того, что это было не восстание низших классов, а заговор недовольных аристократов, которые хотели, чтобы ими управляла элита.

Как мы уже отмечали, последние три царя происходили не из патрициев, а из каких-то посторонних и даже иноземных родов. Их власть опиралась на народ. Судя по письменным свидетельствам, Тарквиний Гордый сильно запугал аристократию, и очень похоже, что теперь она осуществила свою месть. Поскольку переворот возглавили члены его семьи, Брут и муж Лукреции Коллатин, то можно сказать, что против него оказались настроены даже близкие ему люди. Вполне возможно, что это произошло не из-за политических разногласий, а из-за любовного скандала. История Лукреции больше похожа на сюжет для сценической постановки, но, как мы предположили, в нем видимо была какая-то доля правды.

Римляне всегда отличались склонностью к традиционным установкам, поэтому они не хотели менять правительственные учреждения. И если монархия пала, то вместо нее пришлось создать что-то очень похожее, только с разделением функций царя на несколько частей. Цель состояла не в том, чтобы отменить царскую власть, а в том, чтобы смягчить ее.

Религиозные обязанности царя передали жрецу, или царю священнодействий (*rex sacrorum*). Исполнительная власть царя (*imperium*), которая давала ему право командовать армией, а также толковать и исполнять закон, перешла к двум чиновникам, называемым «консулами». Подобно президенту Соединенных Штатов, консулы не были подконтрольны собранию народных представителей. Консулы представляли собой высший «магистрат». Их выбирали голосованием, как царей. Консулы носили пышные одежды, похожие на царские, сидели на курульном кресле и имели свиту из ликторов. Первые консулы вступили в должность в 509 году до н. э.

Высшее сословие всеми способами стремилось устранить возможность восстановления монархии каким-нибудь одним выскочкой, поэтому оно пошло на разделение власти между двумя государственными чиновниками. Это приводило к тому, что если один принимает какое-то неразумное решение, то второй сможет ему противодействовать. Подобное разделение власти не было новшеством в Древнем мире. Например, в знаменитом греческом городе-государстве Спарте, граждане которого впоследствии стали символом выносливых и самоорганизованных людей, правили два царя из разных царских семей.

На консулов наложили еще два ограничения. Срок их полномочий длился только двенадцать месяцев, и каждый мог наложить вето (*intercessio*) на решения другого. Слово «нет» в Риме всегда звучало чаще, чем «да». Каждый консул исполнял свои обязанности в течение месяца, а в следующем месяце его сменял другой. Действующего консула всегда сопровождали ликторы с пучком прутьев (за пределами Рима в пучки вставляли топоры), в то время как второй консул следовал позади. Создатели этих новых мер признавали, что несмотря

ни на что, иногда могут возникать внутренние или внешние кризисы, для преодоления которых требовалось применение каких-то чрезвычайных мер. Для таких случаев они ввели должность диктатора. Консулы назначают диктатора и передают в его руки верховную власть. Срок его полномочий ограничивался шестью месяцами.

При монархии сенат, по-видимому, представлял собой только отдельное собрание патрициев и других значимых лиц. Членов сената утверждал царь, а во время ранней республики – консулы. Такое положение дел, видимо, продолжалось до IV века до н. э., после чего сенат стал постоянно действующим учреждением. Считалось, что сенаторами должны быть честные и принципиальные люди. Им запрещалось участвовать в банковской деятельности, вести внешнюю торговлю и заключать соглашения. Их деятельность не оплачивалась. Не удивительно, что вскоре появились способы обхода всех этих правил.

Функцией сената было давать советы консулам, однако сенат обладал одним очень важным свойством – авторитетом. Это слово можно определить как сильное влияние, связанное с накопленным опытом и высоким положением. Теодор Моммзен пишет, что авторитет «был больше, чем совет, но меньше, чем приказ, то есть – совет, который нельзя просто так проигнорировать». Сенат олицетворял собой непрерывность, коллективный опыт и знания с течением времени только повышали его влияние. В сенате не было никаких политических партий и программ, там постоянно возникали и распадались личные и коллективные союзы, которые часто действовали в интересах аристократических родов.

Как мы уже знаем, а Риме существовали центуриатные комиции – народное собрание, созданное вероятно царем Сервием Туллием. В эпоху ранней республики народное собрание обладало верховной властью в том смысле, что это было единственное учреждение, имеющее право выбрать чиновников и принимать законы. На самом деле демократический принцип народного собрания имел ограничения, потому что структура собрания была организована так, что богатые «центурии» имели больше прав на участие в голосовании, чем бедные.

Демократические нормы также ограничивались системой покровителей, патронов и зависящих от них людей – клиентов (*clientela*). Свободные граждане становились «клиентами» (по своему собственному выбору или под влиянием каких-то обстоятельств) более богатых людей, имеющих большее влияние в социальной, экономической и политической жизни общества. Клиенты делали все возможное, чтобы отстаивать интересы своих покровителей, а взамен они получали от них защиту. Когда клиент попадал в сложное положение, он вполне мог рассчитывать на помощь, обычно финансовую или юридическую. Сын патрона мог получить в наследство от своего отца список клиентов. Система патроната и клиентуры, подобно феодальной пирамиде, отвечала интересам неимущих и финансово несостоятельных граждан.

Такая паутина взаимозависимых обязательств оказалась очень прочной и практически неспособной к изменениям. Она стала одной из причин того, что римское общество оказалось очень консервативным и что систему управления не потрясли революционные перевороты.

Брут, ставший консулом в первой паре, убедил народное собрание дать клятву, что оно больше не позволит ни одному человеку стать царем в Риме. Один из первых законов республики провозгласил, что становиться правителем без избрания на эту должность считается преступлением, которое карается смертной казнью. Правящая элита Рима как до, так и после Цицерона ужасно боялась, что из их числа кто-то станет стремиться к царской власти (*regnum*), и безжалостно устраняла любого подозреваемого в подготовке переворота. Аристократам нравилось соперничать между собой за высшие государственные посты. Несмотря на то, что в течение веков появлялись и исчезали многие великие семьи, каждый аристократ, независимо от степени его родства, знал, что государственная служба является его

неотъемлемым правом.

Брут и его друзья не могли рассчитывать на поддержку народа, несмотря на то, что Тарквинии потеряли свою популярность именно из-за своего произвола. Они понимали, что только что созданная республика сумеет выжить только тогда, когда они смогут что-то сделать для примирения народа с новым порядком вещей. Выступая перед народом, первый консул остерегался что-то приказывать. Он велел своим ликторам в знак подчинения опустить свои прутья и внес на рассмотрение центуриальных комиций закон, что окончательное решение о смертном приговоре или телесном наказании могут выносить только комиции (если приговор выносят в пределах городского померия). Такого послабления было явно недостаточно, поскольку, в конечном счете, обычные граждане не сразу заметили, чтобы, по словам Цицерона, «народ, избавленный от царей, заявил притязания на несколько большие права».

Основным свойством этой системы управления является то, что она будет работать, только если существует компромисс. Чтобы не допустить деспотизма, противоборствующие силы в государстве должны быть полностью уравновешены. Для успеха этой системы важное значение имел дух компромисса и отказ от применения насилия.

Тарквиния прозвали Гордым не просто так. Гордость привела к его падению вместе со своими сыновьями, но гордость также заставила его сопротивляться и пытаться вернуть свою власть. Об этом сложном времени, когда решался вопрос быть или не быть новой республике, сохранились три истории. Это, конечно, вымысел, однако они довольно точно отражают взгляды римлян: какие поступки они считали хорошими, а какие – плохими.

Тарквиний Гордый отправил в город посланников, которые передали римлянам его сообщение о сложении им своих полномочий и обещание не использовать войска для возвращения к власти. В уважительной форме он просто попросил вернуть ему все деньги и всю собственность его семьи. Однако его истинная цель не имела никакого отношения к его собственности, он только хотел проверить общественное мнение и узнать, есть ли у него сторонники. На собрании вдовец Лукреции Коллатин, который поддерживал консула Брута, высказался за удовлетворение просьбы Тарквиния, и хотя Брут, со своей бескомпромиссной позицией, резко возразил против этого. Однако просьбу бывшего царя все-таки удовлетворили. Это может служить доказательством (возможным) того, что в среде низших классов Тарквиний продолжал пользоваться некоторой популярностью.

Посланники, делая вид, что они описывают, продают или отправляют имущество бывшего монарха, подкупили нескольких высокопоставленных молодых людей, племянников Коллатина и, что еще более страшно, двух сыновей Брута. Предательство проникло в самое сердце нового государства. Заговорщики решили, что они должны вместе принести великую и страшную клятву, совершив возлияние человеческой кровью и коснувшись внутренностей убитого.

В той комнате, где они собирались ночью провести эту церемонию, оказался один раб. Он спрятался в темноте за ящиком и подслушал разговор, который вели между собой эти молодые люди. Они договорились, что убьют консулов и подготовят письма Тарквинию, которые должны будут передать ему посланники после своего возвращения. Раб сообщил властям все, что они собирались сделать. После схватки всех заговорщиков схватили и нашли у них эти страшные письма.

Теперь вопрос состоял в том, что делать с преступниками, которые оказались членами таких высоких и могущественных семей. Большинство людей в народном собрании смущались и молчали, и только некоторые, желая угодить Бруту, предложили применить к ним наиболее приемлемое наказание – изгнание.

Рассмотрев доказательства, он окликнул каждого из своих сыновей в отдельности. «Ну, Тит, ну, Тиберий, что же вы не отвечаете на обвинение?» – спросил он. Они не ответили, тогда

он задал тот же самый вопрос еще два раза. Они так и не проронили ни звука, после чего Брут сказал, обращаясь к ликторам: «Теперь дело за вами». Они схватили молодых людей, сорвали с них одежду, завели за спину руки и принялись сечь прутьями. Брут не отвел взора в сторону и пристально наблюдал за всем происходящим, до тех пор пока его сыновей не распластали по земле и не отрубили им головы.

Рассматривали дело и против других заговорщиков. Коллатин, опасаясь за своих племянников, призвал не применять к ним высшую меру наказания. Брут выступил против этого, после чего Коллатин с издевкой воскликнул: «У меня такая же власть, как и у тебя, а поскольку ты так груб и жесток, то я приказываю освободить этих молодых людей». Народ возмутился и чуть было не выгнал Коллатина с собрания. Чтобы не допустить беспорядков, он добровольно сложил с себя власть и покинул город.

Вера в главенство закона и нечеловеческая жестокость стали характерными качествами римлян. Мрачным вознаграждением за такой тип самопожертвования было чувство собственного достоинства. Практичные недоуменные греки сочли поведение Брута «жестоким и невероятным». Такому поведению очень поразился Плутарх, который исследовал моральные нормы общественной жизни через биографии греческих и римских военачальников. Однако из-за чрезмерной вежливости он не стал рассуждать о морали. Про Брута он написал: «Его поступок, при всем желании, невозможно ни восхвалять, ни осуждать... первое свойственно божеству, второе – дикому зверю».

Тарквиний Гордый очень обеспокоился таким поворотом событий. Без особой охоты он возглавил армию против Рима, провел нерешительный бой, в котором потерпел поражение, а затем бежал. Он нашел пристанище при дворе Ларса Порсены, царя (lauchme) могущественного этрусского города Клузий. Порсена не одобрил принцип изгнания монархов и проявил солидарность с Тарквинием. Видимо, он боялся цепной реакции и считал, что с ним могло произойти то же самое, что и с Тарквинием. Таким образом, в 507 году до н. э. он решил выступить со своей армией против новой республики.

Когда враг появился на противоположном берегу Тибра, римляне ушли из этих мест в город, который вскоре оказался окруженным. Река сама по себе считалась довольно серьезным препятствием, поэтому вдоль берега не построили никаких оборонительных сооружений. Слабым местом был Свайный мост, который до сих пор оставался единственным мостом в Риме. Если бы воины Порсены смогли перейти через него, то римляне проиграли бы войну и Тарквиний Гордый снова оказался бы у власти.

Командир охраны моста был патрицием по имени Публий Гораций Коклес. В сражении он лишился одного глаза, поэтому получил прозвище «Коклес», по-латински «одноглазый». Неприятельские войска внезапно захватили Яникульский холм и ринулись с него к мосту. Вся охрана испугалась и бежала, за исключением Горация и двух его спутников, Спурия Ларция и Тита Герминия, которые были выходцами из Этрурии. Они прошли через мост на яникульскую сторону реки и приготовились к обороне. Они решили задержать неприятеля и выиграть время, чтобы другие люди у них за спиной успели разобрать мост. Мост был слишком узким, одновременно по нему могли пройти всего несколько воинов Порсены, поэтому эти трое римлян надеялись, что им удастся сдержать натиск.

Они отважно сражались, стоя плечом к плечу друг к другу. Много этрусков полегло у моста. Гораций приказал, чтобы его спутники уходили, а сам он продолжал вести бой один, несмотря на копье, пронзившее его ягодицу. Наконец, он услышал позади себя грохот рухнувшего моста, а затем, взывая к богу, бросился в реку и поплыл назад к римскому берегу. Город был на какое-то время спасен.

Этот случай самоотверженности с нашей точки зрения не подлежит сомнению. Отвага

Горация вобрала в себя все то, что римляне понимали под словом «виртус» (virtus). Оно обозначало совокупность взаимосвязанных значений, таких как мужественность, силу, сообразительность, моральное превосходство и военный талант (в общем смысле его можно перевести как «доблесть»). Статую Горация установили в комиции. Однажды в нее попала молния, и это сочли дурным предзнаменованием, и перенесли на более низкое место по нечестному указанию некоторых этрусских предсказателей. Когда это обнаружилось, предсказатели были казнены (можно сказать, что это слишком суровое наказание, но оно хорошо показывает, насколько сильно почитали Горация). Затем статую перенесли на Вулканал. Так называлась терраса на склоне Капитолийского холма, где находился алтарь бога кузнецов, Вулкана. Это местоположение статуи было очень почетным, так как здесь занимались общественными делами действующие консулы. Статуя простояла там много лет. О ней в I веке н. э. упомянул автор известной энциклопедии Плиний Старший.

Порсена приготовился к долгой осаде. Время шло. Запасы продовольствия в городе подходили к концу, и этрусский царь надеялся, что скоро он достигнет своей цели, не предпринимая никаких действий. Тогда молодой римский аристократ Гай Муций решил самостоятельно изменить ход событий. Он задумал убить Порсену и получил на это разрешение сената. Муций очень хорошо знал неприятельскую речь. Он оделся так же, как этрусски, и пробрался во вражеский лагерь. Под одеждой у него был меч. К сожалению, он не знал царя в лицо и не отважился никого спросить, чтобы ему показали его. Однако он заметил возвышение, где сидел царь, и присоединился к многочисленной толпе, окружавшей его.

В этот день производили выплату жалования, и хорошо одетый человек, сидящий около царя на возвышении, занимался выдачей денег. Это был царский казначей. Поскольку большинство людей обращалось к нему, Муций не понял, кто из них простой человек, а кто правитель. И он сделал неправильный выбор. Вскочив на возвышение, он нанес удар казначею, после чего попытался скрыться в толпе, но его схватили и привели к разъяренному Порсене.

Муций не выказал никакого испуга. «Я – римский гражданин, – сказал он, – и зовут меня Гай Муций. Я вышел на тебя, как враг на врага, и готов умереть, как готов был убить: римляне умеют и действовать, и страдать с отвагою». Затем он сказал царю, что по его лагерю бродит еще много римских лазутчиков, которые будут преследовать его на каждом шагу.

Разгневанный Порсена приказал сжечь лазутчика заживо, если он не расскажет все об упомянутом заговоре. Муций воскликнул: «Знай же, сколь мало ценят плоть те, кто жаждет великой славы!» Он положил правую руку в огонь, который зажгли для жертвоприношения. Рука его горела, а он стоял, и как будто не чувствовал боли. Удивленный царь приказал своей страже вывести Муция из алтаря. Затем, как великодушный противник, он освободил его.

Однако Муций не собирался отступать от своей цели. С глубоким убеждением, он сказал: «Из благодарности я открою тебе то, что ты не смог извлечь из меня угрозами. В твоём лагере есть триста молодых римлян, переодетые этрусками, которые выжидают удобного случая, чтобы убить тебя. Мне выпало начать!» Пораженный царь решил отпустить Тарквиния, заключить мир и вернуться домой. Муций получил еще одно имя (номен или когномен) – «Сцевола» (Scaevola), то есть «левша». Это отражало то, что теперь его правая рука не действовала.

Третья героическая история так же, как и предыдущие, основана на самопожертвовании, однако она обладает одной любопытной особенностью. В принципе римляне осуждали обман во время войны – засады и прочие военные хитрости. Но римляне оставались реалистами и постоянно использовали обман, не признавая его за таковой. Так, Муций, мучаясь от боли из-за сожженной руки, сохранял присутствие духа и лгал о числе римских лазутчиков-убийц, скрывающихся в этрусском лагере. Действие Муция можно считать недостойным ответом на

великодушный поступок Порсены по его освобождению.

Ученые не верят в историческую достоверность этого рассказа. Возможно, что здесь имел место приговор за клятвopреступление, поскольку наказание за нарушение клятвы или обета состояло в том, что руку нарушителя помещали в огонь. Проникновение во вражеский лагерь является отзвуком одной греческой легенды об афинском царе, который надел на себя крестьянское одеяние, чтобы пробраться в лагерь неприятельской армии. Вся эта история или ее часть могут быть вымыслом. Однако ее эмоциональность не является причиной того, чтобы мы отказались рассмотреть моральную сторону этой истории.

Идея о том, что доблесть Муция стала достаточным условием для прекращения войны, конечно же несостоятельна. На самом деле у нас есть несколько намеков на то, что события развивались совершенно не так. В одной из ссылок великий римский историк, вероятно на основе старых этрусских источников, показывает, что царь не только не снял осаду, но и захватил Рим. Когда он пишет о сожжении Храма Юпитера на Капитолийском холме во время гражданской войны шестьсот лет спустя, он отмечает, что даже «Порсена, когда город ему сдался» не нанес этому зданию никакого вреда. Кроме того, Плиний Старший, который всегда найдет что сказать по любому вопросу, сообщает нам: «В соглашении, которое Порсена заключил с римским народом после изгнания царей, мы находим специальное условие, что железо необходимо использовать только для земледелия». Это было оскорбительным условием, поскольку оно означало, что римляне должны разоружиться. В другом рассказе утверждается, что римляне дали Порсене трон из слоновой кости, скипетр, золотую корону и триумфальные одежды – то есть все, что должно быть у царя. Может быть, это знак уважения, если таковой имел место. Больше у нас нет никаких свидетельств, однако и эти, имеющиеся, дают основание предположить, что Порсена не собирался возвращать на трон Тарквиния Гордого, так как был заинтересован в его изгнании.

Вскоре судьба оказалась к Риму благосклонной. Царь Клузия, продолжая нападения на соседей, потерпел решающее (и историческое) поражение около латинского города Ариция от войск Латинского союза – федерации латинских городов-государств. В разгроме этрусков большую роль сыграл крупный греческий город Кумы, где после войны правителем стал женоподобный тиран Аристодем, который сначала прославился как мужчина, занимающийся проституцией. В результате своего правления Аристодем существенно укрепил город. В результате этого Порсена погиб в бою, и все его угрозы Риму канули в небытие.

В городе можно найти два отголоска этих событий. Во первых, как только закончилась война, римляне стали ухаживать за ранеными этрусками и, с редким чувством благородства, вернули их в Рим, где они и поселились. Им разрешили построить здания вдоль улицы, которая вела от Форума вокруг Палатинского холма к Большому цирку. По общему мнению, ее назвали в честь них Этрусской улицей (*vicus Tuscus*). Во-вторых, до I века до н. э. сохранился старинный обычай: при распродаже захваченного имущества ее ведущий всегда, в качестве простой формальности, включал в продажу «имущество царя Порсены». Этот обычай, по-видимому, происходит с того времени, когда завоеватель Рима оставил все свое имущество римлянам, а потом ушел навстречу своей гибели.

Так или иначе, теперь в системе управления римской республики больше не происходило никаких изменений.

7. Народный мятеж

Это было самое впечатляющее зрелище со дня основания Рима. Видно, как из города выходил длинный людской поток, и было похоже на всеобщую эвакуацию. Люди шли на юг и

поднимались на малонаселенный Авентинский холм, который отделялся долиной от Палатинского – места первого поселения Ромула. Всех их объединяло то, что это были бедные и малоимущие ремесленники и земледельцы, крестьяне и городские рабочие. Они несли с собой запасы еды на несколько дней. Прибыв на место, они обустроили лагерь, установили частокол и выкопали ров. Там они расположились и, подобно безоружной армии, не предпринимали никаких провокаций и не устраивали насилия. Они просто сидели и ждали, ничего не делая.

Налицо – массовый протест, один из самых замечательных и своеобразных во всей мировой истории. Он очень похож на современную всеобщую забастовку, но с некоторым дополнением. Рабочие не только выводили свой труд, они выводили самих себя.

Конечно же, некоторые люди остались – богатые и те представители низших классов, которые по той или иной причине не могли или не захотели присоединиться к своим товарищам. В результате население Рима сократилось наполовину. Сенат оказался совершенно недееспособен. Что пришлось бы делать, если бы кто-то из многочисленных врагов Рима – соседних с ним племен Центральной Италии – использовал этот момент и напал бы на город? Вдруг после недолгого спокойствия эта толпа прибегнет к какому-нибудь насилию, и как на это отвечать сенату? Была ли «пятая колонна» – те, кто остался в городе с какими-то тайными умыслами? Как можно было избежать гражданской войны?

Как уже отмечалось, все граждане должны были сами покупать себе оружие и доспехи. Тяжелые доспехи легионера могли себе позволить только представители богатых слоев населения, а все остальные выступали в качестве легковооруженных воинов и стрелков. Например, если богатые, желающие сохранить прежнее положение, будут по всем правилам сражаться с войском низших классов, то они скорее всего одержат победу. Но такая победа не принесла бы ничего хорошего. Риму не удалось бы выжить только за счет богатых, поскольку каждому государству требуются рабочие руки.

Правящие круги почувствовали, что они остались в одиночестве. Они приняли решение отправить к протестующим наиболее сговорчивых сенаторов преклонного возраста, чтобы провести с ними переговоры, убедить их прекратить раскол, как это называли, и вернуться домой. Во главе этой группы встал бывший консул, придерживающийся умеренных взглядов, Гай Менений Агриппа.

Он вошел во временный лагерь на холме и обратился к толпе. Согласно древним источникам (где очень часто все излагается с большой долей вымысла), он не стал угрожать и не пошел ни на какие уступки. Казалось, что он просто начал что-то рассказывать, поскольку его речь начиналась так: «В те времена, когда не было, как теперь, в человеке все согласовано, но каждый член говорил и решал, как ему вздумается, возмутились другие члены, что всех их старания и усилия идут на потребу желудку; а желудок, спокойно сидя в середине, не делает ничего и лишь наслаждается тем, что получает от других.

Сговорились тогда члены, чтобы ни рука не подносила пищи ко рту, ни рот не принимал подношения, ни зубы его не разжевывали. Так, разгневавшись, хотели они смирить желудок голодом, но и сами все, и все тело вконец исчахли. Тут-то открылось, что и желудок не нерадив, что не только он кормится, но и кормит, потому что от съеденной пищи возникает кровь, которой сильны мы и живы».

Менений Агриппа сравнил этот политический кризис и народный гнев против текущего положения дел с мятежом частей тела. Его увлекательная речь заставила его слушателей изменить свои настроения. После этого начались переговоры о примирении с недовольными.

В чем же состояли их требования? Они не стремились ни к каким революционным преобразованиям и не хотели менять систему управления. В первые годы после свержения монархии республика переживала экономические трудности. Что привело к упадку, неизвестно.

Может быть, какую-то роль сыграли военные неудачи (см. следующую главу). По-видимому, также имела место нехватка продовольствия. Еще одной насущной проблемой был недостаток земли. Крестьяне имели очень маленькие земельные наделы, и хотя они имели доступ к общественной земле (*ager publicus*), которую могли обрабатывать и использовать под пастбище, представители богатых и сильных слоев общества держали общественную землю под своим контролем и безжалостно вытесняли с нее мелких землевладельцев. По данным археологии, в это время построили гораздо меньше общественных зданий. Наиболее показательным возведением в это время храма бога торговли Меркурия, так как этого бога необходимо было умиротворить именно в период торговых неудач.

Наиболее причину недовольства, по-видимому, назвал Цицерон. «Народ, избавленный от царей, заявил притязания на несколько большие права, – отметил он и с неудовольствием добавил: – разумного основания для этого, пожалуй, не было, но в государственных делах сама их природа часто берет верх над разумом».

Многие представители бедных слоев населения имели крупные долговые обязательства и постоянно испытывали притеснения со стороны богатых, требующих выплаты долгов. Многие дошли до такого состояния, когда единственная вещь, которой они владели и с помощью которой могли выплатить свои долги, были они сами – их труд и их тело. В этом случае они могли вступить в систему долговой кабалы, называемой «нексум» (*nexum*), что буквально означает «связывание». В присутствии пяти свидетелей кредитор отвешивал деньги или медь, которую передавал должнику. Теперь должник мог заплатить свой долг. Взамен он передавал себя – свою личность и все свое имущество (хотя он сохранял свои гражданские права). Кредитор произносил следующее изречение: «За такую-то сумму денег ты теперь нексус (*nexus*), мой раб». Затем он сковывал должника цепью, чтобы усугубить его состояние после сделки.

Такие жестокие соглашения сами по себе не вызывали протеста, поскольку они хоть как-то решали проблему накопившейся задолженности. Возмущение на самом деле вызывало жестокое и несправедливое, по мнению многих, обращение с должником, как с рабом. Кредитор-владелец даже имел право казнить его, по крайней мере чисто теоретически. Ливий рассказывает историю одной такой жертвы – старика, который однажды пришел на Форум. Он появился бледный и изможденный, в грязной и оборванной одежде. Отросшая борода и космы придавали ему дикий вид. У всех он вызывал сострадание. Собралась толпа, и многие узнали его, что он когда-то воевал, командовал центурией и с доблестью послужил своей стране. Его спрашивали, как он дошел до такого состояния? Он ответил: «Пока я воевал на сабинской войне, поле мое было опустошено врагами, и не только урожай у меня пропал, но и дом сгорел, и добро разграблено, и скот угнан, а в недобрый час потребовали от меня налог, и вот сделался я должником. Долг, возросший от процентов, сначала лишил меня отцова и дедова поля, потом остального имущества и, наконец, подобно заразе, въелся в самое мое тело; не просто в рабство увел меня заимодавец, но в колодки, в застенки».

Начался беспорядок, и все сенаторы, находящиеся в тот момент на Форуме, оказались недалеко от расправы. Вышли другие должники и тоже стали рассказывать о своей доле. Когда толпа окружила здание сената и потребовала, чтобы консулы созвали сенат, казалось, что никому уже не удастся сдержать людского гнева. Консулы подчинились, однако им с большим трудом удалось убедить возбужденных сенаторов явиться в сенат и создать кворум.

Когда, наконец, началось собрание, вестники принесли новость, что на город наступает армия вольсков. Сенаторам ничего не оставалось делать, кроме как удовлетворить требования толпы. Один из консулов выпустил указ о том, что, во-первых, незаконно заковывать или заключать в тюрьму римского гражданина, лишая его возможности записаться в консульское

войско, а во-вторых, запрещено захватывать или продавать имущество любого воина, находящегося на службе в армии. После этого толпа успокоилась, и все протестующие добровольно присоединились к войску, которое выступило из Рима для отражения и разгрома захватчиков.

Однако из-за высокомерного и вспыльчивого консула Аппия Клавдия вопрос о должниках остался в силе. Этот консул, прославившийся своим произволом, являлся основателем сабинского рода. Он настоял на том, чтобы преследовать должников со всей строгостью закона, не обращая внимания на недавние беспорядки. Представители простого народа тайно собирались по ночам и готовили на такие действия свой ответ.

Именно эти события привели ко всеобщему мятежу и уходу на Авентинский холм, которые произошли в 494 году, через десять с небольшим лет после изгнания Тарквиния Гордого. Участники забастовки объединились в группу, названную плебсом (plebs). Позднее этим словом стали называть всех тех, кто не был патрицием или аристократом, то есть всех простых людей. Однако, по свидетельству историков, на этой ранней стадии плебс представлял собой политическое или общественное движение, возникшее в народной среде, но не тождественное народу. Оно чем-то напоминало нынешние профсоюзы, только представляло все ремесла и рабочие специальности.

Подобно профсоюзам, плебс не собирался вооруженным путем свергнуть государственную власть или каким-то иным способом изменять систему управления. Он не выступал против господствующего класса патрициев. Плебс возник только для того, чтобы отстаивать и проводить в жизнь интересы своего сословия – плебеев. Он очень успешно выполнил эту задачу. Консулы и сенат потеряли самообладание, по крайней мере в данный момент.

Руководство плебса поняло, что надо организовываться. Оно создало специальное собрание – плебейский совет (concilium plebis), выборы в который проводили по трибам. Видимо в это же время римское население разделили на двадцать одну трибу по месту проживания граждан. Членов совета выбирали на собрании каждой трибы, при этом каждая триба имела в совете один голос (это более справедливая система, чем голосование по центуриям в центуриатных комициях). Постановления совета (plebiscita), откуда происходит современное слово «плебисцит» не имели законодательной силы для республики, однако консулам и сенату приходилось с ними считаться. Со временем плебеи стали как бы отдельным государством в государстве.

Переговоры с Менением Агриппой и другими представителями сената показали дальнейшее усиление влияния плебса. На переговорах решили, что плебейский совет имеет право выбирать своих должностных лиц (видимо, сначала их было двое), названных народными трибунами (tribuni plebis). (К середине V века до н. э. их число увеличилось и достигло десяти.) Первыми избранными трибунами были предводитель лагеря на Авентинском холме, Луций Сициний Веллут, и один самовлюбленный и тщеславный человек Луций Юний Брут, который так восхищался первым консулом республики, что добавил к своему имени прозвище Брут, чтобы иметь с ним одно и то же имя.

Задача трибунов состояла в том, чтобы защищать интересы плебеев в пределах городского померия. Для признания своей власти они использовали торжественную клятву (lex sacrata), которую давали плебеи в том, что они всегда будут повиноваться своим трибунам и защищать их жизнь. Тот, кто навредит трибунам, станет «сакер» (sacer).

У этого многозначного слова есть два значения, одно положительное, а другое – отрицательное. Первое значение – «священный» или «святой» – посвященный божеству. Так, «виа сакра» (via Sacra) – улица, которая вела на Форум, – переводится как «священная дорога». Второе значение – «посвященное божеству для уничтожения». В этом смысле наиболее

близким соответствием ему в русском языке будет «проклятый» или «нечестивый». Выражение «*Sacer esto*», «быть проклятым», применяют к человеку, который своими деяниями навредил богам. Такой человек являлся собственностью богов, и когда он умирал, он попадал под их неусыпную заботу. Всякий, кто убивал такого человека, выполнял святую задачу, не считался преступником и не подлежал наказанию за убийство. Каждый боялся попасть в число «проклятых», и этот страх окутывал трибунов невидимой и вместе с тем нерушимой броней неприкосновенности.

Эта броня позволяла им защищать плебев со стороны богатых и облеченных властью, а также от несправедливых решений магистрата. Таким образом, народный трибун предоставлял плебейям поддержку (*auxilium*). Это означало, что трибун мог лично вмешаться в дело и спасти простого гражданина от приговора. Свою волю трибун осуществлял с помощью своего права принуждения (*coercitio*). Он мог оштрафовать, заключить в тюрьму или казнить каждого, кто бросил вызов его власти или даже просто облил его грязью. Если бы против него применили силу, он мог бы угрожать ужасными последствиями «священной клятвы». По осторожному выражению одного современного ученого, это был «закон линча, замаскированный под божественное правосудие».

Первоначально власть трибунов не имела официального статуса и не являлась частью римской системы управления. Многие непримиримые патриции отказывались признавать новые плебейские учреждения, и только спустя двадцать лет закон предоставил плебейям официальное право проводить свои собрания и выбирать своих должностных лиц. В середине или во второй половине V века трибуны выиграли свое самое значительное право – право «сопротивления» постановлениям правительства. «Интерцессия» (*intercessio*), как уже отмечалось, является более вежливым словом для обозначения «вето». Трибун мог просто отменить любое решение выборного должностного лица (кроме диктатора до 300 года), любой закон и любые выборы. Он обладал такой властью, что если бы он захотел, то смог бы добиться полного бездействия государственного управления.

Даже после преодоления первого раскола (согласно неподтвержденным источникам, расколов было несколько, и последний произошел около 287 года до н. э.) плебеи поддерживали связь с Авентинским холмом. Фактически, холм стал памятником зарождения плебейской самостоятельности, центром плебейского движения и символом альтернативного города, своего рода анти-Римом. В 493 году до н. э., через несколько лет после кризиса, на холме построили храм богини урожая и плодородия Цереры. Храм построен во исполнение обета, который римляне дали за несколько лет до постройки во время голода. Вскоре храм Цереры стал оплотом плебеев.

Несмотря на небольшой размер, это святилище было очень похоже на храм Юпитера Лучшего и Величайшего, который виднелся с большого расстояния. Сходство не являлось случайным. Подобно храму на Капитолийском холме, святилище Цереры строили по образцу старых этрусских храмов, с глубоким карнизом и разноцветными терракотовыми статуями на крыше. В святилище были отделения для трех божеств. Кроме статуи Цереры в нем также помещались статуя ее дочери, Прозерпины, и Отца-Либера, италийской ипостаси греческого бога вина и плодородия Диониса. В святилище приносили богатые дары, и там собралось много замечательных произведений искусства. Стены святилища расписаны фресками. Там также хранилась известная картина с изображением Диониса, вывезенная из Греции во II веке.

В здании святилища во время нехватки продуктов питания плебеи распределяли еду среди бедняков. Наряду с соседним храмом Дианы, культ которой сильно распространился у рабов, святилище Цереры стало безопасным прибежищем для беглецов. Для поддержания храма назначали специальных людей, которые также помогали трибунам. Этих людей газывали

«эдилами» (от латинского слова *aedes* – «храм»).

Обязанности эдилов вскоре расширились. Консулы и сенат поняли, что один из способов сохранить свою власть состоял в том, чтобы не давать никакой информации о своей деятельности. О слушаниях в сенате не составляли никаких отчетов, и консулы скрывали решения сената и даже выдумывали их. К середине V века под давлением плебеев правительственные учреждения вынуждены были прекратить скрывать сведения о своей деятельности. Эдилы взяли на себя сбор и хранение всей информации, касающейся плебеев, в решениях народных собраний и сената. На Авентинском холме эдилы создали архив всех этих документов «так, чтобы ничего из того, что делалось, не прошло мимо них».

Сохранившиеся списки консулов первых лет существования республики, называемые «фасты» (*fasti*), показывают, что на пост магистра могли избираться и избирались не только патриции. Однако с течением времени должность консула стала прерогативой патрициев. Таким, по-видимому, был горький ответ на те достижения плебеев. Плебеи конечно же отреагировали на это, но кампания против несправедливого обращения к ним постепенно превратилась в политическую борьбу между аристократами-патрициями, с их наследственной властью и контролем за государственной религией, и остальной частью общества, возглавляемой плебеями. Именно в этом смысле слово «плебеи» (*plebs*) означает «народ».

Это растущее противостояние ясно проявляется в образцовой истории непреклонной гордости и ее последствий. Еще раз, этот случай является символической правдой, мы не знаем, произошел ли он на самом деле. Патриций Гней Марций был храбрым воином и в юности завоевал «гражданскую корону». Эта награда представляла собой венок из дубовых листьев. Ее присуждали тому, кто в сражении спас жизнь римского гражданина.

В начале V века на юге вспыхнула война с вольсками, которые постоянно проявляли свою воинственность. Римляне осадили вражеский город Кориолы. Внезапно со стороны появилась армия вольсков и одновременно с этим вольски сделали вылазку из города. Именно в месте вылазки на страже стоял Марций. С отборным отрядом воинов он не только отразил вылазку, но и сумел ворваться в город. Марций схватил факел и бросил его в строения, прилегающие к городской стене. Огонь, стоны женщин и детей привели вольсков в смятение. Они решили, что римляне уже взяли Кориолы, и ушли с поля боя. Римская армия снова вернулась к осаде и вскоре действительно захватила город.

Действующий в тот момент консул горячо похвалил Марция и, в качестве награды за его доблесть, предложил ему взять десятую часть всей захваченной добычи – оружие, пленных, лошадей – еще до того, как это, по обычаю, начнут делить между остальными воинами. Марций отказался принять дар консула. Он выступил вперед и сказал, что это будет платой, а не наградой. Он взял себе только одного коня и попросил, чтобы отпустили на волю его знакомого вольска, который попал в плен. В ответ консул удостоил его прозвищем Кориолан, чтобы отметить его ведущую роль в победе.

Возвратившись в Рим, Кориолан стал претендовать на должность консула. Он считал, что благодаря своим выдающимся военным успехам у него есть большая вероятность избрания. Он расхаживал по Форуму и призывал голосовать за себя, как было принято у кандидатов. Марций считал, что он произведет хорошее впечатление, так как показывал всем свои шрамы, полученные в сражении. Однако в день выборов он торжественно вступил на Форум в сопровождении сенаторов и многочисленных патрициев, из-за чего потерял расположение простого народа.

Потерпев неудачу на выборах, разъяренный Кориолан решил наказать избирателей. Он окружил себя несколькими высокомерными и влиятельными молодыми патрициями и постоянно пытался дерзко нападать на трибунов Брута и Сициния. Он явно насмехался над

ними, говоря: «А если вы не прекратите сотрясать государство и совращать лестью бедняков, то я уже не словом буду спорить с вами, но делом». В то время началась нехватка продовольствия, и когда из Сицилии привезли большое количество зерна, народ предположил, что его будут продавать по невысокой цене. Кориолан высказался против этого. «Поступать так совершенно глупо, – сказал он, – если у нас есть ум, мы должны упразднить должность трибунов, которая грозит уничтожением консульству и поселяет раздоры в городе».

Умудренные опытом сенаторы из аристократов понимали, что Кориолан зашел слишком далеко и что его возбудили пришедшие с ним горячие головы. Трибуны выдвинули против него обвинения в народном собрании, но он отказался приезжать и давать объяснения. Когда эдилы попытались задержать его, патриции отогнали их. К вечеру беспорядки утихли.

На следующий день толпа снова собралась на Форуме. Встревоженные консулы заверили, что при определении цены на хлеб будут учитываться пожелания народа. Однако Брут и Сициний настаивали, чтобы Кориолан ответил на обвинения в том, что он пытался лишить власти народных избранников и применил насилие к эдилам. Они рассчитали, что он или унижится и принесет извинения, или же, что более вероятно, совершит или выскажет что-то оскорбительное.

Они хорошо знали этого человека и его неукротимый характер. Явился Кориолан и сказал свою речь с обычным для него презрением, после чего начались потасовки. Но как и в прошлый раз патриции сумели увести его. Затем все стороны решили организовать надлежащее разбирательство. Кориолана обвинили в том, что он замышлял захватить власть, поэтому он обязан предстать перед народным собранием, которое будет действовать в качестве суда. В ходе судебного разбирательства обвинители не смогли доказать виновность Кориолана и отказались от своего обвинения, однако в последний момент против него выдвинули новое обвинение – неправильное распределение военной добычи. Такое обвинение смутило Кориолана, и он не был готов сразу же отвечать народу. Народное собрание проголосовало за свой приговор по трибам, в результате чего Кориолана с перевесом в три голоса признали виновным. Его осудили на вечное изгнание.

Полный решимости отомстить за себя, он покинул Рим и отправился в столицу вольсков, где добровольно предложил свои услуги. Вольски с воодушевлением приняли Кориолана и назначили его командующим армии, которая собиралась в военный поход против его бывшей родины. Он сделал все, что от него требовали, и вскоре во главе армии вольсков появился у ворот Рима. Казалось, что республика обречена.

В городе царил беспорядок. Расстроенные плебеи предложили отменить свой приговор Кориолану, тогда как сенат отказался простить ему измену и отклонил предложение плебеев. В лагерь вольсков отправили посланников для заключения перемирия, но Кориолан настоял на жестких условиях. Положение разрешилось, когда перед Кориоланом неожиданно появились его мать Волумния и его жена Вергилия с детьми. Волумния умоляла его пощадить город и договориться о равноправном перемирии.

Он стоял неподвижный и бессловесный в течение некоторого времени. «Что же ты молчишь? – спросила Волумния. – Добровольное исполнение просьбы матери в таком прекрасном и справедливом деле – самый священный долг; но я не могу упросить тебя. В чем же моя последняя надежда?» С этими словами она вместе с невесткой и детьми упала к его ногам.

«Мать моя, что сделала ты со мною!» – воскликнул Марций. Он помог ей подняться и сказал: «Ты победила: ты спасла Рим, но погубила меня».

Она все сделала так, как хотела. Как она и просила, Кориолан подписал мир, и вольски возвратились домой со своим, теперь уже лишенным доверия, римским командиром. Перед

собранием вольсков он начал отчитываться о своем поведении во время войны, однако несколько человек, возмущенные его предательством, убили его. Ни один из присутствующих не защитил его.

К середине V века конфликт между патрициями и плебеями стал главной внутривластной проблемой, с которой столкнулась республика. Ливий описал, как один консервативный политик сказал: «Вы избраны трибунами плебеев, а не врагами сената». Это было верно, но времена менялись. Класс патрициев начал выступать против тех достижений, которых добились плебеи, и преобразовывал себя в единственную наследственную касту с монополией на власть. Вытесненными оказались даже богатые люди, которые избирались консулами в первые годы республики, но не принадлежали к патрициям. Они, в свою очередь, выступали против мероприятий патрициев и присоединились к плебеям, создав объединенный фронт. Однако такому союзу не суждено было сохраниться, так как у этих двух групп населения в конечном счете были разные цели. Одна стремилась к справедливому отношению, а другая – доступ к высшей должности.

Выдающийся государственный деятель, три раза избиравшийся консулом, Спурий Кассий, столкнулся с растущей взаимной неприязнью. Будучи опытным переговорщиком, он добился заключения долговременного мира с тридцатью латинскими городами, известного как «Кассиев договор» (*Foedus Cassianum*) (см. следующую главу). Текст этого договора могли увидеть и прочитать даже в эпоху Цицерона, так как он был вырезан на бронзовой колонне позади возвышения для ораторов на Форуме.

Кассий поддержал требования плебеев и первым разработал программу земельной реформы. Этого ему не простили аристократы, незаконно владеющие большими площадями общественной земли (*ager publicus*). В 485 году Кассия обвинили в стремлении к царской власти, однако это обвинение скорее всего фальсифицировано. Однако, как только его отец дал показания против него, Кассия признали виновным в этом самом ужасном преступлении против республики и казнили. Его объявили «проклятым» (*sacer*) в храме Цереры, богини-заступнице плебеев. Довольно странно, что руководители плебеев не спасли его от нападков патрициев. По-видимому, трибуны не имели достаточной уверенности по вопросу его защиты. Дом Кассия разрушили и дали клятву больше ничего не строить на этом месте. Ливий пишет, что в его время это место стало, видимо, открытой площадкой перед храмом богини матери-земли Теллус. По иронии судьбы оттуда открывался замечательный вид на тот самый плебейский холм – Авентинский.

На некоторое время демократический процесс прекратился. Однако постепенно возникло напряжение, которое могло привести к новому взрыву. Добившись от сената предоставления отчетов, трибуны продолжили свою борьбу за полную открытость системы управления. Одним из средств, с помощью которых олигархи держат в руках власть, является контроль над правовой системой. К законам в Риме не было всеобщего доступа. Собранием законов ведали понтифики. Они держали их под замком, как священные книги, и только патрициям разрешали читать их. В 462 году один из трибунов попытался пресечь произвол консулов и потребовал, чтобы все законы, на основе которых консулы осуществляют свои полномочия, были полностью обнародованы. Вскоре кампания распространилась и на остальные законы Римской республики. Судьи и сенат оказывали серьезное сопротивление этому процессу, но в 451 году обе стороны, изнуренные от долговременного противостояния, пришли к замечательному соглашению.

Система государственного управления приостановила свою работу, должности консула и трибунов отменили, но только на один год. Всю ответственность за управление государством возложили на новую коллегию из десяти «децемвиров», или «десяти человек для написания

законов» (*decemviri legibus scribundis*). Децемвиры получили полную власть, и никто не имел права обжаловать их решения. Они должны были рассмотреть, систематизировать, а затем издать римские законы. В результате появились Законы Двенадцати таблиц. В следующем году первый состав децемвиров – все они были патриции – сложил свои полномочия. Их сменили следующие десять человек, среди которых было несколько плебеев. Из прежнего состава децемвиров в следующий перешел только один человек – Аппий Клавдий. Он был внуком иммигранта, достигшего высокого положения, с которым он разделил тот же самый высокий статус. Второй Децемвират издал еще две таблицы законов. Однако после того, как в конце года Аппий решил не уходить в отставку, а остаться исполнять свои обязанности на третий год, он столкнулся с сильным недовольством.

Все это было довольно странно. Почему республику и ее систему управления передают группе людей, которые на самом деле являются коллегией для рассмотрения только одного специального вопроса? Им было бы гораздо проще исполнять свои обязанности, если бы они одновременно с этим не занимались управлением страной. С другой стороны, могло быть и так, что децемвиры нужны были для проведения постоянных преобразований, которые, по-видимому, ввели бы плебеев с их «государством в государстве» в систему управления. В этом случае ежегодные выборы новой коллегии имеют смысл (хотя все задавались вопросом, почему все первые децемвиры были патрициями). Основной вопрос состоит в том, что, согласно письменным источникам, новые магистраты работают временно и после завершения своей законотворческой деятельности должны будут передать свои полномочия консулам и трибунам. Судя по письменным источникам, вторую коллегию избрали только потому, что первая не выполнила свою работу надлежащим образом.

Древние историки явно запутались, а современные ученые удовлетворяли свою страсть к познанию замысловатыми предположениями. Самое вероятное решение этой загадки – то есть, ответ, который объясняет большинство данных и не противоречит объективным условиям политической жизни, – состоит в том, что децемвират замыслили как новую постоянную систему управления и что систематизация законодательства являлась самым главным вопросом, стоящим на повестке дня.

Так или иначе, эта реформа потерпела неудачу. Ливий пишет: «Децемвират вскоре после своего блистательного начала стал подобен бесплодному дереву – одна древесина и никаких плодов – так, что дни его были сочтены». Сообщение Ливия о том, что произошло после, является одним из самых замечательных эпизодов в его обширной истории, хотя (как всегда) не понятно, сколько в нем правды, а сколько вымысла или художественного переосмысления.

После проведения выборов в должность вступили новые децемвиры на второй год. Их неофициальным лидером стал Аппий Клавдий. Однажды они повели себя жестоко и безответственно, тайно сообщив Аппию, что дали клятву не проводить больше выборов и остаться у власти на неопределенный срок. В одну из двух дополнительных законодательных таблиц включили запрет на смешанные браки между патрициями и плебеями. Это было равносильно объявлению войны патрициями плебеям.

В мае 450 года (в этом месяце начинался римский политический год) подошел срок новых выборов, однако их не провели. Формально полномочия децемвиров закончились, но никаких новых магистров так и не назначили. Аппий и его коллеги продолжали оставаться у власти, как будто бы ничего не произошло.

Положение изменилось, когда сначала сабины, а затем эквы объявили Риму войну. Потрясенным децемвирам, хорошо знающим о своей непопулярности, не оставалось ничего иного, кроме как держать совет с сенатом. Старый патриций, сочувствующий плебеям, Луций Валерий Потит, призвал к открытому обсуждению политической ситуации, а решительный

сенатор, Марк Гораций Барбат, назвал децемвиров «десятью Тарквиниями». Ширилось противодействие мероприятиям Аппия по набору армии, на том основании, что срок его полномочий истек. В конце концов, после трудных переговоров сенат не стал препятствовать организации набора.

Война началась очень неудачно для римлян. В армии распространилось недовольство. Однако причиной окончательной развязки стали не военные и не политические события. Как и с падением монархии, она произошла из-за вспыхнувшей любовной страсти. Аппию понравилась красивая девушка из плебейской семьи. Она была дочерью центуриона римской армии Луция Вергиния и собиралась замуж за бывшего трибуна Луция Ицилия. Римские девушки очень рано выходили замуж, и мы можем предположить, что она была еще подростком. Аппий не смог соблазнить ее уговорами, поэтому он выбрал довольно изощренный способ принуждения.

Он велел своему слуге или клиенту объявить дочь Вергиния своей рабыней и задержать ее. Однажды утром, когда она шла в школу через Форум, этот человек остановил ее наложением руки. Он утверждал, что она является дочерью его рабыни и приказал ей следовать за ним. Девушка остолбенела от страха, однако ее кормилица не растерялась и стала звать на помощь. Вокруг них быстро собралась толпа.

Аппий, который сидел на соседней платформе, осуществляющей контроль над судом, видел, что похищение не получилось. Поэтому он убедил всех, что с его стороны дело ведется честно. Он сказал, что у него есть неоспоримые доказательства, что ее украли из его дома, где она родилась, и подбросили Вергинию.

Настроение на Форуме стало угрожающим, и Аппий с неохотой согласился отложить слушание дела, пока Вергиний не придет с фронта. Однако он настоял, чтобы в это время Вергиния находилась под его опекой. К этому времени прибыл Ицилий, и после напряженных переговоров Аппий снова уступил и передал девушку ее жениху. На следующее утро отец и дочь предстали перед судом. В самом начале слушаний Аппий прервал ораторов и вынес приговор. Девушка Вергиния является рабыней и должна быть передана ее законному владельцу.

Стронники Вергинии обступили девушку и не позволили ее увести. Чиновник децемвирата протрубил в трубу для установления тишины, чтобы дать слово Аппию. «У меня есть неопровержимые доказательства, – сказал он, – что с целью посеять смуту в городе всю ночь собирались сходки. Поэтому я пришел сюда в сопровождении вооруженных людей, но не ради притеснения мирных граждан, а для того, чтобы обуздать тех, кто нарушает общественное спокойствие. А вы, ликторы, расчистите путь в толпе, чтобы хозяин мог вернуть свою собственность!»

Вергиний до этого момента решительно выступал в защиту дочери, но теперь он вдруг изменил свое поведение. Он принес свои извинения децемвиру. «Позволь напоследок здесь, в присутствии моего ребенка, расспросить кормилицу, – сказал он. – Если окажется, что я ей действительно не отец, то я все признаю и уйду отсюда со спокойным сердцем». Получив разрешение, он отошел с двумя женщинами к лавкам, называемым «новыми», что стоят около храма Венеры Клоакины – очистительницы от запаха Большой клоаки, которая текла через Форум.

Затем он выхватил у мясника нож и воскликнул: «Только так, дочь моя, я могу сделать тебя свободной». После чего пронзил грудь девушки и произнес: «Да падет проклятье за эту кровь на твою голову, Аппий!»

Сохранив хладнокровие, децемвир вызвал к себе Ицилия. Толпа достигла крайней степени возмущения. Валерий и Гораций присоединились к защитникам молодого человека и велели

ликторам прекратить подчиняться Аппию, поскольку срок его полномочий закончился. В этот момент Аппий пал духом, а затем, в страхе за свою жизнь, он закутался в плащ и скрылся в близлежащем доме.

Децемвиры отказались уходить в отставку, и сенат не знал, как поступать. Но за него все сделала римская армия. Войска возвратились в город и расположились на Авентинском холме, где к ним присоединилась значительная часть гражданского населения. В результате этого второго раскола народ добился желаемого. Децемвиры ушли в отставку, надеясь избежать наказания. Однако Аппий отметил: «Уж я-то знаю, что нас ждет».

Он оказался прав. Восстановили старую систему управления. Избрали новых консулов, Горация и Валерия, которые, по словам Цицерона, «разумно решили, ради сохранения согласия, стоять за народ», а также весь состав трибунов и эдилов. Аппия без долгих рассуждений бросили в тюрьму. Он обратился к народу, и по его делу назначили слушания. Аппий держался надменно, в соответствии с манерой Клавдиев, однако он чувствовал, что по мере приближения дня слушаний ненависть горожан к нему возрастает. Тогда он решил не дожидаться дня суда и покончил с собой.

Самоубийство у римлян было вполне закономерным поступком, когда наступало безнадежное положение (*nulla spes*). Но Клавдии, как ожидалось, проявили презрение к обстоятельствам, и семья Аппия сделала вид, что он умер естественной смертью. Его сын стал организатором траурных мероприятий. Он попросил, чтобы трибуны и консулы созвали на Форуме народное собрание, как обычно делали при кончине известных людей, где он мог бы произнести памятную речь. Однако его просьбу отклонили.

История децемвиров имела важные последствия. Прежде всего она явила будущим поколениям поразительный нравственный и человеческий пример. Вергиний, наряду с Брутом, стал еще одним героическим убийцей своих потомков, совершивший кровопролитие как добродетель. Этот случай показал пример, насколько высок был приоритет римской семьи, основанной на целомудренности дочерей. Близкие отношения с не состоящей в браке свободнорожденной молодой женщиной – строго запрещены, потому что они портили наследственную родословную (в отличие от этого, вступать в близкие отношения с мужчиной или женщиной, не имеющими римского гражданства, считалось вполне допустимым и даже достойным восхищения).

Крах децемвирата и второй раскол стал очередной знаменательной вехой в упрочнении положения плебеев. У консулов теперь было три важных закона, принятых официальным народным собранием – центуриатными комициями. Первый закон подтверждал неприкосновенность народных трибунов и наделял их правом вето. До сих пор их положение гарантировалось только клятвой, которую давали на неофициальном – плебейском совете (*concilium plebis*). В будущем сама республика могла бы стать гарантом безопасности трибунов. Наконец, «государство в государстве» присоединилось к государству.

Второй закон устанавливал гражданам право обжалования. Принцип обжалования сложился еще в 509 году, однако децемвиры действовали так, что никто не имел права обжаловать их решения. Эту лазейку необходимо было прикрыть, поэтому Валерий и Гораций запретили создавать в республике любых новых магистратов, действия которых не нельзя обжаловать.

И наконец, придали силу закона наиболее спорным предложениям, одобренным плебейским советом, хотя это сделали, скорее всего, после некоторого внешнего вмешательства. Это было значительным успехом, если вспомнить то обстоятельство, что в совет выбирали по трибам, а не по центуриям, так как выборы по центуриям давали право на участие в голосовании в основном только состоятельным гражданам.

Несмотря на то, что децемвиры потерпели неудачу, они могли гордиться одним своим достижением. Это закон Двенадцати таблиц (так стали называться законы, принятые на десяти первоначальных и двух последующих таблицах). Эти законы являются систематизацией правовых норм. Благодаря им суды и правила их ведения стали открытыми для всего общества, по крайней мере теоретически. Ливий пишет, что они «и сегодня, несмотря на целую гору нагроможденных друг на друга законов, остаются истоком всего государственного и гражданского права». По воспоминанию Цицерона, когда он еще учился, то ему задали выучить их наизусть.

К сожалению, до нашего времени не сохранился текст такого ценного и широко распространенного документа. В разных местах сохранились отдельные выдержки из этих законов на архаичном латинском, однако нет никакой уверенности в том, насколько точно они передают оригинал и какую часть они составляют от всего текста. Плебеи сразу же отменили дискриминационный запрет на браки между представителями аристократии и народа и в целом поддержали остальную часть Двенадцати таблиц. Укрепление прав женщин в семье смягчило внутренний деспотизм «*patria potestas*», то есть власть отца над членами семьи. Другие правила облегчили освобождение рабов и упорядочили наследование, долги и «*pexum*» – проценты по кредитам, условия контрактов и различные акты о передаче имущества. Расточительность не поощрялась.

Основной темой законов стала ежедневная торговля между людьми, при этом отношениям отдельной личности и общества уделялось мало внимания. Таким образом, «Человек может собирать плоды, которые упали на участок другого человека» и «Пусть они содержат в порядке дорогу. Если они не проложили ее, то каждый может вести свою подводу, там где пожелает».

Абсурдность, присущая некоторым ранним законам Рима, не укладывается в сознании. Наиболее ужасен следующий закон: «Если кто-то задолжал сразу нескольким людям, то его три раза подряд следует приводить на Форум в три базарных дня, и если он не отдаст долг, то кредиторам, если они того захотят, разрешено разрубить своего должника на части, и если кто-либо из них отсечет больше или меньше, чем ему положено, то пусть это не будет поставлено ему в вину». Буквально это означает, что если имеется более одного кредитора, то они имеют право разрубить тело должника на части, по размеру соответствующие суммам долга.

Ростовщик Шейлок из пьесы Шекспира «Венецианский купец», который вырезал фунт мяса из тела купца, по сравнению с римскими кредиторами является образцом милосердия.

Принятие законов Двенадцати таблиц стало значительной победой для народа, однако вскоре стало понятно, что политическая игра еще не закончилась. Через несколько лет произошел еще один существенный и таинственный переворот. В 444 году до н. э. должность консула отменили. Высшая власть перешла к военным трибунам с консульской властью (*tribuni militum consulari potestate*). Число таких трибунов было не меньше трех, а часто их количество доходило до шести.

Цель этой реформы не совсем ясна. В некоторых источниках сообщается, что ее провели в качестве компромисса с патрициями, которые не соглашались с тем, что консулом мог стать плебей, но не возражали, если они войдут в руководящую комиссию. Однако этому объяснению противоречит то, что плебеев редко избирали на новые должности, по крайней мере в начале. Другие источники утверждают, что Риму потребовалось больше двух командующих армией. Но почему тогда военными трибунами иногда избирали пожилых людей, которые в силу своего возраста не могли отправиться в военный поход? И почему республика из года в год вдруг меняла свою систему управления, избирая то трибунов, то консулов? Второе объяснение, по-видимому, будет более убедительным, если предположить, что у них стало больше

обязанностей. Также необходимо помнить, что решение об избрании трибунов и об их численности принимали за год до предполагаемого назначения их на должности. Но такая вроде бы логичная и обоснованная догадка иногда не отражает действительного положения дел.

Противостояние между богатыми и бедными, аристократией и народом, патрициями и плебеями продолжалось более века. Однако, невзирая на некоторые отступления в борьбе за общественные интересы, большинство римлян понимало, что маятник власти безвозвратно качнулся в сторону плебеев.

8. Падение Рима

Во второй половине дня 15 июля 496 года до н. э. два высоких и сказочно красивых юноши, на лицах которых еще только проступали первые бороды, оказались на римском Форуме. Они мыли своих взмысленных коней у источника, находящегося прямо у храма Весты и образующего небольшой, но довольно глубокий бассейн. Эти юноши, облаченные в воинские доспехи, выглядели так, словно они только что прибыли с поля боя. Юноши сразу привлекли к себе внимание жителей, которые стали расспрашивать их о новостях, поскольку Рим выслал армию против соседнего с городом племени латинов.

Юноши ответили им, что сегодня произошло крупное сражение у Регильского озера и что римляне стали победителями. Затем они покинули Форум, и после этого, несмотря на усиленные поиски, их больше никто не видел.

На следующий день из армии пришли известия о победе. На стороне латинов сражался престарелый Тарквиний Гордый, который получил ранение в бок. Римляне захватили вражеский лагерь. Во главе римской конницы внезапно появились два юноши верхом на конях. Они пронзали копьями всех возникающих перед ними латинских воинов, отчего вражеская армия бросилась в паническое бегство. Очевидно это были боги, которые немного позднее оказались на Форуме. Все решили, что это «небесные близнецы» Кастор и Поллукс, также известным как Диоскуры или «отроки Зевса». Елена Троянская приходилась им сестрой. Кастор и Поллукс участвовали в походе аргонавтов Ясона за Золотым Руном. Во время природных катастроф и военных сражений они являлись на помощь людям. Их святилище располагалось около Регильского озера, таким образом, сражение произошло почти у его порога.

В память о благодеянии братьев римский военачальник поклялся основать храм, хотя история их появления, конечно же, мифологическая. Однако археологи подтвердили, что именно в это время на Форуме возвели храм рядом с тем местом, где видели братьев со своими конями. Римляне почитали «небесных близнецов» и два раза перестраивали храм, который с каждым разом становился все более величественным. Грандиозные развалины храма в его окончательном варианте, созданном при императоре Тиберии в I веке н. э., до сих пор можно увидеть на Форуме. Здание храма стояло на высоком основании. В храме часто собирался сенат. У входа в храм находилось возвышение, где часто выступали ораторы и своими речами возбуждали толпу во время политических страстей последней республики.

В каждую годовщину битвы у Регильского озера проводили красочный ритуал в честь Кастора и Поллукса. Римская конница шествовала по городу, как будто она возвращалась с поля боя, а затем торжественно входила в храм. Головы всадников увенчаны оливковыми ветвями, а сами они, наряду с воинскими доспехами, облачены в пурпурные одежды с красными полосами. По словам одного из очевидцев, это «прекрасное и достойное величия римского господства зрелище».

Несмотря на двухсотлетнюю классовую борьбу у себя дома, римляне почти непрерывно вели многочисленные военные действия с соседними народами. У древних историков они

описаны так, как будто это войны великого народа, но на самом деле эти войны представляли обычные набеги или отражения набегов противника, по сути дела организованный государством бандитизм. Именно поэтому Ливию «казалось чудом», что вроде бы решающие победы ни к чему не приводили, так как эквы и вольски снова собирали свежие силы для ведения новых военных кампаний. В результате этого шла постоянная разрушительная война на истощение, год за годом уничтожался урожай и разрушались здания.

При царской власти Рим господствовал над всей областью Лаций, однако установление республики совпало с тяжелым экономическим положением. После победы над Ларсом Порсеной латины полностью вытеснили из этой области этрусков. Теперь они решили также ослабить и уничтожить еще не окрепшее римское государство. Однако новые правители республики дали понять, что они собираются придерживаться той же экспансионистской внешней политики, которую проводил Тарквиний Гордый.

Первые консулы заключили соглашение с Карфагеном. Это стало большим достижением, так как Рим получил признание такой крупной средиземноморской державы. В тексте соглашения установлены сферы влияния Карфагена, куда вошла Сицилия, и Рима (намного более скромные) в области Лаций: «Карфагениям возбраняется обижать народ ардеатов, антиатов, ларентинов, киркеитов, тарракинитов и всякий иной латинский народ, подчиненный римлянам. Если какой народ и не подчинен римлянам, карфагениям возбраняется тревожить города их; а если какой город они возьмут, то обязуются возвратить его в целостности римлянам. Карфагениям возбраняется сооружать укрепления в Лации, и если они вторгнутся в страну, как неприятели, им возбраняется проводить там ночь».

Римляне несколько преувеличивали степень своего влияния. Антий, Киркеи и Тарракина находились за пределами Лация, а в то время это была территория вольсков. Это соглашение демонстрировало агрессивные намерения Рима и выдавало непроизвольное желание римлян возвратить бывшее господство, утраченное во время многочисленных переворотов, произошедших в результате падения монархии. Военные авантюры в чужих землях отвлекали римлян от бедности и долгов у себя дома.

Латины поддерживали единство своего народа. Каждую весну они проводили свой «народный» праздник, называемый «Ферии латинские». Основным мероприятием праздника был пир. Каждая община приносила мясо молодого барашка, сыр, молоко и другие продукты. В жертву приносили белого быка, а его мясо делили на всех присутствующих. Латинские государства организовали союз, но Рим в него не взяли. Вскоре между Римом и латинами вспыхнула война.

Военные действия продолжались недолго. Если в результате помощи «небесных близнецов» у Регильского озера римляне одержали победу, то в дальнейшем на это рассчитывать было нельзя. Противоборствующие стороны поняли, что у них есть важные общие интересы. Они находились в окружении враждебных племен и сообществ. Если перечислять по часовой стрелке с севера, то первыми идут этруски, особенно их богатый и сильный город Вейи, затем следуют сабины, аквы, герники и воинственные вольски. Большие участки территории оказались потеряны. Если бы Рим и латины не преодолели свои разногласия, то в Лаций могли вторгнуться другие народы.

В 493 году до н. э. римляне заключили договор с латинами. Со стороны римлян его заключил консул Спурий Кассий (которого, как упоминалось выше, впоследствии казнили за стремление к царской власти), и в его честь этот договор называли «Кассиевым договором». Условия договора вырезали на бронзовом столбе на Форуме, который стоял там во времена Цицерона. В основу договора положили принцип взаимопомощи: «Пусть мир между

римлянами и всеми латинскими городами продолжается до тех пор, пока существуют небо и земля. Пусть они и сами не начинают войну друг против друга, и внешних врагов не приводят, и не предоставляют безопасный проход тем, кто начнет войну. Пусть в случае войны помогают друг другу всеми силами».

Несколько лет спустя к договору присоединились герники. Они, как и латины, создавали свои отряды, которые сражались под общим с Римом командованием. В конце концов, получилась значительная армия, которая могла отразить любое вторжение с любого направления.

Эти небольшие конфликты происходили на фоне крупного переселения народов в Италию вдоль длинного Апеннинского хребта. Первые признаки этого переселения появились в начале V века. Столкнувшись с перенаселенностью, а также, видимо, с давлением кельтов, горный народ самниты перешел через Альпы и спустился в долину реки По. Самниты говорили на оскском языке. Затем из центральной части Апеннинского полуострова они стали переселяться на юг в поисках жизненного пространства.

Переселение, как мы знаем, проходило на основе религиозного ритуала, называемого «священная весна» (*ver sacrum*). Он состоял в том, что всех животных и детей, родившихся весной, посвящали (*sacrati*) богу Марсу. Животных приносили в жертву, а юноши по достижении двадцати лет или двадцати одного года должны были уйти из своей общины и искать себе место для жительства. Уходя из дома, они шли за каким-нибудь животным или птицей, такими как бык, волк или дятел. Там, где это животное останавливалось, они основывали новое поселение или колонию.

Число групп этих молодых агрессивных пастухов постоянно растет. Они достигают самого кончика итальянского «сапога» и угрожают греческим городам Великой Греции. Самниты, говорящие на оскском языке (относящиеся к сабельской группе племен), устремились вниз с холмов на плодородную Кампанию и быстро расселились там. Они захватили крупные города и по сути дела организовали новую страну, отказавшись от занятий сельским хозяйством. Этруссские правящие круги города Капуя опрометчиво решили впустить пришельцев и сделать их членами общества, однако в одну из темных ночей 423 года до н. э. после обильных возлияний на празднике самниты перебили этрусков.

В течение многих лет Рим сдерживал напор эквов и вольсков во многом благодаря помощи латинов, однако во второй половине V века положение стало меняться. 19 июня 431 года состоялось решающее сражение с эквами. То обстоятельство, что в коллективной памяти республики сохранилась такая точная дата, свидетельствует о том, какое большое значение имела эта победа. Потерянные латинские города вернули прежним хозяевам, и римские войска, наконец, перешли в наступление.

Это было время, когда одна за другой происходили военные кампании, которые большей частью превращались в простые перестрелки, и только иногда – в полноценные сражения. Именно тогда на исторической сцене появился выдающийся патриций и политик, противник плебеев, Луций Квинций Цинциннат. Этому человеку в преклонном возрасте выпало жить в трудное время. Он владел небольшим участком земли площадью четыре югера. Однажды из города к нему прибыли посланники и застали его за обработкой своей земли, видимо, он копал канаву или пахал поле. «Все ли в порядке?» – спросил он. Он-то знал, что далеко не все, но надо было соблюсти формальности. После молитвы богам о ниспослании благословения на него и на его землю, Луция пригласили отправиться с посланниками, облачившись в тогу, одежду свободнорожденного римлянина.

Неудивительно, что он не носил тогу, поскольку она наверное была самым неудобным из всех предметов одежды, которые когда-либо выходили из-под руки портного. Широкий

полукруг тяжелой материи, размером приблизительно 3 на 6 метров, который туго оборачивали вокруг тела и носили без завязок. Чтобы тога не спала, требовался особый навык. Зимой в тоге было довольно холодно, а летом – жарко.

Цинциннат оделся, как подобает, и вышел к посланникам. И только теперь ему сообщили о серьезных военных неудачах. Консульский легион в своем лагере находится в окружении армии эквов. Цинцинната призвали стать диктатором и разрешить сложное положение. Он быстро справился с возложенной на него задачей. Принудив эквов к миру, он согласился заключить его только после проведения позорного ритуала. Из трех копий сложили ярмо, через которое должны были пройти все побежденные вражеские воины в знак признания того, что они покоряются и признают свое поражение. Прodelав все это, через две недели Цинциннат сложил с себя диктаторские полномочия и возвратился к своему плугу.

Несмотря на то, что Цинциннат не является реальной исторической личностью, в нем объединили те качества, которыми очень восхищались римляне, при том, что они сами довольно редко проявляли их в жизни. Эти качества – простая естественная жизнь, приверженность к земледелию, безусловный патриотизм, беспристрастность и презрение к богатству. Как обычно бывает, это восхищение получило отражение в топографии: уголья почтенного старца, которые находились за Тибром, против того самого места, где у подножья Палатинского холма находится верфь, долгое время сохранялись и получили название Квинкциев луг.

Образцом нравственной чистоты Цинцинната считали даже в XVIII веке нашей эры. Американский город Цинциннати назвали в честь Джорджа Вашингтона, которого считали современным Цинциннатом из-за отсутствия у него стремления к власти. Пример Цинцинната часто вдохновлял людей, как в Древнем Риме, так и в наше время.

Приблизительно в 20 километрах к северу от Рима при слиянии двух небольших рек находится обширное плато со скалистыми откосами. Сейчас плато заросло густой травой. На протяжении последних двух тысяч лет эта территория площадью 20 гектар использовалась для сельскохозяйственных нужд, в основном под пастбище. Если осмотреть эту землю более подробно, то можно увидеть, что она скрывает в себе какую-то очень древнюю историю. Летом на снимках с самолета или со спутника можно увидеть сероватые границы полей, слабо различимые контуры древних построек. Везде виднеются разрушенные стены и купола гробниц, торчащие из-под земли.

Когда-то здесь находился известный процветающий город Вейи, южный форпост этрусского союза (сегодня около него находится деревня Изола Фарнезе). На обрывистом плато, по-видимому, возвышались здания, стоящие на некотором расстоянии друг от друга. В центре городские кварталы расходились от центральной площади в виде сетки. На соседних холмах находились прекрасно оформленные гробницы. Город имел хорошую естественную защиту, там были источники питьевой воды, поэтому он мог выдержать долгую осаду.

Большое значение для жителей города Вейи имела религия. В южной оконечности города за высокими стенами «акрополя» (ныне Пьяцца д'Арми) располагалось святилище «царицы небес» Юноны. Храмовый комплекс построен у понижения на западной стороне Вейского холма, где в начале XX века обнаружили замечательную терракотовую статую Аполлона, или, на этрусском языке, Апулу. Высота статуи немного превышает человеческий рост. Бог изображен на спортивном состязании в тунике и коротком плаще. Его волосы заплетены в множество косичек, похожих на дреды. Уголки губ слегка приподняты, на них застыла загадочная улыбка. Скорее всего эту статую сделал один из самых известных этрусских скульпторов, Вулка, которому Тарквиний поручил украсить храм Юпитера на Капитолийском холме Рима.

Очевидно, Вейи были могущественным и богатым городом. Ливий утверждал, что это «самый богатый из всех городов Этрурии». Вейи имели очень выгодное местоположение и контролировали обширные плодородные земли, площадью почти 900 квадратных километров, большинство которых использовали для земледелия, а остальные – под пастбище. Сеть хорошо обустроенных дорог связывала центр этой области с окраинами, что облегчало торговлю. С помощью сложной системы туннелей (супіссулі, или «кроличьи норы») производилось орошение густонаселенной сельской местности. В эти туннели с заболоченной земли стекала вода, которая по ним уходила в другую долину: протяженность одного из самых длинных туннелей, Фоссо дель Ольметти, более пяти с половиной километров. В самом городе воду собирали в трубы и направляли по ним в резервуары, где она собиралась. Жители города Вейи создали очень организованное общество с высокой производительностью труда и эффективной системой управления.

Вейи, расположенные на правом берегу Тибра, еще со времен Ромула соперничали с Римом за контроль над производством соли и за торговыми путями вверх и вниз по полуострову. Если бы Вейи смогли помешать торговым связям Рима, то новорожденная республика оказалась бы в большой опасности. Избежать этой жизненно необходимой борьбы не было никакой возможности, поэтому время от времени происходили набеги или же вспыхивали довольно серьезные военные действия. Вейи часто достигали успеха в борьбе с Римом. Однажды их войска даже дошли до Рима и выстроили свое укрепление на Яникульском холме за Тибром.

На должность консула очень часто избирались представители одного из основных римских родов – рода Фабиев. В 480-х годах Фабии были консулами в течение восьми лет. Фабии имели собственность у границы с Вейями, поэтому они были заинтересованы в сохранении этой границы на своем месте. Однажды представитель этого рода сделал выгодное предложение сенату: «Известно вам, отцы-сенаторы, что война с вейянами требует сторожевого отряда скорей постоянного, чем большого. Пусть же другие войны будут вашей заботой, а вейских врагов предоставьте Фабиям. Мы будем поручкою, что величие римского имени не потерпит ущерба».

Сенаторы, которым одновременно приходилось вести войны с эквами и вольсками, не смогли отказаться от такого предложения. Отряд Фабиев торжественно выступил из Рима и выстроил укрепление у реки Кремера близ города Вейи. Его цель состояла в том, чтобы прекратить набеги вейян на римские (и фабианские) земли. Однако через два года, в 479 году, мероприятие потерпело неудачу. В надежде на построенные укрепления воины Фабиев решили захватить специально выпущенное для них стадо. В результате небольшой отряд Фабиев заманили в засаду. Этруски перебили почти весь отряд в количестве ста шести человек (вероятно, вместе с их слугами и сторонниками). В живых остался только один почти взрослый отпрыск Фабиева рода.

Эта история напоминает знаменитое Фермопильское сражение, где триста спартанцев насмерть стояли против войск персидского царя Ксеркса. Историки с националистическими воззрениями хотели показать грекам, что римляне также могли пожертвовать собой во имя каких-нибудь высоких целей. Однако после того, как оставшийся в живых в битве у реки Кремеры постарел и уже не мог занимать высший государственный пост, представители рода Фабиев перестали появляться в ежегодном списке консулов десять с лишним лет. Таким образом, несчастье с Фабиями стало как бы доказательством сходства с ранее произошедшими событиями. В истории довольно часто случаются какие-то неудачи, которые обычно используются пропагандистами в своих собственных целях.

В течение V века до н. э. могущество этрусков постепенно уменьшалось. Флот

сицилийского города-государства Сиракуз победил этрусков в морском сражении и разорил берега Тирренского моря. На севере галлы перешли через Альпы, расселились по долине реки По и вынудили этрусков уйти с захваченных земель к себе на родину. Этрусские города, союзные Вейям, не помогли этому городу в трудный час (видимо, потому что вместо царей там стали править выборные чиновники, в то время как в Вейях восстановили монархию), поэтому Вейи в течение долгой борьбы оказались один на один с римлянами.

Военный план вейян состоял в том, чтобы утвердиться на левом берегу Тибра и угрожать оттуда Риму, перекрыв Соляную дорогу (Via Salaria). Небольшой городок Фидены, стоящий на этой дороге, несколько раз переходил из рук в руки.

Часто вспыхивали ожесточенные схватки. Через некоторое время произошло еще одно замечательное проявление доблести. Консул Авл Корнелий Косс сумел поразить царя города Вейи и, тем самым, завоевал высшую награду республики за храбрость на поле боя – «тучные доспехи» (*spolia opima*). Такую награду присуждали командиру армией, который лично убил в рукопашном бою командира вражеского войска. Ударом копья Косс сшиб царя с коня, а затем подскочил к нему и стал наносить удар за ударом. Затем он снял с убитого доспехи, отрубил ему голову, поднял ее на копье и помчался на вражеское войско, которое в ужасе обратилось в бегство.

Косс пронес доспехи на триумфальной процессии, которая позднее стала частым явлением в Риме. Затем он передал их в небольшой храм Юпитера Феретрия, Усмирителя врагов, на Капитолийском холме. Святилище было посвящено легендарному царю Ромулу, единственному, кто ранее завоевал «тучные доспехи» (после Косса еще одну, последнюю, награду присудили в 222 году). Там доспехи царя вейян лежали несколько веков до конца I века.

К этому времени храм сильно обветшал. Крыша обвалилась, и внутренние помещения оказались под открытым небом. Первый император Рима, Август, будучи приверженцем традиционной религии, посетил храм и осмотрел сохранившиеся святыни, включая льняной нагрудник с надписью о подвиге Косса. После этого Август велел полностью восстановить храм.

В 426 году до н. э. начался отсчет двадцатилетнего перемирия между Римом и Вейями. В последние десятилетия V века эквы и вольски прекратили военные действия. Причина этого не понятна. Может быть, они устали от упорного сопротивления римлян, а может, их армии понесли сильные потери от распространения малярии, чумы и нехватки продовольствия. Может быть, жестокие представители этих племен постепенно переродились в мирных земледельцев. Так или иначе возникла передышка, и Рим смог восстановить свои силы.

Как только срок перемирия истек, Рим стал искать причину раз и навсегда покончить с Вейями. Такой причиной стало высокомерие сената города Вейи по отношению к римлянам. Вейянам надо было дать ответ на требования римлян о возмещении убытков. Они отказали римлянам. Никто не удивился, что из-за такого ничтожного повода Рим объявил Вейям войну. Римляне сразу же обложили Вейи осадой. Для проведения военных действий римляне, по-видимому, увеличили численность своей армии с четырех до шести тысяч человек.

Поначалу военная кампания проходила неудачно для римлян. Вейяне собрали в своем городе военное оснащение, камни для метания и большое количество зерна. Они имели все основания для победоносного завершения войны. Осада продолжалась. Воины привыкли к тому, что летние кампании завершаются ко времени уборки урожая. Они могли вернуться домой и собрать то, что уродилось у них на земле. Однако ни к осени, ни к следующему году римляне так и не смогли взять неприступные скалистые обрывы города Вейи, поэтому прекратить военные действия и отпустить воинов было невозможно. До этого времени все

воины обеспечивали себя в армии на свои средства. Теперь сенату пришлось платить воинам за службу в армии (и, следовательно, ввести новые налоги, чтобы восполнить казну). Ополчение граждан сделало первый шаг к переходу на организованную профессиональную армию.

Однажды произошло событие, вызвавшее большое беспокойство среди суеверных римлян. Внезапно очень сильно повысился уровень воды в небольшом озере, расположенном в кратере вулкана в Альбанской роше, при этом не было никаких дождей. Это было тревожным предзнаменованием, и сенат отправил посланников в Дельфы, дабы узнать, что пророчат боги этим знамением.

Однажды, когда римские и вейянские воины со своих караульных постов осыпали друг друга безобидными насмешками, из города Вейи вдруг явился какой-то старец и возвестил свое пророчество. «Римлянам не овладеть Вейями, – сказал он, – покуда не уйдет вся вода из озера Альбанского». Римский стражник сказал, что хотел бы посоветоваться со старцем по поводу только одному ему известного вопроса. Стражник попросил его выйти и поговорить с ним наедине. Отойдя со старцем на некоторое расстояние, римлянин поднял немощного предсказателя и отнес его на свой караульный пост.

Старца отослали в Рим и привели в сенат, где его расспросили о том, как осушить озеро. Не удивительно, что он посоветовал им применить те же самые средства, которые использовали на его родине – прокладку туннелей. В Дельфах сказали то же самое. Пифия на этот раз поступила совсем не по-дельфийски. Жрица прямо предложила использовать избыток воды в озере для орошения окружающих полей. Как только римляне сделают это, Вейи падут. Римляне сразу же все исполнили. Они спустили воду из озера, и уровень понизился до первоначальной отметки.

Непонятно, как относиться к этому рассказу. На первый взгляд он кажется совершенно нелепым и явно вымышленным. Однако, как часто случается в ранней римской истории, этому рассказу можно найти некоторое подтверждение. Из Альбанского озера на самом деле выходит древний сточный туннель, который можно увидеть и сегодня, хотя нельзя точно определить время его постройки (туннель расположен недалеко от летней резиденции папы римского Кастель Гандольфо). Если отказаться от версии древнего прорицателя и попытаться найти более правдоподобное объяснение, то скорее всего туннель проложили, чтобы предотвратить сток воды из озера в малярийные болота. Другими словами, туннель построили для улучшения условий жизни и безопасности, однако по какой-то непонятной причине богатые воображением римские писатели связали его постройку с предсказанием о падении города Вейи.

Но мы еще не все знаем об этом туннеле. Одного из самых известных героев Рима избрали диктатором с чрезвычайными полномочиями и поручили довести осаду до полного завершения. Эти героем был Марк Фурий Камилл, который за время своей долгой карьеры занимал все высшие должности в республике и пять раз избирался диктатором. Он организовал строительство подземного хода под центральной крепостью города Вейи. Судя по описанию Ливия, это была нелегкая задача: «Чтобы и работа не прерывалась, и люди не изнемогали от длительного пребывания под землей, Камилл разбил землекопов на шесть команд. Работа велась круглосуточно, в шесть смен, днем и ночью, и закончилась не прежде, чем путь в крепость был открыт».

Военная кампания затягивалась. Как и большинство соотечественников, Камилл находился под влиянием сильного суеверного страха. Для него было крайне важно победить так, чтобы это одобрили боги города Вейи, особенно божественная покровительница этого города (к которой он тоже относился с большим почтением среди остальных богов-олимпийцев), Юнона, известная у вейян как этруская великая богиня Уни Теран. В ее святилище, которое находилось в крепости, стояла деревянная статуя богини, являющаяся

ценным объектом почитания. Римляне на каждый случай имели какую-нибудь церемонию, поэтому в таком решающем положении Камилл провел церемонию «вызывания» (evocatio) – он отозвал богиню из своего дома в Вейях. На военном параде он обратился к Юноне с просьбой: «Последуй за нами, победителями, в наш город, который станет скоро и твоим. Там тебя примет храм, достойный твоего величия»

Благодаря подземному ходу римляне достигли успеха. Рассказывают, что царь вейян совершал жертвоприношение, и жрец объявил ему, что победа в войне окажется у того, кто разрубит внутренности именно этого животного. Подкопщики подслушали это, обвалили пол и ворвались в крепость. Они сразу же схватили внутренности и отнесли их к Камиллу. Даже Ливий отнесся к этому событию с недоверием. Он написал об этом расказе: «Зачем подтверждать или опровергать то, чему место скорее на охочих до чудес театральных подмостках».

Однако и здесь под нагромождением вымысла археологи смогли найти крупицу правды. Раскопки в Вейях на полуострове между двух рек, где должен был находиться римский лагерь, показали, что под крепостным валом проходили какие-то более ранние сточные туннели. Они были завалены спрессованными черепками, камнем и землей. Туннели скорее всего завалили при обороне города. Так и напрашивается предположение, что римляне обнаружили один или несколько таких туннелей, очистили их и пробрались по ним в осажденный город.

Так или иначе, Вейи подверглись решительному нападению римлян. Завязалась жестокая схватка, но Камилл приказал своим воинам не убивать тех, у кого не было оружия. Его нельзя упрекнуть в жалости, так как Вейи были захвачены и разрушены. На следующий день из города вывезли все, что можно. Оставшихся в живых жителей вывели на продажу, как рабов. (На самом деле рынок скорее всего не смог бы вместить такое огромное количество людей. Теперь, когда государства Вейи не существовало, римлянам не оставалось ничего иного, как предоставить не проданным в рабство жителям единственное доступное им право – римское гражданство.)

Затем пришло время для перевозки в Рим Юноны и сокровищницы храма. Молодым воинам велели снять статую со своего пьедестала – это деяние они сочли кощунством. Ради озорства один из юношей крикнул: «Хочешь ли, о Юнона, идти в Рим?» В ответ, к ужасу собравшихся, статуя кивнула своей головой. Ливию ничего не оставалось, кроме того, чтобы написать: «Слышен был и голос, провещавший изволение. Во всяком случае известно, что статуя была снята со своего места с помощью простых приспособлений, а перевозить ее было так легко и удобно, будто она сама шла следом. Богиню доставили на Авентин, где ей отныне предстояло находиться всегда; именно туда звали ее обеты римского диктатора».

Юноне предоставили временное прибежище вероятно в плебейском святилище Дианы. Камилл оказался верен своему слову и через несколько лет после разрушения города Вейи неподалеку от этого святилища построил новый храм, который он посвятил «царице небес». Можно предположить, что в это время богиня, удовлетворенная новым замечательным домом, отказалась от своей длительной вражды с Римом.

Вейи полностью опустели, как причитал один из поэтов I века до н. э.: «Как печальны вы, древние Вейи! Когда-то вы были столицей царства, и на вашем форуме стоял золотой трон; теперь внутри городских стен бродит пастух и трубит в свой рожок. Жнецы пожинают поля на ваших могилах».

Римляне очень гордились своей победой. Они утверждали, что осада продлилась десять лет, тем самым они представляли долгую войну с Вейями как свою версию Троянской войны. С точки зрения стратегии это был поистине значительный успех. В результате победы римлян власть этрусков ослабла, а Рим превратился в могущественное государство Центральной

Италии. Также упрочилось внутреннее положение в Риме. Землю вейян (ager Veientanus) распределили среди римских граждан, что облегчило положение беднейших плебеев и, по крайней мере на время, позволило смягчить проблему задолженности.

Однако, как часто происходит, вслед за гордостью следует падение, в буквальном смысле – падение самого Рима. Даже Ливий, который обычно смягчал все римские неудачи, признает: «Уже надвигалась громада беды».

В 390 году распространились слухи, что на Италию надвигается огромная орда варваров, – зачем и с какой целью, никто не задумывался, но все как один знали, что они представляют страшную угрозу. В течение двух с лишним веков кельтские племена выходили из своих центров в Центральной Европе и Азии, пересекали Альпы и (как уже сообщалось) спускались в Северную Италию. Там они расселялись и с вожделием смотрели на земли своего южного соседа – государства этрусков.

Цивилизованный мир – то есть греки и их почитатели, римляне – не представляли себе, что им делать с этими жестокими непредсказуемыми племенами. Заслуживающий доверия греческий историк Полибий, который провел значительную часть своей жизни в Риме, написал: «[Они] не имели понятия об изысках цивилизации. Селились они неукрепленными деревнями и не имели никакого хозяйства, ибо возлежали на соломе, а питались мясом; кроме войны и земледелия, не имели никакого другого занятия, вообще образ жизни вели простой; всякие другие знания и искусства были неизвестны им. Имущество каждого состояло из скота и золота, потому что только эти предметы они могли легко при всяких обстоятельствах всюду брать с собою и помещать их по своему желанию. Величайшее попечение прилагали кельты к тому, чтобы составлять товарищества, ибо опаснейшим и могущественнейшим человеком почитался у них тот, у кого было наибольшее слуг и верных товарищей».

Кельты, или (как их стали называть римляне) галлы, имеют высокий рост и крепкое телосложение, а сами они – русые от природы. Они носят длинные волосы, которые белят и укрепляют частым мытьем в известковом растворе. Затем они зачесывают волосы так, что они становятся похожими на конскую гриву. Галлы оставляют такие густые усы, что «когда они пьют, напиток словно процеживается через сито». Рассказывают, что у них были распространены близкие отношения между мужчинами и что галлы любили проводить время одновременно с двумя возлюбленными, при этом они считали «бесчестным того, кто, будучи желанным, не принимает предлагаемого дара». Их женщины также наслаждались значительной свободой в выборе партнера. Они обладали правом развода с теми мужьями, которые не исполняли своего супружеского долга. В отличие от греческих или римских женщин, они играли важную роль в общественной жизни и часто бывали послами, а в некоторых случаях даже участвовали в сражениях.

Кельты отличались неумеренностью, они часто объедались и напивались сверх всякой меры, а затем ссорились друг с другом. При решении политических вопросов они действовали крайне непоследовательно. Они не могли себе представить никакой долгосрочной перспективы и не хотели придерживаться никаких принципов.

Трудно сказать, насколько объективно такое описание, поскольку мы не можем сравнить его со сведениями, полученными от самих кельтов. При общем рассмотрении такое описание представителей дикого племени выглядит вроде бы логично, однако не стоит забывать, что оно в значительной мере отражает страх постороннего наблюдателя перед образом жизни кельтских племен. Это подтверждается тем, что греко-римские авторы не обращают никакого внимания на качество и красоту кельтских изделий из металла, на искусство их ремесленников.

Совершенно определено, что кельты были прекрасными воинами и знали, как ошеломить вражескую армию и сделать ее небоеспособной. Без всякого страха голые с

развевающимися длинным волосами они выскакивали на поле боя и издавали странный боевой клич, сопровождаемый резкими звуками труб. Кельтская конница использовала военное новшество – железные подковы, а пехота носила остро заточенные мечи. Кельты смогли собрать многочисленное войско и были решительно настроены на победу. Новость об их неизбежном вторжении в Центральную Италию вполне справедливо сочли за надвигающееся бедствие.

Множество воинов с еще большим числом женщин и детей прибыли к Клузию – важному этрусскому городу, бывшему когда-то столицей царя Ларса Порсены. Рассказывали невероятную историю, что галлы пришли из-за большого количества вина, которое находилось в Клузии, и что по просьбе клузийцев римляне отправили к галлам своих посланников. Эти посланники встретились с кельтским вождем Бренном и в неподобающей форме выразили ему протест. Затем они вместе с армией Клузия попытались с оружием в руках отразить вторжение кельтов. Такое нарушение принципов дипломатического нейтралитета очень разозлило Бренна. В назидание римлянам он приказал начать наступление на Рим, до которого было всего около 130 километров.

На самом деле видимо Бренн возглавлял не народ, идущий на поиски жизненного пространства, а просто отряд мародеров, стремящийся к наживе. Существует большая вероятность того, что кельты действовали по наущению сиракузского тирана Дионисия, основная цель которого в это время состояла в том, чтобы подорвать позиции римских союзников – этрусский торговый город Цере и греческие города Великой Греции. Если это так и было, то кельты направились бы на юг Италии и прошли бы мимо Рима.

Видимо римляне послали передовой отряд на север, чтобы узнать точные сведения о продвижении кельтов. Одно бесспорно – наспех собранная римская армия встретилась с захватчиками и вступила в сражение у небольшой речки Аллия, притоке Тибра. Численность ни той, ни другой стороны нам неизвестна, по-видимому, два легиона или около десяти тысяч римлян сражались с тридцатью тысячами кельтов. Чтобы не допустить охвата противником с фланга, римский военачальник сильно растянул свои боевые порядки в ущерб глубине обороны. По-видимому, в центре расположились главным образом тяжеловооруженные легионеры из богатых сословий, а на флангах – легковооруженные воины из бедных слоев. Центр не выдержал натиска и дрогнул.

Римляне бежали, оставив множество убитых, однако Бренн считал, что вражеская армия должна быть более многочисленной. Он боялся, что римляне устроили засаду, а потому не велел своим воинам преследовать отступающих. Многим римлянам удалось бежать. Большое количество их укрылось в близлежащих Вейях, так как крепость этого бывшего города служила хорошей защитой.

При этом дорога на Рим оказалась открытой.

То, что произошло далее, описывает Ливий в одном из самых больших своих эпизодов. Рим не был окружен никакой защитной стеной, что являлось признаком самонадеянности или небрежения, или же того и другого. Римляне считали, что достаточно будет земляных валов и холмов. Кроме того, значительная часть армии погибла или укрылась в развалинах города Вейи. Рим остался без защиты. Не было ничего, что могло бы помешать Бренну наступать и поступить с римлянами точно так же, как они поступили с жителями города Вейи.

Кельты не верили своим глазам и все еще боялись засады. Они смотрели и ждали, пока не наступил вечер. Все, что смогли сделать в осажденном городе, сделали ночью именно благодаря этому промедлению. Горстка оставшихся в городе войск заняла позиции на Капитолийском холме, где они должны быть обороняться столько, сколько смогут. Мирным жителям позволили укрыться там же, однако многие из них, особенно менее состоятельные,

направились через городские ворота к деревянному Свайному мосту. Затем они поднялись на Яникульский холм и разошлись по окружающим деревьям. Веста была богиней семейного очага и гарантом незыблемости Рима. Ее жрицы, поклявшиеся соблюдать целомудрие, – весталки – спорили о том, что сделать со священными предметами. Все то, что нельзя было унести и отправить в дружественный этрусский город Цере, они решили закопать. Главная обязанность весталок состояла в том, чтобы поддерживать вечный огонь богини. По-видимому, они взяли его с собой в виде факела или жаровни. Весталки покидали свой дом пешком, однако затем один патриотически настроенный римлянин посадил их на свою повозку. Рим был мертв.

Утром в город вошли кельты. В крепости было безопасно, однако, вместо того чтобы спрятаться, сенаторы решили посвятить себя потустороннему миру и смерти в ходе странного ритуала, называемого «обетование» (*devotio*) (откуда происходит английское слово *devotion* «посвящение»). Они считали, что если они принесут себя в жертву, то точно такое же «обетование» падет на головы их врагов – другими словами, это также приведет к гибели кельтов. Обряд «обетования» мог совершить с собой только тот, кто в настоящее время исполнял должностные обязанности (то есть, консул), а бывшие исполнители могли вернуть себе власть с помощью ритуального жеста в виде сжатия своего подбородка. Сенаторы разошлись по домам и оделись в старые тоги, в которых они заседали в сенате. Они сидели во дворах своих домов и спокойно ожидали своей участи.

Коллинские ворота (*porta Collina*) у северной оконечности города оставили открытыми, и именно через них в город вошли первые кельтские захватчики. Они без злобы и рвения спокойно пошли вниз по длинной прямой улице, которая вела от ворот до подножия Капитолийского холма, а затем на Форум. Кельты блуждали по площади, внимательно осматривали храмы и крепость. После осмотра зданий они разошлись по городу в поисках добычи. К своему удивлению, они обнаружили, что дома бедняков стояли запертые, а виллы богатых – совершенно открытые.

С благоговением кельты взирали на неподвижно сидящих сенаторов, а один кельт даже дотронулся до бороды некоего Марка Папирия и, таким образом, помешал ему довести до конца ритуал «обетования». Оскорбленный Папирий ударил кельта по голове своим жезлом из слоновой кости. Разъяренный кельт сразу же убил его, и вскоре всех остальных сенаторов постигла та же самая участь. «Обетование» завершилось.

После этого начался настоящий разбой. Кельты грабили дома и предавали их огню. В пожарищах погибли многие общественные и частные записи, что впоследствии очень осложнило работу римских историков, таких как Ливий. И все же крепость держалась. Кельты готовились к ее осаде.

Камилла одолевала смешанные чувства. Победителя вейян отправили в изгнание из-за его несогласия с распределением добычи. Он испытывал чувство обиды от того, что старел и стал бесполезным. Камилл жил в небольшом городке недалеко от Рима и следил за событиями, не принимая в них участия.

Приближение кельтских захватчиков стало для Камилла счастливой звездой, так как это событие пробудило в нем патриотические чувства. Он организовал горожан, и они совершили удачную вылазку. Известие об этой небольшой победе быстро распространилось. Римские воины прибывали в Вейи – место, где прославился Камилл, – и сожалели, что его нет с ними. Воины попросили сенаторов за Камилла. Про него вспомнили и второй раз назначили диктатором – вождем, посланным самой судьбой (*fatalis dux*), и командующим римской армией.

Камиллу повезло, так как он не опоздал с прибытием, поскольку Капитолийский холм почти полностью оказался в руках захватчиков. То, что случилось после, стало одним из самых замечательных эпизодов римской истории. Кельты заметили, что на скалистый склон холма,

начинающийся от того места, где стоял храм богини рождения Карменты, можно было легко подняться. В одну из звездных ночей они сначала выслали туда безоружного лазутчика, чтобы он разведаль дорогу, а потом наверх полезла большая группа. Несмотря на крутизну склона, кельты скрытно добрались до самого верха скалистого склона и оказались недалеко от огромного храма Юпитера, Лучшего и Величайшего. Римские стражники не слышали их, и даже сторожевые собаки не подали голоса.

Ливий продолжает свой рассказ: «Но их приближение не укрылось от гусей, которых, несмотря на острейшую нехватку продовольствия, до сих пор не съели, поскольку они были посвящены Юноне. Это обстоятельство и оказалось спасительным. От их гогота и хлопанья крыльев проснулся Марк Манлий, знаменитый воин, бывший консулом три года назад. Схватившись за оружие и одновременно призывая к оружию остальных, он среди всеобщего смятения кинулся вперед и ударом щита сбил вниз галла, уже стоявшего на вершине. Покатившись вниз, галл в падении увлек за собой тех, кто поднимался вслед за ним, а Манлий принялся разить остальных – они же, в страхе побросав оружие, цеплялись руками за скалы».

В удушливую летнюю жару время текло очень медленно. В любой армии Древнего мира очень трудно было поддерживать гигиену. Не стал исключением и кельтский военный лагерь, где постепенно распространились заразные болезни. Захватчики уже не в силах были сжигать трупы на отдельных погребальных кострах. Они собирали большие горы умерших и устраивали массовые сожжения на Бычьем форуме около того места, где начинался Свайный мост. Даже во времена Ливия это место все еще называли «Галльское пожарище» (Busta Gallica).

Для защитников на Капитолийском холме время также стало жестоким врагом. Однако они страдали не от болезней, а главным образом от голода. Римляне скрывали нехватку продовольствия тем, что бросали куски хлеба в кельтские караулы. Однако вместе с уменьшением количества пищи стала убывать и их надежда. Воины обессилели и уже почти не справлялись даже с несением караульной службы. Они ждали, что вот-вот прибудет Камилл и снимет осаду крепости. Они верили, что он находился где-то поблизости, однако его было не видно и не слышно.

Многие поняли, что Бренн и его полчища согласятся покинуть Рим, если им предложить какую-то не слишком большую сумму денег. И вот, сенаторы встретились с военными трибунами и поручили им выработать условия мира. Договорились и о размере этой суммы – она составила тысячу фунтов золота. Ливий пишет: «Эта сделка, омерзительная и сама по себе, была усугублена другой гнусностью: принесенные галлами гири оказались фальшивыми, и, когда трибун отказался мерять ими, заносчивый галл положил еще на весы меч. Тогда-то и прозвучали невыносимые для римлян слова: горе побежденным! (vae victis)».

В одиннадцатый час появился Камилл во главе своей армии. Он приказал унести золото и отправить назад кельтов. Поскольку он был диктатором, то военные трибуны потеряли свое право на власть, и их договор о мире с Бренном не имел законной силы. После небольшой стычки пораженные кельты ушли из Рима. Более серьезное сражение развернулось в двенадцати километрах к востоку от Рима на дороге в город Пренест. У кельтов было время для переподготовки, но несмотря на это, победа снова оказалась в руках всевластного Камилла. Римляне захватили галльский лагерь и уничтожили неприятельскую армию. Миновала самая большая опасность, которая когда-либо грозила республике.

Этот впечатляющий эпизод представляет собой смесь действительных событий и вымысла. Основная тема – разграбление Рима кельтами – не подлежит сомнению. Об этом унижении римляне не забывали никогда, и высокомерная насмешка Бренна «Горе побежденным!» (vae victis) стала восприниматься римлянами как несмыаемый позор. Самое страшное, что варвары ушли не навсегда.

Для многих поколений римлян они оставались каким-то далеким грозным племенем, и их повторное вторжение всегда представлялось ужасным кошмаром. И, как мы увидим, время от времени на протяжении всей истории республики, кельты еще не раз вторгались на мирный Апеннинский полуостров. Через многие века во время длительной агонии Римской империи вторжения варваров следовали одно за другим, и вот, в V веке нашей эры произошло то самое бедствие, которого все очень боялись: Рим разграбили во второй раз. И это совершил новый Бренн – страшный вестготский король Аларих. Это случилось незадолго до того, как прекратила существование вся Западная Римская империя.

И все же, элементам предания доверять нельзя. Изгнание Камилла скорее всего придумали, чтобы создать ему алиби во время разграбления города. Его окончательная победа над кельтами и сохранение золота очень похожи на вымышленные оправдания. Можно предположить, что на самом деле захватчики свободно ушли из Рима, получив что-то подобное выкупу за землю. Полибий пишет, что «будучи вызваны домой вторжением венетов [племя, жившее в той области, где теперь находится Венеция] в их землю, кельты заключили мир с римлянами, возвратили города и вернулись на родину».

Для того чтобы возродиться, Риму потребовался на удивление очень короткий промежуток времени. Разграбление и предание огню вашего города, конечно же, страшная катастрофа. Сообщается, что некоторые давние враги Рима – этруски, эквы и вольски – попытались напасть на Рим во время его упадка, однако они не добились значительных успехов. Некоторые члены Латинского союза временно разорвали или приостановили свои союзные отношения с Римом, который играл в этом союзе главную роль. Более важное значение имело то обстоятельство, что у Рима осталась значительная часть боеспособной армии и что в руках республики по-прежнему находились Вейи и их область. Жителям этой области и еще двух соседних городов предоставили римское гражданство. Землю распределили между римскими гражданами, и в 387 году на недавно завоеванной территории создали четыре новых трибы. Ни одно из этих мероприятий не похоже на то, что происходит в государстве во время упадка.

Что касается кельтов, то они не исчезли и спустя тридцать лет снова дали о себе знать. К тому времени Рим полностью восстановил свое могущество. Город быстро восстанавливали, однако делали это без всякого плана. Как написал Ливий: «Спешка не позволяла заботиться о планировании кварталов, и все возводили дома на любом свободном месте, не различая своего и чужого. Тут и кроется причина того, почему старые стоки, сперва проведенные по улицам, теперь сплошь и рядом оказываются под частными домами и вообще город производит такое впечатление, будто его расхватили по кускам, а не поделили».

Наиболее показательным примером быстрого развития Рима стало возведение по периметру города стены для защиты от нового вероятного вторжения. Длина опоясывающей город стены составляла одиннадцать с лишним километров, что превышает длину прежних земляных укреплений. В более поздние времена, как мы уже знаем, сооружение стены приписали царю Сервию Туллию, однако на самом деле работа по ее возведению началась в 378 году. Эта стена высотой более семи метров и толщиной почти четыре метра сложена из больших прямоугольных блоков туфа, добытого в карьерах захваченного города Вейи. На плато, расположенном южнее трех городских холмов – Квиринальского, Виминальского и Эсквилинского, – вместо стены проходил высокий земляной вал, обложенный камнем. Перед валом выкопали ров шириной 30 и глубиной 10 метров. Такое грандиозное и дорогостоящее строительство велось за счет непопулярного налога, который ложился тяжелым бременем в основном на бедные слои населения, однако после окончания строительства Рим превратился в почти неприступную крепость.

Оборонительные укрепления Сервия частично сохранились до нашего времени, однако они давно уже потеряли свою защитную функцию. Уже в I веке римские пригороды вышли далеко за их пределы, «порождая у наблюдателя впечатление, что город тянется бесконечно». Саму стену стало уже трудно отыскать из-за окружающих ее со всех сторон построек.

9. Под ярмом

Спустя полвека после кельтского нашествия Рим постигло еще одно бедствие, по-видимому, такое же унижительное и разрушительное, как и предыдущее. Вся римская армия сдалась неприятелю – горному племени самнитов, живущему в центральной части Апеннинского полуострова. Это была более серьезная угроза существованию Рима, чем та, когда город оказался без стен во время вторжения варваров.

В 321 году оба консула возглавили свои легионы и двинулись с ними на юг в том направлении, вдоль которого через несколько лет проведут первую значительную римскую дорогу – Аппиеву. Самниты недавно потерпели тяжелое поражение и теперь покорно просили мира. Сенат отказался вести переговоры с ними, отчего самниты впали в сильное отчаяние и решили прибегнуть к мщению. Они устроили засаду наступающим римлянам в ущелье, называемом «Кавдинскими вилами» (*furculae Caudinae*).

По описанию Ливия, это место представляло собой довольно широкую, болотистую, заросшую травой поляну, которую окружали крутые лесистые склоны холмов. Войти на поляну можно было только с запада и с востока через два узких ущелья. Опытный военачальник самнитов, Гай Понтий, скрытно привел свою армию и расположился лагерем вблизи этого места. Он послал десять воинов, переодетых пастухами, и велел им вывести свои стада на пастбища неподалеку от римских застав. Всякий раз, когда они встречались с вражескими отрядами, они рассказывали одну и ту же историю, что армия самнитов ведет военные действия далеко на юге – в Апулии. Слухи об этом распространили заранее, и сообщения пастухов должны были только подтвердить их.

Уловка сработала, и консулы решили пройти к самнитским легионам самым коротким путем, а этот путь проходил именно через Кавдинские вилы, прямо по вражеской территории. Римляне вошли в первое – западное – ущелье и, пройдя его, обнаружили, что второе ущелье завалено грудой срубленных деревьев и огромных камней. Над ущельем они увидели отряды самнитов.

Римляне бросились назад, однако путь, по которому они вошли в Кавдинские вилы, оказался прегражден завалами и вооруженными людьми. Римляне попали в ловушку. Консулы приказали своим легионерам строить римский лагерь – копать рвы, насыпать укрепления и ставить частокол – хотя многие понимали, что эти усилия уже не имеют смысла.

Тем временем самниты, не веря свой успех, не знали, что им делать дальше. Понтий отправил письмо своему отцу, умудренному опытом пожилому человеку Гереннию Понтию, дабы спросить его совета. Геренний ответил: «Мой совет будет таким: вы должны позволить всем римлянам свободно уйти». Это его мнение сразу же отклонили, и снова спросили совета. Тогда Геренний сказал: «Перебейте их всех до единого».

Понтий опасался, что его постаревший отец стал слаб разумом, и он уступил общему желанию, чтобы старика привели в лагерь и лично спросили совета. Тот отказался менять свое мнение и обосновал свои слова. Ливий пишет: «Давая первый совет, – сказал он – с моей точки зрения наилучший, я стремился, чтобы столь великое благодеяние обеспечило вечный мир и дружбу с могущественнейшим народом; смысл второго совета был в том, чтобы избавить от войны многие поколения, ибо... римское государство не скоро вновь соберется с силами;

третьего же решения вообще нет».

А что если самнитам избрать средний путь и отпустить римлян невредимыми и в то же время по праву войны связать их как побежденных определенными условиями? Геренний не согласился с этим. «Это как раз такое решение, что друзей не создаст, а врагов не уничтожит, – сказал он, – нрав римлян таков, что, потерпев поражение, они уже не ведают покоя». Его совет отклонили в третий раз, а затем Геренния увезли домой.

Римляне предприняли много неудачных попыток вырваться. Запасы еды подходили к концу, и консулы послали к Понтию делегацию для согласования условий мира. Если бы они не добились мира, то стали бы сражаться с врагом. «Вы, римляне, никогда не способны примириться со своей участью, даже когда побеждены и взяты в плен, – ответил самнитский военачальник, – поэтому я прогону вас под ярмом раздетых и безоружных» (под «ярмом» он имел в виду арку, сложенную из трех копий, под которой должны были пройти воины в обмен на свое освобождение). Он добавил, что римлянам следует убраться из владений самнитов и уничтожить два своих передовых поселения в Калесе и Фрегеллах.

Все понимали, что это было несмыслимым позором, но, по мнению консулов, это лучше, чем возможная альтернатива – полное уничтожение римской армии. Однако Ливий заверяет нас, что самниты добились только клятвенного обещания консулов, что Рим принял условия (*sponsio*). Окончательное соглашение (*foedus*) должны были принять после одобрения народного собрания в Риме. Доверчивый Понтий принял это условие и позволил легионам уйти, а клятвенное обещание (*sponsio*) давали консулы и высшие военачальники. Однако он потребовал себе в заложники шестьсот римских всадников. Затем последовала драматическая сцена: «Консулов, чуть не нагих, первыми прогнали под ярмом, затем тому же бесчестию подвергся каждый военачальник в порядке старшинства и, наконец, один за другим все легионы. Вокруг, осыпая римлян бранью и насмешками, стояли вооруженные враги и даже замахивались то и дело мечами, а если кто не выражал своим видом должной униженности, то оскорбленные победители наносили им удары и убивали».

Когда войско вернулись в Рим, настроение горожан ухудшилось. Многие люди стали соблюдать траур, пиры не проводились и браки не заключались, торговцы закрыли лавки и прекратили вести свои дела на Форуме. Горожане избрали новых консулов, и сенаторы провели слушания по вопросу о подтверждении условий мира. Один из побежденных военачальников не советовал своим товарищам по оружию высказывать позорные оправдания. Он сказал, что он и сопровождающий его консул в своих действиях не имели возможности свободного выбора. Они действовали, находясь в безвыходном положении во вражеской засаде. Далее он сделал вывод, что, будучи честными воинами, он вместе с остальными военачальниками, причастными к этому поступку, должны быть выданы самнитам.

Все согласились с этим, однако после прибытия их в лагерь самнитов Понтий отказался принимать их сдачу. Он утверждал, что, если соглашение недействительно, то все должно вернуться к исходному положению. Другими словами, все легионы должны возвратиться в Кавдинские вилы. «Неужели и тут, как всегда, вы отыщете повод, потерпев поражение, не соблюдать договора? – спросил он. – Вы с нами заключили мир, чтобы вернуть пленные легионы, и этот мир считаете недействительным. Но обман вы всегда прикрываете видимостью какой-то законности».

Трудно не согласиться с этим суждением, которое замечательно тем, что именно Ливий, самый патриотический из римских историков, вложил эти слова в уста командующего самнитов. Римляне очень высоко ценили добропорядочность. В этом случае они утверждали, что придерживались буквы закона, но один человек с ощущением вины высказал то, что чувствовали все – что они не придерживались его духа. По утверждению одного из авторов,

римляне не испытывали никакой благодарности к самнитам за то, что они позволили их войнам уйти, и «на самом деле вели себя так, как будто они стали жертвами какого-то произвола».

В любом случае война возобновилась, и римляне, по преданию, одержали славную победу. Теперь уже они заставили Понтия и его товарищей по плену пройти под ярмом, что стало замечательным примером зеркального возмездия, которого, скорее всего, не было на самом деле.

Фактически у нас есть веские основания того, что официальная версия событий не совпадает с тем, что произошло в действительности. Некоторые древние писатели утверждали, что соглашение между враждующими сторонами на самом деле было не клятвенным обещанием (*sponsio*), а договором (*foedus*) и что римские апологеты попытались скрыть этот факт. Например, Цицерон, интеллектуальный и вдумчивый голос, дважды говорит о *foedus*.

Что же случилось с этими шестьюстами заложниками? Ведь это не собаки, которые не залаяли ночью. Убили их или освободили? Об их судьбе сохраняется подозрительное молчание. Они нужны для доказательства клятвенного обещания (*sponsio*), ведь как только заключат договор (*foedus*), потребность в них отпадает, и их должны возвратить. Но если последовал отказ от клятвенного обещания (*sponsio*), то, скорее всего, после этого заложников казнят. Из того факта, что о них ничего не сказано, мы можем сделать вывод о том, что народное собрание Рима одобрило заключение договора. Все это выглядит так, как будто разрыв клятвенного обещания (*sponsio*) придумали в более позднее время, именно для того, чтобы оправдать недобросовестность римлян.

В этом эпизоде есть еще один сомнительный факт. Описание Кавдинских вил дано очень неточно. У нас нет точной уверенности в том, где они находились. Единственный вероятный кандидат – перевал в Кампании между двумя современными итальянскими городами Ариенцо и Арпайя, который в древние времена называли «Вилами» (*Furculae* или *Furcae*). Здесь было два прохода, ведущие в местность, окруженную горами и крутыми холмами, как и описывает Ливий. Однако если восточный проход представлял собой узкое ущелье, которое легко можно было перекрыть, то западный проход имел ширину около трех километров – слишком много для того, чтобы самниты могли устроить там завалы и с помощью них запереть римскую армию. Скорее всего, там произошло какое-то сражение, после которого римляне сдались. Почему возникло такое несоответствие? По-видимому, потому что сдаться в результате обмана или засады менее позорно, чем после очевидного поражения в бою.

Римляне, несомненно, потерпели в Кавдинских вилах сокрушительное военное поражение. Сейчас прошло уже очень много времени, чтобы точно установить подробности. События, вероятно, развивались следующим образом: после завала узкого восточного прохода Кавдинских вил самниты дали римлянам бой, а затем неожиданно появились в западном проходе. В результате сражения римляне были разбиты, но никуда не смогли уйти и поэтому сдались. Они заключили клятвенное обещание (*sponsio*) на то время, пока в Риме утверждали и одобряли мирный договор (*foedus*).

Условия мирного договора, по-видимому, аннулировали, и военные действия возобновились. Отказ от договора – вещь крайне недостойная (и надо было что-то сделать, чтобы скрыть ее от будущих поколений). Существуют подтверждения того, что борьба с самнитами продолжалась долгое время (есть сведения о том, что в 319 году один римский военачальник отпраздновал триумф над самнитами). В других источниках имеются противоположные утверждения, что на самом деле Рим соблюдал принятое соглашение и что военные действия прекратились на несколько лет. Но если так и было, то трудно объяснить, зачем одним древним историкам понадобилось придумывать отмененную клятву (*sponsio*), а другим – нарушение мирного договора (*foedus*), ведь оба эти действия не только не прибавляли

уважения к Риму, но и представляли его в неприглядном свете.

Поражение в Кавдинских вилах и его последствия является полезным напоминанием, что, несмотря на свои высокие принципы, римляне вполне могли совершать циничные поступки ради собственной выгоды. Они осуждали Понтия за то, что он заманил римскую армию в ловушку, однако на протяжении всей истории многие римские военачальники поступали точно так же. Дион Кассий рассудил, и его оценка не далека от истины: «Побеждает не обязательно тот, кто поступает несправедливо. Решение здесь выносит сама война, и это решение всегда будет в пользу победителя, который часто совершает то, что противоречит законности, считая это справедливым».

Пятьдесят лет между двумя крупными неудачами Рима показывают, каковы были его возможности восстанавливаться после поражения. Разгромленная, но непокоренная республика развивалась: она преодолевала внутренние разногласия и расширяла свои границы.

Противостояние между патрициями и плебеями не закончилось. Как только развеялась пыль после кельтского вторжения, внутреннее соперничество возобновилось с удвоенной силой. Долг оставался тяжким бременем для бедных землевладельцев, участки которых были слишком малы, чтобы обеспечить им самое необходимое пропитание. Зажиточные плебеи все также с большим трудом могли получить доступ к высшим должностям. Патриции продолжали удерживать монополию на власть.

Как известно, во времена ранней республики в Риме было приблизительно пятьдесят три патрицианских рода (*gentes*). Они составляли закрытое сообщество, которое насчитывало не более тысячи семей. В рамках этого сообщества был небольшой внутренний круг из наиболее могущественных родов, к ним относились в частности Эмилии, Корнелии и Фабии. К этому кругу также можно отнести пришлый род Клодиев. Патриции составляли одну десятую от всех римских граждан, а может быть даже – одну четырнадцатую.

Казалось, что назревает революционная ситуация, но римляне снова нашли способ достижения компромисса. Плебеи хотели, чтобы государство прекратило держать общественную землю (*ager publicus*) в виде общего достояния и разрешило передавать участки в собственность земледельцам. Мы не знаем, сколько земли республика конфисковала у города Вейи, по-видимому, половину или даже две трети всех площадей. Два трибуна из плебеев Гай Лициний и Луций Секстий переизбирались на эту должность несколько лет. Они доказывали необходимость проведения радикальной реформы. В 376 году они выдвигают три предложения – законопроекта Лициния-Секстия (*rogation* – законопроект, предложенный для рассмотрения в народном собрании), направленных на ликвидацию господства патрициев. Первый законопроект касался вопроса о долгах: уже выплаченные проценты должны вычитаться из первоначальной суммы долга, а то, что осталось, можно уплатить в виде ежегодных равных взносов в течение трех лет. Второй законопроект запрещал иметь более пятисот югеров (1 югер (*juger*) равен около 0,25 га) общественной земли. Третий законопроект отменял должность военного трибуна и восстанавливал систему управления двумя консулами. Новизна этого законопроекта состоит в том, что теперь один консул обязательно должен быть плебеем.

Как пишет Ливий в своей истории, собрание неоднократно вызывало трибунов, но ряды вооруженных патрициев не позволяли проводить голосование. «Это ничего, – воскликнул Секстий, – коль скоро кому-то нравится, что запрещение имеет такую силу, то этим самым оружием мы и защитим плебеев. Действуйте, отцы-сенаторы, назначайте выборы военных трибунов; уж я сделаю так, что не обрадует вас этот возглас «вето!», который вы ныне, спевшись с нашими товарищами, слушаете с такой радостью». Не напрасно была брошена такая угроза, поскольку трибуны не давали проводить выборы, по крайней мере в течение года.

Кризис продолжался в течение десяти лет. В 368 году число особых жрецов, надзиравших

за Сивиллиными книгами и проводящих ежегодные игры в честь Аполлона, увеличили с двух человек-патрициев до десяти, пять из которых должны были быть плебеями. Их называли децемвиры священнодействий (*decemviri sacris faciundis*). Становилось ясно, куда дует ветер, и в следующем году престарелый Камилл взял на себя осуществление исторического компромисса. Наконец, утвердили законопроект Лициния-Секстия и, в качестве уступки оппозиции, создали должность претора. По своему положению претор являлся как бы заместителем консулов. Эту должность занимали патриции. Претор становился верховным магистратом в Риме, когда консулы занимались военными делами, что случалось довольно часто. Таким образом, основной обязанностью претора стало совершение городского правосудия.

Видимо, не случайно, что именно в этом году Марк Фурий Камилл решил построить храм Конкордии, поскольку новое законодательство сыграло большую роль в умиротворении плебейского движения. Римский поэт Овидий написал:

Фурий поклялся тогда, победитель этрусков, поставить
Древний твой храм, и свое он обещанье сдержал;
Дело в том, что с оружием в руках отложились от знати
Чернь, и грозила уже римская Риму же мощь.

С этим обещанием связана небольшая тайна: благодарные люди избавили старого диктатора от принятого им обязательства и обещали ему, что они исполнят обет вместо него, однако по некоторым причинам сделать им этого не удалось. Место, предназначенное для храма, находилось на Форуме под Капитолийским холмом. Оно долгое время оставалось свободным. Во II веке, наконец, построили храм. По горькой иронии это случилось после того, как сенаторы убили одного возмущенного трибуна.

Принятые законопроекты не до конца разрешили крупнейшее противоречие между патрициями и плебеями, поэтому в Риме предприняли дальнейшие меры для достижения общественного спокойствия. Несмотря на благие намерения законодателей, проблема долгов осталась. В 326 году в результате скандала власти пересмотрели условия долговой зависимости (*nexum*). Один привлекательный юноша продал себя в рабство кредитору своего отца. Кредитор расценил красоту юноши в качестве доплаты к долгу и попытался соблазнить новоприобретенного раба. Однако, встретив сопротивление, он велел раздеть его и высечь. Исполосованный розгами, юноша выбежал на улицу. Около него собралась разъяренная толпа и двинулась в сенат, чтобы решить это дело.

Консулы, потрясенные случившимся, согласились с мнением народа. Они вынесли на рассмотрение народного собрания закон об ограничении долговой кабалы (*nexum*). Теперь кабала становится возможной только в крайних случаях, которые, кроме всего прочего, должны рассматриваться в суде. Как правило, возмещение долга теперь производилось за счет имущества должника, а не за счет посягательства на его личность. Это означало отмену долгового рабства, и, как восторженно написал Ливий, «простой народ словно заново обрел свободу».

Именно в этот момент мы встречаемся с первой подлинно исторической и существовавшей на самом деле личностью в истории Рима. Это был Аппий Клавдий Цек, или «Слепой» (к концу своей долгой жизни он потерял зрение). Он, как и многие представители его рода, отличался высокомерностью и был крайне неуживчив. Будучи индивидуалистом до мозга костей, Аппий написал сборник сентенций, крылатых поучительных выражений в стихах. Самое известное из них – «Каждый сам кузнец своей судьбы».

Богатый патриций Аппий Клавдий два раза становился консулом и один раз диктатором. Будучи радикальным популистом, он всегда стремился завоевать расположение у народных масс. Аппий являлся убежденным сторонником плебеев, в частности он показал это в 312 году, когда занимал должность цензора. Каждые четыре года избирали двух цензоров, которые исполняли свои обязанности в течение восемнадцати месяцев. Цензорами обычно становились бывшие консулы, и хотя они не обладали верховной властью, их влияние было огромно. Достижение этой должности считалась у римлян вершиной карьеры.

В обязанности цензоров входили следующие функции. Первая состояла в том, что они должны были составлять и вести полный список римских граждан. Вторая функция – надзор за соблюдением нравственности. Если оба цензора считали, что какой-то гражданин заслужил осуждение, то они излагали причину этого и отмечали его имя в списке. Это приводило к исключению его из трибы и лишению избирательных прав. Иногда на протяжении II, III и IV веков, цензоры выполняли обязанности консулов и назначали сенаторов, которые оставались в сенате до конца своих дней (в течение долгого времени порядок членства в сенате определялся ранее занимаемыми должностями). Цензоры также рассматривали поведение сенаторов и исключали из числа сенаторов тех, кто, по их мнению, вел себя недостойно.

Аппий Клавдий воспользовался моментом. Его основная цель состояла в том, чтобы включить плебеев в общественную жизнь, особенно он стремился защищать интересы беднейших слоев – безземельного городского населения. Этих людей называли «занесенными в списки только по наличию правовой самостоятельности» (*capite censi*). Они были так бедны, что не имели никакой собственности, которую можно было оценить в переписи, и поэтому не привлекались к военной службе. Раньше ни один реформатор не пытался помочь этой группе людей.

Некоторые из них имели какое-то незначительное имущество, но ни у кого из них не было земли и недвижимости. К таковым относились, например, вольноотпущенники и их сыновья. Римляне часто проявляли великодушие и освобождали своих рабов (хотя они оставались в зависимости (*clientela*) от бывшего владельца) и, таким образом, предоставляли им гражданство. Однако им не позволяли занимать выборные должности. Новый радикально настроенный цензор, несмотря на возмущение многих римлян, принял в сенат несколько сыновей вольноотпущенников. В знак протеста его напарник ушел в отставку, но Аппий Клавдий продолжал выполнять свои должностные обязанности и не ушел, пока не истекли 18 месяцев его цензорского срока. Его распоряжения сразу же отменили консулы, избранные на следующий год, после чего в течение последующих веков к таким мероприятиям относились только как к своего рода революционной идее.

Аппий Клавдий также распределил среди тридцати одной трибы всего Рима безземельных городских жителей, которые раньше состояли в четырех городских трибах. Это было наиболее разумным мероприятием, поскольку эти жители получали преимущество перед своими сельскими соплеменниками, которые жили у себя в поместьях, и многие из них не собирались ездить в Рим для голосования (несмотря на наличие Аппиевой дороги (*Via Appia*) – см. ниже). Реформа значительно увеличила власть городского пролетариата.

У цензоров были и другие обязанности, в частности они определяли порядок сбора налогов и распределяли разрешения на проведение общественных работ. Аппий Клавдий начал осуществлять два очень дорогих строительных проекта, которые опустошили казну. Началось возведение первого римского акведука (*aqua Appia*) и прокладка Аппиевой дороги (*via Appia*). Создание акведука является доказательством того, что население Рима постоянно росло и вероятно ему уже не хватало воды в колодцах. На своем протяжении 16-километрового пути акведуков большей частью проходит под землей, отчасти из-за рельефа местности, отчасти для

защиты водоснабжения от врагов. По-видимому, создатели акведука заимствовали методы строительства подобных сооружений у жителей города Вейи. Перепад высот на всей длине акведука составляет чуть более 9 метров. По нему в Рим поступало 6,8 миллионов литров воды. Сам акведук является выдающимся инженерным сооружением того времени.

Римскую дорогу построили для военных целей. Во время цензорства Аппия республика вела тяжелую борьбу с самнитами. Аппиева дорога (via Appia) вела на юг в Кампанию в город Капуя. Она являлась важнейшей транспортной артерией, по которой осуществлялись доставка подкреплений в воюющую римскую армию, ее снабжение, а также снабжение перевалочных пунктов и колоний (поселения римских граждан или латинов на бывшей неприятельской территории). Дорога также позволяла быстро добираться до Рима избирателям, живущим в отдаленных областях, которые приезжали в народное собрание и на выборы. Со временем эту дорогу продлили через Апеннинские горы до греческого морского порта Тарент. В конце концов, ее довели до Брундизия (ныне Бриндизи), крупного порта, из которого обычно отправлялись морским путем в Восточное Средиземноморье. Первоначально дорогу посыпали гравием, а затем первые километры от Рима замостили камнем. Богатые семьи облюбовали места вдоль дороги для того, чтобы увековечивать память своих предков. В эпоху Цицерона и Варрона вдоль Аппиевой дороги на большое расстояние тянулось два ряда величественных мраморных гробниц и мавзолеев. Многие из них сохранились до нашего времени.

На этом деятельность Аппия Клавдия не закончилась. Несмотря на принятие законов Двенадцати таблиц, многие продолжали возмущаться непрозрачностью законодательной системы и государственного управления, так как сенат не желал решать вопрос обнародования своей деятельности. Через несколько лет после цензорства Аппия, его секретарь, сын вольноотпущенника, стал государственным чиновником. Он опубликовал секретное руководство по судопроизводству – «судебные формулы» (legis actiones). Он также вывесил на Форуме список дней, когда можно было заниматься государственными делами, когда могли заседать суды и когда члены сената могли встречаться с членами народного собрания. Раньше все это решала за закрытыми дверями жреческая коллегия из патрициев. Обнародование этих сведений, совершенное, конечно же, под впечатлением деятельности Аппия Клавдия, вызвало негодование, однако ставшее явным уже нельзя было снова сделать тайным. Секретарь остался доволен собой и отметил свой успех основанием святилища в честь согласия, но не согласия вообще, а только духу Согласия на Комиции – месте собраний на Форуме. Члены сената сочли такое посвящение насмешкой и сразу же приняли закон, по которому впредь стало запрещено посвящать кому-то храм или алтарь без разрешения сената или большинства плебейских трибунов.

Великий цензор был очень противоречивым человеком. Несмотря на свои политические ценности, в глубине души он оставался типичным аристократическим снобом. Он выступал против назначения плебеев в две высшие жреческие коллегии, понтификов и авгуров, и два раза попытался сместить плебеев с консульской должности. Именно эта противоречивость и позволяет нам говорить о том, что Аппий Клавдий является реальной исторической личностью без всяких прикрас.

За время своей деятельности он достиг очень многого, однако его начинания потерпели неудачу. Противники Аппия в сенате отменили его реформы по созданию сильных цензоров. Его попытки расширить полномочия народного собрания провалились, и до конца своей истории Римская республика никогда не была демократией в полном смысле этого слова. Однако два его замечательных строительных проекта стали вечными памятниками и наиболее известными символами Древнего Рима.

Римляне были замечательными строителями и инженерами. Большая часть их сооружений

сохранилась до сих пор (в частности, сооружения, относящиеся к периоду империи, то есть к I веку н. э.). Дионисий Галикарнасский не ошибался, написав следующее: «Я, в свою очередь, причисляю к трем великолепнейшим деяниям, в которых со всей очевидностью проявилось величие этого правителя, отведение воды, мощение дорог и сооружение подземных каналов, принимая в расчет не только пользу от таких предприятий, о чем я скажу в свое время, но и размеры расходов».

Аппиев акведук стал первым из одиннадцати акведуков, построенных в течение нескольких веков. По нему в Рим поступала вода, которой раньше часто не хватало. Акведуки обеспечивали город питьевой водой, а также давали воду для многочисленных общественных бань и красиво оформленных фонтанов. Они стали дополнением для сложной канализации, которая (как мы уже знаем) возникла в VI веке, когда первый Тарквиний построил Большую клоаку для осушения заболоченного Форума. К I веку н. э. все бытовые сточные воды уходили в коллекторы, очищались от примесей и стекали в Тибр.

Проточная пресная вода стала символом цивилизованной городской жизни. Величайшим достижением Рима, особенно в Западной Европе, стало создание благоприятных условий жизни и создание городов. Везде, куда легионы приходили устанавливать римскую власть, возникали храмы, амфитеатры, форумы, триумфальные колонны и арки, а также как неперемное условие для здоровой и счастливой жизни в больших переполненных городах – акведуки и канализация. Во II веке в городском пейзаже появляются крупные здания различного назначения – склады, базилики и многоквартирные дома. Сооружение таких сложных зданий стало возможно благодаря использованию новых строительных методов. В III веке римляне стали применять бетон, который позволял архитекторам перекрывать обширное внутреннее пространство куполами и сводами.

Однако все это делали не просто по доброте душевной, а ради утверждения императорской власти. Величественная архитектура стала мощным и убедительным орудием романизации.

С Аппиевой дороги началось строительство огромной дорожной сети, сначала по всей Италии, а затем – в более отдаленные земли. Дороги использовались, прежде всего, для военных целей, но также связывали между собой отдельные города и облегчали торговлю. Вдоль дорог стояли мильные столбы, с помощью которых можно было гораздо точнее, чем прежде, измерить расстояния и оценить размеры римских владений.

Везде, где это было возможно, строители старались проводить дороги по наиболее прямому пути. При их прокладке велись значительные земляные работы, для того чтобы трасса дороги как можно меньше петляла между холмами и долинами. Римскую дорогу очень хорошо обустроивали, как правило, она представляла собой хорошо утрамбованное полотно, по обеим сторонам которого тянулись две канавы. Полотно лежало на возвышенном фундаменте из плотно уложенных камней, благодаря чему вода всегда стекала с дороги. На каменный фундамент клали слой бетона, перемешанного с каменной крошкой, а затем – покрытие из гравия, плоских камней или булыжника. Дороги строили на века, и некоторые из них до сих пор приводят в восхищение современных туристов.

Рассматривая вопрос об истоках римского могущества, нельзя забывать о технической документации римлян, которая (наряду с их приверженностью к судопроизводству) является свидетельством их организованности и точности в любых действиях.

Конфликт между патрициями и плебеями приближался к своему завершению. Длительное противостояние привело к тому, что крестьянские хозяйства и небольшие поместья пришли в упадок, а их владельцы попали в долговую кабалу. В 287 году плебеи снова покинули Рим. На этот раз они перешли через Тибр и поднялись на Яникульский холм. Диктатор Квинт Гортензий

принял некоторые экономические меры для смягчения сложившегося положения. В чем они состояли, мы не знаем, известен лишь один закон, принятый Гортензием. Теперь решения плебейского совета – этого официально установленного символа раскола и мятежа государства в государстве – приобретали силу закона. Наконец, плебеи получили то, чего они добивались в течение полутора веков. Длительное противостояние завершилось, и разделенный Рим объединился в единое целое.

Нельзя сказать, что это сразу привело к каким-то положительным сдвигам. Римляне не были теоретиками, это значит, что в системе управления они не хотели отказываться от прежних управленческих структур. Теперь у них стало четыре народных собрания: куриатные комиции (*comitia curiata*), существовавшие с эпохи царей (к I веку их полномочия сократились до подтверждения назначений на должности и утверждение усыновлений и завещаний); центуриатные комиции (*comitia centuriata*), выступавшие против бедноты, которые проводили выборы высших должностных лиц; плебейский совет (*concilium plebis*) и новое учреждение – трибутные комиции (*comitia tributa*), которые во многом походили на плебейский совет, однако их созывали консулы и преторы для принятия законопроектов. В трибутные комиции входило все взрослое население мужского пола, как патриции, так и плебеи.

Однако плоды победы оказались не такими, как ожидалось. Стало ясно, что разные фракции плебейского движения поддерживали не одни и те же интересы. Бедные слои стремились улучшить свое финансовое положение за счет народного собрания. Богатые плебеи, наконец, достигли своей цели. Они получили доступ на государственные должности и постепенно стали сотрудничать со своими бывшими врагами, патрициями. Возникла новая смешанная аристократия. Плебейские трибуны стали заниматься государственными делами, сотрудничать с сенатом и вместе с ним принимать законопроекты.

Такое положение дел можно расценивать двояко. С одной стороны, это было предательство интересов угнетенных и обездоленных. Простые люди могли голосовать по вопросам принятия законов и на выборах должностных лиц, но по установленным правилам им запретили участвовать в обсуждении и не допускали к рычагам исполнительной власти. Преуспевающая сенаторская олигархия приспособилась к новому политическому положению и оставалась у власти. Налицо был один шаг назад, два шага вперед.

С другой стороны, никто и не отрицал, что произошло примирение враждующих интересов, причем это случилось без всякого кровопролития. Греки, которые все больше и больше узнавали об этом новом агрессивном государстве в Центральной Италии, наблюдали за ним с некоторой ревностью, поскольку народ и аристократия в греческих городах-государствах привыкли устраивать друг с другом побоища, тогда как римляне решали все свои политические проблемы путем достижения хотя и болезненного, но компромисса.

В I веке до н. э. Цицерон вложил в уста одного из собеседников своего замечательного диалога «О государстве» следующее сравнение: «Наше государство создано умом не одного [как часто было в Греции], а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений». Один осведомленный греческий историк написал, что римляне добились у себя такой формы правления «не путем рассуждений, но многочисленными войнами и трудами». Они были полными прагматиками.

После кельтского вторжения латины попытались освободиться от римского господства. Латинский союз распался. Какое-то время его участники сохраняли самостоятельность, но в 358 году Римская республика восстановила свое господство. Союз восстановили, но теперь его структура была несколько иной. Главнокомандующего больше не выбирали попеременно от римлян и латинов. Теперь его полномочия исполняли два претора, которые подчинялись

римским консулам.

Латины очень возмущались тем, что их рассматривали не как партнеров, а как подчиненных, и в 341 году это возмущение переросло в вооруженное выступление. Военная кампания длилась четыре года. В 340 году консулами стали известные люди. Один из них, Тит Манлий, некогда убил в сражении рослого кельта и снял с него ожерелье, за что и получил прозвище «Торкват» («Ожерельный»). Он отправил на разведку во все стороны несколько конных отрядов и строго-настрого запретил им вступать в сражения. Командиром одного из таких отрядов был его сын Тит. Юноша со своими людьми оказался около самого вражеского лагеря, чуть не на бросок дротика от ближайшего сторожевого дозора. Здесь его осмеяли неприятельские тускуланские всадники, а их командир вызвал его на поединок. «Исход поединка покажет, насколько латинский всадник превосходит римского!» – воскликнул он.

Кровь бросилась ему в лицо, и, забыв о приказе отца, Тит ринулся в схватку, совершенно не задумываясь об ее исходе. Остальные всадники разошлись по сторонам, словно ожидая представления. Противники бросились друг на друга, выставив копья. Копье Манлия прошло над шлемом его противника, а тот и вовсе промахнулся. В результате второго столкновения Тит попал копьем между ушами коня тускуланского всадника. От боли конь встал на дыбы и сбросил своего наездника. Пока он пытался встать на ноги, Тит вонзил ему копье в шею, так что оно вышло через ребра и пригвоздило его к земле. На этом короткий поединок завершился.

Тит вернулся обратно в свой лагерь, окруженный своими восхищенными спутниками. Он с гордостью преподнес отцу доспехи сраженного им врага. Консул резко отвернулся от сына и приказал трубить общий сбор. «Тит Манлий, не считаешь ты ни консульской власти, ни отчей, – сказал он, – если подлинно нашей ты крови, ты не откажешься, верно, понести кару и тем восстановить воинское послушание, павшее по твоей вине. Ступай, ликтор, привяжи его к столбу».

Затем последовал удар топора, и из разрубленной шеи хлынула кровь. Воины застыли от ужаса. Однако после этого многие отмечали, что все стали тщательней исполнять сторожевую и дозорную службу и менять часовых. Казнь Тита Манлия по приказу его отца стала одним из самых известных примеров высокоморального поведения в истории Рима. Она перекликается с тем, как действовали Брут и Вергиний. Подобные примеры служили напоминанием того, что отец имел полную власть над своими детьми вплоть до решения вопроса об их жизни и смерти и что доблесть (*virtus*) превышает родительской любви.

Вскоре произошел еще один незабываемый случай самопожертвования. Случилось так, что перед консулами, Манлием и его товарищем Публием Децием Мусом, предстал человек гигантского роста и сказал им, что если один из командующих армии обречет себя в жертву богам во имя разгрома неприятельской армии, то его сторона выиграет предстоящее сражение. Вскоре после этого пророчества началось сражение у подножия горы Везувий. Как обычно, перед началом битвы от имени каждого консула принесли в жертву животных. Этрусский жрец внимательно рассмотрел печень жертвы в поисках какого-нибудь отклонения, которое свидетельствовало бы о неудовлетворенности богов. Жрец сказал, что жертва Манлия дает хорошие предзнаменования, однако по поводу жертвы Деция он отметил, что у нее как раз на благоприятной стороне верхний отросток печени поврежден. При этом во всем остальном боги приняли жертву.

«Что ж, – сказал Деций, – раз товарищу моему предсказан благополучный исход дела, значит, все в порядке». Войска двинулись в бой, при этом Манлий вел правое крыло, а Деций – левое. Противники сошлись в схватке, и римляне, не выдержав натиска, отступили. В этот тревожный момент Деций позвал жреца из коллегии понтификов, который был призван для совершения религиозных обрядов в армии и сказал ему: «Нужна помощь богов, и ты, жрец

римского народа, подскажи слова, чтобы этими словами мне обречь себя в жертву во спасение легионов».

Жрец сказал ему облачиться в пурпурную тогу и покрыть ею голову, а затем одной рукой под тогой коснуться подбородка и, став ногами на копье, произнести следующее: «Янус, Юпитер, Марс-отец, Квирина [имя божественного Ромула], Беллона [богиня войны], Лары [домашние и семейные божества], божества пришлые и боги здешние, боги, в чьих руках мы и враги наши, и боги преисподней, вас заклинаю, призываю, прошу и умоляю: даруйте римскому народу квиринов одоление и победу, а врагов римского народа квиринов поразите ужасом, страхом и смертью. Как слова эти я произнес, так во имя государства римского народа квиринов, во имя воинства, легионов, соратников римского народа квиринов я обрекаю в жертву богам преисподней и Земле вражеские рати, помощников их и себя вместе с ними».

Затем Деций отправил своему товарищу сообщение с рассказом о том, что он сделал. Деций надел свою тогу так, чтобы его руки оказались свободны, вскочил на коня и устремился в самую гущу врага. Там он и попал под град стрел.

Римляне, как и следовало ожидать, выиграли сражение, латины бежали. Заклинание сработало. Деция нашли под грудой трупов и с почетом похоронили, как героя (но если бы ему удалось выжить, то по правилам «посвящения» вместо него требовалось похоронить его изображение, поскольку богов потустороннего мира нельзя было обманывать с их мертвецами). Случались ли такие случаи? Мы точно не знаем, но, скорее всего, эти правила составлялись для каких-то реальных событий. Древние записи событий IV века до н. э., дошедшие до настоящего времени, находятся на грани вымысла и подлинной исторической памяти.

Тяжелая борьба продолжалась, война завершилась только в 338 году. Латины были окончательно побеждены. Латинский союз распущен навсегда. Созданное впоследствии общественное устройство имело большое историческое значение, поскольку римляне установили такую систему управления, которая не только обеспечила им полную безопасность, но также стала выгодна для латинов. Вместо того чтобы вслед за кельтским вождем Бренном повторить его мстительный возглас «Горе побежденным!» (*vae victis*), римляне создали все средства для того, чтобы привязать к себе завоеванные народы. Они пригласили своих побежденных врагов участвовать в своих мероприятиях по расширению территории. Правильность этой политики подтвердилось тем, что латины больше никогда не выступали против римлян.

Подобно тому, как в далеком мифологическом прошлом Ромул предоставил гражданство сабинянам, республика предложила гражданские права латинам. В результате этого для легионов увеличилось число возможных новобранцев. Появился человеческий резерв, который позволял Риму сохранять свое могущество в военное время. Поражение могло следовать за поражением, если так распорядилась судьба, но при этом в запасе у римлян всегда оставались новые призывники, которые могли заменить потерянные армии.

Вместо федерации, где все ее участники были связаны друг другом, римляне разрешили только двусторонние отношения отдельных сообществ с Римом и запретили им заключать соглашения друг с другом. Многие сообщества также лишились значительных земельных угодий. Латинов и некоторых других народов разделили на три различных категории, отличающиеся по типу управления и законодательной системы. Прежде всего, некоторые небольшие побежденные государства вошли в состав Римской республики как свободные города (*municipia*), а их жители получили полноправное римское гражданство. Одним из таких примеров был Анций (ныне – Анцио), бывшая столица вольсков. Однако сначала римляне велели этому городу сдать весь свой флот после морского сражения. Носы или «клювы» некоторых кораблей (на латыни – *rostra*) выставили на римском Форуме, на возвышении для

ораторов, после чего это возвышение стало называться Ростра.

Вторая категория состояла из сообществ, которые сохранили свою независимость – хотя и чисто теоретически, поскольку они утратили право проводить свою собственную внешнюю политику. Эти «союзники» пользовались правами коннубий (*connubium*) и коммерий (*commergium*) – то есть их гражданам разрешали жениться на римлянах и заключить соглашения с римлянами в соответствии с римским законодательством. По требованию Рима эти «союзники» должны были заниматься снабжением войск.

Наконец, вне пределов Лация располагались более отдаленные сообщества нового римского «содружества наций», к которым относились, например, города Кампании Капуя и Кумы. Им римляне частично предоставили политические права, то есть гражданство без права голосования (*civitas sine suffragio*). Оно включало в себя права на коннубий (*connubium*) и коммерий (*commergium*), а также все обязанности полного римского гражданства, особенно военную службу. Жители этих городов, если они того желали, имели право переехать в Рим, и в этом случае им предоставляли полное римское гражданство. Их обязанность сражаться плечом к плечу с легионами римляне не воспринимали однозначно как благо. Поскольку, то время Рим выигрывал свои войны, то этим навязанным собратьям по оружию приходилось выделять долю военных трофеев.

Еще одно новое политическое устройство помогало римлянам не только добиваться своих завоеваний, но и объединять их с завоевателями. Оно состояло в основании колоний (*coloniae*), когда небольшие группы латинов, жителей Кампании или Рима строили свои собственные поселения на захваченной вражеской территории. Иногда это были отдельные города, а иногда они объединялись с уже существующими поселениями. Такие поселения выполняли сторожевую роль, так как верные Риму поселенцы очень рано могли обнаружить волнения среди окружающего населения. Такие поселения облегчали экономические проблемы самого Рима, так как в них безземельные бедные римские граждане могли найти работу. В результате расширения прибрежных колоний, в Римской республике отпала необходимость в строительстве флота для защиты своих внутренних вод. В ходе своего длительного развития эта колониальная система привела к распространению римского культурного влияния по всей Италии.

Через какое-то время римские поселения сильно укрепились. Многие латинские города выражали недовольство из-за потери своих прежних свобод, однако Рим заботился о том, чтобы они сами решали все свои внутренние проблемы. Стены этих городов не снесли, а оставили в целостности и сохранности, что является очень показательным примером.

По оценкам, площадь территории, находящейся во владении римских граждан всех типов (*ager Romanus*), составляла 8800 квадратных километров, а площадь более крупного римского «содружества» – около 13 725 квадратных километров. По современным расчетам, общая численность населения римских территорий (*ager Romanus*) составляла 347 300 свободных граждан, а территорий «содружества» – 484 000 свободных граждан.

По стандартам греко-римского мира Рим считался крупным государством. Символом его растущего могущества стало заключение в 348 году второго договора о дружбе с Карфагеном. Римские завоевания, кроме всего прочего, привели к облегчению проблемы бедности и долговой кабалы, которая постоянно напоминала о себе в молодой республике. Однако эта проблема полностью не исчезла. Как мы уже знаем, неимущий римлянин мог получать жалование, если он служил в армии. Ему также могли выделить небольшой земельный участок на недавно завоеванной территории, а если бы он согласился покинуть город, то он мог бы поселиться в какой-нибудь колонии и начать там новую жизнь.

Если окружающая местность сильно влияла на живущих там людей, то это с полным

правом можно сказать об области Самний.

Самний представляет собой гористое, не имеющее выхода к морю плато в Центральной Италии. Здесь Апеннины уже не столько горный хребет, сколько запутанный лабиринт горных массивов, отрогов и замкнутых цирков. Очертания этой области приближаются к прямоугольным. Она прорезана крутыми долинами, которые часто упираются в склоны и не имеют внешнего стока. Реки и горные потоки стекают с этого плато, образуя каскады водопадов. Тут и там к небу вздымаются серые известняковые горы, покрытые снегом большую часть года. Основная часть земель, пригодных для сельского хозяйства, подходит только для пастбищ, однако есть много плодородных участков земли, где можно обрабатывать почву и выращивать зерновые культуры. Узкие плодородные земли расположены по берегам рек и горных потоков. Зима здесь очень суровая, а лето – знойное и засушливое. Землетрясения часто изменяют горный пейзаж и разрушают склоны.

Самниты относятся к тем племенам, которые говорили на оскских языках. Как мы уже знаем, эти племена продвигались на юг под воздействием ритуала «священная весна». В начале V века, или немного раньше, они расселились на своей новой неблагоприятной родине. Их привлекали плодородные равнины Кампании и ее культурные города. Некоторые самниты ушли из своих горных «гнезд», завоевали равнинные земли и поселились там. Вскоре они привыкли к более легкому образу жизни и забыли о своем горном происхождении.

Самниты были жестоким и выносливым горным народом. Найденные скелеты показали, что самниты были этнически гомогенными и отличались долихоцефалией (то есть, их головы имели удлинненную форму). На основе этого можно предположить, что, живя в изоляции среди горных вершин, они не вступали в браки со своими соседями латинами. У самнитов не было городов, они жили в разбросанных по горам деревнях, а на отдаленных вершинах построили много небольших каменных укреплений (археологи обнаружили почти девяносто мест таких построек). Большинство укреплений не было приспособлено для жилья, они играли роль временных убежищ на период непогоды.

Среди самнитов можно выделить четыре племенные группы, каждая из которых образовывало сообщество, называемое «тоуто» (touto). На юге жили гирпины, на западе – кавдины, на северо-востоке – карацены, и самая большая группа – пентры – проживала в центральной и восточной части Самния. Общее количество жителей было довольно высоким для такого отдаленного сельского района, оно составляло около 450 000 человек.

Вообще, самниты жили скромно и бесхитро. У них не было ни денег, ни торговли. По-видимому, среди них выделились аристократы, владеющие большими участками земли. Система управления была демократической и очень простой. Одна или более деревень составляли пагус (pagus) – экономически самостоятельный и независимый кантон. В нем выбирали управляющего, зазываемого «меддис» (meddis). Несколько пагусов составляли племенное тоуто, в котором ежегодно избирали магистрат, называемый «меддис тоутикс» (meddis tovtiks). По-видимому, также имелся совет, с которым должны были сотрудничать магистраты. Несмотря на децентрализованную систему управления, у самнитов сложилось сильное культурное единство.

Их экономика – а их земли не имели выхода к морю и не обладали запасами сырья для какого-либо производства – основывалась на сельском хозяйстве, в основном – на животноводстве. Самниты разводили лошадей, свиней, коз и домашнюю птицу. Однако больше всего в их хозяйствах было овец. Летом их животные паслись на высокогорье, а на зиму их уводили на равнины по широким скотопрогонным дорогам, которые кроме всего прочего использовались у самнитов в качестве путей сообщения. Среди продуктов области Самний можно назвать качественное вино и сладкую сабельскую капусту.

До нас дошли очень скудные сведения о повседневной жизни самнитов. Оскские племена, такие как самниты, были известны своими варварскими и странными обычаями, хотя их склонность к непристойности, как часто случается, скорее всего, представляет собой шуточный стереотип, который им приписывали соседние народы. Этот стереотип основан на том, что слово «оскский» (o(b)scan) по звучанию очень похоже на слово «непристойный» (obscenus). По-видимому, у самнитов были некоторые странные с точки зрения чужеземцев привычки, например, они брили волосы на теле в специальных цирюльнях. Географ Страбон писал о них следующее: «У самнитов существует прекрасный закон, поощряющий доблесть: не разрешается выдавать дочерей замуж за кого хотят родители; каждый год у них выбирается по 10 знатнейших девушек и юношей, из них первые девушки выходят замуж за первых юношей и вторые – за вторых и так далее. И если молодой человек, получивший этот почетный дар, переменится и станет плохим мужем, то его подвергают позору, а женщину, данную в жены, отнимают».

Нам очень мало известно о положении женщин в самнитском обществе. Об этом, скорее всего, имел представление поэт Гораций, живший в I веке, который приехал из южного самнитского города Венузий. По его сведениям, они управляли домашним хозяйством, воспитывали детей и проявляли довольно жестокий нрав.

В редкие часы отдыха самниты охотились не столько для развлечения, сколько ради добычи пищи. Они очень любили театр и особый интерес проявляли к фарсу, сатире и обычной брани. До нашего времени сохранилась фреска с танцующими девушками, по-видимому, среди их развлечений имели место народные танцы. Говорят, что кровавые представления на арене придумали оскские племена. Нет никаких доказательств, что гладиаторы происходят именно из Самния, но их появление в Кампании удивительным образом совпало с вторжением самнитов в V веке. Скорее всего, это не случайно, тем более что в более позднюю эпоху самый известный тип гладиатора, вооруженного коротким мечом, прямоугольным щитом, поножами и шлемом, называли самнитским.

В конце IV века Рим долгое время соперничал с самнитами. Сначала эти два народа имели дружеские отношения, что было закреплено в договоре, заключенном в 354 году. Однако Рим постоянно стремился расширить свою территорию, и самниты имели такие же намерения. Рост численности этих народов приводил к тому, что они постоянно заселяли соседние территории. Новое господство Рима в Кампании вызвало особое недовольство самнитов. Столкновение было неизбежно.

Первая непродолжительная война только временно прервала союз. Затем в 328 году римляне основали колонию Фрегеллы в западной части долины реки Лирис. Это очень возмутило самнитов, потому что они претендовали на обладание этой территорией и считали ее частью своей родины. В следующем году самниты не смогли мирным путем отстоять свои интересы в порту Неаполь в Кампании и захватили его. Римляне сразу же ответили на такой вызов своему могуществу. Они вытеснили захватчиков, что привело к развязыванию Второй Самнитской войны.

Долгая кровавая война продолжалась более двадцати лет. Область Самний представляла собой огромную естественную крепость с небольшим количеством проходов. Если какая-нибудь армия собиралась вступить в Самний, ей пришлось бы пройти по лабиринту узких долин и труднопроходимых ущелий – идеальные места для создания всевозможных засад. Римляне, конечно же, не стали нападать на Самний, и большая часть военных действий проходила у границ этой области. Поражение в Кавдинском ущелье в 321 году стало примером того, что произошло, когда римская армия попыталась пройти по одному из двух главных путей, ведущих из Самния и Кампании в Лаций. Несмотря на такую серьезную неудачу,

римляне быстро восстановили свои силы.

Теперь римляне решили изменить стратегию. Вместо рискованного вторжения в Самний они решили окружить самнитов врагами. Сообщества в Апулии, на восточном побережье и в Лукании на юго-востоке Италии объединились в антисамнитские союзы, таким образом против самнитов открылся как бы второй фронт. В 315 году римский консул захватил важный город Луцерия, расположенный на противоположной стороне от Самния, около Адриатического побережья, поэтому можно сказать, что возник уже третий фронт. Тем временем вражеские войска вели действия на западе, угрожая области Лаций. Они успешно продвинулись по долине Лириса и взяли город Фрегеллы, с которого начался весь конфликт. Затем самниты достигли побережья, где они нанесли тяжелое поражение римлянам около приморского города Таррацина. Дорога на Рим оказалась открыта, однако самниты отказались от похода на город, быть может, им помешали новые стены.

Против римлян восстал крупный город Капуя, волнения начались и в других городах Кампании. Римская республика оказалась в тяжелом положении, но она держалась. Именно теперь стало понятно, насколько мудрым было решение о расселении латинов, поскольку ни одно латинское поселение не перешло на сторону противника. Все они остались верными своим бывшим завоевателям. В следующем году самнитские легионы перегруппировались и продолжили свое наступление. Около Таррацин произошло второе ожесточенное сражение. Одно римское крыло чуть было не обратилось в бегство, однако ему на помощь быстро пришли воины с другого фланга. На этот раз римляне одержали блистательную победу и, по сообщениям историков, уничтожили и захватили в плен тридцать тысяч самнитов. Эта цифра, скорее всего, преувеличена, но именно это и является свидетельством важности этой победы.

Вступил в действие первый участок стратегической дороги Аппия Клавдия длиной 132 мили, который протянулся от Рима до ворот Капуи. Появилась надежная связь между столицей и Кампанией, где часто возникали волнения.

Удача сопутствовала самнитам, но их время подходило к концу. Пока они захватили Капую и снова заселили Фрегеллы. Видимо под влиянием своих новых греческих друзей в Неаполе, римляне создали небольшое морское соединение, однако на самом деле они плохо умели водить суда и не понимали, как воевать на море, поэтому этот эксперимент не удался. И все же многие мероприятия римлян позволили им переломить положение.

Уже много лет почти ничего не было слышно об этрусках, которые теперь находились в состоянии упадка. Они потеряли Вейи, и кельты постоянно нападали на северные рубежи их страны. Этруски удовлетворенно наблюдали за конфликтом между Римом и самнитами со стороны. С одной стороны, они не поддерживали самнитов, которые столетие назад изгнали их из Кампании. А с другой, ничем не сдерживаемый рост римского могущества вызывал опасения. Этруски воспользовались тем, что сорокалетнее перемирие между Римом и этрусским городом Тарквинии истекло, и примкнули к самнитам.

Для решения этого конфликта в 310 году римский консул отважно пробился через непроходимый Циминийский лес в Центральную Этрурию. Этот естественный барьер между двумя странами, эту пустынную дикую местность все считали непроходимой, поэтому новость о продвижении римлян встревожила общественное мнение этрусков. Некоторые предсказывали новые Кавдинские вилы. На самом деле консул выиграл сражение, этрусские города заключили мир, и римляне возобновили соглашение с городом Тарквинии.

Иногда казалось, что война с самнитами будет длиться бесконечно. В 305 году они напали на богатую винодельческую Фалернскую область (*ager Falernus*) в Северной Кампании. Самниты потерпели поражение, и их армия была разгромлена. В следующем году после дальнейших неудач самниты прекратили войну и приняли выгодные для римлян условия мира.

Они обязались уйти на свою территорию. Те, кто когда-либо союзничал с ними, должны были засвидетельствовать свою верность Риму и передать ему часть своей земли. Рим получил ощутимую, но не слишком большую выгоду. Он приобрел много пограничных городов и завершил завоевание Кампании. Однако после этого стало очевидным одно обстоятельство. Римская республика стала самым крупным государством в Италии, и, следовательно, с ее могуществом теперь должны будут считаться все средиземноморские державы.

Ливий рассказал, как в начале войны самнитский посол сказал своим римским коллегам: «Давайте станем лагерь против лагеря... и решим, самнитам или римлянам господствовать в Италии». И вот теперь этот вопрос решен, за исключением одного щекотливого обстоятельства. Самниты не привыкли смиряться с тем, что стало исторически очевидно. Если они говорили «мир» (*пакс*), значит, они готовились к войне.

В 298 году новое кельтское вторжение отвлекло римлян от самнитов. В этом вторжении, скорее всего, участвовали только небольшие мародерские группы, но оно все-таки представляло какую-то опасность. Самниты решили снова попытаться счастья и сыграть еще одну партию. На южной границе своих земель они напали на новых римских союзников – луканов. Во время Третьей Самнитской войны римские легионы уже не остановились на границах Самния, а двинулись непосредственно на вражескую территорию.

Никого не боясь, самнитский военачальник, Геллий Эгнаций, создал замечательный союз. Его участники имели между собой мало общего. Ими двигали только страх и ненависть к Риму, а также все они понимали, что это у них последняя возможность покончить с монстром прежде, чем он станет еще сильнее и подавит их окончательно. Смелый план Эгнация состоял в том, чтобы объединить свои войска с этрусками, умбрами (давний враг римлян) и кельтами на севере, а затем двинуться в общее наступление против неугомной республики.

О существовании этого союза узнали в 296 году, и известие о нем вызвало в Риме панику. Один из консулов, демократический реформатор Аппий Клавдий Цек, командовал армией, которая должна была следить за действиями этрусков. Он предупредил сенат о серьезной угрозе, нависшей над Римом. К службе в армии привлекли мужчин из всех сословий, включая бывших рабов. Создали также специальные когорты из пожилых граждан. Два консула, избранные на следующий год, командовали армией из четырех легионов и вспомогательными силами двух легионов для охраны Кампании от вторжений самнитов. При полном боевом развертывании численность армии составляла 25 200 легионеров, при этом им оказывала поддержку сильная конница. Кроме этого, два легиона отправили разорять этрусские земли и препятствовать тому, чтобы этруски присоединялись к Эгнацию. Но и это было не все. Легионы римских граждан выступали в сопровождении многочисленной армии союзников и латинов – это еще одно свидетельство успешной политики по отношению к латинам. Если учитывать все, то это была самая большая армия, которую когда-либо собирал Рим.

Консулы старались как можно быстрее помешать соединению кельтов с самнитами. Однако они опоздали, и римский авангард очень сильно пострадал от неприятельских войск. К счастью для римлян, этруски и умбры не пришли на помощь самнитам, поэтому, когда неприятельские армии встретились для генерального сражения около Сентин (близ современного города Сассоферрато, в области Марка), их численность оказалась почти одинаковой.

Решающий час настал, и как бы в знак этого случилось знамение. По полю между двух враждующих армий промчалась лань, спасаясь от преследовавшего ее волка. Внезапно животные стали разбегаться в противоположные стороны. Волк побежал к римлянам, которые расступились и открыли ему проход. Лань же бросилась к кельтам, а те закололи ее. Один из римских передовых воинов обнаружил в этом очевидное знамение. «Бегство и гибель

отвратились туда, где вы видите поверженной священную тварь Дианы; здесь же волк-победитель, целый и невредимый. Он напоминает нам о племени бога войны Марса и об основателе нашего города Ромуле».

Достоверность этого эпизода нам совершенно не важна. Так или иначе, он является доказательством того, что римляне считали этот день решающим моментом своей истории. Можно сказать, что в битве при Сентине они, как и англичане при Ватерлоо, «чуть было не дрогнули». Римлянами командовал Публий Деций Мус, сын того самого военачальника, который «посвятил» себя богам во время войны с латинами. Когда под сильным натиском кельтов с их колесницами римляне обратились в бегство, Мус последовал примеру своего отца. Он воззвал к богам и пустил своего коня туда, где стояли плотные шеренги кельтов, и погиб. Армейский понтифик воскликнул, что победа останется за римлянами именно теперь, когда судьба консула стала для них воодушевляющим примером. Тем временем, в битву вступил правый фланг римлян и полностью разгромил самнитов. Затем римляне развернулись, напали на кельтов с тыла и уничтожили их.

Победа была окончательной, но досталась она очень высокой ценой. По сообщению Ливия, в битве полегло 25 000 неприятельских воинов и 8000 попали в плен, в то время как римляне потеряли 8700 человек. В результате битвы при Сентине великий союз Эгнация распался, а его создатель лежал мертвый на поле боя.

Однако самниты продолжали сопротивляться. Даже такой римский патриот, как Ливий, признавал их стойкость. Он писал: «Уже не могли они держаться ни собственными силами, ни сторонней помощью; и все-таки они не отказались от войны. Вот как претила им свобода, которой не удалось защитить со славою, вот насколько даже поражение было для них желанней, чем упущенная победа».

Борьба продолжалась еще несколько лет, и наконец, римские войска проникли в Самний и разорили всю эту область. Сопротивляться дальше стало невозможно. Судя по количеству захваченных трофеев и численности поработанных пленных, римляне не проявили никакого милосердия. При продаже военной добычи и пленных на рынках выручили более трех миллионов фунтов бронзы. На основе этого внезапно появившегося богатства организовали первую чеканку монет Римской республики. Самниты в четвертый раз подписали соглашение со своими завоевателями. Теперь они стали «союзниками» Римской республики – другими словами, вассальной территорией, которая должна была посылать своих юношей в армию, но не для того, чтобы бороться с завоевателем, а чтобы помогать ему побеждать в будущих войнах.

Борьба продолжалась полстолетия. Самниты потерпели поражение, но даже теперь они не отказались от сопротивления. Озлобленный и поработанный народ затаил свою обиду на Рим и ждал любой возможности для мести.

Для отдельного римского воина поле боя представляло собой узкое замкнутое пространство, пронизанное страхом и напряжением. Поскольку военные действия велись в основном летом, то в воздухе всегда носилась пыль, поднятая тысячами бегущих ног, которую можно считать древним подобием «тумана войны» фон Клаузевица. Дождь не приносил воину облегчения, поскольку наступающая армия быстро превращала мокрую землю в болото. В армии распространялись острые и неприятные запахи, идущие от потных и грязных мужчин, которые, кроме всего прочего, от страха часто выпускали все содержимое своих кишечника и мочевых пузырей. Вокруг раздавался скрежет металла, военные крики, рев и сигналы полковых труб. Воин, окруженный своими товарищами, не видел ничего, что происходило за ними, даже приказы часто не доходили до него. Он понятия не имел, как протекало сражение в целом. В лучшем случае, он мог на мгновение увидеть своего скачущего командира, который и сам-то

едва успевал отслеживать ход событий. Среди этой толпы наш римлянин чувствовал себя ужасно одиноко.

В современной войне солдаты воюющих сторон часто находятся на некотором расстоянии друг от друга, поэтому им не приходится вступать в жестокие рукопашные схватки. Для римлянина это расстояние определялось броском копья и составляло тридцать метров, но как только две армии сходились, он оказывался в непосредственной близости от своего врага. Он должен был убить или ранить его коротким заостренным мечом – гладием (*gladius*) и защититься от удара противника своим щитом, или skutумом (*scutum*), ширина которого – 75 см, а высота – 1,2 м.

В результате военных реформ IV века эффективность римского оружия повысилась, однако поле боя, по-видимому, стало более пугающим, чем прежде. Первоначально легион сражался, как фаланга. Фаланга представляла собой боевой порядок пехоты в виде плотно сомкнутого строя, состоящего из восьми, а позже двенадцати или шестнадцати шеренг. Фалангу изобрели греки, а римляне заимствовали ее. Воины наступали в тесном строю, сомкнув для защиты свои щиты, так что фаланга казалась одним целым. У каждого воина было копье длиной 4–5 метров. Фаланга с выставленными вперед копьями выглядела как ошетилившийся дикобраз. Она врезалась во вражеский строй и обычно прорывала его только за счет первоначального сильного натиска и хорошей выучки воинов. Само слово «фаланга» в греческом означает не что иное, как «бревно» или очень тяжелый ствол дерева.

Однако у фаланги были слабые стороны. Она оказалась очень уязвима при нападении сбоку, а также во время боя на пересеченной местности, когда воинам было трудно сохранять строй. После распада фаланги этот памятник человеческой сплоченности превращался в обычную толпу воинов, которых можно было легко уничтожить и обратить в бегство. За исключением долины реки По, местность во всей остальной Италии – пересеченная, поэтому в IV веке римляне поняли, что фалангу применять не выгодно ни против рассредоточенного и несогласованного боевого порядка кельтов с их ужасными колесницами, ни против партизанских методов борьбы горцев-самнитов.

Таким образом, римляне отказались от фаланги в пользу более гибкого боевого порядка. Вместо того чтобы создавать один прямоугольный строй, тяжелую пехоту легиона разделили на три параллельных линии. Первую составляли гастаты (*hastati*), молодые воины; вторую – принципы (*principes*), воины среднего возраста; и наконец, третью – триарии (*triarii*), опытные ветераны запаса. Гастаты и принципы были вооружены двумя дротиками, длиной более метра, сделанными из дерева и железа, а триарии – длинным ударным копьем или пикой. Каждая линия делилась на десять подразделений, или манипул (от латинского «*manipulus*» – «горсть»), численностью 120 человек. Манипулы отделялись друг от друга небольшими промежутками, равными их ширине по фронту. Промежутки в передней линии защищали манипулы второй линии, а промежутки во второй – манипулами третьей линии.

Такой боевой порядок напоминает шахматную доску. Он позволял воинам первой линии отходить и заменяться новыми воинами. Триарии выполняли оборонительную задачу. Если гастаты и принципы не могли сдержать натиск противника и отступали, то на триариев возлагалась последняя надежда, чтобы избежать позорного поражения. Они становились под своими знаменами, преклонив колена, выставляли щиты и направляли вперед пики, создавая своего рода живой аналог современной колючей проволоки. Выражение «дело дошло до триариев» означало, что дела у римлян идут очень плохо.

Серьезность была важна, если воины должны были серьезно относиться к борьбе. У нас нет непосредственных свидетельств о состоянии воинов на поле боя в эпоху классической древности, однако при исследовании современной войны получены результаты, которые,

несомненно, можно применить и к древности. Кажется, что с полной отдачей сражается крайне мало солдат. Сражение часто имеет какой-то свой ритм, когда масса солдат наступает, выполняет обманный маневр, а затем отступает. Обычно люди готовы столкнуться с опасностью, в которую они попали, но при этом только четверть из них нападает с осознанным желанием убивать. Некоторых солдат охватывает ужас, и они не могут не только сопротивляться, а даже сдаться, поэтому они погибают там, где они стоят или лежат.

Удовольствие от битвы и получение удовлетворения от убийства, близкого к сексуальному, имеет место, но очень редко. По результатам современного исследования можно сказать, что приблизительно одна треть солдат на поле боя испытывает сильный или умеренный страх, другая треть – «среднюю степень напряжения и собранности», а приблизительно одна четверть остаются «спокойными и уравновешенными». Именно эти, последние, и являются в сражении наиболее боеспособными воинами. Небольшое число солдат сразу испытывают сильное потрясение и показывают себя совершенно не способными к сражению.

Согласно недавнему социологическому исследованию проблемы насилия «в древних и средневековых войнах воины показывали очень слабое мастерство владения... оружием». Наибольшее число ранений и убийств обычно случается в том случае, когда противоборствующие силы находятся в неравном положении, например, во время бегства или засады одной из сторон. «Туннель насилия» – это своего рода лихорадка, которая охватывает наступающие войска, которые могут безнаказанно совершать злодеяния. Точно так же после победы на поле боя или при захвате осажденного города солдаты позволяют себе временное моральное расслабление. Люди чувствуют, что их поддерживает толпа, и ведут себя по отношению к побежденным с крайней жестокостью. Когда восстанавливаются обычные механизмы социального контроля, те же самые люди могут поделить своей едой с оставшимися в живых жертвами.

Один из способов уменьшить страх и напряжение среди воинов состоял в том, чтобы создать в армии многочисленные сплоченные подразделения, такие как фаланга, где все действуют сообща и нет никакой возможности проявления личной инициативы. В новом римском подразделении – манипуле – оказалось больше возможностей для проявления личной инициативы, а также (как следствие) для проявления трусости или, по крайней мере, небоеспособности перед лицом неприятеля.

Таким образом, для повышения уровня боеспособности необходимо было поддерживать жесткую дисциплину. С обоих концов первого ряда манипулы стояли два центуриона, каждый из которых командовал половиной подразделения, в то время как третий командир, опцион (*optio*), наблюдал сзади. На эти командные посты римляне назначали только очень подготовленных воинов. Как писал Полибий: «От центурионов римляне требуют не столько смелости и отваги, сколько умения командовать, а также стойкости и душевной твердости, дабы они не кидались без нужды на врага и не начинали сражения, но умели бы выдерживать натиск одолевающего противника и оставаться на месте до последнего издыхания».

Победитель в любой войне имел неоспоримое право получить в качестве военной добычи все найденные ценности. Римский воин, гражданин и союзник мог рассчитывать на законную долю трофеев. Однако наиболее убедительным стимулом к героизму стало сложившееся убеждение, что Рим выходит победителем из всех войн. Так, несмотря на страшные неудачи и большие потери, Римская республика теперь владела почти всей Центральной Италией. Римская территория с начала века до 280-х годов увеличилась с 6000 до 15 000 квадратных километров. Наряду с этим резко возросло общественное и личное благосостояние.

Войны IV века превратили Рим в военное государство. Большие или малые военные

кампании проходили почти каждый год. Ежегодное число призванных на военную службу во время самнитских войн увеличилось с двух до четырех легионов, то есть численность армии теперь составляла 18 000 человек. Во время битвы при Сентине римское войско насчитывало уже шесть легионов, что составляет, по-видимому, 25 процентов от числа всех взрослых граждан мужского пола. Однако изматывающие военные действия не прошли даром, и теперь на полуострове не существовало ни одной державы, которая посмела бы бросить вызов римскому могуществу.

Теперь возникает вопрос, что означало быть римлянином, когда Римская республика оказалась на пороге своей истории и своего величия? Как римлянин или римлянка осознавали этот мир? Из-за отсутствия достоверных письменных источников не так просто ответить на этот вопрос, ведь в дело вмешались более поздние историки и попытались «приукрасить» существующую действительность. Однако первые ростки очевидных личностных свойств уже начинают появляться на свет.

Подавляющее большинство людей жили в бедности и обеспечивали себя только благодаря тяжкому труду на земле. Хотя Лаций отличался плодородием своих почв, в области хозяйничали грабители, которые уничтожали зерновые культуры, а также сжигали хижины и постройки. Мелкие землевладельцы часто отсутствовали дома, будучи на службе в армии. Женщины и дети, по-видимому, обрабатывали землю, пока грабители не вынуждали их искать спасения на ближайшем военном посту. Однако с расширением территории Рима грабители постепенно уходили в другие области.

Проблема долгов оставалась, она сохранялась, несмотря на то, что много лет назад отменили унижительное бремя долговой кабалы (*nexum*). Экономические трудности полностью не исчезли, однако после завоевания новых земель они стали менее заметны. По мере обогащения республики римляне стали относиться с некоторой ностальгией к простоте и скромности сельской жизни, известной им по жизнеописанию Цинцинната.

Поскольку по полуострову постоянно перемещались различные народы, число которых постоянно росло, привычным образом жизни римлян в Центральной Италии стала война. Римляне учились жить так, чтобы постоянно быть готовыми к нападению. В первые века существования республики можно выделить очень короткие периоды, когда римляне не вторгались в земли своих соседей или, наоборот, сами не отражали нападение. Неудивительно, что систему управления Римом организовали так, что военная власть очень тесно переплеталась с политической.

В Риме, по крайней мере среди правящего сословия, распространилась жестокая культура самопожертвования. В ее основе лежали не только легенды, такие как казнь Брутом своих провинившихся сыновей, но также истории (очевидно подлинные) о гибели двух Дециев Мусов, отца и сына, которые совершили самоубийство ради высшего блага, принесения в жертву личности ради избавления всего общества.

Склонность римлянина к агрессии сдерживали два института: религия и закон. Оба они устанавливали определенные правила. К духовному опыту относились с сильным подозрением. Для определения пожелания богов и предотвращения их недовольства требовалась только ритуальная формула. Подобным образом, все виды отношений между гражданами определяют законы Двенадцати таблиц.

Эти две системы помогали поддерживать хорошее поведение, сознательность, доверие и добросовестность (*fides*). Нечестность и вероломство приводили к недовольству богов и к ответственности перед законом. Но римлянин оставался коварным. При том, что он очень свободно осуждал других, в своих собственных делах он мог сослаться не на дух закона, а всего лишь на его букву, а при случае даже переписать эту букву.

Предписание в законе само по себе не является достаточным условием, к нему обязательно должна прилагаться благосклонность. Замечательная история о том, как в Риме решили противоречия между разными сословиями, является доказательством того, что каждое последующее поколение прагматиков шаг за шагом стремилось к компромиссу. Они улучшали и совершенствовали свои требования, пытаясь достигнуть соглашения с политическими противниками.

И вот, теперь этому народу предстояло впервые столкнуться с военным могуществом Греции.

III История

10. Авантюрист

Молодой царь лежал при смерти на своем ложе в Вавилоне. 29 мая он организовал торжественный пир в честь одного из своих военачальников и, как обычно перед такими случаями, принял ванну. Затем он вдруг захотел спать. Это было очень странно, поскольку царь любил устраивать ночные попойки. Видимо, что-то беспокоило его. Однако его друг настойчиво приглашал его остаться, и царь передумал. Он продолжал пить весь следующий день, а к вечеру у него началась лихорадка.

Ночью он спал в дворцовой бане, так как там было прохладнее. Следующим утром он возвратился в свою спальню и весь день играл в кости. Вечером 1 июня он вернулся в баню, а следующим утром он обсуждал со своими военачальниками предполагаемый военный поход. Лихорадка усилилась, и через два дня стало ясно, что он тяжело болен. Что это была за болезнь – неизвестно. Некоторое время назад царь совершил поездку на лодке по реке Евфрат и, видимо, заразился там малярией. Кроме этого, он еще не полностью поправился после серьезного ранения в грудь, полученного в сражении.

Царь продолжал выполнять свои обязанности и совершать ежедневные жертвоприношения, но 5 июня он понял, что его состояние тяжелое. Теперь все приказы своим чиновникам он отдавал, находясь на своем ложе. Через несколько часов он стал терять дар речи, после чего холодным символическим жестом вручил главному военачальнику свой перстень с печатью. Свершилась передача власти.

В городе распространились разные слухи. Возле дворца собрались возбужденные воины и грозились сломать двери. В конце концов, им позволили войти, и они проходили бесконечной вереницей через спальню царя. Царь уже не мог вымолвить ни слова. Он понимал, что люди прощаются с ним. Иногда он с трудом приподнимал голову и немного шевелил правой рукой. Только глаза его все еще оставались живыми.

Однажды во время болезни, когда он еще мог говорить, царя спросили, кому он оставляет свое царство. Он, задыхаясь, ответил: «Сильнейшему». В его последних словах содержалось циничное предсказание, что его военачальники вскоре вцепятся друг другу в глотку за то, чтобы получить свою долю его империи. Он добавил: «Вижу, что будет великое состязание над моей могилой».

Так, 10 или 11 июня 334 года умер Александр Македонский, которому было всего 32 года. Пока Рим вел длительную затяжную войну с самнитами за власть в Центральной Италии, юный македонский царь за десять лет сумел провести победоносную военную кампанию против огромной Персидской империи. Несмотря на утверждение царя, что это был поход греков, все

его результаты он присвоил себе. Будучи одним из величайших полководцев в мире, войну он рассматривал, видимо, как самоцель. Его настольной книгой была «Илиада» Гомера, и он согласился с мнением неукротимого воина Ахиллеса в том, что единственная осмысленная цель жизни – это достижение личной славы. Александра не интересовало, сколько жизней придется принести в жертву. Ни о чем не задумываясь, он уничтожал тысячи мужчин, женщин и детей в угоду своим тщеславным устремлениям.

В последние месяцы своей жизни он планировал новые военные походы. Биограф царя, Арриан, писал, что он собирался отправиться на Сицилию и в Южную Италию, чтобы усмирить римлян, рост могущества которых вызывал у него беспокойство.

Александр никогда не получал полного удовлетворения ни от одного из своих завоеваний, даже если бы он расширил свою империю от Азии до Европы и от Европы до Британских островов. Напротив, он продолжил бы искать новые неизвестные ему земли, поскольку это стремление было заложено в его характере, и если у него не было соперника, то он всегда пытался превозмочь самого себя.

Александр представлял собой такой тип человеческой личности, которая постоянно ищет пределы этого мира, цель такой личности лучше всего описывается бессмертным девизом Теннисона «Бороться и искать, найти и не сдаваться».

Циничное предположение македонского царя о том, что случится после его смерти, полностью оправдалось. Его империю разделили между собой полководцы его армии и члены его семьи. Их назвали «диадохами», или преемниками. Диадохи сразу же перессорились между собой, и одна война следовала за другой. Они затеяли друг с другом смертельную «игру на вылет» и почти все пали жертвой насилия. Слабоумный сводный брат Александра и его номинальный преемник в качестве царя, его грозная мать Олимпиада, жена Александра, Роксана и ее сын, рожденный после смерти царя, – все они, в конечном счете, попали под безжалостные жернова истории и были казнены.

Романтическая личность Александра и его блистательные успехи покорили воображение многих честолюбивых молодых людей того времени и особенно более поздней, классической эпохи. Его пример побудил известных греков и римлян добиваться собственной славы. (Однако стоит отметить, что поклонниками Александра были не все. Цицерон считал, что от Александра исходит угроза миру, и рассказал о его беседе с захваченным в плен пиратом. Царь спросил пленника, какие преступные наклонности побудили его сделать море опасным для плавания. Тот ответил: «Те же, какие побудили тебя сделать опасным весь мир».)

Одним из самых ранних поклонников Александра был Пирр, царь молоссов, за трон которого шла борьба. Молоссы – одно из племен, которые образовали объединенное государство Эпир (оно располагалось на территории современной Северной Греции и Южной Албании, которая протянулась узкой полосой вдоль побережья Ионического моря против острова Корфу). Царь молоссов стал наследным правителем – «гегемоном» (hegemon) – всего объединения племен.

Суровая гористая область Эпир располагалась на отрогах высокого хребта Пинд. Эпир находился на краю греческого мира. На жителей этой области, впрочем, как и на македонцев, греки смотрели свысока и считали их полуварварским народом. Эпироты говорили на одном из диалектов древнегреческого языка, однако жили они не в городах или полисах, таких как Афины, Фивы и Спарта, а в небольших разбросанных поселениях. Конечно, после Александра греки уже не относились к северным иноземцам с таким пренебрежением.

Пирр принадлежал к очень знаменитому роду. Считается, что он был потомком Ахиллеса и носил то же имя, что и сын этого героя. Как часто случается в этой истории, фоном для современных событий и их действующих лиц является искусно сотканный ковер Троянской

войны. Для нас это легенда, а для греков и римлянам это была действительность. Бесстрашный воин Ахиллес, сражавшийся на стороне греков (что интересно, он победил в схватке основателя Рима, Энея), в ходе войны погиб, будучи сраженный стрелой Париса, любовь которого к Елене стала основой длинного трагического эпоса. Первый Пирр (он также известен как Неоптолем), был один из тех, кто спрятался внутри деревянного троянского коня. Он повел греков в атаку во время падения Трои и убил престарелого царя этого города, Приама. После своего возвращения в Грецию он поселился в Эпире и основал династию молоссов.

Его потомок и тезка в раннем детстве пережил много опасностей. Пирр родился в 319 году, а через несколько лет его отца свергли с трона. Вместо него стал править его родственник. Трое отважных молодых людей и кормилица решили спасти младенца Пирра от недоброжелателей, увезя его из дворца. Беглецы уже почти достигли безопасного места, но наступил вечер. Они подошли к реке, разлившейся от дождей. Переправиться через нее в темноте они без посторонней помощи не смогли. Они видели, что на другом берегу стоят какие-то местные жители, однако они не услышали криков о помощи из-за шума текущей воды.

Один из сопровождающих Пирра догадался оторвать от дерева кусок коры и нацарапать на нем сообщение металлической застежкой. Затем он обернул кору вокруг камня и перебросил камень через реку. Люди на той стороне прочитали послание и быстро срубили несколько деревьев. Они связали стволы веревкой, сделав таким образом небольшой плот, на котором переправили через бурные воды Пирра и его спутников.

Затем ребенка решили отправить еще дальше на север – в одно из племен Иллирии. В этой земле не было никаких законов, а сами иллирийцы заслужили себе славу морских разбойников. Правитель племени, некий Главкий, предоставил Пирру убежище и отказался от выкупа, который предлагали ему за его выдачу. Таким образом, Пирр рос в диком краю, населенном разбойниками, которые на первое место ставили физическую силу и личную храбрость.

Когда Пирру исполнилось тринадцать лет, он вернулся на трон молоссов в качестве регента, однако через несколько лет его снова изгнали с родины. На этот раз против него выступил жестокий и честолюбивый македонский царь Кассандр – один из диадохов, который бросил свой алчный взгляд на Северо-Западную Грецию.

Достигнув совершеннолетия, Пирр стал мечтать о победах или о создании империи в какой-нибудь части света, однако у него не было другого выбора, кроме как стать наемником. Пирр поступил на службу в армию одного из диадохов и первый боевой опыт крупномасштабной войны получил в битве при Ипсе. В сражении его покровитель погиб от рук великой коалиции. Из смертельного состязания, развернувшегося после смерти Александра, выбыл еще один атлет.

Единственный диадох, который умер своей смертью после долгих лет правления и основал продолжительную династию, был Птолемей. Он знал Александра еще ребенком. Птолемей захватил Египет и провозгласил себя фараоном. Будучи менее честолюбивым, в отличие от своих соперников, он удовлетворился этой частью империи, и его властные устремления простирались не дальше Эгейского моря. Пирр провел некоторое время в Египте и произвел на Птолемея такое хорошее впечатление, что царь отдал ему в жены свою падчерицу (Птолемей – политический многоженец, за время правления он сменил пять жен). Фараон также оказал ему существенную военную и финансовую поддержку, благодаря которой Пирру удалось вернуть себе трон молоссов.

Тишина и спокойствие его небольшого царства скоро наскучили ему. Пирр занялся расширением подвластных ему территорий, однако в мировой политической игре он был самым последним игроком. Он лелеял свои надежды. Поскольку мать Александра Великого, Олимпиада, была эпирской царевной, то сам Александр Великий приходился Пирру

троюродным братом. На основе этого Пирр претендовал на особые отношения с покойным завоевателем. Однажды он поведал, как Александр позвал его во сне. Пирр отозвался и нашел царя, лежащего на своем ложе. Александр обещал во всем помогать ему. «Но ваше величество, – сказал Пирр, не привыкший отступать, – как же вы будете помогать мне, если вы больны?» Царь ответил: «Одним моим именем» – и, сев верхом на племенного коня, поскакал вперед, в будущее.

Дальше – больше. Пирр не стеснялся использовать для своих целей имя Александра, а также в каждом удобном случае напоминал о своих родственных связях с ним. В 287 году он убедил македонскую армию провозгласить его царем Македонии. Однако другой претендент на трон вскоре вытеснил его обратно в молосское захолустье.

Пирр отличался великодушием и притягательностью, однако Плутарх пишет, что выражение лица у него было «скорее пугающее, нежели величавое». Подобно тому, как в Средние века считали, что некоторые европейские монархи могут лечить золотуху прикосновением руки, страдающие болезнью селезенки полагали, что царь может вылечить их недуг, приложив свою правую ногу к животу около селезенки. Пирра нельзя было назвать красивым, к тому же у него было мало зубов и, как это ни странно, вся его верхняя челюсть состояла из одной сплошной кости, а промежутки между зубами представляли собой лишь тонкие бороздки (Современные зубные врачи не знают ни одной патологии, которая бы соответствовала этому описанию. Наиболее вероятное объяснение этому состоит в том, что царь носил протез из слоновой кости). Со своими близкими Пирр обходился очень учтиво и вежливо, а с подчиненными, наоборот, вел себя довольно надменно. Многие считали его гениальным от рождения, образованным и искусным политиком – такого же мнения о себе придерживался и сам царь.

Однако по прошествии многих лет Пирр остался человеком обещаний, а не дел. Подобно своему предку Ахиллесу, он не мог сидеть без дела, и, как писал Гомер:

«Терзаяся сердцем,
Праздно сидел, но томился по воинским кликам и битвам».

Когда Пирру было уже далеко за тридцать, ему, наконец, представилась возможность проявить себя, которую он ждал всю свою жизнь. Конечно, нельзя сказать, что она представилась вовремя. В Эпир прибыли послы из города Тарента (ныне Таранто), который греки основали на итальянском «каблуке». Они предложили царю крайне интересный проект.

Тарент являлся одним из самых богатых городов греческого мира. Он основан в 706 году в Апулии на подошве итальянского «сапога». Город располагался на острове между большой внутренней лагуной и заливом. От открытого моря город отделялся другим островом и полосой земли. В Таренте было много «зеленеющих» деревьев и благоприятный климат, где «долгая весна приходит на смену теплой зиме». Поэт Гораций описывал окружающую местность:

Я пойду в тот край, для овец отрадней...
Этот уголок мне давно по сердцу,
Мед не хуже там, чем с Гиметтских склонов,
И оливы плод без труда поспорить
Может с венафрским.

В Таренте процветала культурная жизнь. Город являлся центром пифагорейской философии, там делали высококачественную цветную керамику и красивую серебряную

чеканку. Тарент также стал известен благодаря своей фиолетовой краске, которую получали из морского моллюска, называемого мурекс. В городе производили изделия из шерсти, а также выращивали маслины и добывали соль. Политическое устройство Тарента можно отнести к демократии. В середине IV века на протяжении тридцати лет в городе правил некий Архит, которого мы по праву можем назвать человеком эпохи Возрождения. Рассказывают, что Архит занимался механикой на математической основе и создал проект летательного аппарата в виде птицы, который видимо приводился в движение энергией пара. Архит был знаком с Платоном и пытался помочь ему преодолеть сложности в отношении с сиракузским тираном Дионисием II. Афинский философ, по-видимому, считал Архита образцом царя-философа, которого он описывал в своем диалоге «Государство» в качестве идеального правителя.

Архит также достиг значительных успехов как полководец. Он отражал непрерывные вторжения сабельских племен, которые окружали город со стороны гор. Жители Тарента могли выставить армию численностью 30 000 человек и развернуть сильный флот. Однако в более позднее время они, видимо, утратили былое могущество. Как пишет географ Страбон: «Впоследствии, однако, ввиду процветания города роскошь настолько усилилась, что общенародных праздников у них стало больше, чем [рабочих] дней в году. В силу этого управление городом ухудшилось. Одним из доказательств дурных порядков у них было то, что они принимали на службу чужеземных полководцев».

Угрозу для Тарента представляли не только сабельские племена. В течение долгого времени жители города с опасением следили за ростом римского могущества и очень тревожились за свою безопасность. Во время Второй Самнитской войны они не примкнули ни к одной из сторон и как-то предложили свои услуги в качестве нейтральных посредников между противоборствующими сторонами, однако на самом деле тарентинцы сочувствовали самнитам. Они понимали, что Римская республика, быстро увеличивающая свою территорию, в какой-то момент предъявит претензии и на Южную Италию. Это особенно угрожало демократической системе правления Тарента, поскольку римляне у своих побежденных «союзников» обычно поддерживали местную аристократию, которая всегда стремилась обратиться за иноземной помощью для установления своей власти.

Нельзя сказать, что римляне сами искали повод для нападения. Как мы уже отмечали, они верили в принцип справедливой войны, по крайней мере теоретически, и не хотели расстраивать богов своими агрессивными действиями, затеянными без видимых причин. Однако причина не заставила себя долго ждать. В 285 году город Фурии – еще один порт в Тарентинском заливе – обратился к Риму за помощью для отражения нападений сабельских племен. Римляне, очевидно, оказали ему какую-то помощь. Возникает вопрос, почему Фурии не обратились за помощью к своему более сильному соседу – Таренту. Власть в Фуриях принадлежала олигархии, а она не питала особой любви к демократии Тарента. Проклятие политической культуры греческого мира состояло в том, что небольшие города-государства, такие как Афины, Спарта и Фивы, не могли найти общий язык друг с другом. Греческие колонисты, переселившиеся в Италию, принесли с собой эту дурную привычку.

Через три года Фурии прислали еще один запрос. Для Римской республики это было нелегкое время, чтобы кому-то помогать. Римляне недавно потерпели поражение от пришедших с севера кельтов, а также самниты снова восстали против своих победителей. И все же Рим удовлетворил просьбу Фуриев и отправил на юг консульскую армию, чтобы отогнать сабельские племена и разместить римский гарнизон в Фуриях. После этого еще несколько греко-итальянских городов или греческих колоний вступили в союз с Римом. В городе специально собрался сенат и постановил, что Рим, как наиболее могущественная держава Италии, обязательно должен разработать разумную политику в отношении Великой Греции.

Тарентинцы были в ярости, и вскоре им представилась случайная возможность проявить свои чувства. В нарушение старого соглашения о запрете римлянам входить в Тарентинский залив, флотилия из десяти римских военных кораблей неожиданно появилась в гавани Тарента, собираясь встать на якорь. По некоторым сведениям, это была просто разведывательная экспедиция, однако тарентинцы предположили, что флотилия пришла с более серьезными намерениями. И это не вызывает удивления, поскольку они опасались заговора, направленного на свержение их демократии, или, по крайней мере, враждебной им военно-морской разведки.

По стечению обстоятельств в этот день проходил праздник в честь бога Диониса, и многочисленная, нетрезвая публика сидела в городском театре и смотрела представление. Сразу после того, как распространилась новость о прибытии флотилии, толпа в ярости бросилась к пристани. Люди начали нападать на прибывших римлян. Они потопили четыре римских судна и убили военачальника, а пятое судно захватили вместе с командой. Остальным судам с трудом удалось уйти.

Поскольку дело касалось города Фурии, тарентийцы действовали быстро и решительно. Армия Тарента вошла в город и изгнала оттуда не только правящую элиту, но и римский гарнизон. Фурии для тарентинцев стали ненавистными вдвойне, так как они предпочли обратиться за помощью не к грекам, а к римлянам, а также установили не демократическую, а олигархическую форму правления.

Действия тарентинцев являлись серьезной провокацией, однако римский сенат трезво оценил положение и просто отправил для расследования посольство, во главе которого встал бывший консул, Луций Постумий Мегелл. Скорее всего, такое решение сената основывалось на том, что Риму не нужен был еще один заклятый враг, и сенат был готов закрыть глаза на этот случай, если Тарент согласится восстановить свой прежний нейтралитет. Однако если делегация ожидала получить от тарентинцев что-то похожее на извинение, то она жестоко просчиталась.

Система управления Тарента представляла собой прямую демократию греческого типа. Все важные решения жители города принимали на всеобщем собрании. Постумия пригласили посетить их собрание в театре. Однако оказалось, что тарентинцы отмечают какой-то очередной праздник. Многие из них находились под воздействием алкоголя и отпускали разные шутки. Они считали посланников объектом насмешек и потешались над их тяжелыми и неудобными тогами. Кроме того, они передразнивали Постумия, когда он не очень хорошо говорил по-гречески. Римляне старались быть серьезными, и это еще больше забавляло тарентинцев.

Постумий потребовал освобождения моряков и судна, и еще потребовал, чтобы тарентинцы вернули Фурии, заплатили компенсацию и передали для наказания тех, кто организовал нападение на римский флот. Закончив изложение своих требований, бывший консул и его спутники, освистываемые народом, стали выбираться из театра. На выходе один нетрезвый шутник решил поглумиться над Постумием. Он повернулся к нему спиной, поднял свою одежду и опорожнил на тогу римлянина содержимое своего кишечника. Все присутствующие встретили эту выходку смехом и аплодисментами.

«Смейтесь, смейтесь, пока можете, – воскликнул Постумий, – скоро очень долго придется плакать». Заметив, что его угроза привела в ярость некоторых из толпы, он продолжал: «Чтобы разжечь в вас злобу, я скажу еще и то, что вы смоете это с тоги большим количеством крови».

Римляне считали послов священными и не ожидали такого приема. Захваченный врасплох Постумий не сумел достойно ответить на насмешки, однако он понял, как можно использовать такое оскорбление и разжечь ненависть к тарентинцам в Риме. Он сохранил запачканную тогу и привез ее домой, чтобы предъявить римлянам доказательство того, какие он вынес

оскорбления. Хотя римские войска вели военные действия в других местах, сенат сразу же проголосовал за войну, а народное собрание одобрило это решение.

Это событие, возможно несколько преувеличенное в рассказах историков, служит подтверждением одного очень важного обстоятельства. Цивилизованные представители греческого мира в данный исторический период считали Рим провинциальным полуварварским захолустьем, а римские послы годились только для насмешек, так как к ним вряд ли можно было относиться серьезно.

Улыбки исчезли с их лиц, когда тарентинцы узнали о быстром прибытии к стенам их города римской армии, которая начала методично разорять благодатную окружающую местность. Зимой 281–280 годов римские войска отошли в колонию Венузия, где могли следить за самнитами и за южными сабельскими племенами. Тарентинцы предусмотрительно назначили проримского военачальника, который мог бы договориться о мире.

Командующий римлянами консул предложил тарентинцам те же самые условия, о которых говорил Постумий, а в случае отказа принять их обещал развязать крупномасштабную войну. Как выразился историк Аппиан, «на сей раз им было уже не до смеха». На шумном народном собрании возникли споры о том, что делать, и мнения разделились почти поровну. В конце концов, тарентинцы решили позвать за царем молоссов и просить его, чтобы он с войсками прибыл из Эпира и вступил в войну с римлянами. Идея призвать иноземного военачальника была не нова. В прошлом, считая свою армию слишком слабой для самостоятельной борьбы, тарентинцы приглашали наемных полководцев, чтобы они помогли отразить вторжения сабельских племен. Однако никаких существенных успехов эти полководцы не достигли. Одним из таких наемников был дядя Пирра и брат Олимпиады, Александр Молосский, который занимал эфирский трон до Пирра. Александр погиб во время военных действий на стороне Тарента. Создавшееся положение, как это ни странно, привело к дружескому соглашению между Тарентом и его агрессивными соседями, которые решили, что Рим они ненавидят гораздо больше, чем живших в Италии греков.

Когда посольство прибыло ко двору Пирра, оно преподнесло царю подарки и заверило его в том, что ему окажут помощь сабельские племена, тарентинцы и, что самое удивительное, – самниты. Посланники явно преувеличили численность войска, которое будет ожидать его прибытия, но они были хорошими судьями своего человека. Пирр получал возможность возратить себе македонский трон, поэтому он без промедления клюнул на приманку, несмотря на то, что его старший советник, фессалийский мудрец по имени Киней, пытался отговорить его.

Как рассказывал в своей известной истории Плутарх, Киней спросил царя: «Что ты будешь делать, когда победишь римлян?» «Мы завладеем Италией», – последовал ответ. «Что же потом?» «Богатой добычей станет Сицилия», – сказал царь, не замечая подвоха. «И зачем все это?» «Оттуда рукой подать до соблазнительных Карфагена и Ливии». Наконец Киней завершил свой допрос: «После этого очевидно, у нас не возникнет никаких трудностей по захвату Македонии и Греции».

И тут Пирр сказал с улыбкой: «Вот тогда у нас будет полный досуг, ежедневные пиры и приятные беседы». «Но что же мешает нам сейчас делать все это?» – спросил Киней.

Царь немного огорчился, поскольку он понимал, что взваливает на себя большие трудности, однако не может отказаться от своих великих надежд. Судьба Александра и Ахиллеса нисколько не пугала его.

Над отдаленной от дорог, холодной и пустынной долиной, виднелись скалистые снежные горы. В подножье холма возвышался одинокий дуб, окруженный стеной. Здесь находился небольшой, но очень известный каменный храм. Это Додона – место пребывания древнейшего

греческого оракула, посвященного царю богов Зевсу и его супруге, Дионе, которую обычно звали Герой (римские Юпитер и Юнона). Три жрицы, известные как «голубицы», предсказывали будущее по шелесту листьев дуба на ветру.

Несмотря на его свою древность, Додонский храм пользовался меньшей известностью, чем святилище в Дельфах. К Додонскому оракулу обращались главным образом простые люди, которые стремились решить разные трудности повседневной жизни. В этом смысле Додонский оракул чем-то похож на современного адвоката или врача. Все, кто обращались к оракулу, должны были предоставить свои вопросы этим двум богам в письменном виде – нацарапать их на свинцовых табличках. Затем таблички помещали в горшок, и их изучала одна из жриц. Археологи нашли несколько табличек (это за всю долгую историю существования оракула). Среди просителей встречались не только местные крестьяне, но и паломники со всех концов Средиземноморья.

Среди них – Эвбандр и его жена, которые спрашивали о том, какому богу, герою или духу (даймону) они должны молиться и приносить жертвы, чтобы они сами и их имение стали богатыми «навсегда». Человек по имени Сократ хочет знать, как ему надлежит торговать с наибольшей выгодой для себя и своей семьи. Агис спрашивает о своих утерянных матрацах и подушках: не мог ли их украсть какой-нибудь иноземец?

Время от времени с додонскими божествами советовались разные знаменитые личности. Ахиллес у Гомера молился «Зевсу пеласгийскому, додонскому, далекому владыке Додоны», чтобы его любимый друг, Патрокл, одержал победу и живым возвратился из сражения с греками на равнине у Трои. Но бог обычно одной рукой дает, а другой отнимает. Далее Гомер пишет: «И внял ему Зевс промыслитель. Дал Отец Ахиллесу одно, а другое отвергнул». Патрокл оттеснил троянцев, но был убит.

Оракул вполне мог допустить какую-нибудь неразборчивую отговорку. В V веке во время крупной войны между Афинами и Спартой афинянам посоветовали основать свои колонии на Сицилии. Не задумываясь о том, что на самом деле означало предсказание оракула, афиняне решили, что оракул одобрил их вторжение на Сицилию, оказавшееся неудачным. Однако «голубицы» имели в виду холм вблизи Афин с таким же названием.

Поскольку Додонский оракул находился на территории Эпира, то царь молоссов, Пирр, стал его покровителем. Он восторгался предсказаниями оракула и сделал Додону религиозным центром своего царства. Пирр вложил большие средства в укрепление додонских храмов. Он восстановил и существенно расширил храм Зевса, учредил фестиваль искусств, игры атлетов и организовал представления в новом амфитеатре.

Когда царь собирался в военный поход в Италию, он советовался с оракулом о том, что его ожидает. Будучи в близких отношениях с оракулом, он был полностью уверен, что ожидания его не обманут, что царь богов и его супруга дадут ему благоприятный прогноз. Однако «голубицы» послушали шелест листьев и высказали неоднозначное предсказание. По-гречески их слова можно было прочесть двумя способами: «Если ты войдешь в Италию, то ты победишь римлян» или «Римляне победят тебя».

Пирр, будучи неглупым человеком, конечно же, понял, что предсказание неоднозначно, однако, как выразился Дион Кассий, он решил «толковать его по своему желанию, так как желания довольно часто разочаровывают». При осуществлении своего грандиозного замысла он не потерпел никакой задержки и даже не стал дожидаться наступления весны.

Поскольку Пирр не был полновластным монархом в Эпире, он не мог ничего сделать только по своему усмотрению. Сначала ему надо было получить поддержку племен, которые жили в его государстве, то есть заключить с ними соглашение о снабжении войска. Он воспользовался своей родословной от Ахиллеса, ведь если римляне утверждали, что они

являются наследниками троянцев, то вторжение во главе с царем молоссов будет считаться ответным действием. Возродившуюся Трою необходимо разрушить во второй раз. Будучи наследником славы Александра, Пирр представил себя предводителем греческого похода против варваров. Он также считал, что должен отомстить за своего дядю Александра Молосского.

Монеты широко распространились по всему Средиземноморью. Правители, стремящиеся подать себя в выгодном свете, быстро поняли, что их можно использовать в качестве удобного средства передачи информации. Монеты, выпущенные в Таренте при поддержке Пирра, не являются исключением. На некоторых из них можно увидеть изображение Зевса и Дионы Додонских. Это свидетельствует о том, что Пирр надеялся на получение божественного благословения для своих начинаний. Другие монеты стали подражанием золотым статерам Александра Великого. На них изображена Афина-Воительница, побеждающая варваров, а также олицетворенная Ника, или Победа, приносящая трофеи. На одной монете мы видим Ахиллеса, которому, видимо, придали облик Пирра. На другой изображена мать Ахиллеса, Фетида, которая, как написал в «Илиаде» Гомер, несет щит и новое оружие, чтобы перевооружить своего сына после смерти Патрокла.

Пирр добился своего. Он завоевал поддержку не только своих эпирских племен, но также и других эллинистических монархов – диадохов или их наследников, – которые радовались тому, что все эти военные неурядицы происходят где-то далеко и мешают каким-то другим людям в каких-то неизвестных местах. Царь собрал армию из 22 500 пехотинцев, в число которых вошли 2000 лучников и 500 метальщиков (у римлян не было воинов, которые могли поражать с некоторого расстояния). Кроме этого у Пирра была конница из 2000 всадников и 20 слонов.

Слоны тогда еще были в диковинку. Греки впервые столкнулись с ними в 331 году, когда персидский царь царей Дарий III, который неудачно для себя выпустил их на поле боя против армии Александра Великого в битве при Гавгамелах. Сам Александр никогда не использовал слонов, однако его преемникам понравился такой «род» войск. Слонов привозили из Индии. Индийские слоны, в отличие от африканских, имели очень большой размер и могли нести паланкин с погонщиком и несколькими воинами, вооруженными метательным оружием.

Главное преимущество слонов состояло в том, что они устрашающе действовали на врага. Кони очень пугались их, особенно если они никогда раньше не видели этих животных. С другой стороны, слоны могли нанести серьезный ущерб своей армии, если их вдруг охватит бешенство из-за ранения или по какой-то другой причине.

Арриан приводит красочное описание того, что может произойти при таких обстоятельствах, в своем рассказе о другом сражении Александра, на этот раз с войском индийского царя: «Слонов оттеснили, наконец, в узкое место, и здесь, поворачиваясь, толкаясь и топчя людей, вреда своим наносили они не меньше, чем врагам. Погибло много всадников, отброшенных в это узкое место вместе со слонами; многих слонов и их вожakov поразили дротиками; одни слоны были ранены, другие, истомленные, без вожakov, беспорядочно бродили по полю битвы. Словно обезумев от боли и горя, они бросались одинаково и на своих, и на врагов, расталкивали людей, топтали и убивали их».

В начале 280 года Пирр осмотрительно отправил вперед Киня с авангардом в три тысячи человек. Только после того как они благополучно прибыли в Тарент и получили там надлежащий прием, Пирр последовал туда с основной частью своей армии. Они пересекли Адриатическое море на грузовых судах, которые тарентинцы прислали в Эпир. Вскоре царь пожалел о том, что он отправился по морю, не дождавшись окончания зимы. Сильный шторм рассеял его корабли. Некоторые суда, включая флагманский корабль, на борту которого

находился сам Пирр, не смогли обогнуть Япигский мыс (кончик «каблука» итальянского «сапога») и войти в Тарентинский залив. К наступлению ночи они оказались у дикого непригодного для причала побережья, где многие суда разбились о скалы. Царская галера не пострадала благодаря своей большой величине и прочности.

Казалось, что спасение уже близко, но внезапно все изменилось. Ветер изменил направление и начал дуть с берега. Появилась опасность, что судно разобьется, если оно пойдет навстречу огромным валам, однако носиться в открытом море и прыгать на огромных волнах было не менее страшно. Царь принял смелое решение, как сообщает Плутарх: «Пирр выбросился в море, а приближенные и телохранители немедленно кинулись его спасать. Однако в темноте, в шуме прибоя, среди откатывающихся назад валов трудно было оказать ему помощь, и только на рассвете, когда ветер спал, Пирр выбрался на берег, изможденный телом, но бодрый духом, отважный и готовый преодолеть любые превратности».

Царь добрался до Тарента и какое-то время оставался там. Его сразу же назначили главнокомандующим, однако он не предпринял ничего против желания его хозяев, пока не вошли в порт спасшиеся корабли и не привезли эпирскую армию. Как ни странно, но все слоны благополучно перенесли переезд, хотя совершенно непонятно, как возбужденное животное весом в пять тонн может оставаться спокойным в бурном море на борту галеры длиной 25 метров. После этого Пирр показал себя в истинном свете. Он быстро понял, по словам Плутарха, что «чернь в Таренте по доброй воле не склонна ни защищаться, ни защищать кого бы то ни было, а хочет лишь отправить в бой его, чтобы самой остаться дома и не покидать бань и пирушек».

Это была не его идея, как управлять войной. Он разместил свои войска в акрополе, или городской крепости, а командиров расселил в домах горожан. Для всех молодых тарентинцев Пирр ввел воинскую повинность. Он запретил все представления, закрыл все гимнасии (их посещали не только для спортивных упражнений, но также для общения, во время которого мужчины «вершили военные дела на словах») и запретил проводить общие товарищеские обеды (мероприятие, характерное для коллективного образа жизни Спарты, выходцы из которой основали Тарент). Городские жители, привыкшие жить в свое удовольствие, были потрясены. Некоторым из них удалось миновать охрану Пирра и покинуть город. Популярность царя упала, противники правящей демократии попытались вызвать раскол. Однако их быстро окружили, а затем отослали в Эпир или просто казнили. Тарентинцы больше не являлись хозяевами своего города.

Известие о прибытии Пирра на итальянскую землю встревожило Рим. Римляне недавно победили на севере объединенную кельтско-этрусскую армию, после чего Римской республике требовалось время для восстановления сил. Все еще давали о себе знать большие потери, понесенные во время третьей и последней Самнитской войны. Однако не оставалось ничего другого, как снова приложить огромные усилия для отражения возможного вторжения, которое готовил Пирр. Римляне набрали новую армию. Туда вошли (скорее всего) даже те граждане, пролетарии, у которых не было никакой собственности и которые обычно освобождались от военной службы. На такой шаг решались только в случае чрезвычайного военного положения (*tumultus maximus*). В Риме разместили войска, а армии, находящейся на севере, поставили задачу не допустить, чтобы этруски выступили вместе с молосским царем.

Один из консулов 280 года, Публий Валерий Левин, двинулся с войском численностью около тридцати тысяч человек на юг к Таренту. В этот момент Пирр сделал римлянам мирное предложение. Несмотря на то, что он высоко ценил мастерство на поле боя, Пирр не стремился сам начинать военные действия. Во время своего правления он всегда, перед тем как браться за оружие, прибегал к дипломатии для решения спорных вопросов. Он также рекомендовал эту

политику в своей известной (не дошедшей до нашего времени) книге по военной тактике. Если довериться Диону Кассию, то Пирр написал римскому консулу следующее: «Царь Пирр приветствует Левина. Я понимаю, что ты ведешь армию против Тарента. Оставь ее и приезжай ко мне со своими сопровождающими. Я постараюсь рассудить вас, и если у кого-то есть какие-то претензии друг к другу, то я найду неправую сторону и постараюсь решить это дело по справедливости».

Это был первый непосредственный контакт царя с представителями Римской республики, поэтому трудно сказать, надеялся ли Пирр на положительный ответ. Конечно же, такого ответа не было. Консул спросил: «Что ты мне предлагаешь какие-то глупости, когда я могу предстать перед судом нашего предка Марса?»

Римляне немного превосходили по численности армию Пирра, поскольку он вынужден был оставить часть войск в Таренте. Пирр расположился лагерем на берегу реки около города Гераклеи, который немного отстоял от Тарентинского залива вглубь полуострова. Сюда же подошел консул и разбил лагерь на другом берегу реки. Он захватил в плен одного из разведчиков царя, однако Левин не казнил его, а показал ему все свое войско и его боевой порядок. Он велел разведчику, чтобы он честно рассказал своему командиру о том, что он видел у римлян. Пирр сам поехал к реке, чтобы лично осмотреть неприятельскую армию. Увидев царивший повсюду порядок, блистательную выучку и рациональное расположение лагеря, он заметил: «Порядок в войсках у этих варваров совсем не варварский».

Теперь его уверенность в победе ослабла, и он решил не вступать в сражение, пока не прибудет подкрепление. Пирр велел не давать римлянам переправляться через реку. Левин, в силу своего числового превосходства, наоборот, стремился к битве. Консул сделал так же, как Александр Македонский в битве при Гранике. Он послал свою конницу вдоль реки, чтобы она переправилась в отдалении, где ей не будет оказано сопротивления. Когда легионы неожиданно появились с тыла, то греки, охранявшие берег реки, отступили, и римская пехота смогла начать переправу.

Сохранившиеся описания сражения трудно понять, так как они написаны очень запутанно. Но, кажется, что Пирр очень встревожился и поехал с тремя тысячами эфирских всадников навстречу римской коннице, чтобы остановить ее и тем самым выиграть время для развертывания своей фаланги и остальной части армии. Он также хотел, чтобы все видели, как он руководит армией. Однако вскоре Пирра сбили с коня, чем очень сильно его деморализовали.

В подражание истории Ахиллеса и Патрокла и, по-видимому, для создания себе передышки, во время которой можно было собраться с духом, царь отдал свои богато украшенные доспехи и пурпурный, расшитый золотом плащ одному из своих приближенных, некоему Мегаклу, чтобы тот временно сыграл роль царя, поскольку отсутствие Пирра на поле боя могло оказать отрицательное влияние на моральный дух воинов. Сам же Пирр остался позади войска. К сожалению, Мегакл погиб. Пирр оседлал другого коня и поскакал вдоль боевых порядков с открытой головой, чтобы все видели его лицо. Он также громко окликал своих воинов, чтобы показать, что он жив и здоров.

Пирр использовал ту же тактику, что и Александр. Он одновременно начал атаку плотно стоящей фаланги и фланговую атаку конницы. Эфирская фаланга с выставленными вперед пиками должна была сдерживать и отразить наступление римской пехоты. Слонов обычно выстраивали на расстоянии около 15–30 метров от фронта армии, но у Пирра было немного слонов, чтобы создать плотный строй. Поэтому он разместил двадцать своих слонов в резерве, чтобы внезапно выдвинуть их в решающий момент сражения. Его конница располагалась на флангах. В ее задачу входило разгромить конницу противника и с флангов обрушиться на его

пехоту. Несмотря на то, что римские легионы, вооруженные короткими мечами и дротиками, испытывали некоторые трудности, сражаясь с фалангой, они не отступили. В битве наступило безвыходное положение.

Пирр решил применить своих слонов, которые полностью расстроили римскую конницу. Кони не слушались своих всадников, вставали на дыбы и сбрасывали их. Воины в паланкинах уничтожили много римских пехотинцев, остальных растоптали слоны. Приведенные в замешательство, римские легионы отступили и покинули поле боя. Они сумели переправиться через реку и уйти в Венузию (жители этого города присоединились к римлянам, которые с самого начала появились около Тарента и разорили его владения). В сражении погибло более семи тысяч человек, а тысяча восемьсот попало в плен.

Но успех омрачался тем, что Пирр потерял приблизительно четыре тысячи человек, включая своих друзей и военачальников, которых он хорошо знал и которым доверял. Как мы уже видели, римляне имели очень большой резерв из мужчин призывного возраста, поэтому они без труда могли выставить подкрепление для консула. Однако и царь изо всех сил пытался собрать как можно больше войск.

Пирр заметил, как кто-то радовался победе, и ответил ему: «Если мы одержим еще одну такую победу, то окончательно погибнем!» (Отсюда происходит современное выражение «Пиррова победа».)

Несмотря на это Пирр в полной мере использовал возможности по формированию общественного мнения. Захваченное вражеское оружие по данному обету отослали в Додону в качестве трофеев. Сохранилась небольшая бронзовая табличка с отметкой о приношении: «Царь Пирр, эпитроты и тарентинцы Зевсу Найосу от римлян и их союзников». Тарентинцы послали пожертвования в Афины, чтобы праздновать этот триумф над варварами, а доспехи, которые носил царь на протяжении всего сражения или во время отдельных его этапов, отослали на остров Родос в Храм Афины. Главный смысл всего этого был ясен: греческий мир теперь уже долго ничего не услышит о молодой итальянской республике.

Самниты и сабельские племена теперь открыто встали на сторону Пирра. То же самое можно сказать и о многих греческих колониях в Италии, которые, прежде чем решить, выжидали, чем завершится битва. Однако царь, по-видимому, не очень хорошо понимал, куда дальше направить свою армию. Один из его соперников за македонский трон однажды «сравнил Пирра с игроком в кости, который умеет сделать ловкий бросок, но не знает, как воспользоваться своей удачей».

То, что, кажется, было слабостью, возможно, частично было определенным тактическим решением. Пирр не ставил себе целью склонить Рим к безоговорочной капитуляции, скорее всего, он понимал, что не сумеет этого добиться при таком состоянии своей армии. Он хотел, чтобы римляне ушли из Великой Греции и чтобы Рим вернулся к своему прежнему статусу второстепенной державы в Центральной Италии. Пирр надеялся, что Римская республика, увидев его бесспорное военное превосходство, вынуждена будет принять мирное соглашение.

И все же Пирр решил рискнуть и сделать еще один бросок, играя в кости. Чтобы проверить, насколько латинцы верны Риму, он двинул свою армию на север в Кампанию и дальше по Латинской дороге к Риму. Быть может, он надеялся поднять восстание в Этрурии. Однако с его приходом Центральная Италия не изменила своей политики, и если царь ожидал измены римлянам, то он ошибался. Города Неаполь и Капуя отказались сдаваться Пирру. Он продвинулся довольно далеко и не дошел всего несколько километров до Рима, но для города, с его высокими стенами и сильным гарнизоном, армия Пирра не представляла серьезной угрозы.

Левин собрал свои рассеянные войска, добавил к ним подкрепление, присланное сенатом, и стал преследовать армию Пирра, часто нападая на нее. Царь удивился и сравнил римскую

армию с гидрой – ядовитой водной змеей с несколькими головами, и если отрубить одну голову, то на ее месте вырастают другие. «Разгромленные в пух и прах легионы снова возрождаются!» – восхищенно заметил Пирр. Консульская армия, которая наблюдала за поведением этрусков, двинулась на юг. Царь, опасаясь попасть в клещи, повернул обратно и возвратился в Тарент, где провел зиму 280 года.

Настало время для дипломатии, и римляне поставили Пирра еще раз в замешательство. Для переговоров с Пирром прибыла делегация из трех крупных римских политиков, возглавляемая Гаем Фабрицием Лусцином. К сильному удивлению царя, единственный вопрос, который они собирались обсуждать, касался выкупа пленных римлян. Он предположил, что они, как было принято в эллинистическом мире, признают факт своего проигрыша и будут искать условия мира. Не зная, что делать, он обратился за помощью к своим советникам. Пирр поступил так, как ему посоветовал Киней – освободил пленных без выкупа и отправил в Рим посланников с деньгами.

Еще до того, как посольство выехало из Тарента, он пригласил к себе Фабриция, предложил ему щедрое вознаграждение и попросил помочь ему с заключением мира с Римом. Тот отказался от вознаграждения на том основании, что у него уже много имущества, и сказал прохладно: «Я поддерживаю тебя, Пирр, в твоём желании заключить мир, и я обещаю тебе всегда сохранять мир, если это будет в наших интересах».

Фабриций не прибегал ни к какому вероломству и через некоторое время он честно предупредил Пирра, что его личный врач собирался отравить его. Отказ римлян не остановил царя. Он отправил в Рим Киней, чтобы тот убедил сенат заключить мирное соглашение. Будучи величайшим оратором своего времени, Киней напоминал своим слушателям известного оратора Демосфена, жившего в IV веке. Пирр очень высоко ценил силу убеждения Киней и как-то заметил, что «Киней своими речами взял больше городов, чем я сам с мечом в руках».

На всякий случай, если слов окажется недостаточно, Киней привез с собой большое количество золота и, как сообщают, много роскошной женской одежды. Он считал, что если не удастся победить мужчин, то их жены, которых заинтересует последняя греческая мода, точно не устоят и заставят свои мужей изменить свое мнения. Эллинистические монархи считали это проявлением своей величайшей щедрости, а римляне относились к этому, как к подкупу, несмотря на то, что многие взяли то, что им предлагали.

Посланник Пирра на самом деле не очень хорошо понимал эти культурные различия, однако его нельзя было назвать глупцом. После своего прибытия в Рим он не сразу пошел встречаться с сенатом. Под разными предлогами он прогуливался по городу, старался почувствовать своеобразие этого места и заводил знакомства с самыми знатными людьми. Будучи приятным собеседником, щедро раздающим подарки, Киней вскоре стал известной личностью в римском обществе. К тому времени, когда он встретился с сенатом, многие его члены уже хорошо знали его и были готовы поддержать его план мирного соглашения.

Предложенные им условия оказались довольно жесткими. Тарент и другие греческие города, расположенные Южной Италии, должны были быть полностью независимыми. Все земли, захваченные у самнитов и других сабельских племен, должны были быть возвращены их первоначальным владельцам. И наконец, Киней предложил заключить союз с Пирром (не вполне понятно, правда, с Тарентом или с Эпиром). Общий смысл этого договора состоял в том, что сфера влияния Рима уменьшалась до области Лаций. На что рассчитывал Киней, считая, что сенат примет такие предложения? На силу своих «золотых уст» (и золотых монет), на ослабление и моральный упадок Римской республики, или же на то и другое?

Решение собирались принять без Аппия Клавдия Цека. Будучи старым, больным, совершенно слепым, он уже не участвовал в общественной жизни. Узнав, что начинается

голосование за прекращение военных действий, он не смог сдержаться. Клавдий велел слугам принести его на носилках к дому сената. У дверей его встретили сыновья и зятя, которые помогли ему войти внутрь.

Он с возмущением обратился к сенату. Как пишет Плутарх, он сказал: «До сих пор, римляне, я никак не мог примириться с потерей зрения, но теперь, слыша ваши совещания и решения, которые обращают в ничто славу римлян, я жалею, что только слеп, а не глух».

Он настоял, чтобы Пирр сначала уехал из Италии, и только потом можно будет вести какие-то разговоры о дружбе и союзе. Сенат быстро изменил свое решение и единодушно проголосовал за его мнение. Кинейя отправили обратно к своему покровителю с пустыми руками, единственное его приобретение состояло в том, что он понял характер римлян. Он сказал Пирру с сожалением, что «сенат показался ему собранием царей».

Речь Клавдия видимо отличалась своей силой и убедительностью. До нашего времени текст речи не дошел. Но в I веке эту речь еще читали, и ее текст считался старейшим римским текстом этого жанра. Цицерон считал, что этот старый непримиримый деятель «был речистым».

Пирр считал, что римляне побеждены и войну надо было заканчивать, но только теперь эпирский монарх понял, как много у Рима ресурсов и насколько стойки римляне. Содержать и снабжать свою армию в чужой стране было очень дорого, и еще дороже теперь, когда Пирр принял на службу новых наемников, главным образом из Южной Италии. Если он хотел продолжать игру, то ему понадобились бы огромные денежные средства. Пирр просил (скорее даже не просил, а требовал) у греческих городов в Италии, ради которых и затевалась эта военная кампания, финансовой поддержки его деятельности.

О богатстве этих городов и характере требований, предъявленных к ним, впервые узнали в конце 1950-х годов. Тогда археологи раскопали каменную шкатулку, содержащую тридцать восемь бронзовых табличек с выгравированными на них надписями из храма Зевса Олимпийского в Локрах. Портовый город Локры находился у самого мыска итальянского «сапога». Семь табличек относятся к 281–275 годам, как раз в это время в Италии находился Пирр. В эти годы царь получил из храмовых доходов не менее 11 240 талантов серебра (более 290 тонн) в качестве «вклада в общее дело». Такой огромной суммы хватило бы, чтобы в течение шести лет платить обычное ежедневное жалование, равное одной драхме в день, 20–24 тысячам наемников. Доходы храма слагались из налогов, храмовых сборов и подарков, а также денег, вырученных от продажи пшеницы, ячменя, оливкового масла, выращенных на землях храма, от продажи самодельных плиток и кирпичей и, наконец, что довольно важно, от храмовой проституции, которая часто процветала в Локрах в тяжелые времена. Один из самых крупных платежей город сделал после битвы при Гераклее. Можно с большой уверенностью предположить, что соседние города этой области делали подобные вклады.

Поскольку римский сенат отказался заключать мир, Пирру ничего не оставалось, кроме как возобновить военные действия. Весной 279 года он двинул свою армию, численностью 40 000 человек, на север, в Апулию. Пирр расположился у города Аускул около моста через реку Ауфид, которая сильно разлилась. На другой берег реки вышли римляне. За несколько дней перед сражением в войсках Пирра узнали, что одним из римских консулов был Публий Деций Мус, отец и дед которого «посвятили» свои жизни богам потустороннего мира и сложили свои головы на поле брани. Это должно было принести Риму божественное покровительство и победу.

Распространился слух (впоследствии он не подтвердился), что этот Деций Мус собирался совершить такой же религиозный обряд. Царю пришлось объяснять своим суеверным воинам, что заклинания и волшебство не могут одолеть силу оружия. Еще он сказал, что если кто-то

увидит человека, одетого в тогу так, что у него скрыта голова – так одеваются принявшие «посвящение», – то он ни в коем случае не должен убивать его и попытаться взять его живым. Об этом известили консула, чтобы он не пытался «посвятить» свою жизнь богам.

И снова все сообщения об этом сражении сильно перепутаны и противоречат друг другу. По-видимому, битва продолжалась два дня. Чтобы вступить в столкновение с неприятелем, Пирр позволил римлянам переправиться через реку, однако сам он оказался на пересеченной местности, крайне неудобной ни для его конницы, ни для его фаланги. Нерешительное и беспорядочное сражение длилось до темноты. Сначала царь выслал вперед стрелков, чтобы они заняли поле битвы и не дали развернуться там римлянам. Затем он расположил свои главные силы для сражения на плоской равнине, где им было легко маневрировать. Конница заняла фланги, а слоны снова оставлены в резерве. Греческая армия противостояла четырем римским легионам и еще примерно такому же количеству вспомогательных войск.

Еще во время битвы при Гераклее римляне задумались о том, как им нейтрализовать слонов. На этот раз они вывезли на поле боя повозки, на которых установили вращающиеся шесты с косами, трехсторонними шипами, острыми крючьями или пылающими факелами. Эти повозки катали по полю, стараясь задеть морды слонов. Таким образом римлянам удалось испугать огромных животных, по крайней мере в начале сражения.

Греческая конница на левом фланге отступила, и Пирр расширил свой центр, чтобы заполнить образовавшуюся брешь. Тем временем некоторые союзники римлян, опоздавшие к началу сражения, увидели, что вражеский лагерь плохо защищен. Они воспользовались случаем, чтобы захватить и разграбить его. В конце концов, Пирру, с его конницей и слонами, удалось прорвать боевые порядки двух римских легионов. Продолжалась ожесточенная битва, в ходе которой царь получил серьезное ранение копьем в руку, однако успех в этот день сопутствовал ему.

Несмотря на неудачу, консулы сумели сохранить свои войска и увели их в свой лагерь на той стороне реки. Римляне потеряли 6000 человек, но, как в битве при Гераклее, победители также понесли потери. Согласно военным запискам царя (не сохранившихся до нашего времени), в сражении погибли 3500 его воинов. Из-за разрушения своего лагеря Пирр потерял все свои шатры, вьючных животных и рабов. Его воинам пришлось спать под открытым небом. Много раненых умерло от нехватки продовольствия и лекарств.

Победа в битве при Аускуле досталась Пирру такой большой ценой, которую только можно себе представить. Плутарх описал то тяжелое положение, в котором оказался царь: «Погибла большая часть войска, которое он привез с собой, и почти все его приближенные и полководцы, других воинов, которых можно было бы вызвать в Италию, у него уже не было, а кроме того, он видел, что пыл его местных союзников остыл, в то время как вражеский лагерь быстро пополняется людьми, словно они притекают из какого-то бьющего в Риме неиссякаемого источника».

Удача снова обошла неугомонного монарха. Как раз в то время, когда его итальянская кампания сходилась на нет, Пирру открылись две новые привлекательные возможности. Молодой неопытный царь Македонии потерпел поражение и погиб в крупном сражении с вторгшимися ордами кельтов. Пирр всегда стремился добиться македонского трона и завладеть родиной Александра. Если бы ему удалось как-нибудь отказаться от своих обязательств перед Тарентом, то он смог бы возвратиться в Грецию и прогнать варваров. Эпир, конечно же, поддержал бы это начинание, поскольку кельты могли обратить свой пристальный взгляд и на эту страну. Пирр даже не мог себе представить, что когда-нибудь он сможет достигнуть такой величайшей славы – стать общепризнанным спасителем греков.

Затем в Тарент прибыли посланники из богатого сицилийского города-государства

Сиракузы. Вместо того чтобы заботиться о своей безопасности, Сиракузы погрязли во внутренних конфликтах. Многие другие греческие поселения на Сицилии также не имели устойчивой системы управления. Они постоянно балансировали между деспотическим правлением и шумной демократией. На западе Сицилии много лет правили карфагеняне. Они всегда опасались, что греки, остающиеся на острове, будут угрожать их торговым путям в Западном Средиземноморье, а при существующем беспорядке у карфагенян появилась возможность взять под свой контроль весь остров. Следовательно, отчаявшиеся сиракузцы обратились к Пирру за помощью, чтобы он прибыл к ним из Тарента, занял пост верховного главнокомандующего Сиракуз и отразил агрессию карфагенян.

Нет никаких доказательств, но вполне возможно предположить, что царь довольно долго размышлял о том, остаться ли ему в Италии, или же отправиться на запад и вторгнуться в Карфаген, до которого от Сицилии всего немногим более 200 км плавания. На самом деле, покойный тесть Пирра, Агафокл, который правил в Сиракузах до своей смерти в 289 году (как ни странно, он умер своей смертью, несмотря на опасную жизнь тирана и военачальника), вел военные действия против североафриканского торгового государства и ждал помощи Пирра. По общему признанию Пирр потерпел в Италии неудачу, однако не в характере Пирра было отступать перед очевидными трудностями предприятия, он скорее привык к обратному. Будущее всегда манило его.

Слабость царя нельзя объяснить неуверенностью или крайней осторожностью, скорее всего он просто не мог надолго сосредоточиться на каком-то одном деле. Рим, вопреки его ожиданием, оказался очень крепким орешком, и Пирр потерял к нему интерес. Он принял приглашение Сиракуз, отказавшись от решения кельтской проблемы. Царь никогда не объяснял свой выбор, но мы можем предположить, что на Западе, по его мнению, находились новые нехоженые земли, открывающие ему простор для бесконечных завоеваний по примеру Александра. Восток же был уже до боли знаком и переполнен разными могущественными соперниками и влиятельными союзниками.

Тарентинцы, конечно же, сильно расстроились из-за такого демарша Пирра, но он обещал вернуться к ним и возобновить военные действия. Он также предусмотрительно вывел свои войска из всех греческих колоний в Италии, несмотря на то, что это еще больше ухудшило отношение к Пирру в Великой Греции.

Возмутился также и Карфаген. Как раз в то время, когда начала исполняться его мечта об установлении контроля над всей Сицилией, вдруг появилось серьезное препятствие в лице Пирра, который собрался защитить сицилийских греков. Карфагеняне сразу же предложили Риму заключить союз против царя. Такой союз означал бы, что Римская республика останется во время войны, и, следовательно, Пирру будет опасно уезжать из Италии.

После краткого возражения сенат одобрил третье соглашение с Карфагеном, условия которого дошли до нас в греческом переводе Полибия. Предыдущие соглашения составлялись в основном для того, чтобы защитить торговые интересы Карфагена и разграничить зоны влияния сторон. Рим в этих соглашениях рассматривался главным образом, как младший партнер. Теперь политическая ситуация изменилась, и из третьего соглашения эти ограничения исключили. Его основные положения следующие: «Если тот или другой народ будет нуждаться в помощи, карфагеняне обязаны доставить суда ластовые и военные, но жалованье своим воинам каждая сторона обязана уплачивать сама.

Карфагеняне обязуются помогать римлянам и на море в случае нужды; но никто не вправе понуждать команду к высадке на сушу, раз она того не желает».

Римская республика очень мало значения придавала морю, поэтому у нее было немного военных судов. Соглашение отвечало ее интересам, так как благодаря нему приводились в

действие ресурсы военно-морской супердержавы Средиземноморья. Таким образом, теперь можно было легко организовать морскую блокаду Тарента, чтобы никакие подкрепления из Эпира не высадились в Италии. В то же время, сам Рим не имел никаких обязательств по оказанию помощи Карфагену в Сицилии.

Деятельность Пирра на Сицилии развивалась по уже знакомой нам схеме. Перед тем как прибыть туда, он послал вперед Кинея, чтобы решить все дипломатические вопросы. Затем, летом 278 года Пирр вышел в море на этот раз со сравнительно малочисленной армией, состоящей из восьми тысяч пехотинцев, небольшого отряда конницы и слонов. Он снял пуническую осаду Сиракуз и вступил в город. Жители встретили его с большими почестями. Затем Пирр с триумфом прошел через весь остров, освобождая город за городом. На западной оконечности Сицилии он осадил порт Лилибей (ныне Марсала) – единственную крепость, которая еще не перешла под контроль греков.

Карфагеняне изменили свою тактику и предложили мирные условия, включающие крупную компенсацию и предоставление судов для переезда. Таким образом, карфагеняне (несмотря на свой союз с Римом) вынуждали Пирра вернуться в Италию, и он пошел на это. За время его отсутствия консульские армии восстановили свое господство в Великой Греции, и Пирру надо было восстановить свое положение, пока не станет слишком поздно. Однако царский совет, куда входили представители сицилийских городов, отклонил мирное предложение карфагенян. Они считали, что не должно быть никаких соглашений, пока последний карфагенянин не уйдет с острова.

Удача покинула молосского царя. Оказалось, что Лилибей был совершенно неприступен с земли. Его можно было захватить только с помощью морской блокады, но у греков не было такого количества судов, которое требовалось для осуществления этой задачи. Поэтому Пирр, отличавшийся деспотичным поведением, решил вести двойную игру или уходить. Он мог бы вторгнуться в Карфаген на его исконную территорию. Но переносить военные действия в Африку означало приобретать новый флот, а это, в свою очередь, привело бы к увеличению налогов у его сицилийских союзников, а также к вербовке новых гребцов и моряков. Такие действия вызвали бы очень сильное неприятие на Сицилии.

Карфаген воспользовался возможностью выправить свое положение и отправил на остров новую сильную армию. Тем временем самниты и сабельские племена в Лукании и Бруттии отправили посольство в Сиракузы и просили царя как можно быстрее вернуться, поскольку Рим вынуждал их подчиниться. Другими словами, его сухопутная связь с Тарентом находилась под угрозой, и если он допустит какое-нибудь промедление, то его положение в Сицилии и Южной Италии может оказаться катастрофическим.

И вот, в конце лета 276 года Пирр со своей армией отправился из Сиракуз на 110 военных кораблях и многочисленных грузовых судах. По пути на север вдоль сицилийского побережья он неожиданно встретился с карфагенским флотом, который 70 его судов потопил, а другие сильно повредил. К счастью грузовым судам удалось уйти. В конце концов, его армия благополучно высадилась в Локрах. Так позорно завершилось грандиозное мероприятие Пирра.

Прежде чем двинуться в Тарент, царь попытался захватить стратегически важный город Регий, где размещались римские войска, куда кроме римлян входили итальянские наемники. Эта попытка потерпела неудачу, и наемники отбили атаку его армии, которая отступила. Сам Пирр был тяжело ранен в голову. Вражеский воин огромного роста и в сверкающих доспехах стал вызывать Пирра на поединок, «если тот еще жив». С характерной наглостью явился новый Ахиллес. Если верить Плутарху, то дело обстояло так: «Пирр, раздраженный, повернулся и, пробившись сквозь ряды своих щитоносцев, пытавшихся его удержать, вышел гневный, со страшным, забрызганным кровью лицом. Опередив варвара, Пирр ударил его мечом по голове,

и, благодаря силе его рук и отличной закалке стали, лезвие рассекло туловище сверху донизу, так что в один миг две половины разрубленного тела упали в разные стороны».

Царь сумел вывести свои войска из сражения и вернулся обратно в Локры. Под его началом находилось двадцать тысяч пехотинцев и три тысячи всадников. Ему срочно требовались деньги, чтобы выплатить им жалование. Он снова потребовал значительную сумму у храма Зевса. Он также, не подумав, разграбил сокровищницу другого храма, и даже впоследствии признал, что совершил кощунство. Суда, перевозившие награбленное, попали в шторм, таким образом, Пирр по иронии судьбы лишился большей части того, что приобрел.

Во время войны все сражающиеся стороны сильно ослабли. Эпидемия чумы привела к тому, что общественная жизнь в Риме замерла. Ливий сообщает, что численность римских граждан уменьшилась с 287 тыс. в 222 году до 280 – в 271 и до 224 – в 275 году. Самниты и другие итальянские союзники Пирра ослабели из-за тяжелых потерь в течение долгих пяти лет войны. И все же, весной 275 года две консульских армии двинулись на юг и заняли позиции, созданные для того, чтобы предотвратить наступление противника на Рим. Тем временем Пирр двинулся на север с войском численностью 20 000 человек, чтобы помочь самнитам, на которых наседали римляне. Он хотел встретить консулов по отдельности и одного из них обнаружил в самнитском городе Малевент (позднее – Беневент).

Пирр выделил часть своей армии и отправил ее на перехват другого консула, если он подойдет на помощь своему товарищу. Теперь оставшаяся часть армии по своей численности уступала римским легионам, поэтому Пирр решил провести смелую ночную операцию. Он собирался под покровом темноты найти какой-нибудь холм и оттуда внезапно напасть на вражеский лагерь. После захода солнца Пирр отправился в путь со своими лучшими войсками и самыми боеспособными слонами. Он пошел длинной дорогой через густой лес, однако его воины заблудились и разошлись в разные стороны. Пирр потерял много времени, его факелы погасли, а на рассвете римляне обнаружили его воинов в то время, когда они спускались с холмов. Консул вывел все свои силы и разгромил эпиротов. Некоторые слоны попали в руки римлян. Затем сражение продолжилось на равнине. Град горящих стрел обратил в паническое бегство оставшихся слонов, которые привели в замешательство наступающих воинов Пирра. Римляне захватили лагерь Пирра, а его армию вытеснили с поля боя.

Царь не отказался от своей мечты о создании западной империи, но, будучи реалистом, он понял, что на этот раз его военной экспедиции пришел конец. Надеясь еще вернуться сюда, Пирр оставил в качестве символа сильный гарнизон в Таренте под командой своего сына Элена. С остальной частью своей армии он отправился в Эпир. С ним было около восьми тысяч пехотинцев и пятисот всадников – менее половины от того количества, которое высадилось в Италии шесть лет назад. Несмотря на его оптимистическое настроение, Италия видела его в последний раз.

За последующие три года римляне подчинили себе самнитов и родственные им сабельские племена. Затем римляне обратили свое внимание на Тарент. В 272 году они изгнали оттуда эпирский гарнизон и вынудили тарентинцев передать им весь свой флот и срыть городские стены. Настало время, когда стало много слез, а не смеха. В конце концов, все греческие города, расположенные в Южной Италии, оказались под контролем Рима.

О самом Пирре можно сказать, что его деятельность имела все меньше и меньше смысла. Он победил царствующего македонского монарха Антигона Гоната и с большим торжеством вернул себе трон. Однако он не извлек никаких уроков из прошлого и почти сразу же потерял доверие македонцев, поскольку разместил в их городах свои войска и позволил некоторым кельтским наемникам разграбить царские могилы в Эгах (археологи обнаружили их в 1976 году).

Не желая спокойной жизни, Пирр внезапно появился со своей армией на Пелопоннесе. Он собирался восстановить наследные права спартанского военачальника на его службе. Столкнувшись с решительным отпором спартанцев, он оставил это дело. Затем Пирр заявил о своем намерении выслать Антигона из Греции и направился в Аргос, чтобы там сразиться с ним. Потрясенный горем из-за гибели одного из своих сыновей, Пирр бросил вызов македонскому правителю. Он призвал его спуститься с холмов, где тот располагался лагерем, и сразиться за власть. Антигон ответил ему: «Если Пирру не терпится умереть, то для него открыто множество путей к смерти».

Аргосцы просили царя уйти и дать им возможность сохранить свой нейтралитет, но Пирр отказался удовлетворить их просьбу. Один из его сторонников из числа аргосцев ночью открыл ворота и впустил воинов Пирра в Аргос. В городе объявили тревогу, и Антигон прислал военный отряд, чтобы помочь отразить нападение эпиротов. Пирр находился на рыночной площади, и то, что он увидел, встревожило его. Он приказал отступить из города и отправил сообщение войскам за стенами с просьбой устроить пролом в стене для более быстрого выхода. Однако в спешке что-то перепутали, и подкрепление начало входить в Аргос через те же самые ворота, через которые пытался пройти Пирр. В результате царь застрял в страшной давке. Он напал на одного из жителей города, мать которого, как оказалось, наблюдала за ним с крыши дома. Видя, что ее сын подвергается опасности, она бросила в Пирра кусок черепицы, который попал ему прямо в основание шеи. У Пирра потемнело в глазах, и он упал с коня. Какой-то человек затащил его в дверь ближайшего дома. Он решил отрубить Пирру голову, однако царь так страшно взглянул на своего противника, что тот сделал это крайне неумело и неточными ударами рассек ему рот и подбородок. Чтобы закончить задуманное, ему пришлось еще потрудиться некоторое время.

Пирр ничего не достиг из того, что он хотел. Ахиллес и Александр оказались его злыми ангелами. В его случае стремление к славе не подкреплялось соответствующей неуклонной одержимостью. В отличие от своего великого родственника, завоевателя Персидской империи, Пирр в своих действиях никогда не стремился опираться на политические структуры, он руководствовался чистым эгоизмом.

Безусловно, Пирр обладал очень хорошими качествами. Его можно назвать харизматической личностью, он отличался великодушием и на поле боя всегда находился впереди войск. Он без промедления, рискуя жизнью, бросался в рукопашные схватки и получал ранения. Известный своим благородством, он был отважным рыцарем древнего мира. Многие восхищались им за его умение командовать на поле боя. Современники рассказывали, что если остальные цари-преемники доказывали свое сходство с Александром «лишь пурпурными облачениями, свитой, наклоном головы влево да высокомерным тоном, то Пирр доказал его с оружием в руках».

Нам, живущим тысячи лет спустя, трудно понять военные достижения Пирра. Не его вина в том, что мы знаем о его деятельности из литературных источников, где его сражения описываются очень запутанно и крайне неопределенно, а именно здесь больше всего необходима точность.

При всей гениальности, энергичности и привлекательности Пирра, в его действиях постоянно проявляется какая-то неосмысленность. Он был авантюристом и не использовал почти никаких своих возможностей. Царь молоссов представлял для Рима серьезную опасность, однако для римлян она не стала смертельной. Создается впечатление, что Пирр не слишком основательно готовил свои военные операции. Он понял, какие огромные человеческие ресурсы имеет Римская республика, только тогда, когда стало уже слишком поздно. Быстрое возрождение разгромленной армии Левина, подобно внезапному появлению отрубленной

головы гидры, стало для царя тяжелым ударом, но к тому времени он уже полностью втянулся в войну и дал обязательства Таренту.

Однако его неудачная итальянская экспедиция имела одно существенное последствие. Теперь греки признали, что на международной политической сцене появился новый игрок. Они оказались под жестким пристальным взглядом воинственного государства, которое стало господствовать над всем Апеннинским полуостровом. Поскольку какая-то часть греков имела перед собой кровавый пример Пирра, то римляне надеялись, что теперь склочный греческий мир займется своими делами и предоставит им полное право руководить им без какого-то ни было внешнего вмешательства.

Когда под ответственностью римлян оказались города-государства Южной Италии, они задались вопросом, а не придется ли им теперь пристально следить за всеми проблемами Сицилии, ведь Регий и Мессена (сегодняшняя Мессина) отделены друг от друга только узкой полосой воды. Неустойчивое состояние на острове представляло собой своего рода инфекцию, передающуюся по воздуху. Она в любой момент могла распространиться через море на опустошенный полуостров, который как никогда нуждался в мирной передышке.

В самом конце своего пребывания в Италии Пирр предупредил греков. Перед своим последним отъездом из Тарента он обсудил со своим окружением последствия неудачи в Сицилии: «Какое ристалище для состязаний оставляем мы римлянам и карфагенянам, друзья!»

11. Все на море

Исследовательская флотилия вышла в Средиземное море, прошла через Геркулесовы Столбы и оказалась на бескрайнем просторе Атлантического океана. Затем она повернула на юг и направилась вдоль береговой линии Западной Африки.

Столбы по обеим сторонам узкого водного прохода, который мы называем Гибралтарским проливом, для большинства образованных людей V века отмечали западный предел обитаемого мира. Название «столбов» служило напоминанием, что полубог Геркулес дошел до этого места во время совершения своих подвигов. Прежде сюда также добирались греческие путешественники и торговцы, однако их время закончилось. У греков остались только Массилия и некоторые колонии на севере Испании. Теперь в этом западном водном пространстве господствовали финикийские торговцы, в основном выходцы из крупного североафриканского города Карфагена.

Шестьюдесятью галерами, на каждой из которых было пятьдесят гребцов, командовал Ганнон – выходец из крупнейшего карфагенского рода. В его записках, появившихся после 500 года, сообщается об основании торговых форпостов на африканском побережье. На расстоянии двух дней пути от Гибралтара путешественники основали свою первую маленькую колонию, а затем достигли внутреннего залива, заросшего тростником. Там паслись слоны и другие животные. Карфагеняне продолжили свое плавание и по пути основали еще несколько поселений, откуда, по-видимому, стали вывозить соленую и сушеную рыбу, которую Карфаген поставлял в Грецию. Возможно, что оттуда же поступала финикийская фиолетовая краска, которую получали из морских улиток, обитающих у этого побережья.

С африканскими племенами, жившими южнее Сахары, карфагеняне торговали таким способом, который называется «немым обменом». Об этом в V веке писал греческий «отец истории» Геродот: «Они выгружают свои товары на берег и складывают в ряд. Потом опять садятся на корабли и разводят сигнальный дым. Местные же жители, завидев дым, приходят к морю, кладут золото за товары и затем уходят. Тогда карфагеняне опять высаживаются на берег для проверки: если они решат, что количество золота равноценно товарам, то берут золото и

уезжают. Если же золота, по их мнению, недостаточно, то купцы опять садятся на корабли и ожидают. Туземцы тогда вновь выходят на берег и прибавляют золота, пока купцы не удовлетворятся. При этом они не обманывают друг друга: купцы не прикасаются к золоту, пока оно неравноценно товарам, так же как и туземцы не уносят товаров, пока те не возьмут золота».

Он написал о своем путешествии отчет, который высечен в храме Баала Хаммона в Карфагене, однако Ганнон не упомянул о торговле золотом, скорее всего из-за того, чтобы туда не отправились его конкуренты.

Теперь основная цель путешествия была достигнута. Несмотря на нехватку воды и очень жаркую погоду, флотилия отправилась дальше. По-видимому, путешественниками двигало любопытство и страсть к приключениям. В одном случае, когда суда попытались подойти к берегу, дикари, одетые в шкуры, не хотели их принимать и стали швыряться в прибывших камнями. В другом случае какие-то чернокожие люди просто убежали от них.

Пройдя вдоль берега много дней, карфагеняне достигли дельты Нигера, где они высадились на остров. Ганнон писал: «Сойдя на остров, мы ничего не увидели, кроме леса, а ночью мы увидели много разожженных огней и слышали игру двух флейт, кимвалов и тимпанов, грохот и крик большой толпы. Страх охватил нас, и прорицатели велели покинуть остров. Быстро отплыв, мы прошли мимо горячей земли, заполненной благовониями. Огромные огненные потоки стекают с нее в море. Из-за жары невозможно было сойти на берег. Но и оттуда, испугавшись, мы быстро отплыли. Проведя в пути четыре дня, ночью мы увидели землю, заполненную огнем. В середине же был некий огромный костер, достигающий, казалось, звезд. Днем оказалось, что это большая гора, называемая Колесницей Богов».

Карфагеняне не могли понять, что это, однако мы знаем, что они увидели извергающийся вулкан.

Через некоторое время, в течение которого они продолжали двигаться на юг, карфагеняне достигли другого острова в заливе. Там они столкнулись с какими-то таинственными существами: «Он населен дикими людьми. Там было очень много женщин, тело которых поросло шерстью. Переводчики называли их гориллами. Преследуя их, мы не смогли захватить мужчин, все они убежали, карабкаясь по кручам и защищаясь камнями. Трех же женщин мы захватили. Они кусали и царапали тех, кто их вел, и не хотели идти за ними. Однако убив, мы освежали их, и шкуры доставили в Карфаген».

На этот раз удивленные путешественники стали участниками встречи человека разумного с какими-то видами приматов.

Тридцать пять дней прошло с тех пор, как Ганнон уехал из Карфагена. Когда у него кончилось продовольствие, он велел своим судам возвращаться назад в знакомое ему Средиземное море.

Карфагеняне в особенности и финикийцы вообще были бесстрашными путешественниками и торговцами. Обычно они отправлялись в путь ради каких-нибудь торговых целей. Еще в VII веке египетский фараон, склонный к гигантским проектам, отправил нескольких финикийцев в плавание вокруг Африки. Их судьба неизвестна, но если они сумели совершить задуманное – сообщается, что они совершили это плавание за два года, – то оно принесло мало пользы, так как африканский континент оказался очень большим, а сам морской путь – слишком длинным, чтобы им могли воспользоваться жители Средиземноморья.

Современник Ганнона, Гимилькон, видимо вместе со своим братом, совершил другое смелое торговое путешествие и написал отчет о своих приключениях (он не сохранился до нашего времени, однако его цитирует в своих записках один римский писатель IV века н. э.). Гимилькон также прошел Геркулесовы Столбы, однако после них повернул не на юг, а на север. Он решил исследовать атлантическое побережье Испании, Португалии и Франции. В

этом случае путешественники не ставили себе цель найти золото. Они хотели установить свой контроль над торговлей оловом, которое требовалось для производства бронзы, и свинцом, который в то время только начали выплавлять.

Гимилькон достиг полуострова Бретань, богатого рудой, и возможно даже острова Гельголанд (где было много янтаря). В Британию Гимилькон, по-видимому, не заходил. В отчете он представил свое путешествие крайне трудным и неприятным. Он сообщал о морских чудовищах, об опасных песчаных мелях и о зарослях толстых морских водорослей. Сквозь дымку можно разглядеть, что океан простирается на огромное пространство. Скорее всего, Гимилькон расписывал разные опасности для того, чтобы отбить охоту у всех своих конкурентов последовать по его пути.

Карфагеняне отличались честолюбием, энергичностью и умом. Они поддерживали контакты с городом Тиром, откуда они когда-то вышли. В VI веке Навуходоносор в течение тринадцати лет осаждал Тир. В Библии написано, как взволнованный Иезекииль восклицал от имени своего единого Бога: «И прекращу шум песней твоих, и звук цитр твоих уже не будет слышен. И сделаю тебя голой скалою, будешь местом для расстилания сетей». Пророк говорил слишком рано. Город сохранился, но, в конечном счете, согласился признать вавилонское господство. В последующие века в городе появлялись египетские и персидские захватчики, и наконец, в 332 году после очередной тяжелой осады Тир захватил Александр Македонский. Разозлившись из-за такой долгой задержки, он приказал казнить две тысячи жителей на берегу, а тридцать тысяч – продать в рабство.

Стало понятно, что на Востоке у финикийцев больше не будет независимого государства. Оно возродилось в Карфагене, местоположение которого и превосходная гавань в Тунисском заливе способствовали тому, что этот город стал центром торговли на западе Средиземноморья. Со временем его граждане «превратились из тирян в африканцев», а сам город превратился в столицу неофициальной империи финикийских колоний, которые часто представляли собой небольшие торговые поселения на западе Средиземноморья. Около 500 года под контролем карфагенян оказался атлантический порт Гадес – островная крепость, отделенная от материка узким проливом.

Карфагеняне были врожденными мореплавателями и проявляли мало интереса к приобретению земли. Однако для защиты своего «водоема» и вытеснения других торговцев они заняли Западную Сицилию, Сардинию, Корсику и Южную Испанию. Они также создали свои опорные пункты на североафриканском побережье, хотя между Атлантическим океаном и собственно Карфагеном не было никаких удобных гаваней. Эта область превратилась в своего рода их глубокий тыл, и горе было путешествующим грекам, судно которых попадало в эти воды. Лучшее, что могли сделать карфагеняне, – это пустить их ко дну.

Чтобы снизить свою зависимость от импорта продовольствия, карфагеняне захватили плодородные внутренние районы, расположенные к югу от их столицы. Они стали опытными земледельцами. Руководством им служило сочинение о сельском хозяйстве известного карфагенского писателя Магона. Ему не нравилась городская жизнь: «Если ты купил землю, то надо обязательно продать свой городской дом, чтобы не было желания поклоняться домашним городским богам в ущерб богам сельским».

Несмотря на то, что его книга не сохранилась, ее часто цитировали греческие и латинские авторы. Магон давал советы по посадке и обрезке виноградных лоз, по уходу за оливами и плодовыми деревьями, по выращиванию болотных растений, по пчеловодству (включая потерянное искусство «получения пчел из туши вола или быка, когда-то известное Самсону») и по хранению гранатов, известных римлянам как «карфагенское яблоко» (*malum Punicum*). Один из его рецептов позволял делать сладкое вино из заизюмленного винограда (его до сих пор

пьют в Италии и называют «пассито»). Карфагенские амфоры находили по всему Средиземноморью, что служит подтверждением процветающей торговли в виде экспорта товаров.

Сам город Карфаген, который потреблял эти сельскохозяйственные продукты, располагался на треугольном полуострове, связанном с материком перешейком. Ширина перешейка в самом узком месте составляла около трех километров. Одна сторона полуострова была обращена к заливу, а другая – к морю. Каждый, кто подходил к городу с суши, оказывался перед стеной с бойницами, которая перекрывала перешеек. На стене высотой 12, а шириной 9 метров, через 50–55 метров возвышались четырехэтажные башни. В них держали слонов и лошадей. Перед стеной проходили два крепостных вала и широкий ров. Сообщается, что стена тянулась вокруг всего города на расстояние более 35 км, но там она была не такого большого размера, как на перешейке (для сравнения, протяженность римской стены равнялась немного более 20 км). Только самый решительный военачальник мог предположить, что ему удастся захватить Карфаген.

В своем историческом романе о Карфагене «Саламбо» Гюстав Флобер красочно описывает панораму города: «Сзади расположился амфитеатром город с высокими домами кубической формы. Дома были выстроены из камня, досок, морских валунов, камыша, раковин, утоптанной земли. Роши храмов казались озерами зелени в этой горе из разноцветных глыб. Город разделен был площадями на неравные участки. Бесчисленные узкие улочки, скрещиваясь, разрезали гору сверху донизу. Виднелись ограды трех старых кварталов, примыкавшие теперь одна к другой; они возвышались местами в виде огромных подводных камней или тянулись длинными стенами, наполовину покрытые цветами, почерневшие, исполосованные нечистотами, и улицы проходили через зиявшие в них отверстия, как реки под мостами».

Одна из этих внутренних стен окружала своего рода сердце города или его крепость. Внутри нее находились холм, называемый Бирса, и две гавани. Здесь также была городская площадь, или Форум, и место для заседаний совета, где прямо под открытым небом вершили правосудие. На вершину Бирсы вели три извилистых узких улицы, застроенные шестиэтажными зданиями.

Первая, или внешняя гавань предназначалась для торговых судов. Гавань представляла собой прямоугольник размером 480 на 300 метров. Из нее в море вел один выход, который, при необходимости, можно было закрыть железными цепями. За входом находился крупный причал для загрузки и разгрузки торговых судов. От другой стороны прямоугольной гавани отходил узкий канал, ведущий в следующую внутреннюю гавань, предназначенную для военных судов. Она имела форму круга, диаметром около 300 метров. Посреди этой гавани находился небольшой островок. Аппиан пишет: «На острове построен дом адмирала, из которого трубач подавал сигналы, глашатай передавал приказы, а сам адмирал за всем надзирал. Этот остров, расположенный близ входа в гавань, сильно возвышается над водой, так, что адмирал мог наблюдать за тем, что происходило на море, тогда как те, кто подходил к городу с моря, не могли получить четкое представление о том, что делалось внутри».

Вокруг острова по всей окружности гавани находились причалы и укрытия, где могло разместиться двести двадцать военных кораблей, а также корабельные верфи и склады оружия. Каждое укрытие опиралось на две ионических колонны. Вместе эти укрытия выглядели, как непрерывный ряд одинаковых портиков, протянувшихся вокруг острова и всей гавани. Сооружение всех этих построек, отвечающих последнему слову техники, велось в глубокой тайне и было закончено, по-видимому, в конце IV века. Эти сооружения окружали двойные стены, поэтому их не было видно из торговой гавани.

Этот город, по легенде, построила Дидона и ее возлюбленный, Эней, который предал и покинул ее. Предсмертное проклятие Дидоны о непрерывной вражде между Карфагеном и Римом приближалось к своему исполнению.

Древние историки очень плохо отзывались о карфагенянах. Существовало ироническое выражение «пуническая совесть» (*Punica fides*), которое употребляли по отношению к разным уловкам и вероломству. Плутарх, живущий во II веке н. э., писал на основе более раннего источника: «[Они] – суровы и угрюмы, покорны своим правителям и строги к своим подчиненным. Они впадают в крайности – трусливы в момент опасности и жестоки при вспышках гнева; они упрямо придерживаются своих решений, они скромны и мало пекутся о развлечениях и прелестях жизни».

Вряд ли можно найти какие-нибудь доказательства этого резкого суждения, за исключением одного, их религиозными методами, к которым (как другие семитские народы) они были отчаянно приложены. В Карфагене было много храмов, святынь и мест для жертвоприношений, или «тофетов». Наиболее почитаемым божеством города в многочисленном пантеоне был Баал-Хаммон – «Бог алтарей для воскурений» – и его жена, Танит – «Лицо Баала». Имя Танит предполагает, что она была только отражением своего мужа, но на самом деле ее нельзя было считать только его подобием. Как только карфагеняне приобрели земли на севере Африки, они сразу ощутили потребность в какой-то защите своей жизни и изобилия. Роль защитницы стала исполнять их богиня-мать Танит.

В разных древних текстах сообщается о темной стороне карфагенской религии. В Библии есть история о том, как финикийцы приносили в жертву маленьких детей. Царь Иудейского царства осквернил одно из их святых мест, «чтобы никто не проводил сына своего и дочери своей чрез огонь Молоху», и пророк Иеремия передает слова еврейского Бога: «И устроили высоты Ваалу, чтобы сжигать сыновей своих огнем во всеожжение Ваалу, чего Я не повелевал и не говорил, и что на мысль не приходило Мне».

Греческий историк Диодор Сицилийский, не самый надежный из историков, оставил знаменитое описание того, как карфагеняне пытались умиротворить разозленного Баала. Диодор сравнивал Баала не с главным греческим богом, Зевсом, а с его ужасающим отцом, Кроном, который сожрал своих собственных детей: «В своем рвении загладить вину за свое бездействие, они [карфагеняне] выбрали двести благородных детей и публично принесли их жертву... В городе стоял бронзовый образ Крона, простирающий свои руки ладонями вверх и наклонно к земле, так что каждый ребенок, положенный на них, скатывался вниз и падал в специально приготовленные ямы, заполненные огнем».

Согласно Плутарху, родители спасали своих собственных младенцев, заменяя их купленными беспризорными детьми. На месте жертвоприношения играла громкая музыка, чтобы заглушить крики жертв.

Современные ученые сомневались, можно ли поверить в такой экзотический холокост. Может, это небывлицы, распространяемые врагами карфагенян? Если в этих историях есть какая-то доля истины, то, скорее всего, в некоторый момент вместо человеческих жертв должны были принести в жертву животных (как в легенде об Аврааме и Исааке). Затем в 1920-х годах раскопали «тофет» со сгоревшими останками маленьких детей. Одно время считали, что это было просто кладбище детей и мертворожденных младенцев, которых после смерти предлагали богам в качестве умиротворения. В результате дальнейших исследований ученые обнаружили останки детей до четырехлетнего возраста, а надписи прояснили, кого именно приносили в жертву. Так, один отец написал: «Госпоже Танит и Баалу-Хаммону Бомилькара сын Ганнона, внука Милькиатона, посвящаю этого сына от своей плоти. Благословите его!»

В стране с небольшой территорией обязательно должно быть небольшое население, и

Карфаген является подтверждением этого. Географ Страбон писал, что численность населения Карфагена равна 700 000 человек, но это возможно, только если он включил в это число жителей окружающей сельской местности и других поселений, относящихся к карфагенским владениям. Однако вне городских стен никогда не проживало более 200 000 человек чисто финикийского происхождения. Население города во время его наибольшего расцвета в начале III века не превышало 400 000 человек, включая рабов и приезжих иноземцев.

Будучи государством с международными связями и имперскими амбициями, Карфаген не имел достаточного количества граждан, чтобы собрать сильную армию. Для ведения войны он обычно принимал на службу наемников из числа африканских соплеменников, а также из народов, живших в отдаленных землях – в Испании и Галлии. Такая практика имела некоторые недостатки, поскольку не имеющие чувства патриотизма наемники заинтересованы только в оплате, и иногда, если у них возникало какое-то недовольство, они выступали против своих беззащитных работодателей. Главным полем деятельности Карфагена была не земля, а море, поэтому беднейшие граждане нанимались в судовые команды.

Как правило, негреческие государства не имели никакой установленной системы управления, однако Карфаген и Рим были исключениями из этого правила. С точки зрения греков это означало, что они не являлись в полном смысле варварскими народами – то есть непонятными чужеземцами, речь которых напоминала однообразное звучание «бар-бар». По крайней мере, уже в этом смысле карфагеняне и римляне могли стать почетными членами клуба цивилизованных народов. Философ Аристотель был знатоком конституций и нашел, что у карфагенян было «прекрасное государственное устройство». Он продолжал: «Доказательством слаженности государственного устройства служит уже то, что сам народ добровольно поддерживает существующие порядки и что там не бывало ни заслуживающих упоминания смут, ни тирании», в отличие от многих, если не от большинства греческих государств, он мог бы добавить.

Карфагенская и римская системы управления имели общие черты, поскольку обе они были «смешанными» – то есть сочетали в себе черты монархии, олигархии и демократии. Маловероятно, что Карфагеном когда-то управляли царь или царица (при всем уважении к Дидоне), однако в системе управления неоднократно преобладала какая-нибудь одна могущественная семья или род. В III веке в Карфагене правили два высших чиновника – «суфета». Это то же самое слово, что и еврейское «шофет», которое обычно переводят «судья», как в «Книге судей». Таким образом, можно предположить, что суфеты обладали не только исполнительной властью, но и выполняли обязанности судей. Как и римские консулы, они избирались на народном собрании и исполняли свои обязанности в течение одного года. По-видимому, два суфета в течение одного срока делили власть друг с другом. Претенденты на эту должность должны были принадлежать к знатному и богатому роду.

Совет старейшин из представителей высшего сословия помогал суфетам решать различные политические и административные вопросы. В совете числилось несколько сотен членов, среди которых выделялся постоянный комитет из тридцати человек. Он занимался неотложными делами, а также, что характерно для таких групп, по-видимому, составлял повестку дня всего совета. Если совет и суфеты вырабатывали совместный план действий, то они не должны были выносить его на рассмотрение собрания. В то время это было нормой. Более продвинутой с точки зрения управления стала специальная группа из 104 членов совета старейшин. Ее называли «суд ста четырех». Эти люди вершили правосудие и следили за соблюдением законов, наподобие спартанских эфоров. Они также занимались вопросами государственной безопасности и контролировали действия чиновников. Их функции в чем-то сходны с деятельностью министерства внутренних дел в полицейском государстве.

В отличие от римских консулов, суфеты не занимались военной деятельностью. Существовала отдельная должность военачальника, на которую можно было кого-нибудь избрать. Наиболее привычным образом жизни для Карфагена была мирная торговля. Если начиналась война, то обычно военные действия велись довольно далеко от города и продолжались очень короткое время, поэтому карфагеняне считали, что войну должны вести временно назначенные военачальники. В мирное время суфеты также могли одновременно занимать должность военачальника, но если Карфаген находился в состоянии войны, то на эту должность привлекались те, кто уже доказал свои полководческие качества.

Основным качеством карфагенских военачальников была уверенность в себе, поскольку они занимались очень опасной деятельностью. Неудачу на поле битвы власти не принимали и часто приговаривали неудачного военачальника к распятию на кресте. Победа также имела отрицательные последствия, поскольку правительство Карфагена боялось, что победившие полководцы возвратятся в Карфаген со своими наемниками и захватят власть.

Из трех элементов карфагенской системы управления, власть, вне всякого сомнения, находилась у олигархии. Главное занятие карфагенян – делать деньги, и немногие выступали против богатеев, возглавляющих правительство. Народные массы не развили в себе чувство солидарности и способность к коллективным действиям, присущие римскому народу. По современным меркам Карфаген представлял собой не национальное государство, а что-то вроде международной корпорации.

Что бы мы ни говорили о карфагенской политике и карфагенском обществе, необходимо помнить замечание Цицерона: «Карфаген не обладал бы без продуманных решений и распорядка таким могуществом на протяжении почти шестисот лет».

Карфагеняне изгнали из западных морей почти всех греков, однако они все еще оставались в Сицилии. В течение трехсот лет между ними постоянно возникали конфликты, поэтому остров представлял собой горячую точку, где столкнулись две половины средиземноморского мира. И теперь на сцене появился новый игрок – Рим. Искра не заставила себя долго ждать.

Если кому-нибудь понадобятся доказательства того, что наемники представляют большую опасность, то хорошим примером для него станет история, произошедшая в городе Мессана. Этот город являлся своего рода стражем пролива между Сицилией и Италией. Правитель Сиракуз нанял себе группу головорезов из Кампании. После его смерти в 289 году они внезапно остались без дела. Им нравились Сицилия и военная жизнь вдали от дома, но что им оставалось делать? С неохотой они отправились обратно в Италию и по пути оказались в богатой, красивой, спокойной, но доверчивой Мессане. Для бывших наемников это была последняя возможность остаться на острове, и у них возникла отчаянная мысль. Они проникли в город, как друзья, а затем, предав своих ничего не подозревавших хозяев, в одну из ночей захватили город. Согласно Полибию, эти люди «часть жителей изгнали, других перебили, а женщин и детей несчастных мессенян, какие кому попались в руки при самом совершении злодеяния, кампанцы присвоили себе, засим остальное имущество и землю поделили между собою и обратили в свою собственность».

Это разорение города так и осталось безнаказанным. Наемники стали называть себя мамертинцами по имени бога войны Мамера – сабельского аналога Марса. Они превратили Мессану из тихого торгового городка в базу для совершения своих разбойничьих набегов. Наемники применяли свое единственное умение. Они жили за счет разграбления соседних городов, захвата безоружных торговых судов, содержания в плену людей, похищенных ими для выкупа, а также разнообразных погромов и грабежей. Эти люди не принимали ничью сторону и угрожали как карфагенским, так и греческим интересам.

В конце концов правители самого сильного города-государства в Западной Сицилии Сиракузы решили положить конец их деятельности. Около 270 года молодой сиракузский тиран Гиерон победил мамертинцев в генеральном сражении и захватил в плен их предводителей. Грабежи прекратились, хотя мамертинцы все еще удерживали Мессану. Через несколько лет Гиерон решил, что пришло время окончательно уничтожить мамертинцев, и осадил Мессану.

И вот, эти престарелые и отжившие свой век наемники приняли роковое решение, или, точнее говоря, два решения. Некоторые из них позвали на помощь проходивший мимо карфагенский флот. Карфагеняне приняли их предложение и разместили свои войска в крепости. Увидев карфагенские суда в гавани, Гиерон решил не создавать себе трудности, с которыми он не смог бы справиться, и осторожно удалился в Сиракузы. Тогда другая часть наемников обратилась за поддержкой к римлянам.

Римский сенат оказался в замешательстве. Мамертинцы пользовались самой дурной славой. Сходная история произошла напротив Мессаны, на другой стороне узкого пролива. Еще одни наемники из Кампании, на этот раз служившие в римской армии, во время войны с Пирром отправились в Регий и разместились в городе. Подражая примеру мамертинцев, они уничтожили многих жителей города и захватили его. Рим не потерпел такой возмутительной измены и послал армию для взятия города. Римская армия захватила город, а большинство изменников погибли. Триста оставшихся в живых доставили в Рим, провели по Форуму, высекли и казнили.

Как же сенат мог принять решение об оказании помощи людям, которые совершили точно такое же преступление? Однако это случилось, и объяснение лежит в сущности римского государства. Просвещенный Гиерон заметил, что римляне использовали «жалость к попавшим в беду в качестве прикрытия своей собственной выгоды». Карфагеняне уже господствовали над значительной частью Сицилии, и если бы они завоевали Мессану, то могли обратить свой жадный взор на север через узкий пролив.

С точки зрения сената римляне могли бы приобрести, по словам Полибия, «опасных и страшных соседей, которые окружат их кольцом и будут угрожать всем частям Италии. Было совершенно ясно, что, если римляне откажут в помощи мамертинцам, карфагеняне быстро овладеют Сицилией». Это беспокойство имело серьезные основания, поскольку Сардиния и Корсика уже стали карфагенскими владениями, а в этрусском порту Цере стало так много карфагенских торговцев, что его называли «Пуник». Дальше могло случиться так, что города Великой Греции попадут в зависимость от нового хозяина и будут действовать в русле его интересов. Отход Сицилии к «варварской» африканской державе стал бы страшным символическим ударом по греческому миру.

Сенат высказался единогласно и, что совершенно нехарактерно, передал этот вопрос на рассмотрение в народное собрание без рекомендации. Несмотря на то, что Римская республика ослабла из-за долгих лет постоянной войны, собрание приняло решение оказать помощь. В Мессану отправили консула с армией. Ему удалось проскользнуть через морскую блокаду. Карфагенский главнокомандующий не имел инструкций для своих действий, поэтому мамертинцы хитростью вынудили его вывести карфагенские войска из города. Карфагенские власти сразу же распяли его, обвинив «в безрассудстве и трусости».

Такой поворот событий сильно озадачил как карфагенян, так и сиракузцев. Несмотря на длительную вражду, они вступили во взаимовыгодное соглашение с единственной целью отражения нападения римлян. Однако консул разгромил их армии по отдельности прежде, чем они смогли объединить свои силы. Проницательный Гиерон долго размышлял и решил, что в интересах Сиракуз перейти на другую сторону. Он согласился заключить союз с Римом, от

которого больше никогда не отказывался до конца своей продолжительной жизни. Все эти годы он оставался верным другом римлян, предлагая легионам опорные базы и обеспечение.

Стороны постепенно довели дело до войны, при этом ни одна из них, в общем-то, не стремилась к ней или же не полностью осознавала возможные последствия. Однако, лишь только начались полномасштабные военные действия, как горы из тумана, открылись истинные причины конфликта. Дион объясняет, что Мессана оказалась не более, чем простым предлогом: «На самом деле все было не так. Карфагеняне, которые долго были великой державой, и римляне, которые теперь быстро набирали силу, ревностно следили друг за другом. Они втянулись в войну, отчасти желая постоянно захватывать все больше и больше земель – в соответствии с правилом, что самые успешные те, кто наиболее деятельные, – отчасти из-за страха. Обе стороны думали одно и то же, а именно, что спасти свои владения можно только путем приобретения чужих».

Мессана и мамертинцы исчезли с исторического фона (на самом деле мы так никогда и не узнаем, какая судьба в конце концов постигла мамертинцев, они просто исчезли, и можно только надеяться, что у них был плохой конец).

Сенат не имел никаких определенных военных целей. Возможно, сначала римляне собирались превратить Мессану в свой форпост. Но как только они достигли мирного соглашения с Гиероном и Сиракузы по сути дела стали подчиненным царством, у римлян, по-видимому, появились более далеко идущие замыслы. Они решили оттеснить карфагенян на восток, в их традиционную зону влияния. Тогда Рим смог бы взять под свое покровительство все греческие поселения в Центральной Сицилии. Однако вскоре стало ясно, что Карфаген не потерпит никакого римского присутствия в Сицилии, поэтому единственным разумным ответом стало завоевание всего острова.

Военная кампания складывалась для римлян вполне благополучно. Они захватили крупный греческий город Акрагас, где находилось карфагенское командование. Однако сенат понял, что, хотя на суше римлянам сопутствует успех, они все равно не смогут вытеснить карфагенян, пока те преобладают на море и, следовательно, могут подвозить подкрепления, блокировать гавани и совершать набеги на Италию. Рим, который никогда не интересовался морскими делами, теперь вынужден будет построить свой флот.

По морю пролегали оживленные, но опасные торговые пути. В течение многих веков на Средиземном море постоянно пересекались многие народы, особенно часто финикийцы и греки. Они перевозили пшеницу с берегов Черного моря, корабельную древесину из Верита, шерстяные ткани из Милета. Жидкие товары, такие как масло и вино, гораздо легче было перевозить на судах, чем на телегах, громыхающих по неровным дорогам. Обычно торговые суда могли принять на борт около ста тонн груза, самые большие – почти до пятисот тонн. Суда имели широкий округлый корпус и один низко посаженный, прямоугольный парус (иногда вешали еще дополнительные треугольные паруса). Никакой специальной рулевой системы не было, ее роль выполняли одно или два весла, укрепленные на корме.

Военные корабли имели совершенно другую конструкцию. Это были обтекаемые скоростные галеры, сеющие смерть. С бортов свисали ряды весел, которые дополняли паруса. К III веку наибольшее распространение получили галеры, называемые квинквиремы. Количество гребцов на таких судах доходило до трехсот. Длина судна равнялась почти сорока метрам, а ширина на уровне воды – пяти метрам. Палуба возвышалась над уровнем моря почти на три метра. На передней части киля устанавливали выступающий вперед металлический нос, поскольку основной тактикой при нападении являлся таран вражеского судна в середину борта. При этом надо было затопить его или, по крайней мере, завалить набок. Во время боевых действий квинквирема могла разогнаться до скорости в десять узлов (18 км в час), однако такая

скорость достигалась только в момент кратковременных рывков. Средняя скорость видимо равнялась пяти узлам.

Слово «квинквирема» происходит от латинского выражения «пять весел». Это можно не так понять, поскольку кажется, что число «пять» относится к веслам, но это не так. Речь идет о группе из пяти гребцов, которые управляли тремя веслами, установленными друг над другом. Двумя верхними веслами гребли по два человека, а одним нижним веслом – один человек. Команда находилась в специальной деревянной надстройке, которая выступала с борта судна.

Никакие суда не могли противостоять плохой погоде, поэтому в целях безопасности они передвигались вдоль побережья. В зимние месяцы выходили в море очень редко. Мореходы боялись не только штормов, но даже густой облачности. Днем моряки определяли направление движения по солнцу и прибрежным ориентирам, а ночью – по звездам. При пасмурной погоде они бы просто сбились с курса.

Карфагеняне уже имели наиболее совершенный для того времени флот, а Риму пришлось создавать флот с нуля. Создание боеспособного флота было очень смелым предприятием для Рима, некоторые даже считали его невыполнимой задачей. Подобно тому, как захват шифровального аппарата «Энигма» помог англичанам выиграть битву за Атлантику во время Второй мировой войны, Римская республика обрела шанс на победу. В Италии, скорее всего, ничего не знали о квинквиремах, и римские кораблестроители не умели их строить. Полибий наблюдает: «Не имея средств к морской войне не то что значительных, но каких бы то ни было, никогда раньше не помышляя о морских завоеваниях и впервые задумав это теперь, они принялись за дело с такою уверенностью, что решились тотчас, еще до испытания себя, померяться в морской битве с теми самыми карфагенянами, которые со времен предков их неоспоримо владычествовали на море».

В начале войны у Рима вообще не было военных кораблей, поэтому для охраны своих войск, переправляющихся в Мессану, римляне взяли несколько небольших устаревших судов у Тарента и других греческих городов на юге Италии.

К счастью для римлян, все обошлось благополучно. Однако им и дальше сопутствовала удача. Одна карфагенская квинквирема прошла слишком близко от берега и села на мель. Весь корабль попал в руки римлян.

В порту Лилибей при раскопках судостроительных верфей III века археологи обнаружили, что каждая деталь корабля помечалась соответствующей надписью. Это позволяло очень быстро собирать корпуса. Таким образом, собрать новое судно по образцу захваченного для римлян оказалось несложной задачей. Несмотря на неопытность своих судостроителей, за два месяца римляне стали обладателями совершенного нового флота, куда вошли сто квинквирем и двадцать трирем (галеры, где гребцы гребли в группах по три человека).

Пока строились суда, принимали на работу моряков, которых оказалось более тридцати тысяч человек. Их обучали на суше, и во время занятий они, должно быть, чувствовали себя глупцами. Полибий описал, как это происходило: «[Обучающие] посадили людей на берегу на скамьи в том самом порядке, в каком они должны были занимать места для сидения на судах, посередине поставили келевста [командира гребцов] и приучали их откидываться всех разом назад, притягивая руки к себе, а потом с протянутыми руками наклоняться вперед, начинать и кончать эти движения по команде келевста».

Сразу после окончания строительства корабли спустили на воду. Команды поднялись на борт для прохождения практики в реальных условиях. Затем под командой консула-адмирала они вышли в открытое море.

Установить могущество на море за такое короткое время стало потрясающим успехом. Во время войн с самнитами и военными походами против Пирра Рим показал свою возможность

обороняться, проигрывать и снова возвращаться в борьбу. Случай с флотом доказал наличие у них не столько оборонительной, сколько наступательной, более агрессивной, энергии. Создание нового флота почти из ничего показало, с какой решительностью римляне берутся за решение каких-то новых неизвестных проблем. Они поняли, как превратить свое государство в еще более экспансионистское и более непобедимое, чем прежде.

Мог ли этот необстрелянный флот победить военную мощь старейшей великой морской державы? Первая неудача и позорный захват консула врагом навели римлян на серьезные размышления. Их судостроители признали то обстоятельство, что римские суда оказались более тяжелыми и неповоротливыми, чем карфагенские. Карфагеняне умели очень искусно маневрировать. Они знали, как потопить своих противников при помощи тарана, избегая рукопашных схваток.

Некий изобретательный римлянин, имя которого не сохранилось, придумал очень интересный способ, благодаря которому военное равновесие восстановилось. Он изобрел устройство, названное «ворон» (*corvus*). Оно представляло собой деревянный мостик, который одним концом прикреплялся к нижней части деревянного столба. Его устанавливали чаще всего на носу судна таким образом, чтобы мостик можно было поворачивать вокруг столба, а также, при помощи системы канатов, поднимать и опускать другой, передний, конец мостика. На переднем конце снизу прикрепляли шип или крюк. Когда римский военный корабль приближался к вражеской квинквиреме, на ее палубу опускали мостик. Шип втыкался в палубу и прочно держал мостик. Затем отряд из 70–100 человек, которых набирали из опытных воинов, переходил на неприятельское судно и захватывал его.

На самом деле благодаря «ворону» морское сражение превращалось в сухопутную битву на воде. Такой прием стал неприятным сюрпризом для карфагенян. Летом 260 года до римлян дошли сведения, что неприятель разоряет область около города Милы (ныне – Милаццо), расположенного близ северо-восточной оконечности Сицилии. В этот район отправился весь римский флот. Увидев их, карфагеняне без всякого колебания устремились им навстречу. Они настолько презирали этих итальянских дилетантов, что даже не стали выстраиваться в боевой порядок. Карфагеняне, конечно же, опасались применения «воронов», но, несмотря на это, приближались к неприятелю.

К ужасу карфагенян, римляне взяли на абордаж первые тридцать вражеских кораблей, которые вступили с ними в бой, и захватили их. Остальная часть карфагенского флота, увидев происходящее, отошла, надеясь окружить и протаранить римские корабли. Но те просто повернули свои мостики таким образом, чтобы отразить нападение с любой стороны. Расстроены карфагеняне развернулись и отступили, потеряв 50 из своих 130 судов.

Карфагенский главнокомандующий избежал казни, потому что он заранее попросил у своих властей разрешение на битву и получил его. Но когда самонадеянные римляне успешно распространили военные действия на Корсику и Сардинию, его люди взбунтовались и казнили его, видимо, забив камнями.

Теперь стороны как бы обменялись своими преимуществами. С одной стороны, Римская республика освоила водное пространство, и ее флот начал совершать успешные набеги. Он одержал вторую блистательную победу над вражеским флотом. С другой стороны, карфагеняне успешно действовали на суше, на Сицилии. Они применяли тактику истощения – избегали открытых сражений и вынуждали римлян один за другим осаждать сильно укрепленные горные города.

Сенат разработал еще один стратегический план. Для окончательного утверждения превосходства Рима на море решено было обойти Сицилию и отправить войска для нападения на сам Карфаген. В 256 году два консула с армадой из 330 кораблей отправились в плавание к

Северной Африке. На каждом корабле кроме команды находилось еще 120 пеших воинов. В результате чего общее число воинов составляло 120 000, не считая 100 000 гребцов. Это была грандиозная операция, в которой подвергалось опасности огромное число людей.

Карфагеняне поняли всю серьезность положения и собрали флот больший, чем у римлян – в 350 галер. Две противоборствующие стороны встретились у мыса Эконом (ныне – Поджо-ди-Сант-Анжело у города Ликата), расположенного на южном побережье Сицилии. Римляне снова разгромили противника, потопив и захватив всего более девяноста судов. Путь к карфагенской столице был открыт.

Консулы благополучно высадились к востоку от мыса Бон на противоположном от Карфагена краю Тунисского залива. Они начали разорять близлежащее побережье, в результате чего уничтожили земледельческие хозяйства и захватили двадцать тысяч рабов. Военная кампания началась самым наилучшим образом. Прошло лето, и сенат отозвал одного из консулов, который вернулся назад в Италию с большой частью армии, награбленной добычей и пленными. Второй консул – Марк Атилий Регул – остался на зиму в Африке с войском из 15 000 пехотинцев, 5000 всадников и 40 кораблями. После этого карфагеняне поняли, что это не кратковременный набег, а полномасштабное вторжение. Легионы собирались здесь остаться.

Карфагенская армия разместилась под защитой крепости, расположенной всего в двадцати милях от города Мелодий (ныне – Тунис). Опасаясь римской пехоты, карфагенские командующие приложили все усилия, чтобы избежать генерального сражения. Они боялись, что из-за тяжелых потерь их могут сместить со своих должностей, поэтому предпочитали находиться в безопасном положении на высотах. Теперь настал черед Регула. В Карфагене скопились беженцы из внутренних районов, из-за чего сильно сократились запасы продовольствия. Близилась развязка.

Карфагеняне начали переговоры о мире. Регул был слишком высокомерным и начисто лишенным воображения. Он хотел завершить военную кампанию в течение этого года, а затем организовать свой триумф. Он спешил. Регул уже считал себя хозяином города и думал, что ему оставалось только предъявить карфагенянам свои условия мира, которые они обязательно примут. Условия оказались крайне тяжелыми и вызвали ровно противоположную реакцию. Карфагеняне должны были покинуть Сицилию и Сардинию, освободить всех римских пленников, в то время как карфагенских пленников надо было выкупать. Карфагену предписывалось возместить все военные затраты Рима, а затем платить ему ежегодную дань. Воевать карфагеняне должны будут только с разрешения Рима. Такие условия фактически означали безоговорочную капитуляцию, однако положение карфагенского государства было тяжелым, но далеко не безнадежным. В результате переговоры закончились ничем.

Тем временем карфагенское верховное командование признало некомпетентность своих военачальников и весной 255 года обратилось за помощью к спартанскому военному советнику с вопросом, каким образом лучше всего отразить захватчиков. Карфагеняне установили в своей армии строгую дисциплину, ввели военное обучение и подняли моральный дух воинов. Карфагенская армия вышла на поле боя и наказала самодовольных римлян. Карфагенская конница окружила римские легионы с флангов и уничтожила их. Регула и еще пятьсот римлян захватили в плен, а остальные оставшиеся в живых воины римской армии, числом около двух тысяч человек, бежали с поля боя.

Судьба Регула доподлинно неизвестна. Скорее всего он умер естественной смертью в плену. Традиционно считается, что его с почетом освободили из плена в результате соглашения с Римом. Регул советовал сенату отклонить все карфагенские предложения и дал слово возвратился в Карфаген. Как написал один известный Цицерону историк I века: «Они заперли его в глубокую подземную темницу и спустя длительное время, когда солнце казалось наиболее

раскаленным, внезапно выводили и держали, поставив прямо против солнечных лучей, принуждая смотреть на небо. А для того чтобы он не мог опустить веки, они пришивали их, разведя вверх и вниз».

Другие сообщают, что он умер от лишения сна.

Поражение положило конец вторжению, однако оно еще не закончилось. Сенат собирался послать флот для блокады Карфагена, в то время как Регул должен был напасть на город со стороны суши. Перед отправкой флота дошли известия о разгроме римлян, и теперь 210 судов отправили для спасения того, что осталось от римской армии в Африке. Римские корабли достигли Африки, отбили нападение карфагенского флота и совершили набег на близлежащее побережье в поисках продовольствия. Однако на обратном пути они попали в сильный шторм. Большинство судов, стесненных своими «воронами», выбросило на скалы у юго-восточной оконечности Сицилии. Около 25 000 воинов и 70 000 гребцов погибли в морской пучине. Ни в одной из предыдущих войн Рим не терял одновременно столько людей. Флот вскоре восстановили, но в 253 году после совершения набега на африканское побережье его снова уничтожил шторм. На этот раз римляне потеряли 150 кораблей.

Трудно оценить, какую роль сыграли эти катастрофы в неудачах Рима. Скорее всего, немалую. Видимо римские адмиралы гораздо лучше понимали в сражениях, чем в судовождении. Как бы то ни было, огромные потери на море потрясли римское общество, даже Рим не смог пойти на такие человеческие жертвы. Решение бороться с Карфагеном на море потерпело неудачу. Карфагеняне также были ослаблены, и не столько войной с Римом, сколько подавлением восстания своих африканских соседей – нумидийцев. Война достигла безвыходного положения. В течение следующих двух лет военные действия не велись.

На римской политической сцене появился новый Клавдий. Внук Клавдия Цека (Слепого), Публий в полной мере унаследовал все то высокомерие, которым славился этот род (или же ему просто приписали все эти характерные черты более поздние неаккуратные историки). Ему дали прозвище Пульхр, означающее «красивый» или «привлекательный», таким образом, отметили его привлекательную внешность, а может быть просто гордость за свою внешность.

Кампания в Сицилии оказалась затяжной и тяжелой, но римляне все-таки добились некоторых успехов, захватив карфагенский город Панорм (ныне Палермо). Одной из последних двух крепостей, оставшихся у карфагенян, стал порт Лилибей на западной оконечности острова. В 250 году римляне решили приложить все усилия для изгнания карфагенян с Сицилии. Для овладения этим хорошо укрепленным портом из Италии вышла консульская армия и новый флот из двухсот судов.

В следующем году консулом стал Клавдий. Он решил внезапно напасть на второй последний оплот Карфагена – Дрепану (около современного города Трапани). Прежде чем начать сражение, он обеспечил себе, как адмиралу, божественное покровительство. Покровительство обычно определяли по поведению птиц, как они летели, пели или клевали пищу. В этом случае нескольким священным курицам дали пищу. Они отказались взять ее, и это было очень плохим знаком. Поэтому Клавдию пришлось отложить свое мероприятие, по крайней мере на этот день. Он вышел из себя и бросил птиц в море со словами: «Пусть они пьют, если не хотят есть!»

Нападение римлян окончилось неудачей. Очевидно, на римских судах не было «воронов», из-за чего неприятельские корабли имели все возможности для маневра и тарана. Клавдий потерял более 90 галер (из 120), однако многие моряки добрались до берега и присоединились к армии, осаждавшей Лилибей.

Вскоре последовало новое бедствие. Консульский флот из 120 кораблей вышел из Сиракуз для сопровождения 800 грузовых судов с провиантом для армии, осаждавшей

Лилибей. Неприятель перехитрил их и вывел, не начиная сражения, к скалистым берегам Южной Сицилии. Карфагенский адмирал, будучи опытным моряком, увидел перемену погоды и ушел под защиту мыса Пахин (ныне мыс Пассеро). Римляне же остались на сильном ветру, который неумолимо нес их к берегу. Весь римский флот, за исключением двадцати судов, оказался разбит.

Вспомнили о Клавдии и привели его на суд. Его обвиняли в непочтительности, а также в командовании без надлежащей заботы и должного внимания. Суд прервался из-за грозы, что было плохим предзнаменованием, однако Клавдия привлекли к ответственности во второй раз и признали виновным. Он едва избежал смертной казни и отделался только крупным штрафом. Клавдий недолго переживал свой позор и видимо покончил с собой. Сразу после его смерти одна из его сестер, которая также унаследовала все семейные черты, возвращалась домой с игр в своем паланкине, с трудом пробираясь по улице через огромную толпу. «Если бы мой брат воскрес, – воскликнула она, – то он снова бы погубил флот и этим поубавил в Риме народу!»

Теперь Рим остался без флота и уже не имел возможностей для постройки нового. Карфаген также не предпринимал никаких действий, предпочитая не будить лихо. В городе ощущалась нехватка денег, что привело к ухудшению качества чеканки монет. Дело дошло до того, что карфагеняне попросили в долг у своего североафриканского соседа, египетского царя Птолемея II. Царь оказался слишком расчетлив и не стал вмешиваться в ссору между двумя государствами, так как хотел сохранить хорошие отношения с обоими. Он сухо объяснил, что «следует помогать друзьям против врагов, но не против друзей». Тем временем сенат решил свои финансовые проблемы, поскольку Гиерон чеканил много серебряной и бронзовой монеты и помогал финансировать военные приготовления своего союзника.

На Сицилии не происходило никаких существенных событий, которые могли бы как-то изменить безвыходное положение на острове. Римляне по-прежнему были очень сильны, поскольку неприятель имел на острове только отдельные форпосты. Лилибей и Дрепана оставались в осаде. В 247 году после совершения набега на Южную Италию деятельный молодой карфагенский командующий, Гамилькар Барка, прибыл на Сицилию. Будучи реалистом, он, конечно же, не предполагал, что ему удастся выиграть войну. Он надеялся, по крайней мере, измотать врага. Гамилькар старался избегать полномасштабных сражений, избрав тактику партизанской борьбы. Он устроил постоянный лагерь на горе близ Панорма, а затем еще один – в городе Эрикс, расположенном на высокой горе. Однако храм, посвященный финикийской богине изобилия и любви Астарте, находящийся на горной вершине выше Эрикса, оставался в руках римлян. Из этих лагерей Гамилькар устраивал кратковременные вылазки на римлян. Он добился некоторых успехов, однако его действия имели скорее демонстративное, чем стратегическое значение.

Прошли годы изматывающего противостояния. Обе стороны уже отчаялись от безвыходного положения, сложившегося в результате ожесточенных сицилийских кампаний. Полибий пишет: «Обе стороны, наконец, «пожертвовали победный венок богам»... потому что сделались нечувствительными к страданиям и неодолимыми. Прежде чем одним удалось одолеть врага... конец войне положен был иным способом».

Действия Гамилькара можно считать успешными только в том, что они очередной раз убедили римлян, что они не смогут выиграть войну на суше.

Таким образом, сенат готовился совершить последнее жизненно важное усилие. Он собирался создать еще один флот и в третий раз попытаться счастья на море. Сенат получил ссуду, которую надо было возместить в случае победы, а также потребовал от богатых и зажиточных граждан сделать «добровольные» патриотические вклады. Отдельные люди и группы обещали на свои деньги построить квинквирему. За короткий срок построили и

оснастили двести военных кораблей. Они представляли собой более продвинутые и более легкие суда, созданные по образцу одной карфагенской галеры, захваченной в Лилибее. На этих кораблях не было «воронов», поскольку римляне верили, что на этот раз команды уже обладали необходимым опытом, чтобы превзойти неприятеля своим собственным боевым искусством.

Появление нового римского флота в сицилийских водах летом 242 года стало сюрпризом для врага. Карфагенские суда остались на родине, поскольку команды нужны были там для продолжения войны в Африке. К марту следующего года им удалось собрать команды почти на 170 кораблей, набранные в основном из горожан. План карфагенян состоял в том, чтобы пополнить запасы войск Гамилькара, взять на борт самых лучших моряков из числа наемников и вернуться в открытое море для встречи с римлянами. Из-за нехватки грузовых судов перевозкой занимались военные корабли.

К несчастью для карфагенян, командующий консул Гай Лутаций Катул узнал об их приближении и подстерег их у острова Эгуза близ Лилибея. Он предупредил команды своих судов, что сражение, скорее всего, произойдет на следующий день. Однако с рассветом погода ухудшилась. Подул сильный ветер, против которого римлянам было очень трудно идти. Однако они не могли ждать, так как карфагенский флот мог соединиться с сухопутными войсками Гамилькара, поэтому римляне приняли решение нападать. Они выстроили свой флот перед врагом в одну линию.

Карфагеняне убрали паруса и, подбадривая друг друга, двинулись на врага. Их уверенность не имела никаких оснований: сильно загруженные суда очень плохо маневрировали, новые команды гребцов не имели необходимых навыков, а воины были неопытными новобранцами. В результате карфагеняне почти сразу же обратились в бегство. Римляне потопили пятьдесят кораблей и захватили семьдесят. Оставшиеся подняли паруса и бежали по ветру, который сменился на восточный, облегчив им спасение. Римский консул с победой возвратился к своей армии в Лилибей и принял необходимые меры относительно захваченных им людей и судов. Это оказалось нелегкой задачей, поскольку у него оказалось около десяти тысяч пленных.

Карфаген исчерпал все свои возможности. Он больше не господствовал на море, не мог снабжать свои войска в Сицилии и не имел никаких ресурсов в Африке, с которыми можно было продолжать войну. Гамилькар обладал всей полнотой власти и мог поступать так, как он считал необходимым. Подсознательно он, конечно же, был готов продолжить борьбу, однако, будучи крайне благоразумным военачальником, он понимал, что это было невозможно. Он начал переговоры о мире.

Предварительное условие Катула состояло в том, что он не согласится на перемирие, пока армия Гамилькара не сложит оружие и не покинет Сицилию. Гамилькар ответил: «Отечество мое согласно подчиниться, но сам я скорее умру, чем возвращусь домой с таким позором». Римляне уважительно отнеслись к его мнению и, в конце концов, согласились на более мягкие условия. Два враждующих государства должны были стать друзьями и союзниками. Карфагеняне должны были очистить Сицилию, не вести войну с Гиероном, вернуть всех пленных без выкупа и в течение двадцати лет выплачивать ежегодную компенсацию.

Римская власть стремилась к более жестким условиям, поэтому она не одобрила проект мирного соглашения. На Сицилию отправились десять уполномоченных для пересмотра условий договора. Они увеличили компенсацию и уменьшили период ее выплаты до десяти лет. Возможно, в виде послабления Гамилькару в договор включили новый пункт, согласно которому союзникам обеих сторон гарантировали безопасность от нападений.

Внезапно война закончилась. Она продлилась двадцать три года и унесла сотни тысяч жизней (большинство из них римляне и их союзники). Как написал во II веке Полибий, она

была «продолжительнее, упорнее и важнее всех войн, какие известны нам в истории». Однако эта борьба велась не на смерть. Как в боксерском поединке решение принимается не в результате нокаута, а по количеству присвоенных очков.

Соперничество велось главным образом из-за того, кто должен управлять Сицилией. Теперь этот вопрос снят, поскольку остров стал первой провинцией Рима. Первоначально слово «провинция» (*provincia*) обозначало сферу деятельности некоего выборного должностного лица (например, во время военной кампании по отражению какого-то врага), но с этого времени это слово принимает привычное нам значение и обозначает территорию за пределами Италии, находящуюся под непосредственным управлением Рима. Это стало новым явлением, поскольку в Италии Римская республика обычно навязывала свою волю путем заключения соглашения или в результате присоединения. Римляне предпочитали оставлять на присоединенной территории местную власть. Однако Сицилия оказалась слишком большой и находилась довольно далеко, поэтому римляне в целях безопасности не решились оставить там прежнюю систему управления. Туда стали назначать губернатора, по-видимому, из бывших преторов.

Потеря Сицилии для Карфагена стала серьезной неудачей, но этот удар не был смертельным. На самом деле Карфаген, по-видимому, уже планировал расширить свои владения за счет других территорий. Некоторое время он воевал сразу на двух фронтах, боролся с местными племенами ради захвата земель в Африке и отражал нападения римлян.

Рим показал, что наряду со стойкостью он имел еще и агрессивные намерения и уже начинал задумываться об имперском статусе. В отличие от римлян, их противники, карфагеняне, имели все средства для ведения войны, однако они не стремились любой ценой добиться победы и не приблизились к ее достижению. Они не хотели войны, они не выбирали войну, и как только война прекратилась, они снова принялись за свои мирные дела по накоплению богатства.

И, несмотря на поражение, именно мир позволил им заниматься этим. Карфаген остался крупной торговой державой и все еще господствовал на торговых путях Западного Средиземноморья. Путешествия Ганнона и Гимилькона давно указали путь к процветающему будущему в дальних уголках мира, где не было агрессивных вторжений новых «друзей и союзников».

12. «Ганнибал у ворот!»

К царскому двору прибыл пожилой полководец. Он уже не командовал армией, превратившись в одинокого странствующего изгнанника. Он надеялся стать военным советником Антиоха Великого – повелителя многих азиатских земель, которые за сто лет до этого завоевал Александр Великий. Царь замыслил войну с досаждавшей его новой средиземноморской державой – Римом – и усомнился в искренности своего гостя.

В ответ, желая доказать свою честность, старец рассказал историю: «В то время как мой отец собирался перейти с войском в Иберию, мне было девять лет, и когда отец приносил жертву Баалу-Хаммону, я стоял у жертвенника. Когда жертва дала благоприятные знамения, богам сделаны были возлияния и исполнены установленные действия, отец велел остальным присутствовавшим при жертвоприношении удалиться на небольшое расстояние, а меня позвал к себе и ласково спросил, желаю ли я идти в поход вместе с ним. Я охотно изъявил согласие и по-детски просил его об этом. Тогда отец взял меня за правую руку, подвел к жертвеннику, приказал коснуться жертвы и поклясться, что я никогда не буду другом римлян».

Царь отбросил сомнения и взял этого старца к себе на службу.

Эта клятва стала для маленького мальчика определяющим моментом нравственного

очищения. Она навсегда сохранилась в его памяти и направляла его действия в течение всей жизни. Мальчик этот – Ганнибал Карфагенский – гениальный полководец и самый опасный враг Римской республики за всю ее историю.

Когда этот полководец со своей великой армией расположился лагерем у стен Рима, это событие запомнилось, как чудовищный незабываемый кошмар. Впоследствии, если римские дети не слушались, родители успокаивали их, пугая самой страшной угрозой: «Ганнибал у ворот» (*Hannibal ad portas*).

Отцом Ганнибала был энергичный Гамилькар Барка – командующий карфагенскими войсками на Сицилии в течение последних лет Первой Пунической войны. Он прибыл на остров в 247 году, и именно в этот год у него родился сын. Прозвище «Барка» не связано с какими-то чертами рода или семьи. Оно означает «молния» или «удар меча» (оно образовано от еврейского *barak*) и отражает такие качества, как энергичность и стремительность.

Видимо эти качества Гамилькар проявлял как в своей личной, так и в общественной жизни. Уже будучи отцом трех сыновей и, по крайней мере, одной дочери, он воспылил страстью к одному привлекательному молодому аристократу Гасдрубалу (получившему прозвище «Красивый»). Поскольку Гамилькар был ведущим политиком и военачальником, то это обстоятельство стало источником разных сплетен (а может быть, его соперники просто выдумали эту историю). Власти, озабоченные защитой нравственности, запретили этим двум людям встречаться друг с другом. Нисколько не смущаясь, Гамилькар женился на дочери своего возлюбленного, и теперь никто не мог препятствовать тому, чтобы тесть встречался со своим зятем.

Договорившись о мире, после которого война на Сицилии прекратилась, Гамилькар сразу же вернулся в Карфаген, переложив на других решение неблагоприятной задачи по возвращению на родину многонациональной карфагенской наемной армии. Будучи искусным тактиком, он стремился как можно дальше самоустраниться от позорной капитуляции перед Римом и не участвовать в решении вопроса, как несостоятельное государство сможет выкупить своих пленных воинов. Гамилькару также пришлось отвечать на обвинения своих политических противников, которые ставили ему в вину бездарное руководство.

Возвращение двадцати тысяч наемников стало поистине катастрофической ошибкой, которая едва не привела к полному разрушению Карфагена. Эти люди не являлись карфагенскими гражданами, поэтому они сохраняли верность только себе, а не своим работодателям. Власти, испытывавшие недостаток в средствах, заплатили им только малую часть из обещанных денег, поэтому бывшие воины сразу же подняли мятеж. Карфаген оказался в смертельной опасности, потому что именно эти люди и составляли армию государства, и не было никаких других воинов, которые могли бы подавить их. Карфагенянам пришлось в срочном порядке предоставить им гражданство и при небольшом количестве денег в казне принять на службу новых наемников.

Сначала назначили бездарного командующего, и военные действия велись крайне неудачно. Затем Гамилькару дали небольшой отряд, чтобы проверить, как он будет отражать нападение повстанцев. Обе стороны прибегали к страшной жестокости. Гамилькар заманил наемную армию в ловушку и, в конце концов, подавил мятеж. Горе тому, кто попадал в его руки, его сразу же подвергали мучительной смерти. Одному из руководителей мятежников, африканцу по имени Матон, устроили нечто вроде триумфальной процессии. Его провели по улицам Карфагена. Те, кто вели его, пишет Полибий, «подвергали его всевозможным истязаниям». Как это могло происходить, описано Флобером в его романе «Саламбо»: «Кто-то из детей разорвал ему ухо; девушка, прятая под рукавом острие веретена, рассекла ему щеку; у него вырывали клочья волос, куски тела; другие палками или губкой, пропитанной

нечистотами, мазали ему лицо. Из шеи с правой стороны хлынула кровь; толпа пришла в неистовство. Этот последний из варваров был для карфагенян олицетворением всех варваров, всего войска; они мстили ему за все свои бедствия, за свой ужас, за свой позор».

Еще один заключительный виток истории привел к усилению ненависти к Риму среди наиболее известных карфагенян. На карфагенском острове Сардиния восстали наемники в знак солидарности со своими товарищами в Африке. Когда их стали теснить местные жители, они обратились за помощью к Риму. В 238/237 году сенат решил отправить военный отряд для захвата острова. Когда карфагеняне узнали об этом, они напомнили сенату, что Сардиния считается их владением и они намереваются возвратить ее. Ответ римлян поразил их своей циничностью. Не имея никаких доказательств своей правоты, римляне утверждали, что военные приготовления Карфагена являются враждебным актом. Они предъявили ультиматум, по которому карфагеняне должны были отказаться от своих прав на этот остров и выплатить в качестве компенсации 1200 талантов. Эти новые условия добавили к соглашению 241 года. Рим овладел Сардинией, а вместе с ней и Корсикой. Эти два острова стали одной провинцией, как Сицилия.

Налицо был незаконный захват чужих владений. Даже историк Полибий, будучи страстным поклонником Рима, осудил такой захват. Он отметил, что в действиях римлян «нельзя, пожалуй, указать основательного повода или уважительной причины», а также отметил, что такие люди, как Гамилькар, не забывали и не прощали несправедливости.

Сразу же после того, как закончилась война, Гамилькар отправился в Испанию. В Карфагене нельзя было оставить ребенка, поэтому никто не удивился, когда отец взял молодого Ганнибала с собой. Однако Гамилькар уезжал не по личным причинам, он собирался, ни много ни мало, преодолеть неудачи своей родины.

О внутренней политике Карфагена известно немного, но, видимо, там существовали две группировки. Одна из них объединяла землевладельцев, которые хотели расширять свои владения в Африке и развивать сельское хозяйство, не участвуя в опасных военных авантюрах на чужой земле. Другая объединяла разнообразных торговцев, которые хотели обеспечить военную защиту своим действиям в международных водах. Первые представляли собой правящую олигархию. А вторые стремились к демократической реформе.

Гамилькар был известным представителем второй группы. Хотя его уважали как благоразумного государственного деятеля, поражение в Сицилии и тяготы войны с наемниками, по-видимому, изменили его взгляды в сторону демократии. Как писал Диодор: «Спустя некоторое время после окончания войны с наемниками он сформировал орган политической власти из низших слоев общества и на основе этого, а также благодаря военным трофеям скопил немалое состояние. Чувствуя, что его успехи приносят ему все больше и больше власти, он занялся демагогией, пытаясь заслужить доверие народа. Таким образом, он добился, что его на неопределенный срок назначили командующим военными силами всей Иберии».

По своему поведению Гамилькар был очень похож на распространенный тип греческого политика – тирана, единоличное правление которого поддерживали простые граждане. Но вскоре стало ясно, что он не собирался организовывать в Карфагене государственный переворот. Гамилькар просто захотел получить полную свободу для своих действий в Испании.

Перед Карфагеном стояли две главных, связанных друг с другом проблемы. Первая – как восстановить свою разрушенную экономику? Недавние военные действия сильно подорвали обе ее составляющие – торговлю за границей и сельскохозяйственное производство на родине, кроме того, тяжким финансовым бременем стали крупные ежегодные выплаты Риму. И вторая, относящаяся к более долгосрочной перспективе – каким образом Карфаген сможет

когда-нибудь отомстить римлянам?

Решение этих двух проблем Гамилькар связывал с Пиренейским полуостровом, где были большие людские резервы для набора в армию и казавшиеся неиссякаемыми залежи серебра, железа и других металлов. Гамилькар признал, что карфагеняне навсегда потеряли Сицилию. Как и все его соотечественники, он сильно возмутился решением Рима захватить карфагенские острова Корсика и Сардиния – явным и оскорбительным нарушением мирного договора. Финикийцы с давних пор имели торговые форпосты в Испании, одним из самых крупных был портовый город Гадес. Теперь Гамилькар решил создать на полуострове большую и сильную карфагенскую провинцию. Очевидно, что ему оказали сопротивление даже те племена, которые уже привыкли к финикийскому присутствию на побережье. Против них Гамилькар применял жестокость в сочетании с милосердием. Этот метод он уже испытал, имея дело с восставшими наемниками.

Он взял с собой своего возлюбленного зятя, красавца Гасдрубала, который оказался не только искусным дипломатом, но также решительным и находчивым военачальником. Гасдрубал предусмотрительно взял себе в жены представительницу местного знатного рода. В течение следующего десятилетия эти два человека завоевали значительную часть Южной и Юго-Восточной Испании. Карфагеняне также организовали широкомасштабную добычу серебра и постоянно увеличивали количество добытой руды. Ученые подсчитали, что в последующие века на рудниках работали около сорока тысяч рабов, которые ежедневно давали прибыли почти на сто тысяч сестерциев. Нет причин сомневаться, что карфагеняне во времена Гамилькара работали менее производительно.

Римляне не имели в Испании никаких стратегических интересов и никакой собственности, которую надо было защищать, поэтому в первое время они почти не обратили внимания на эти события. Однако через некоторое время их заинтересовали известия о расширении карфагенских владений (это не означало, что Карфаген каким-то образом нарушил соглашение). Римляне отправили к Гамилькару посланников и попросили его принять их. Карфагеняне любезно согласились на организацию такого приема по всем правилам этикета. На вопросы посланников карфагенский военачальник дал вполне ожидаемый ответ. «Мне приходится воевать с иберийцами, – сообщил он, – чтобы найти деньги для выплаты компенсации Риму». После такого исчерпывающего ответа посланники больше не задавали никаких вопросов.

В 229 году Гамилькар потерпел военное поражение от иберийского вождя. Вместе с ним были два его сына, включая Ганнибала. Гамилькар спас их от гибели, отправив по другой дороге. Враги преследовали не столько его оставшееся войско, сколько его самого. Иберийский вождь настигал его. Стремясь уйти от погони, Гамилькар верхом на коне вошел в реку и утонул. Гибель Гамилькара не повлияла на карфагенское господство на полуострове, на его место сразу же назначили преемника. Его восемнадцатилетний сын Ганнибал, несмотря на свои незаурядные способности и большую известность, был еще очень молод, поэтому его кандидатуру не рассматривали. Поэтому совет старейшин в Карфагене назначил командующим Гасдрубала, который проявил себя с разных сторон не только как обладатель привлекательной внешности.

Новый главнокомандующий продолжил успешную деятельность своих предшественников, достигая своих целей иногда переговорами, а иногда и силой оружия. Он заключил соглашение с Римом. Сенат понял, что «своей нерадивостью и беспечностью» он позволил Карфагену осуществить набор воинов и подготовить многочисленную армию. Римляне снова отправили посланников в Испанию, и Гасдрубал обещал им не переходить реку Ибер (ныне Эбро). Она находилась немного севернее той территории, где тогда правили

карфагеняне, поэтому они с легкостью пошли на это. С точки зрения римлян это соглашение надежно защищало интересы их обеспокоенного союзника, города Массилии и его колоний на северо-восточном побережье Испании. Серьезный вопрос о возможном возрождении Карфагена остался нерешенным, и, действительно, даже самый недалёковидный посланник сената вряд ли мог предположить, что Карфаген откажется от своих владений по одному лишь требованию.

Даже если бы Рим решил в то время как-то угрожать, то он не смог бы выполнить свои угрозы, поскольку на севере Италии Римская республика столкнулась с большими трудностями. Кельтские племена, расселившиеся в долине реки По, очень возмутились постоянными вторжениями римлян и собрали огромное число воинов. В 225 году кельты потерпели поражение в битве при Теламоне, однако по-прежнему оставались недовольными и неуправляемыми соседями.

Важным мероприятием Гасдрубала стало основание нового порта в одной из лучших гаваней в Западном Средиземноморье. Этот порт он назвал Новый Карфаген (ныне Картахена). Название города вполне подходило к нему, поскольку, как и Карфаген, он находился на мысу между мелководной лагуной и заливом. Остров у входа в залив являлся препятствием для морских волн. Иногда небольшое волнение поднимал юго-западный ветер, но при остальных ветрах вода в заливе в основном оставалась спокойной. Это место очень подходило не только для рыболовства и торговли, но и для вывоза серебряной руды, добыча которой постоянно росла. На самой высокой точке города Гасдрубал построил свой роскошный дворец, ставший своего рода сверкающим символом новой империи, которую создал он со своим тестем.

По свету разнеслось однозначное известие, что Карфаген возродился.

Мирная политика Гасдрубала не спасла его от насильственной смерти. В одну из ночей 221 года он погиб от рук кельтского раба, владелец которого был казнен по приказу Гасдрубала. Убийцу схватили, однако он не проявил никаких признаков страха или раскаяния. Во время пыток не дрогнул ни один мускул на его лице.

Теперь Ганнибалу было двадцать пять лет. Несмотря на свою молодость, он завоевал расположение среди окружающих его людей за свою смелость, быстроту и остроумие. Последние пятнадцать лет он находился в центре событий, и его отец решил, что его миссия – стать завоевателем. Воины и народный совет в Карфагене приветствовали Ганнибала, который был выходцем из семьи, известной своими демократическими взглядами, в качестве нового главнокомандующего. Ганнибала назначили на эту должность, несмотря на некоторые разногласия в совете старейшин.

Вскоре он обратил на себя пристальное внимание римлян, и к его личности стали проявлять повышенный интерес. Ливий подвел итог тому, что говорили об этом полководце: «Насколько он был смел, бросаясь в опасность, настолько же бывал осмотрителен в самой опасности. Не было такого труда, от которого бы он уставал телом или падал духом. И зной, и мороз он переносил с равным терпением; ел и пил ровно столько, сколько требовала природа, а не ради удовольствия; выбирал время для бодрствования и сна, не обращая внимания на день и ночь – покою уделял лишь те часы, которые у него оставались свободными от трудов; при том он не пользовался мягкой постелью и не требовал тишины, чтобы легче заснуть; часто видели, как он, завернувшись в военный плащ, спит на голой земле среди караульных или часовых... Он первым устремлялся в бой, последним оставлял поле сражения».

Из его отрицательных черт можно назвать страсть к деньгам, которую часто отмечали его сограждане, а также жестокость, которой он прославился среди римлян. По крайней мере, таковы были общие впечатления. Из-за враждебной пропаганды нельзя говорить о точности этих критических оценок. Кроме того, как точно подметил Полибий, «нелегко судить о характере Ганнибала, так как на него действовали и советы друзей, и положение дел».

Неизвестно, что думали о нем молодые военачальники. В течение двух лет Ганнибал проводил политику расширения карфагенских владений, но затем решил отправиться в военный поход, как и его отец. Он так же, как и его шурина, взял себе в жены представительницу местного знатного рода. Вскоре карфагенские владения расширились до реки Ибер. Не появился ли у Ганнибала какой-то долгосрочный план?

Если он сам не разработал его, то вскоре его подтолкнули к этому определенные события. Небольшой прибрежный городок Сагунт, расположенный к югу от Ибера, не имел почти никакого военного или торгового значения. Этот город находился в дружественных отношениях с Римом без всяких формальных условий. Рим по просьбе горожан выступал в качестве защитника во внутренних политических спорах. Когда Рим заключил это соглашение с Сагунтом – неизвестно. Если оно существовало до того, как Гасдрубал заключил с римлянами договор о разграничении по реке Ибер, то оно должно было утратить силу после указанного договора. Если римляне заключили соглашение позднее, то Рим однозначно нарушил договор с Гасдрубалом, и его войска не должны были переходить через Ибер, так как территория к югу от этой реки входит в сферу влияния Карфагена. Так или иначе, у Ганнибала появились основания для недовольства из-за римского вмешательства.

Однажды Сагунт вступил в конфликт с одним местным племенем, которое поддерживало Карфаген. Представители племени обратились за помощью к Ганнибалу. Для карфагенского военачальника это стало последней каплей. Однако в своих действиях он соблюдал осторожность и не давал римлянам никакого предлога для войны до окончания своего завоевания всей территории к югу от Ибера и получения наибольшей прибыли с этих территорий. В 220 году после решающей победы над враждебными племенами Ганнибал добился того, чего хотел. Теперь под его управлением оказалась почти половина Пиренейского полуострова. Площадь его владений составляла около 230 000 квадратных километров.

Сагунт отказался признавать карфагенское господство и опасался гнева Ганнибала. Горожане почувствовали, что вокруг их шеи затягивается петля. Они отправляли в Рим одного посланника за другим с просьбой о срочной помощи. Сенат, занятый другими вопросами, ответил не сразу, но, в конце концов, отправил посланников к Ганнибалу с предупреждением, чтобы он ничего не предпринимал против Сагунта.

Карфагенский военачальник принял их в своем дворце в Новом Карфагене, где он проводил зиму после окончания очередной военной кампании. Он осудил Рим за то, что вмешивается во внутренние дела Сагунта. Ганнибал сказал: «Мы не оставим без внимания нарушение обязательств».

Римские посланники удостоверились, что война неизбежна и отправились морем в Карфаген, чтобы там повторить свои протесты, однако это не увенчалось успехом. Ганнибал сообщил в Карфаген, что Сагунт, уверенный в поддержке Рима, напал на племя, находящееся под покровительством карфагенян. Он также спросил, что ему делать. Ганнибал намекал на то, что надо сопротивляться, но совет старейшин не смог противоречить успешному полководцу, который пользовался уважением среди воинов своей многочисленной армии и которого поддерживал карфагенский народ. Без особого воодушевления совет предоставил Ганнибалу свободу действий.

В начале 219 года он осадил Сагунт. Жители оказали решительное сопротивление, полагая, что вскоре появятся римляне и спасут их. Однако их постигло разочарование, поскольку Римская республика только что закончила одну войну – против кельтов Северной Италии – и теперь вступила в другую – против пиратов Иллирии на другой стороне Адриатического моря. Сенату никогда не нравилось воевать одновременно на двух фронтах, поэтому Сагунт потерпел поражение. Осенью, после долгой и жестокой восьмимесячной осады,

Ганнибал захватил город.

Голод довел защитников города до людоедства. Отчаявшись бороться с Карфагеном, они собрали все свое золото и сплавляли его вместе со свинцом и медью, чтобы сделать бесполезным. Считая, что лучше погибнуть с оружием в руках, жители совершили вылазку из города и храбро сражались, но осаждавшие все равно одолели их. Аппиан пишет: «Их жены, видя со стен конец своих мужей, одни бросались с крыш домов, другие накидывали на себя петли, а некоторые, убив предварительно своих детей, сами пронзали себя мечами».

Ганнибал, характер которого еще больше ухудшился от ранения копьем, так разгневался из-за потери золота, что казнил всех оставшихся в живых взрослых, подвергнув их пыткам.

Теперь все пришло в медленное движение. В Риме рассматривали два варианта действий. Род Фабиев, во главе с уважаемым сенатором, Квинтом Фабием Максимом (которому дали прозвище «Веррукос» или «Бородавчатый», поскольку над губой у него была бородавка), выступал против войны, тогда как Корнелий Сципион приводил доводы за ее начало. Только в начале или в конце весны 218 года после оживленных споров сенат отправил нескольких старших политиков в Карфаген, чтобы поставить ему ультиматум. Они поставили совету старейшин условие: или Ганнибала выдадут Риму, или же начнется война. Карфагенский представитель напомнил, что захват Сардинии является нарушением римлянами договора 241 года и что Сагунт не упоминается в этом договоре в качестве римского союзника и поэтому условия договора не запрещают Карфагену нападать на него. Римлянам не понравилось, когда их обвинили в незаконных действиях, поэтому они отказались отвечать на то, что услышали. Полибий сообщает нам, что произошло после: «Старейший из [римских посланников] указал сенаторам на свою пазуху и прибавил, что здесь он принес войну и мир, вытряхнет и оставит им то или другое, как они прикажут. Царь карфагенян предложил послу вытряхнуть, что им угодно. Лишь только римлянин объявил, что вытряхивает войну, тут же большинство сенаторов воскликнуло, что они принимают войну».

Римляне вернулись на родину, и какое-то время казалось, что почти ничего не происходит. Предполагалось, что война будет вестись в Испании и в Африке. Таким образом, два консула, Публий Корнелий Сципион и Тит Семпроний Лонг, собрали для нее войска. Летом они отправились из Италии в разных направлениях. Сципион сел на корабль, идущий в Массилию, откуда собирался добраться до Пиренеев. Тем временем его коллега обосновался на Сицилии и начал разрабатывать план вторжения.

У Ганнибала были другие мысли. Хотя его планы не сохранились ни в одном письменном источнике, скорее всего, он хорошо продумал свой следующий шаг. Он задумал не что иное, как вторжение в Италию.

Он так и не признал результатов Первой Пунической войны, и мы можем со всей уверенностью предположить, что его покойный отец, Гамилькар, имел точно такие же мысли. Нельзя сказать, что каждый из них с самого начала занимался исключительно войной. Со времени потери Сицилии прошло двадцать лет, и многие годы из этого промежутка времени были потрачены на решение трудной и грандиозной задачи возрождения карфагенского величия и строительства империи в Испании. Они считали возможным второй раунд борьбы с Римом, но не ставили его в качестве практической цели. Однако теперь, когда время для этого пришло, энергичный молодой полководец наслаждался открывшейся перспективой.

Ганнибала все еще угнетали несправедливый и незаконный захват Сардинии и выплата огромных компенсаций. Дело Сагунта стало, по его мнению, еще одним примером, когда Рим бесцеремонно искажал условия соглашений, достигнутые в ходе переговоров. Римлянам нравилось издеваться над «карфагенской добросовестностью» (*Punica fides*), но какова после этого цена «римской добросовестности» (*Romana fides*)? Видимо наиболее важной причиной,

по которой Ганнибал уверенно начал войну, стала его уверенность в успехе. Завоевание половины Пиренейского полуострова дало ему два огромных преимущества для выполнения любых практических целей: во-первых, благодаря серебряным рудникам, у него появился неиссякаемый источник денежных средств, а во-вторых, воинственные иберийские племена, оказавшиеся под его властью, могли дать ему большое количество воинов. Никогда еще не было более благоприятных условий для ответного удара.

У Ганнибала не было намерения полностью уничтожить Рим, скорее он стремился сократить размеры его владений. А это означало разорвать сеть его итальянских «союзников». Если бы он смог вернуть им свободу, он забрал бы из Рима все то, что он завоевал в Испании, – деньги и людей, которые были так необходимы небольшому государству, если оно собиралось стать великой державой. Именно эта политическая цель определила его военную стратегию. Он должен был перенести войну в Италию.

В глубокой тайне Ганнибал тщательно осуществил свои приготовления. Он отправил многочисленный отряд иберийских войск для защиты Северной Африки, а африканские войска разместил в Испании. Таким образом, отделив воинов от их родины, он застраховал себя от измены. Он поручил защиту полуострова своему младшему брату, также носящему имя Гасдрубал. Ганнибал зависел от него, так как его брат должен был присылать подкрепления, а также, при необходимости, денежные средства. Ганнибал отправил сообщения галльским племенам, так как ему придется проходить их территорию в Южной Франции. Кроме этого, он занялся вопросами снабжения на пути следования своей многочисленной армии.

Прежде чем вернуться в свою столицу, Новый Карфаген, Ганнибал отправился в Гадес и принес жертвы в знаменитом храме Мелькарта-Геркулеса. В этом храме на восьми медных колоннах финикийцы со своей любовью к деньгам надписали стоимость его строительства. Приблизительно в мае он отправился на север с армией численностью около 90 000 пехотинцев и 12 000 всадников. Ганнибал переправился через пограничную реку Ибер и после молниеносных военных действий в Северной Испании значительную часть армии отправил обратно, чтобы оставить ее в запасе и быстро развернуть по необходимости. Он перешел через Пиренеи и двинулся в Галлию с армией численностью 50 000 пехотинцев, 9000 всадников и 37 боевых слонов. Трудности вызвала переправа через реку Родан (Рона), так как испуганных слонов пришлось перевозить по воде на огромных насыпанных землей плотках.

И вот, появляется новая легендарная личность, которой не было с первых лет истории Рима (см. страницы 12 и 13).

Ганнибал заботился о поддержании своего образа великого полководца и представлял себя образцом в соблюдении нравственных и общественных добродетелей. Как и Александр Великий (служивший примером всех потенциальных завоевателей), он окружил себя несколькими верными греческими мыслителями. Один из них был его старый учитель, некий Сосил из Спарты, обучавший Ганнибала греческому языку, который тот очень хорошо освоил. Другой – выдающийся историк Силен, автор четырехтомного исследования о Сицилии. Цицерон отметил, что этот человек «оказал огромное влияние на жизнь и успехи Ганнибала».

Их задача состояла не только в том, чтобы записать все события военной кампании, но и представить их в самом выгодном свете и даже рассказать символические истории об их герое (сочиненные заново или же реальные, но приукрашенные). Именно Силен впервые упомянул о сне, который Ганнибал, по его мнению, увидел после взятия Сагунта. Юпитер вызвал Ганнибала на совет олимпийских богов и велел ему вторгнуться в Италию. Один из присутствующих на этом совете стал сопровождать его. После того как Ганнибал со своей армией двинулся в путь, сопровождающий не велел ему оглядываться назад, однако тот не устоял и оглянулся. Но в отличие от Орфея, с которым тоже произошел подобный случай, когда

он выходил из подземного царства после встречи с женой, Ганнибала не стали наказывать. Ему просто показали страшное чудовище,двигающееся за войском. Цицерон описывал это так: «Он увидел, что чудовище, огромное и страшное, окруженное змеями, движется за войском, уничтожая все на своем пути, выворачивая деревья и кусты, опрокидывая дома. Изумленный Ганнибал спросил у бога: «Что это за чудовище такое?» И бог ответил: «Это идет опустошение Италии». И велел Ганнибалу двигаться дальше, не останавливаясь, и не беспокоиться о том, что делается сзади».

Описанное чудовище очень похоже на многоголовую змею, гидру, которую Геркулес убил во время одного из своих подвигов. Во сне она является символом Рима, а Ганнибал отождествлялся с отважным полубогом.

Такое отождествление было не случайным. Карфагенский полководец представлял себя в образе нового Мельката-Геркулеса, который повторил прежнее путешествие этого полубога с запада на восток. Ганнибал отправился из Гадеса через всю Испанию, по Южной Галлии до Италии (в первоначальной легенде сообщается, как Геркулес пересек всю Грецию).

Для выплаты жалования своему войску Ганнибал выпустил серебряные сикли. На одних монетах выбили профиль Геркулеса с характерными чертами бородатого Гамилькара (в этом можно не сомневаться), а на других – профиль его чисто выбритого сына. Примиритель различных культур, особенно греческой и финикийской, сторонник соблюдения закона, бесстрашно совершающий подвиги, Ганнибал должен был стать ниспосланным с небес знаменосцем цивилизации, которая уничтожит жестокую, варварскую власть, называемую Римом. Именно эти качества помогли ему собрать свою бесчисленную армию, и он надеялся убедить народы Италии отказаться от поддержки Рима и добиться их преданности.

По-видимому, Ганнибал также обратился к одному из наиболее заклятых врагов Рима на горе Олимп – богине Юноне. Быть может, она уже примирилась с падением своего родного города Вейи, однако ничего не забыла и ничего не простила. Особенно ей не давало покоя оскорбление, нанесенное сыном троянского царя Парисом и предательство Энеем своей возлюбленной Дидоны, карфагенской царицы, страдающей от любви.

Между тем ничего не подозревающий консул Сципион, направляясь в Испанию, оказался в Галлии почти в то же самое время, что и карфагеняне, которые двигались в противоположном направлении. Обе армии почти не вступали в стычки друг с другом, так как Ганнибал сумел избежать столкновения и двинулся через Альпы в Италию. И только теперь римляне с ужасом поняли, что задумал Ганнибал. Консул принял решение не преследовать его. Вместо этого он послал значительную часть своих сил вперед в Испанию, как и было задумано, а сам возвратился в Италию, где собирался выступить против Ганнибала с новыми войсками. Это было единственное и самое важное стратегическое решение этой войны, поскольку римские легионы, действуя в Испании, смогли бы помешать Гасдрубалу оказывать помощь своему брату или, по крайней мере, сильно ограничить его возможности.

В октябре или в начале ноября Ганнибал перешел через Альпы. По-видимому, он повторял относительно прямой путь Геркулеса через перевал Монженевр, при этом он хотел избежать встречи со Сципионом и поэтому прошел как можно севернее вдали от моря. На самом деле мы не знаем, какой перевал выбрали карфагеняне (об этом спорили даже в древности), но как бы то ни было, они столкнулись с воинственными горцами и рано выпавшим снегом. Переход по снегу вызвал большие трудности у людей и животных. Спуск оказался так же опасен, как и подъем, так как он осуществлялся по узкой и крутой дороге. Из-за свежего снега, выпавшего поверх старого, идти стало очень опасно. Как-то перед наступающим войском случился оползень, который снес часть тропы, и люди в страхе застыли перед образовавшейся пропастью. О возвращении даже не думали, но как идти вперед? Дорога завела в тупик.

Ганнибал не согласился уступить силам природы. Он велел расчистить снег у самого гребня горы и разбить лагерь. Ливий пишет: «Необходимо было пробивать тропинку в скале – единственном месте, где можно было пройти. А так как для этого нужно было ломать камень, то они валят огромные деревья, которые росли недалеко, и складывают небывалых размеров костер. Обождав затем появления сильного и благоприятного для разведения огня ветра, они зажигают костер, а затем, когда он выгорел, заливают раскаленный камень уксусом, превращая его этим в рыхлую массу. Потом, ломая железными орудиями растрескавшуюся от действия огня скалу, они делают ее проходимой, смягчая плавными поворотами чрезмерную ее крутизну, так что могли спуститься не только вьючные животные, но и слоны».

Внезапно это испытание закончилось. Грязные, замерзшие и изголодавшиеся воины оказались среди солнечных альпийских пастбищ с лесами и чистыми реками. Ганнибал дал три дня на отдых, чтобы прийти в себя и вымыться, а затем армия продолжила спускаться на равнины, где, по словам Ливия, все «мягче делался и климат страны, и нравы жителей».

Известия о прибытии Ганнибала с многочисленной армией на итальянскую землю взбудоражили общественное мнение, поскольку последней новостью, которую слышали о нем в Риме, было известие о захвате Сагунта. Несмотря на то, что кельты постоянно переходили через Альпы туда и обратно, все сильно удивились, как Ганнибал смог с огромной армией перейти через горы зимой. Теперь, вместо того чтобы вести кампанию в Испании, сенату пришлось думать о том, как сражаться в своем глубоком тылу. Он отменил вторжение в Африку и приказал Семпронию немедленно выезжать на север. Дело осложнялось еще и тем, что вместо обычных посредственных военачальников Первой Пунической войны перед ними оказался Ганнибал – стойкий, храбрый и стремительный полководец. Однако за этот потрясший всех триумф он заплатил высокую цену. За пять месяцев, прошедших после его ухода из Испании, Ганнибал потерял более половины своей армии. Как мы уже знаем, карфагеняне начали свой поход с 50 000 пехотинцев и 9000 всадников. После переправы через Родан численность уменьшилась, соответственно, до 38 000 и 8 000. До долины полноводной реки Падус дошли только 20 000 пехотинцев и 6000 всадников, а также немного слонов. Ганнибал лишился значительной части своих запасов вместе многими вьючными животными. Однако он не утратил присутствия духа и сразу же начал вербовку новобранцев из недовольных кельтских племен Северной Италии, которые рассматривали его как освободителя от римских завоевателей. Вскоре в его рядах оказались 14 000 новых добровольцев. Успешные действия конницы в сражении у реки Тицин убедили кельтов, что они поддерживают победителя. Среди римлян находился и осторожный Сципион, который едва не погиб. К счастью, рядом с ним оказался его семнадцатилетний сын Публий. Полибий описывает это так: «Для охраны отец дал ему отряд отборной конницы. И вот, когда Публий во время сражения увидел, что на отца его напали два или три неприятельских всадника, первым решением его было послать свой отряд на помощь отцу; но уstraшенные многочисленностью неприятеля, воины его некоторое время медлили, и он, говорят, один с изумительной отвагой понесся на врагов, окружавших его отца».

Затем его товарищам стало стыдно, они бросились за ним в схватку и спасли его отца. Из-за ранения (хотя оно было не смертельным) Сципион ушел с поста командующего.

Командовать легионами поручили его напарнику, неосторожному и самонадеянному Семпронию. Ганнибалу повезло.

Однажды в декабре незадолго до дня зимнего солнцестояния выдалось холодное утро со снегом и порывами ветра. Прошлой ночью прошел сильный дождь, и река Треббия со всеми ее притоками сильно разлилась. Ганнибал решил использовать погоду для своих целей.

Две армии, карфагенская и римская, численностью около сорока тысяч человек в каждой, расположились лагерем по обе стороны от реки. Равнинная и безлесная местность очень

хорошо подходила для сражения, однако карфагенский полководец заметил, что эту равнину пересекал ручей, текущий в овраге с высокими берегами, заросшими терновником и разными колючими кустами. В этом месте вполне можно было спрятать довольно крупный отряд воинов. Ганнибал велел собрать отряд из тысячи всадников и такого же числа пехотинцев, командовать которым назначил своего младшего брата Магона.

Вечером перед сражением, после наступления темноты, когда войны закончили свой ужин, собранный отряд под дождем пробрался к месту засады. С утра несколько нумидийских всадников переправились через реку и бросили дротики в римский лагерь. Они должны были своими действиями вынудить консула Семпрония выстроить свою армию до принятия пищи, перейти через Треббию и начать сражение. Семпроний стремился поскорее закончить сражение, так как срок его полномочий истекал в конце года, поэтому он обрадовался такому положению дел.

Легионы кинулись переходить быстротекущую реку и строиться в боевой порядок. Все это, по-видимому, заняло несколько часов. Римские воины промокли и замерзли, а кроме того, остались голодными. У карфагенских воинов, напротив, было время, чтобы согреться у больших костров, разложенных перед шатрами. Они неторопливо позавтракали и приготовили своих коней. Воинам также выдали немного оливкового масла для растирания, чтобы тело сохранило гибкость.

После всего этого исход сражения оказался уже predetermined. Пехотинцы сошлись с друг другом в центре и начали сражение с переменным успехом, в то время как карфагенская конница на флангах вскоре потеснила римскую. Фланги легионов оказались открытыми для нападения. И тут внезапно появился засадный отряд Магона и напал на них с тыла. Несмотря на то, что десять тысяч римских легионеров прорвали линию обороны неприятельских войск и ушли с поля боя в полном боевом порядке, сражение оказалось проиграно. Более половины римских воинов погибли.

Среди карфагенцев меньше всего погибло иберийцев и африканцев, а недавно принятые на службу кельты понесли тяжелые потери. К несчастью зима оставалась очень суровой, в последующие дни часто случались дожди и шел снег, что также привело к потерям. Гибли люди и лошади. При такой погоде Ганнибал, верхом на единственном выжившем слоне, двинулся на юг через болота в Этрурию. Он страдал от сильной боли, возникшей из-за воспаления глаза, и, в конце концов, один глаз его ослеп.

Но, несмотря ни на что, он все-таки победил римлян. Сенат никогда еще не был так встревожен и возбужден. Римляне призвали в армию сто тысяч человек и, опасаясь возможных нападений, разместили войска на Сицилии, Сардинии и в самом Риме. Таким образом они восполнили потери, понесенные четырьмя консульскими легионами у Треббии. Однако время было тревожное. Рассказывали, что произошло много знамений, суливших Риму разные несчастья. У посвященного Геркулесу священного источника в этрусском городе Цере нашли пятна крови, после чего провели умиротворительный лектистерний (*lectisternium*) – пиршество богов, когда на ложе перед изображением божества расставляли разные угощения. Дорогие приношения принесли в святилища недружественной римлянам Юоны. Это видимо может служить подтверждением того, что Ганнибал хорошо провел разъяснительную работу.

Тразименское озеро в Этрурии представляло собой мелководный водоем с заболоченными берегами. В озере водились щуки, карпы, лини, а по берегам летали тучи малярийных комаров. Вдоль северного берега тянулась линия холмов с крутыми склонами. На западе высоты плавно понижались до самого берега (близ нынешней деревни Боргетто в комунне Туоро). Здесь вдоль берега озера тянулась на полтора километра небольшая равнина, к которой дальше снова примыкали непроходимые высоты с несколькими проходами. За ними проходила дорога на юг.

Весной 217 года карфагенская армия, отдохнувшая после всех своих зимних испытаний, прошла через Этрурию, опустошая все те области, где она прошла. Карфагеняне обошли римскую армию во главе с новым консулом, Гаем Фламинием, который сразу же начал преследовать их по горячим следам. Ганнибал дошел до озера и повернул на восток в узкий проход. Его осенила идея, что здесь идеальное место для засады, если только консул окажется достаточно безрассуден, чтобы попасть в очевидную ловушку. Карфагеняне часто старались предвидеть действия вражеских военачальников и разрабатывать свою тактику на основе характерных особенностей их личности. Ганнибал узнал, что Фламиний имел некоторый военный опыт, но, будучи плебеем, при руководстве войсками он видимо проявлял раздражительность и нетерпеливость. Он очень возмущался тем, что его легионам пришлось идти по опустошенной местности, и теперь жаждал мщения.

Расчет Ганнибала оправдался. Фламиний видел, что карфагенская армия вошла в узкий проход, и сразу же двинулся вслед за ней, считая, что обе армии выйдут на равнину. Он даже увидел, как Ганнибал разбивает свой лагерь у дальнего края озера, однако большинство своих войск Ганнибал скрытно разместил на холмах с узкими проходами, где не было никакой возможности для маневрирования.

Рано утром 21 июня Фламиний построил свои войска в походную колонну и повел их вдоль берега озера. Он не позаботился о том, чтобы выслать вперед разведчиков. Видимость ухудшилась, поскольку на озеро и его берега напал густой туман. Таким образом, когда карфагеняне внезапно спустились со склонов, римская армия оказалась в полном смятении. Они плохо понимали, как противник обрушился на них, и почти ничего не смогли сделать для своей защиты. Однако сражение, или, что более точно, резня, продолжалось в течение трех часов. Фламиний отважно сражался, но, в конце концов, пал от удара кельтского копья. Ливий описывает это так: «Гибель консула стала началом конца. И тут началось почти повальное бегство: ни озеро, ни горы не были препятствием для потерявших от страха голову; люди, словно ослепнув, неслись по крутизнам и обрывам и стремглав скатывались вниз друг на друга вместе с оружием. Там, где пройти было тесно, шли, где пришлось, – вброд, через болото, пока вода не доходила до плеч и до горла; некоторых безрассудный страх толкнул искать спасения вплавь; решение безнадежное: плыть надо было долго, люди падали духом, их поглощала пучина, или, зря истомившись, они с трудом возвращались на отмели, где их избивала вражеская конница, вошедшая в воду».

Первым рядам римлян удалось прорваться через карфагенские боевые порядки и убежать на холмы, однако остальные 15 000 римлян погибли, в то время как Ганнибал потерял всего 1500 человек. Когда известие об этом достигло Рима, то никто уже не пытался скрыть истинный масштаб катастрофы. Претор вышел на Форум и объявил со свойственной ему краткостью: «Мы проиграли большое сражение» (*Magna pugna victi sumus*).

Прошел год, и наступило 2 августа 216 года. Место предполагаемого сражения представляло собой ветреную пыльную равнину. Она находилась Апулии в нескольких километрах от адриатического побережья. В разгар лета в Южной Италии стояла сильная жара, и везде слышался постоянный стрекот цикад. На площади в 13 квадратных километров встретились друг с другом две армии, общая численность которых составляла около 150 000 человек. Начиналось одно из крупнейших сражений в мире, которое спустя сотни лет вдохновляло многих полководцев. Сегодня вряд ли можно найти военное учебное заведение, где это сражение не включено в учебный план.

После сражения у Тразименского озера и двух поражений подряд римляне пали духом. На шесть месяцев назначили диктатора. Им стал «бородавчатый» Фабий Максим. Видимо он любил собирать прозвища, поскольку кроме «Веррукоза» его также называли «Овикула», или

«Овечка». Как писал Плутарх, это прозвище «ему дали еще в детстве за кроткий нрав и неторопливость. Спокойный, молчаливый, он был чрезвычайно умерен и осторожен в удовольствиях, свойственных детскому возрасту, медленно и с большим трудом усваивал то, чему его учили, легко уступал товарищам и подчинялся им, и потому людям посторонним внушал подозрения в вялости и тупости... Но мнимая его бездеятельность говорит о неподвластности страстям, осторожность – о благоразумии, а недостаточная быстрота и подвижность – о неизменном, надежнейшем постоянстве».

По мнению Цицерона, «для римлянина» он много читал.

Фабий сформировал два новых легиона и, добавив их к существующим римским и союзным войскам, принял командование над армией в сорок тысяч человек. Он проводил разумную, но крайне непопулярную тактику – преследовал Ганнибала, избегая вступать с ним в битву. Фабий стремился измотать врага в надежде, что в какой-то момент он обязательно совершит роковую ошибку и потерпит поражение. Такая тактика сразу же оправдала себя, поскольку Фабий окружил карфагенян в гористой местности. Однако Ганнибал не отчаялся и после наступления ночи велел привязать горящие факелы на рога двум тысячам коров и гонять испуганных животных туда сюда по вершинам гор. Эта хитроумная уловка сработала. Римляне думали, что противник собирается напасть на них, в то время как карфагеняне сумели выйти из окружения под покровом ночи.

Тактика сдерживания позволила немолодому диктатору обучить свои новые войска и выиграть время, чтобы республика вышла из тяжелого морального состояния. Однако общественное мнение очень скоро настроилось против Фабия, который после окончания своего шестимесячного срока ушел в отставку. В результате у Рима оказалась огромная армия численностью 87 000 человек, то есть восемь легионов, и почти такое же количество союзных войск. Теперь римляне превосходили Ганнибала, армия которого насчитывала только 50 000 тысяч человек.

Два консула, сменившие Фабия, имели совершенно разные взгляды на план военной кампании. Представитель одного из древнейших патрицианских родов Луций Эмилий Павел, так же, как и Фабий, полагал, что Ганнибал неизбежно столкнется с голодом во время зимовки в Южной Италии. Однако выходец из плебеев, Гай Теренций Варрон, не одобрял тактику изнурения противника. Он утверждал, что Рим должен максимально использовать численное преимущество своей армии и как можно скорее вызвать противника на полномасштабное сражение.

Консулы обнаружили Ганнибала в районе небольшого городка Канны в Апулии среди пыли и цикад. По установленным правилам консулы поочередно командовали в течение одного дня. Когда Ганнибал вывел свою армию и предложил начать сражение, командовал Павел, и он отклонил предложение. На следующий день это же предложение принял Варрон. Сразу же после восхода солнца он вывесил над своим шатром красное знамя – вексиллум (*vexillum*), которое служило традиционным сигналом к сражению. Варрон построил свою армию. Конница расположилась на флангах, а пехота – в центре, при этом правый фланг примыкал к реке, а левый – к склону холма.

Ганнибал внимательно посмотрел на противника и заметил, что пехота выстроилась на очень небольшой площади, поэтому она имела большую глубину построения и очень тесно стояла по фронту. Ей было очень трудно маневрировать. Карфагенский полководец выстроил свои войска так, чтобы использовать эту возможную слабость. Он выставил свою кельтскую и испанскую пехоту напротив римского центра таким образом, что она оказалась выгнута дугой в сторону противника. Позади нее на обоих флангах, невидимых с фронта, он разместил два подразделения своих лучших войск – надежную и хорошо обученную ливийскую пехоту. На

флангах его конница должна была сражаться с римской.

Когда началось сражение, римский центр стал оттеснять кельтов и испанцев, так что их линия построения изменилась с выпуклой дуги на вогнутую. Римская пехота, желая расширить себе пространство для битвы, необдуманно продвигалась все дальше вперед, пока с обеих сторон у нее не оказались ливийцы. После этого ливийская пехота обошла римлян и ударила по ним с тыла.

Тем временем конница Ганнибала на его левом фланге разгромила римскую конницу, которой командовал консул Павел. В строгом порядке победоносные кельтские и испанские всадники разделились и прошли позади римской армии, чтобы напасть на вражескую конницу на правом фланге. Последняя в панике бежала. Затем они разделились второй раз и атаковали с тыла римскую пехоту, которая теперь оказалась окруженной со всех сторон.

Остальная часть сражения представляла собой многочасовую кровавую бойню. Плотная толпа римских легионеров и их союзников постепенно редела. Павел храбро бился до последнего дыхания и погиб, сраженный камнем из пращи, тогда как Варрон с семьюдесятью всадниками сумел бежать. Он собрал всех отставших и взял на себя общее руководство тем, что осталось от армии. Когда он возвратился в Рим, оказалось, что народ приветствовал «его за то, что он не отчаялся в республике». Варрон продолжал получать общественные назначения, однако он больше никогда не возглавлял консульскую армию. Таков был Рим со своим великодушием.

Спасти от массовой резни удалось еще одной многочисленной группе, среди которой оказался девятнадцатилетний Публий Сципион. Он угрожал убить нескольких молодых аристократов, которые вели разговоры о бегстве в другие страны, и вынудил их поклясться, что они никогда не покинут свою родину.

На поле битвы остались лежать семьдесят тысяч римлян. Погибли двадцать девять старших командиров и восемьдесят сенаторов. Битва при Каннах стала самым страшным военным поражением в истории Рима. Сразу после этого поражения греческие полисы и местные племена Южной Италии изменили Риму и присягнули на верность Карфагену. Риму изменили также известный город Капуя и другие города Кампании. После смерти престарелого Гиерона свой давний союз с Римом разорвали Сиракузы. В результате хитроумного обмана карфагеняне захватили Тарент (однако римские войска сохранили за собой крепость и контроль над гаванью).

Рим охватило религиозное возбуждение и захлестнули разные предзнаменования и чудеса. По какой-то непонятной причине боги сильно разгневались на римлян. В Дельфы отправили посланников за советом, а в самом городе, чтобы возратить божественную милость, живьем похоронили грека с гречанкой и галла с его соплеменницей. Такое жестокое деяние является следствием крайней степени отчаяния и истерии, поскольку в римских религиозных обрядах человеческие жертвоприношения почти никогда не совершались.

Все понимали, что Римская республика оказалась перед лицом полного поражения.

13. Птица без хвоста

Казалось, что Канны стали концом для Рима, ведь тогда еще никто не знал, что до заключения мира пройдет много лет, и римляне, в конце концов, выиграют войну. Так случилось, потому что победа Ганнибала зависела от двух обстоятельств, и оба они сложились не в его пользу. Эти обстоятельства – предполагаемая измена Риму его итальянских союзников и прибытие подкрепления из Испании.

Во-первых, справедливое соглашение Римской республики с завоеванными ею народами

Центральной Италии принесли определенную выгоду. Республика все еще могла призвать на службу в свои войска большое число людей. Во-вторых, в течение семи лет бывший консул Сципион и его брат Гней не прекращали вести военные действия в Испании. Они уничтожали с таким трудом завоеванную империю Гамилькара Барки и не давали брату Ганнибала Гасдрубалу отправлять войска в Италию. Резервы Карфагена были на исходе.

Быть может, наиболее важным обстоятельством из всех стало безрассудное стремление республики к сопротивлению. После череды побед Ганнибал (как и Пирр до него) ожидал, что римляне совершат благоразумие и договорятся с ним о мире. Он не понимал, что при поражении они проявляли наибольшее упорство. Даже когда их сбивали с ног, они не собирались сдаваться. Карфагенский полководец предложил выкупить всех пленных, взятых в битве при Каннах, но сенат вообще отказался что-то обсуждать с неприятелем, даже при том, что это могло привести к рабству или казни многих граждан Рима и союзных с ним государств.

К 211 году римляне вернули себе значительную часть утерянных позиций. Римляне снова обратились к тактике Фабия Максима и стали избегать полномасштабных сражений. Он получил новое прозвище «Кунктатор», или «Замедлитель», которое, по признанию римского поэта II века Энния, стало знаком гордости. Он замечательно написал о Фабии, что один человек промедлением спас государство: *Unus homo nobis cunctando restituit rem*.

Римляне набрали новые легионы, но теперь их не стали объединять в многочисленные армии, а разделили на небольшие отряды, которые со всех сторон набрасывались на врага и по мере возможности кусали его как собаки. После неудачной попытки заставить римлян снять осаду Капуи и вернуть себе этот город, Ганнибал подошел к самому Риму. Он расположился в пяти километрах от города, а затем в сопровождении конницы подъехал к Коллинским воротам. Ганнибал перебросил через стену копьё, так как он очень хорошо знал, что такой жест означал скорее желание, а не его исполнение. Около ворот стояло много храмов, один из которых был посвящен Фортуне. Карфагенянин предоставил эту ненадежную богиню самой себе, но оказал знаки почтения святилищу Геркулеса, воплощением которого он оставался. Многие считали, что этот поступок представлял собой что-то вроде пропагандистского хода, поэтому через несколько лет в целях безопасности этот храм перенесли с Капитолия. Рим со своими высокими стенами захватить было невозможно, однако сам приход Ганнибала к его воротам стал ужасным событием.

Римляне жестоко расправлялись с теми городами, которые сопротивлялись римским войскам. Капуя пала. Большинство граждан этого города разбрелись без всякой надежды на возвращение, все их владения конфисковали, а правителей города подвергли порке и казнили. В результате богатый и знаменитый город превратился в небольшое сельскохозяйственное поселение, которым управлял римский чиновник.

После осады способный и в какой-то мере отчаянный военачальник Марк Клавдий Марцелл захватил Сиракузы. Видимо перед падением города он посмотрел на него с вершины холма и заплакал, сожалея о том разрушении, которому он намеревался подвергнуть этот город (здесь Марцелла можно сравнить с героями стихотворения Льюиса Кэрола «Морж и Плотник»). В результате он награбил столько картин и статуй, что стал хвастаться, что именно он научил непросвещенных римлян ценить греческое искусство. Во время разграбления города Марцелл опечалился из-за непреднамеренной гибели выдающегося, но рассеянного ученого и математика Архимеда. Архимед так увлекся схемой, которую чертил на песке, что не заметил творящегося вокруг него насилия и грабежа. Проходящий мимо воин убил его.

В 209 году Тарент, захваченный Ганнибалом, снова оказался в руках Фабия. Римляне разграбили город и захватили в нем огромное количество добычи. Фабий гораздо меньше Марцелла интересовался искусством. Когда Фабия спросили, что делать с несколькими

статуями божественных покровителей города, он ответил: «Гарентинцы могут оставить у себя своих богов, которые явно разгневались на них».

Теперь Ганнибалу после проведения своих летних военных кампаний приходилось зимовать на южной оконечности Италии. Это стало молчаливым признанием того, что он больше не мог свободно передвигаться там, где хотел.

Но вот перспективы карфагенян в Испании резко переменялись в лучшую сторону. В течение нескольких дней в двух сражениях один за другим потерпели поражения и погибли братья Сципионы. Все то, что они захватили к югу от реки Ибер, оказалось потеряно. Но если бы карфагенские военачальники хотя бы как-то могли сотрудничать друг с другом, то они бы, скорее всего, вообще изгнали римлян с Пиренейского полуострова.

Народ в Риме оплакивал двух погибших героев, и никто не представлял, что же делать дальше. Люди устали от войны, и некоторые опустошенные союзники римлян сообщили, что они не могут отправить необходимые войска для подкрепления легионам. Надо было решить главный вопрос, кто сможет заменить Сципионов. По словам Ливия, сенат так и не смог договориться, кого назначить командующим в Испанию, и передал этот вопрос решать народу. Такое самоустранение было не свойственно сенату. Скорее всего, общественное мнение одобрило своего кандидата, а правящий класс не согласился с ним, поэтому сенат как бы самоустранился от решения.

В данном случае имел место прецедент назначения на высокую должность человека с улицы. Именно таким человеком был сын бывшего консула Сципиона, Публий, подающий большие надежды. Во время выборов на высшие государственные посты не выдвинули ни одного кандидата, и Публий вдруг объявил, что он притязает на эту высокую должность. Его знали как храброго воина, участника сражений при Требии и Каннах, но ему было всего двадцать четыре года. Согласно правилам, он был слишком молод для этой должности. Однако он отклонил такую несущественную причину, поскольку несколькими годами ранее его избрали на должность эдила. Всем тем, кого беспокоил его молодой возраст, он ответил с некоторым высокомерием: «Если народ решил назначить меня эдилом, то я уже достаточно стар».

Молодой человек с большим воодушевлением выступил перед народным собранием. Он сказал, что остался единственным Сципионом, который мог бы отомстить за своего отца и дядю, и обещал не только вернуть Испанию, но завоевать Северную Африку и сам Карфаген. Это выглядело как хвастовство, но все же вселило надежду его слушателям. В результате после единодушного голосования Публий получил должность командующего как частное лицо, облеченное властью (*privatus cum imperio*). Он сразу же понял, что старейшины обеспокоены его выбором, так как народ избрал его под впечатлением его слов. Поэтому в своем следующем выступлении он согласился уступить эту должность, если появится какой-нибудь более опытный кандидат старше его. Это выбило у сомневающихся почву из-под ног. Как он и ожидал, никто не осмелился вызвать недовольство у собравшихся граждан. Воцарилось молчание, которое и подтвердило его избрание.

Сципион представлял собой новый тип римлянина – энергичный, привлекательный, цивилизованный и гордый за свое культурное наследие. Даже на этом раннем этапе его деятельности все видели, что он был исключительно одаренным человеком. Получив греческое образование, он был страстно привержен традициям Рима.

Сципион ясно понимал свое предназначение и всегда утверждал, что перед принятием какого-нибудь важного решения он всегда советовался с богами. Если для обычного римлянина религия представляла собой ряд суеверных правил, разработанных для умиротворения непредсказуемого божества, то он, по-видимому, обладал, или утверждал, что обладает, скорее

греческим, больше мистическим пониманием сверхъестественного. Сколько бы у него не было дел в Риме, он всегда находил время для посещения капитолийского холма, где он сидел в одиночестве, общаясь со сверхъестественными силами. Говорят, что храмовые псы никогда не лаяли на него. Ему нравилось создавать впечатление, что в его происхождении было что-то божественное. Ходили слухи, что когда Сципион был младенцем, по нему проползла змея и никак не навредила ему (повтор легенды о детстве Александра Великого).

Историк Полибий был другом семьи Сципионов, но он был рационалистом и полагал, что Сципион действовал очень расчетливо, а может быть даже цинично. В этом есть доля истины, поскольку Сципион, так же как и Ганнибал, очень много сил уделял созданию и поддержанию своего образа. Однако наиболее действенная пропаганда всегда основана на правде. Вполне возможно, что этот талантливый и высокомерный молодой патриций искренне верил в то, что он должен стать известным.

Сципион оказался замечательным полководцем. Прибыв в Испанию, он узнал, что три карфагенских армии находились в разных частях полуострова, и все они были на расстоянии более десяти дней пути до карфагенской столицы – Нового Карфагена. Решившись на смелый шаг, новый командующий провел свои легионы на большой скорости несколько сотен километров от реки Ибер до столицы, а затем осадил город. Он построил земляные валы с восточной стороны города – с суши – и стал нападать на город с этого направления.

На самом деле эти нападения представляли собой одиночные вылазки, поскольку Сципион узнал от местных рыбаков, что лагуна севернее того мыса, на котором располагался город, была довольно мелководной. Ее можно было даже перейти вброд, особенно ранним вечером, когда вода из нее уходила по каналу в залив, находящийся южнее города. (По-видимому, вода уходила из-за ветра, который регулярно поднимался в это время года.) Сципион велел специально подготовленному отряду переправиться через лагуну с раздвижными лестницами и совершить внезапное нападение на защитников города. Он обещал вознаграждение тем воинам, которые первыми поднимутся на стены, и, по своему обыкновению, поведал им, что такой план нападения предложил ему не кто-нибудь, а сам морской бог Нептун. Все прошло, как и задумывалось: уровень воды понизился, воины вошли в город, открыли ворота и впустили легионы.

Затем Сципион поступил не так, как было свойственно римлянам. Население Нового Карфагена не разделило участь жителей Капуи, Сиракуз и Тарента. Как только защитники города сдались, убийства мирных жителей сразу же прекратились. Легионерам дали строго установленное время на грабежи, и по его окончании грабежи прекратились. Жителей не убивали, более того, им разрешили возвратиться в свои дома (в которых, конечно же, не осталось никакого ценного имущества). Римский военачальник освободил всех заложников, которые содержались у карфагенян в знак хорошего расположения к ним иберийских племен. За такое разумное милосердие Сципион завоевал всяческие похвалы, и большинство иберийских племен не упустило случая перейти на сторону своего недавнего противника.

В 208 году, чтобы остановить массовый переход племен к неприятелю, карфагенский главнокомандующий, Гасдрубал, дал сражение при Бекуле (видимо, современный Байлен к северу от Хаэна). Понимая, что его могут обойти с фланга, Гасдрубал покинул поле боя и двинул почти все свои войска – не более половины от первоначальных двадцати пяти тысяч человек – в длительный переход в Италию, чтобы присоединиться к своему брату. Наконец он смог отправить Ганнибалу подкрепление. Он пытался сделать это много лет, невзирая на то, что этот шаг обязательно привел бы к опасному положению в Испании. Сципион не стал преследовать его, опасаясь подхода двух карфагенских армий, оставшихся в этой области.

После победы все племена приветствовали Сципиона как царя. Для римлянина очень

опасно было принимать такое звание. В какой-то момент он не оставил это без внимания и вызвал вождей на встречу. Он сказал им: «Хотя я и желал бы казаться для всех и быть на самом деле человеком с царской душой, но не желаю ни быть царем, ни именоваться таковым». Другими словами, они могли считать его царем, но при этом не называть его так. Человек, достигший такого успеха, в какой-то момент начинает считать себя выше установленных правил поведения. У Сципиона имелись все возможности, чтобы стать тираном греческого типа. Это могло стать опасным примером для более посредственных личностей в последующие годы.

Римляне быстро разделались с карфагенским подкреплением из Африки, в 208 году Сципион встретился с ним около Илипы (близ нынешней Севильи). Уступая противнику в численности, Сципион решил применить окружение, которое использовал Ганнибал при Каннах. Прошло несколько дней, и каждое утро армии обоих противников выстраивались в боевой порядок, но не начинали сражения. Каждый раз Сципион располагал своих наиболее искусных легионеров в центре, а более слабых иберийцев – на флангах, против иберийцев, выступавших за карфагенян. И однажды он очередной раз вывел свои войска из лагеря, но на этот раз иберийцы оказались в центре, а римская пехота – на флангах (и конница – на дальних флангах). Скорее всего, он хотел, чтобы этот маневр охвата с фланга совершила более организованная, обученная и дисциплинированная часть войска.

Карфагенский военачальник (он также носил имя Гасдрубал, что может ввести в заблуждение) действовал по обыкновению и не сразу заметил изменение в боевом порядке Сципиона. Когда он обнаружил его, то что-то менять было уже слишком поздно. На этот раз римский командующий вступил в сражение. Его конница и легионы отошли влево и вправо и перестроились в колонну, а затем охватили фланги карфагенян. Тем временем римская конница отогнала карфагенскую конницу, а легионы снова перестроились из колонны в линию и напали на карфагенских иберийцев на флангах, которые дрогнули и побежали. Легионы продолжали окружать с флангов карфагенский центр, пока тот пытался отразить фронтальную атаку иберийской пехоты Сципиона. Вскоре карфагенская армия превратилась в беспорядочно разбегающуюся толпу.

Теперь вся Испания принадлежала Риму. Задача Сципиона была решена, и он отправился по морю на родину. Сражение при Илипе показало, что он обладал тремя качествами великого полководца: нестандартным мышлением, стремлением к основательной подготовке и приверженностью к напряженной боевой выучке. Наконец в Риме появился достойный соперник Ганнибала.

Гасдрубал быстро укрепил свои войска в Италии, куда он прибыл в 207 году. Он взял на службу галлов, живущих в долине По, в результате чего численность его армии достигла почти тридцати тысяч человек. Он отправил на юг шесть всадников с письмом к своему брату, где сообщалось, что две карфагенские армии должны встретиться в Умбрии. Посланники сбились с пути и оказались в руках отряда римлян, который собирал продовольствие в окрестностях Тарента. Прочитав письмо, консул, следящий за Ганнибалом, скрытно от карфагенян отделил часть своей армии. Он отправился на север для соединения со вторым консулом, который встретился с Гасдрубалом у реки Метавр (ныне Метауро в области Марка). Консул прибыл ночью незамеченный противником, однако на следующий день Гасдрубал почувствовал какие-то изменения. Как написал Ливий: «А враги уже стояли перед своим лагерем, готовые к бою. Но битва не начиналась – Гасдрубал с несколькими всадниками выехал к передовым постам; он заметил в войске врага старые щиты, каких раньше не видел, как и отошавших коней; само войско выглядело многочисленнее обычного. Догадываясь, в чем дело, он поспешил дать отбой».

Опасения Гасдрубала подтвердились числом церемониальных консульских сигналов трубы. Когда ему сказали, что утром слышали два сигнала, а не один, то он понял, что в лагере находятся оба консула. Он верно предположил, что один из консулов тайно прибыл сюда с юга вместе со своей армией. Гасдрубал очень беспокоился о брате, считая, что тот мог потерпеть поражение и погибнуть.

Теперь, когда противник превосходил его по численности, у карфагенского командующего не осталось выбора, кроме как отступить. Это для него было лучше всего. С наступлением темноты он ушел и приказал, чтобы воины собирали свое имущество очень тихо. Проводники Гасдрубала бежали, и вскоре армия сбилась с дороги. Римляне нагнали ее и в следующем сражении разбили карфагенян. Гасдрубал храбро сражался и, как написал Ливий, не хотел пережить уничтожение своей армии. Он пришпорил коня и поскакал в самый центр вражеской когорты. Полибий отдал ему щедрую дань уважения: «Если же судьба отнимала всякую надежду на лучшее будущее и вынуждала его идти в последний бой, Гасдрубал в предварительных действиях и в самой битве не оставлял без внимания ничего, что могло бы доставить ему победу, вместе с тем и в такой же мере он думал и о возможности поражения, чтобы в этом случае не склониться перед обстоятельствами и не позволить себе чего-либо, недостойного прежней жизни».

Голову Гасдрубала мумифицировали и отвезли на юг. Там ее бросили перед одним из военных постов Ганнибала. Римляне освободили двух карфагенских пленных и отправили их к Ганнибалу, чтобы рассказать обо всем том, что произошло. Рассказывают, что он в отчаянии воскликнул: «Узнаю злой рок Карфагена».

В последнем оплоте Ганнибала, в Бруттии, находился знаменитый храм Юноны. Эта богиня давно ненавидела Рим и, как мы уже видели, являлась основой карфагенской пропаганды. Ливий сообщает, что храм «стоял в густой роще, огражденный высокими пихтами; в середине ее было роскошное пастбище, где без всяких пастухов пасся всякий скот, посвященный богине». Здесь в 205 году карфагенский военачальник, который серьезно относился к созданию собственного образа, установил алтарь. На нем он подробно описал все свои деяния на греческом и на карфагенском языках, создав своего рода «деяния» (*res gestae*). Возможно, теперь это выглядит не столько хвастовством, сколько эпитафией потерянными надеждам.

Если верить Цицерону, то Ганнибал чуть было не совершил оскорбление божества. В храме стояла золотая колонна. Ганнибал захотел узнать, была ли она полностью золотая или только позолоченная. Для этого он велел просверлить ее. Когда он обнаружил, что она действительно из чистого золота, Ганнибал решил ее вынести. Однако во сне карфагенскому полководцу явилась разъяренная богиня и предупредила его, что, если он не оставит в покое колонну, то она позаботится о том, что он потеряет свой единственный глаз, который хорошо видит. Ганнибал подчинился. Из высверленного золота он велел сделать статуэтку телушки и поставить ее на вершину колонны.

Что можно вынести из этой истории? Она явно взята из прокарфагенского источника. С одной стороны, она укрепляет доверие к Ганнибалу, так как он повел себя достойно и уступил пожеланиям Юноны. Однако по мере того, как Карфаген приближался к своему концу, эта история также отражает охлаждение отношений между Ганнибалом и богиней.

Римляне понимали, что поддерживать хорошие отношения с Юноной отвечало их интересам. Двумя годами ранее в ее знаменитый храм на Авентинском холме попала молния. Чтобы умиротворить богиню, организовали специально разработанную церемонию: по улицам прошло шествие, которое возглавляли несколько белых коров. За ними несли две древних статуи Юноны, а двадцать семь девственниц в ее честь спели гимн. Коров принесли в жертву.

Богиня приняла это самое богатое приношение на своем жертвенном столе и обрушила свой гнев на потомков троянцев. Наконец, несчастливые последствия суда Париса и предательства Энеем царицы Дидоны достигли окончательного результата.

Поэтому пессимизм Ганнибала вполне оправдан. Новые попытки восстановить свою побежденную армию ни к чему не привели. Он больше ничего не мог предпринять и теперь оказался не у дел. Прославленный своими завоеваниями полководец разыграл свою последнюю карту.

Когда-то казалось, что битва при Каннах является поворотным моментом мировой истории, однако теперь наиболее высокую оценку получило сражение при Метавре. Карфаген вступал в завершающий этап своей истории. Теперь это стало очевидным для всех, включая царицу небес.

Приближается конец истории. Вернувшись в Рим, Сципион, будучи частным лицом, наделенным полномочиями (*privatus cum imperio*), не проводил триумф, потому что он не был ни претором, ни консулом. Однако, в качестве некоторой компенсации, его легко избрали консулом на 205 год. Он получил Сицилию в качестве провинции или поля деятельности. Ему разрешили вторгнуться в Африку, если он сочтет это целесообразным. Разрешение дали неохотно, поскольку старый «Медлитель» Фабий Максим неодобрительно относился к легкомысленным азартным играм. Он доказывал, что лучше было бы добиваться изгнания Ганнибала из Италии.

Сципион категорически не соглашался с этим, утверждая, что поскольку карфагенская армия сохранилась, а измученные войной люди, конечно же, потребуют быстрого заключения мира, то Карфаген останется в качестве значительного самостоятельного государства, как это было в конце Первой Пунической войны. Сципион же стремился сделать Рим хозяином Западного Средиземноморья, а это означало поставить Карфаген в полностью зависимое положение. Но, чтобы этого достигнуть, надо было одержать решающую победу в Африке.

Весной 204 года Сципион высадился на карфагенской территории с армией численностью 35 000 человек и осадил крупный город Утика. В первое время у него была слабая конница, и хотя новый союзник, молодой нумидийский вождь Масинисса, прислал ему нескольких всадников, почти год ничего не делалось. Прошли мирные переговоры, которые не привели ни к каким результатам, однако дали римлянам некоторую побочную выгоду. Римским военачальникам удалось посетить два вражеских лагеря, узнать, из чего они были построены (дерево и тростник) и где расположены. Однажды ночью, во время дерзкого набега, римские воины подожгли эти лагеря и нанесли большие потери противнику. Многие жертвы даже не поняли, что этот пожар произошел не из-за чьей-то оплошности, а явился результатом поджога. А ведь если бы такую хитрость организовал Ганнибал, то римляне осудили бы ее как типичное карфагенское вероломство.

В следующем году Сципион одержал победу в полномасштабном сражении. Несмотря на численное преимущество противника, он, используя блестящую тактику Ганнибала, сумел оттеснить вражеские фланги и окружить пехоту в центре. Затем согласовали условия прекращения войны. Карфаген должен был выдать всех пленных, вывести войска из Италии и Галлии, оставить Испанию и все острова между Италией и Карфагеном, передать весь свой флот (за исключением двадцати судов) и выплатить крупную компенсацию в пять тысяч талантов. Однако члены совета старейшин скрестили за спиной свои пальцы и послали за Ганнибалом, чтобы он со своей армией вернулся в Карфаген. Он с неохотой повиновался, но обвинил карфагенские власти в том, что в прошлом они не оказали ему необходимой поддержки. Если бы тогда он по-другому отнеслись к нему, то Карфаген не дошел бы до такого состояния.

Римляне, полные решимости победить в битве за благосклонность Юноны, распространили слух, что некоторые солдаты карфагенской армии – выходцы из Италии – отказались отправляться в Африку. Ганнибал призвал их собраться в храме мирной богини, который до сих пор являлся неприкосновенным местом в Бруттии, однако там их окружили и уничтожили верные ему войска. Так появилась еще одна черная метка в книге богини.

Теперь, когда 15 000 – 20 000 карфагенских воинов благополучно добрались до Северной Африки, совет старейшин решил отказаться от мирного договора и возобновить военные действия. С провокационной целью карфагеняне напали на колонну римских грузовых судов с провиантом. Сципион сильно разозлился, однако он вероятно подозревал, что враг постоянно тянул время. Он вызвал Масиниссу с большим конным отрядом и стал провоцировать Ганнибала на решающее сражение. Сципион начал безжалостно уничтожать и разорять плодородные районы, принадлежащие Карфагену. Он захватывал города, разрушал их, а жителей продавал в рабство.

Такие действия достигли цели. В конце октября 202 года карфагенская и римская армии встретились около Замы, города, который отстоял от моря на расстояние пяти дней пути. Ганнибал захотел увидеться со своим молодым соперником и попросил Сципиона встретиться с ним наедине. Полководцы встретились на одинаковом расстоянии от своих боевых порядков в сопровождении одних только переводчиков. Однако эта знаменательная встреча ничего не решила. Карфагенский полководец предложил заключить мир, но уверенный в победе Сципион отказался.

Следующим утром началась битва. В каком-то смысле ее исход не имел значения. Если бы судьба распорядилась так, что римляне потерпели поражение, то они просто вернулись бы с еще одной армией. Однако Карфаген находился уже на последнем издыхании. Ганнибал обычно сражался с большим количеством воинов, но на этот раз у него было немного конницы, а значительная часть пехотинцев представляла собой непроверенных новичков. Он разработал план сражения с учетом этих слабостей. Ганнибал знал, что конница Сципиона быстро рассеет его конницу и далеко ускачет, преследуя ее. Задача Ганнибала состояла в том, чтобы разбить римские легионы в центре и одержать победу прежде, чем римские всадники вернутся для нападения на его пехоту с тыла. Впереди он выставил восемьдесят боевых слонов. За ними карфагенский полководец в три линии выстроил своих пехотинцев, причем в первых двух рядах стояли менее опытные воины, а в последнем ряду он поставил проверенных ветеранов своей итальянской кампании.

Сражение развивалось почти так, как предполагал Ганнибал, однако успех не сопутствовал карфагенянам. Римляне быстро вывели конницу с поля боя. К сожалению, слоны оказались настоящим бедствием: одни быстро пробежали сквозь боевой порядок римлян по проходам, которые специально для этого создал Сципион (с этими животными потом разделались сзади), а другие в панике бросились назад на свои собственные войска. Первые две линии пехотинцев Ганнибала были сметены. Затем римские легионеры остановились и перестроились из свободной манипулы в тесную фалангу и только после этого вступили с бой с третьей линией противника. Некоторое время обе стороны отчаянно сражались, не достигая перевеса. Он наступил, только когда вернулась назад конница Сципиона и напала на карфагенян сзади, в точном соответствии с опасениями Ганнибала. В этих обстоятельствах он сделал все, что мог, но этого оказалось недостаточно. Игра закончилась. Шестнадцать лет крови и побед пропали впустую.

Дальше Карфагену было уже бесполезно сопротивляться, поскольку это привело бы к уничтожению самого города. Воспоминания о судьбе Капуи, Тарента и Сиракуз были еще свежи. Условия мирного соглашения оказались еще более жесткими, чем те, о которых

договорились раньше. Размер компенсации повысился до десяти тысяч талантов, которые надо было платить в течение пятидесяти лет. Карфаген оставался независимым, но его границы становились такими же, как перед войной (приблизительно в границах современного Туниса). Он должен был вернуть бывшие нумидийские земли, которые требовал Масинисса. Город не мог вести войны за пределами Африки, однако и в Африке он мог воевать только с разрешения Рима. Весь флот, за исключением разрешенных десяти трирем, необходимо было сжечь. Карфаген больше не существовал как средиземноморская держава.

Когда проект соглашения представили совету старейшин, один член совета встал и выступил против одобрения проекта. Ганнибал силой стащил его с возвышения для ораторов. Все осудили Ганнибала за такое непристойное поведение, и он принес извинения. Полибий так передает его слова: «Вы должны простить мой проступок, ибо сенаторам известно, что я покинул родину на девятом году от роду и возвратился домой сорока пяти лет с лишним... Поразительным безрассудством показалось мне, что карфагенин, хорошо знающий все, что замыслилось нашим государством и отдельными гражданами против римлян, теперь не преклоняется с благодарностью перед судьбою за столь милостивое обращение победоносного врага... Посему я прошу не входить более в рассуждения и единогласно принять условия мира».

Совет старейшин последовал указанию Ганнибала и принял предложение заключить договор на указанных условиях.

Два римских легиона под командованием одного из консулов находятся на марше. День близится к завершению, и скоро начнет темнеть. Длинная колонна прибывает к месту стоянки, и люди приступают к своим обязанностям в соответствии с распорядком дня. За несколько часов они разбивают военный лагерь.

Эти действия всегда проходят по одной и той же схеме. Сначала командир уходит вперед и находит подходящее место для стоянки. После этого решают, где будет стоять палатка консула или преторий (*praetorium*), а перед нею организуют форум или рынок. Рядом устанавливают палатку квестора, который занимается вопросами снабжения, а также палатки трибунов или высших офицеров. Каждый занимает свое определенное место. Лагерь в плане квадратный, в него ведут четыре входа. Проходы внутри лагеря отмечены флажками, воткнутыми в землю. Все размеры определены раз и навсегда и хорошо известны.

Место стоянки сразу же превращается в копошащийся муравейник. У каждого легионера – свои обязанности. Одни копают ров, насыпают невысокий вал и ставят на нем колья (каждый воин приносит по одному колу) в виде защитного частокола. Другие устанавливают ровными рядами палатки. Определены пароли и выставлены часовые, командиры готовятся к обходу. Ко времени наступления ночи место стоянки превращается в небольшой город.

Весь этот процесс является замечательным примером дисциплины под единым началом. Когда эпирский царь Пирр стал свидетелем того, как римские легионы располагаются на ночлег, он был потрясен и впервые признался, что во время войны с Римом он, по-видимому, столкнулся с таким соперником, которого ему не удастся победить. Другой грек, историк Полибий, в качестве отступления от своего изложения войны с Ганнибалом, оставил подробное и восхищенное описание того, как располагаются войска республики. Он пытался понять причины успешной деятельности римских легионов во время и после войны.

Когда возникала необходимость призвать в армию новых воинов, консулы объявляли о дне, когда все мужчины призывного возраста, от 17 до 46 лет, имеющие собственность, оцениваемую более чем в четыреста денариев, должны собраться на Капитолии. Денарий – мелкая серебряная монета, ценность которой сегодня трудно вычислить из-за совершенно непохожих экономических условий. В то время легионер получал треть денария в сутки.

Каждый призывник приписывался к тому легиону, где он должен будет служить, и к той категории воинов, к которой он относился. Легково-оруженные воины – велиты (*velites*), молодые воины – гастаты (*hastati*), воины зрелого возраста – принципы (*principes*) и старейшие – триарии (*triarii*). Тем временем, во все союзные города полуострова отправляют посланников, которые требуют от них предоставить необходимое число воинов.

Значительную часть жизни римлянина – от 20 до 40 лет – занимала служба в армии. Наибольший срок службы составлял 16 лет для пехотинца (если страна находилась в тяжелом положении, то срок увеличивался до 20 лет) и 10 для всадника (*eques*). Как правило, римлянин постоянно служил в армии шесть лет, после чего его могли призвать снова по мере необходимости в качестве опытного «специалиста» – эвоката (*evocatus*). Воинская повинность являлась обязательной, и никто не мог занимать должность в государственном учреждении, пока не закончится его десятилетний срок службы в армии.

В римской армии были очень жестокие наказания. Если воина, выставленного в ночной караул, находили спящим или отсутствующим без разрешения, то его ожидало избиение палками – фустуарий (*fustuarium*). Сначала военный трибун слегка касался его палкой, а затем сослуживцы провинившегося избивали его палками и камнями до смерти. Смертной казнью карались и другие преступления, такие как воровство, лжесвидетельство, гомосексуальная связь с подростком, а также трусость на поле боя (например, потеря оружия в страхе). К преступлениям, не предусматривающим смертной казни, применялся закон трех преступлений: «Три проступка – и ты мертв».

Если под натиском противника группа воинов – например, манипула – бежала и оставляла свои посты, то к ней не проявляли никакого милосердия. Этих воинов выставляли напоказ перед всем легионом, называли и объявляли выговор. Затем по жребию из них выбирали десятую часть и избивали их до смерти. Оставшихся сажали на скудное довольствие и удаляли из лагеря. Там они размещались за пределами лагерных укреплений.

Кнут всегда сопровождался пряником. Если воины отличались в сражении, то командующий собирал все войско и вызывал вперед тех воинов, которые, по его мнению, проявили высочайшую доблесть. При осаде городов первый, кто залезал на стену, получал в награду золотой венок. Тот, кто защитил своего товарища или спас ему жизнь, удостоивался подарка от консула. Ему дарили копье, конскую сбрую или чашу. Спасенный всю оставшуюся жизнь должен был почитать своего спасителя, как своего отца (*paterfamilias*).

Полибий восхищался такой системой поддержания дисциплины и распределением поощрений: «При столь внимательном и заботливом отношении к военным наградам и наказаниям, не удивительно, если военные предприятия римлян увенчиваются блестящими успехами».

У греческого историка имеется своя точка зрения, но, как показали Пунические войны, если мы хотим выявить все причины успешного ведения римлянами войны, то необходимо рассмотреть также и другие обстоятельства. Установившаяся система, при которой политическая и военная деятельность были неразрывно связаны, означала, что многие представители правящего класса в какой-то момент своей деятельности становились командующими армией. Они проходили длительную напряженную военную подготовку и имели хорошее вооружение, благодаря чему они могли даже получить самые лучшие легионы.

То обстоятельство, что высшие политические должности обычно занимали только один год, привело к тому, что на этих должностях оказывалось много людей с очень разными способностями. Неудачи на поле боя происходили на удивление часто. Прошло целое поколение, прежде чем появился полководец, который оказался способен нанести поражение Ганнибалу. Однако этот недостаток в полной мере уравновешивался тем, что Рим обладал

огромными человеческими ресурсами.

Пирр, как и Ганнибал поражаются способностью легионов к быстрому восстановлению. Можно было уничтожить римскую армию, но за очень короткий промежуток времени на ее месте возникала новое боеспособное войско. Будучи крайне военизированным обществом с длительной военной историей, римляне развили культуру непобедимости, стремления к победе и категорического неприятия любого поражения. Они также обладали уверенностью в себе при введении различных новшеств, когда оказывались в почти безвыходном положении. Наиболее поразительным примером этого является решение сената построить флот во время Первой Пунической войны, несмотря на почти полную неосведомленность в делах мореплавания.

Ганнибал только что достиг зрелого возраста. Чем ему заниматься остальную часть жизни? Он решил остаться в Карфагене и принять участие в восстановлении города. По-видимому, он способствовал дальнейшему развитию сельского хозяйства в качестве компенсации за потерю карфагенской торговой империи и устроил армию (все, что от нее осталось) на работу по выращиванию огромного числа оливковых деревьев.

Он также собирался расчитаться с правящей олигархией за то, что они не захотели поддержать его итальянскую кампанию. Впервые в жизни он занялся внутренней политикой и проявил себя в качестве радикального реформатора. В зале заседаний совета Ганнибал оказался таким же деятельным, как и на поле боя. В 196 году его избрали суфетом, одним из двух правителей города, и он решил обнародовать финансовые отчеты. Он велел главному казначею явиться к нему, но тот отказался, ссылаясь на то обстоятельство, что он собирался войти в состав «Ста четырех», то есть в сословие судей. Судьи имели право контролировать народных избранников и сохраняли свои должности в течение всей жизни.

Разозленный Ганнибал приказал схватить чиновника и доставить его в народное собрание. Там Ганнибал обвинил все судебное сословие в высокомерии и в использовании своих полномочий в личных целях. Он сразу же предложил и провел закон, чтобы судьи исполняли свои обязанности только один год и никто не мог оставаться на этой должности два года подряд. В продолжение своей деятельности он возвратился в народное собрание и сообщил об участвовавших растратах государственных средств и уклонении от налогов. Если бы налоги на имущество и пошлины в гавани собирали надлежащим образом, то выплату дани римлянам можно было производить, не прибегая к взысканию более высоких налогов.

В результате этого власть имущие Карфагена очень возмутились. Они постоянно писали письма в римский сенат, утверждая, что Ганнибал тайно связан с Антиохом Великим, с которым в то время у римлян были сложные дипломатические отношения. По-видимому, никаких достоверных подтверждений этого не нашлось, и бывший противник Ганнибала, великодушный Сципион, объяснил своим коллегам, что недостойно вмешиваться во внутренние раздоры у карфагенян. «Достойно ли, не довольствуясь тем, что Ганнибал побежден на войне, уподобляться доносчикам, подкреплять присягой напраслину, приносить жалобы?» – объявил он.

Однако сенат не согласился с ним и отправил своих посланников в Карфаген, чтобы перед советом старейшин обвинить Ганнибала в заговоре. Дабы не вызвать его подозрения, они разнесли слух, что прибыли якобы для того, чтобы разрешить спор между Карфагеном и нумидийским правителем Масиниссой. Однако Ганнибал был слишком проницательным и не дал себя обмануть. Чтобы не быть схваченным, он сразу же бежал за пределы государства. Сначала он остановился на исторической родине карфагенян – в городе Тире, а затем перебрался ко двору Антиоха. Имел ли он прежде какие-то отношения с этим царем – неизвестно, однако теперь необдуманные действия римского сената привели Ганнибала прямо к Антиоху. В результате произошло совершенно противоположное тому, чего хотел

сенат.

Эти два человека не слишком поладили друг с другом. Ганнибал не считал, что Антиох обладал какими-то военными способностями. А с точки зрения царя, все советы, которые давал ему гость, всегда касались одной и той же темы: войну с Римом необходимо было вести в Италии. Это выглядело так, как будто Ганнибал хотел повторить свою карьеру полководца. Царь не прислушался к его советам и поручил ему заниматься второстепенными делами.

Древние историки сообщают, что в 193 году Сципион, в честь победы при Заме прозванный Африканским, приехал к Антиоху в составе римского посольства. Он встретился с Ганнибалом в Эфесе и беседовал с ним о военном искусстве. Сципион спросил карфагенянина, кто, на его взгляд, является самым великим полководцем в истории. На первое место Ганнибал поставил Александра, а на второе – Пирра. «А кто на третьем месте?» – спросил его Сципион, уже почувствовавший обиду, но ожидая, что третье место, по крайней мере, он уж точно отведет ему. Однако Ганнибал уверенно поставил на это место себя.

«Сципион... засмеявшись, сказал ему: «На какое же место ты бы, Ганнибал, поставил себя, если бы не был мной побежден?» Говорят, что Ганнибал, тут уже заметив завистливую ревность, сказал: «Тогда я поставил бы себя выше Александра». Так Ганнибал не отказался от своего высокомерного тона, но незаметно польстил Сципиону, дав понять, что он победил того, кто выше Александра».

Это – хорошая история, однако она (вероятно) слишком идеальна, чтобы быть правдой. В то время, когда Сципион предположительно беседовал с Ганнибалом в Эфесе, он, скорее всего, находился в Карфагене.

Как мы увидим в главе 15, Антиох утратил интерес к соперничеству с Римом, поэтому Ганнибал снова вынужден был отправиться в путь. Он искал пристанища в различных уголках Ближнего Востока и, в конце концов, оказался на побережье Черного моря при дворе Пруссия, царя Вифинии. Римляне отличались хорошей памятью. Когда бывший консул приехал к нему с визитом, то упрекнул Пруссию в том, что он приютил у себя злейшего врага Рима. Царь понял намек и отдал необходимые распоряжения.

Ганнибал понимал, что ему постоянно придется спасаться бегством, поэтому в своем доме на берегу моря в Вифинии он сделал семь подземных выходов. В крайнем случае он мог быстро и тайно бежать. Прибытие римского посланника означало, что наступил именно этот случай, однако Ганнибал не успел. Все выходы оказались заняты царскими охранниками. Для того чтобы не попасть в руки своего давнего врага, у него остался единственный выбор – самоубийство. Он обернул плащ вокруг своей шеи и велел слуге, чтобы он уперся коленом ему в ягодицы, откинулся назад и резко дернул плащ, как будто бы это была веревка. Таким образом, Ганнибал оказался задушен. По другой версии, он принял яд, но большинство известных в то время ядов действовали очень медленно, поэтому Ганнибалу было нужно, чтобы кто-то быстро убил его.

Плутарх приписал карфагенянину знаменитое последнее изречение: «Снимем, наконец, тяжелую заботу с плеч римлян, которые считают слишком долгим и трудным дожидаться смерти ненавистного им старика». На самом деле он сказал это, или нет, несомненно другое: ему конечно же очень хотелось так сказать. Когда известие о самоубийстве Ганнибала дошло до сената, многие сочли, что поступок бывшего консула был отвратительный и жестокий, поскольку Ганнибала «оставили жить, подобно птице, слишком старой, уже бесхвостой, лишившейся диких повадок и неспособной больше летать». Другие считали, что у этого карфагенянина была врожденная ненависть к Риму и что, если бы у него появилась какая-нибудь возможность отомстить, то он снова стал бы опасен.

Одна вещь была бесспорной: маленький мальчик остался верен своей клятве. Почти

пятьдесят лет назад его привели в карфагенский храм, чтобы он принял эту клятву, и он всегда оставался верен ей, несмотря на то, что она привела его к неудачной жизни и к смерти в одиночестве.

14. Перемены и упадок

В свои юношеские годы мальчик испытал первое серьезное любовное переживание. Затем на горизонте появилось маленькое облако. Однажды в 186 году он легкомысленно сказал своей возлюбленной, что они не смогут вступать в близость в течение недели или даже больше.

Этим юношей был Публий Эбутий, а его подруга – Гиспала Феценция, опытная куртизанка и бывшая рабыня, которая была немного старше его. Будучи типичной девушкой на одну ночь, она, несмотря на это, обладала благородным сердцем и просто обожала своего молодого возлюбленного. Не он был инициатором этой связи, что было нехарактерно для тогдашнего «мужского» мира, а именно она первая начала с ним знакомство. Получилось так, что вместо того, чтобы зарабатывать на любовных отношениях с ним, как поступают с обычными клиентами, она сама помогала ему деньгами.

Причиной этого являются трудности, которые создавали Эбутию его домочадцы. Он происходил из обеспеченной семьи из высшего сословия, однако его отец умер, когда он был еще младенцем, и Эбутия воспитывали мать и отчим. Они присвоили себе его состояние и старались предоставлять ему как можно меньше средств для удовлетворения его повседневных запросов. Он мог развиваться только благодаря великодушью Гиспалы.

После того как Эбутий начал поправляться от болезни, его мать сказала ему, что хочет приобщить его к тайному культу, посвященному Вакху, которого по-гречески зовут Дионис. Это был бог обильных возлияний и ритуального экстаза. Она дала обет приобщить его Вакху, как только ему станет лучше. Эбутий согласился исполнить ее пожелание, однако она предупредила его, что ему придется отказаться от любовных утех на десять дней перед церемонией.

Это и была причина отказа, и Эбутий объяснил Гиспале, почему он хочет воздержаться от связи с ней. Ее реакция потрясла его. «Да сохранят нас от этого боги! – воскликнула она. – Лучше обоим нам умереть, чем тебе это сделать». Он возразил, что он всего лишь выполняет требование своей матери.

«Значит, твой отчим (потому что, наверное, несправедливо винить твою мать) спешит погубить твою честь, доброе имя, надежды на будущее и самую жизнь».

Взяв у своего возлюбленного клятву сохранить все сказанное ей в глубокой тайне, Гиспала рассказала, что в бытность рабыней она приняла посвящение и что на самом деле этот культ служил прикрытием для страшной распущенности и даже убийства. Судя по описанию Ливия, эти обряды представляли собой «кузницу всех пороков и преступлений, и ни для кого не секрет, что два последних года туда принимают новичков не старше двадцати лет. Как только новичка туда вводят, его, словно жертвенное животное, передают в руки жрецам, а те ведут его в некое помещение, оглашаемое завываниями и пением, звоном литавр и грохотом барабанов, так чтобы ни единый крик насилуемого не вырывался наружу».

Эбутий пришел домой и объявил, что не желает иметь ничего общего с вакхическом культом. Это привело в ярость его мать и отчима, после чего они выгнали Эбутия из дома. Он нашел прибежище у своей тетки, которая посоветовала ему отправиться к консулу Спурию Постумию Альбину и все ему рассказать. После проверки всего того, что поведал Эбутий, Постумий сделал несколько осторожных запросов. Он сделал так, чтобы его теща попросила Гиспалу прийти к ней. Гиспала согласилась, сильно поразившись от того, что такая известная и

очень почтенная госпожа желает видеть ее.

Увидев в зале ликторов консула, консульскую свиту, а затем и самого консула, Гиспала едва не лишилась чувств от страха. Через некоторое время она успокоилась и рассказала свою историю. Видимо, первоначально это было чисто женское таинство и происходило оно только три раза в год, но затем жрица из Кампании изменила устоявшийся порядок. Теперь мужчинам также разрешили участвовать в нем, а все обряды стали проводить ночью, и не три, а уже пять раз в месяц. Как написал Ливий: «Больше мерзостей мужчины творят с мужчинами, нежели с женщинами. Тех, кто противится насилию или уклоняется от насилия над другими, закаляют как жертвенных животных. Верхом благочестия у них считается готовность к любому кощунству. Мужчины, словно безумные, во время обряда раскачиваются всем телом и выкрикивают пророчества, а замужние женщины, одетые словно вакханки, с распущенными волосами, с пылающими факелами устремляются к Тибру, окунают факелы в воду, и так как те начинены горючей серой с известью, вынимают столь же ярко горящими».

Тех, кто отказывался принимать участие в этом действе, изгоняли или же привязывали к специальным механизмам и бросали в подземные бездны.

Постумий подробно доложил об этом потрясенному сенату. Понимая, что безнравственные поступки обязательно надо осудить, члены сената сильно встревожились, что в тайное сообщество могли попасть представители всех сословий, которые своими поступками могли нанести тайный вред как семье, так и государству. Имя Диониса связывали с разными нарушениями общественного порядка, с отрицанием различий на основе пола, возраста и социального происхождения. По-видимому, не случайно, что все эти оргии происходили в роще на Авентинском холме, традиционном центре народных волнений, и что Эбутий и Гиспала также жили на этом же холме.

Сохранилась надпись, содержащая решение сената об этом культе. Его разослали по всем городам полуострова. Она гласила: «Пусть никто не будет жрецом; никто, ни мужчина, ни женщина, не должен быть магистром (председателем, распорядителем мистерий). Пусть не будет общей казны. Пусть никто не назначает ни председателя, ни товарища председателя, ни из мужчин, ни из женщин. Пусть никто впредь не связывает себя с другим ни клятвой, ни обетом, ни обязательством, ни обещанием и не дает друг другу слова».

Однако приняли меры к тому, чтобы напрасно не оскорблять достоинство божества. Вакхические ритуалы можно было исполнять, но только с официального разрешения и в составе не более пяти человек.

Что же касается наших возлюбленных, то их хорошо вознаградили. Эбутия освободили от военной службы, а Гиспале разрешили выйти замуж за свободнорожденного римлянина, и специальным указом постановили, что вследствие такого брака этот человек не потерпит никакого «ущерба репутации и бесчестия». Что было дальше с Эбутием и Гиспалой, история не сохранила.

С этого официального разрешения пара теоретически получила право стать мужем и женой. Однако юноша вероятно не стал связывать с ней свою жизнь, подобно тем, кто в юности обрел свой первый опыт жизни с обеспеченной и привлекательной взрослой женщиной. К тому же он и его подруга происходили из диаметрально противоположных классов общества. Независимо от того, что постановил сенат, в обществе сохранялось сильное неприятие бывших рабов и проституток. Римляне любой ценой стремились защитить целостность своей родословной.

На счастливый исход можно надеяться с большим сомнением.

Подлинное значение скандала в полной мере показало противоречивые отношения Рима к Греции. С первых лет существования Римской республики греческий мир оказывал на нее

главное влияние, но теперь, когда Рим превратился в могущественное государство Средиземноморья, римляне впервые вошли в непосредственное соприкосновение с этой культурой. Они восхищались бессмертными достижениями великого прошлого – произведениями великих трагиков Эсхилла, Софокла и Эврипида, философией Сократа, Платона и Аристотеля, скульптурами Фидия, архитектурой Иктина и т. д. Римляне хорошо понимали, что они не могут соперничать с ними.

Неспособные ни на что потомки этих великих людей свысока смотрели на каких-то провинциалов, только что прибывших из Италии. «Одни осмеивали нравы их и обычаи, другие – их деяния, третьи – облик самого города, еще не украшенного ни общественными, ни частными зданиями». Средний римлянин, со своей стороны, испытывал здоровое недоверие к современным грекам (они были для них классическими «трусливыми мартышками сыроедами»). Ливий хорошо объясняет это, когда с насмешкой описывает вакханалию как «веру, которая пятнает людские умы заблуждениями», а проповедовал ее «низкого происхождения грек, несведущий ни в одной из благородных наук, с которыми познакомил нас, для совершенствования тела и духа, просвещеннейший из народов».

Римский сенат не любил никакие иноземные восточные культы и старался всячески препятствовать их распространению, однако на самом деле это делалось непоследовательно. Вспышка чумы в 293 году привела к тому, что римляне обратились за советом к Сивиллинам книгам и привезли из греческого города Эпидавра священную змею бога врачевания Асклепия (по-латински Эскулапа). На Тибрском острове построили святилище этого бога и центр исцеления. В 206 году появилось пророчество, которое гласило, что если в Италию вторгнется какой-нибудь враг, то над ним одержат победу, только если в Рим доставят Кибелу или Великую Мать (в виде священного черного камня).

Отчаявшись ждать, что Ганнибал когда-нибудь покинет полуостров, римляне с восторгом встретили богиню в своем городе. Для нее построили новый храм на Палатинском холме. Кибела и ее юный супруг, Аттис, олицетворяли ежегодный цикл плодоношения земли в таком виде, который римский традиционалист считал совершенно непристойным. Весенние празднества в честь этой богини, во время которых оскопившие себя евнухи танцевали под звук кимвалов и барабанов, выглядели почти так же причудливо, как и обряды, посвященные Дионису. Начало этому положил Аттис. Как пишет поэт I века Катулл:

Он во власти темной страсти здравый разум свой потеряв,
Сам свои мужские грузы напрочь острым срезал кремнем.
И тотчас узрев, что тело без мужских осталось примет,
И что рядом твердь земная свежей кровью окроплена,
Белоснежными руками Аттис вмиг схватила тимпан,
Твой тимпан, о мать Кибела, посвящений тайных глагол,
И девичьим пятиперстьем в бычью кожу стала греметь.

Это совершенно противоречило римским традициям, поэтому римляне старались как-то ограничить влияние нового культа. Жрецы этой богини всегда были иноземцами, а их численность и их деятельность держали под строгим контролем.

Тем временем, правящие круги, которые обычно следили за исполнением всех правил, поддерживали суеверные ритуалы умиротворения богов, характерные для официальной религии Рима. Никакие изменения не приветствовались, поскольку приверженность обычаям предков (*mos maiorum*) играла важную роль для благосостояния республики. Иногда это доходило до бессмысленных повторов. Наиболее показателен один пример. Каждый год

действующий консул перед уходом со своего поста объявлял имена своих преемников. В 163 году таким консулом был Тиберий Семпроний Грахх, и он, как обычно, провел эту церемонию. Но после того как новые должностные лица приняли дела в своих учреждениях, Грахх обнаружил древнюю книгу религиозных предписаний, в которой прочитал неизвестное ему прежде правило. Плутарх объясняет его так: «Если должностное лицо наблюдает за полетом птиц в специально для этого нанятом за пределами города доме или шатре и, не получив надежных замечаний, вынуждено по какой-либо причине вернуться в город, надлежит отказаться от нанятого прежде помещения, выбрать другое и произвести наблюдения еще раз, с самого начала».

Перед тем как сделать свои консульские объявления, Тиберий непроизвольно два раза использовал один и тот же дом для своих наблюдений. Испугавшись последствий, он передал этот вопрос на рассмотрение сената. Сенат вспомнил о новых консулах и велел им покинуть свои учреждения. Затем их назначили снова уже после того, как все обряды повторили в надлежащем виде.

Приверженность обычаям предков (*mos maiorum*) получила свое символическое воплощение на похоронах знатных людей. Тело покойного несли на Форум и выставляли в вертикальном положении на ростре, как будто мертвец все еще был жив. Его сын или какой-нибудь другой родственник произносил памятную речь, перечисляя наиболее выдающиеся события его биографии. Это считалось своего рода уроком истории и подтверждением достоинств республики. Полибий, будучи иностранным наблюдателем, значительную часть своей жизни посвятил изучению обычаев римлян. Он описывает самые примечательные особенности этого обряда. Согласно его сообщению, изображение покойного помещали вместе с его знаменитыми предками, и после похорон оно постоянно хранилось в доме в деревянной раке: «Изображение представляет собою маску, точно воспроизводящую цвет кожи и черты лица покойника... Если умирает какой-либо знатный родственник, изображения эти [его предков] несут в погребальном шествии, надевая их на людей, возможно ближе напоминающих покойников ростом и всем сложением. Люди эти [обычно их выбирали из числа членов семьи] одеваются в одежды с пурпурной каймой, если умерший был консул или претор, в пурпурные, если цензор, наконец – в шитые золотом, если умерший был триумфатор или совершил подвиг, достойный триумфа. Сами они едут на колесницах, а впереди несут пучки прутьев, секиры и прочие знаки отличия... Подошедши к рострам, все они садятся по порядку на креслах из слоновой кости».

Какое зрелище должен был представлять этот обряд! Умершие восстали – возможно, они так и никогда и не умирали – и теперь внимательно слушали истории о жизни своих недавно умерших потомков. Представители нынешнего поколения со всей отчетливостью ощущали, что они находятся под пристальным взглядом своих предков.

В Риме были и другие примеры того, как священное прошлое тесно соприкасается с настоящим. На каждом углу встречались молельни, храмы и священные рощи, посвященные тому или другому божеству. Храмы представляли собой склады старинных трофеев, бронзовых табличек с текстами законов, соглашений, обещаний совершить приношения и просто старого хлама. На Форуме и в других местах выставляли картины известных военных операций, которые делали специально для триумфов. Шедевры греческого искусства, захваченные при разграблении таких городов, как Сиракузы и Тарент, превратили Рим в своего рода музей под открытым небом. Его можно было уподобить сокровищнице, в которой царил страшный хаос. Эта сокровищница ждала своего историка и собирателя древностей, которые исследовали ее содержимое, хотя эти исследования зачастую основывались на личном впечатлении и не отличались особой точностью.

На Священной дороге немного ниже Форума можно было увидеть скульптурные изображения Ромула и его сабинского коллеги, Тит Татия. В центре самой площади до сих пор росло раскидистое фиговое дерево, под которым волчица вскармливала братьев-основателей. Рядом находился водоем, который теперь уже высох. Он назывался Курциево озеро (*Lacus Curtius*). Когда-то здесь разверзлась пропасть. Говорили, что она не закроется, пока в него не положат самое ценное, что есть в Риме. Туда кидали золото и драгоценности, но все было тщетно. Наконец, молодой всадник понял, что является ответом на эту загадку. Это – римский воин. Он скакнул в пропасть, и земля сомкнулась у него над головой.

Недалеко отсюда, около храма Кастора с его высоким стилобатом находился источник Ютурны, где божественные близнецы поили своих коней после битвы у Регильского озера. На другом конце Форума располагалась трибуна для ораторов – ростра. Ораторы, обращающиеся к населению, вынуждены были добиваться внимания своих слушателей, которые рассматривали множество статуй. Эти статуи, размером в половину человеческого роста, изображали римских посланников, погибших во время своей службы на благо государства.

Капитолийский холм также был заставлен статуями известных римлян, царей и того, кто их изгнал, – Марка Брута. Среди них выделялись два колосса, установленные в IV веке, – герой Геркулес и сам Юпитер. Там было столько статуй великих людей прошлого, что у прохожих, по-видимому, возникало жуткое ощущение, что они шли через толпу, которую какая-то проходящая Медуза превратила в камень.

Подвалы храма Юпитера Лучшего и Величайшего были завалены не только старинными приношениями, но также скульптурами, упавшими с крыши храма и множеством различных даров. На стенах висели бронзовые таблички с записями условий разных соглашений и текстов законов. В каждом углу стояли военные трофеи и возведенные по обету памятники.

Рим, конечно же, был не только собранием памятников и кладбищем реликвий. Это был живой развивающийся город, который постоянно расширялся и приближался к тому, чтобы стать первым мегаполисом Древнего мира. Центр города – Форум – являлся центром торговли, центром правосудия и политической арены. Человеческая жизнь во всем ее многообразии проходила свой путь среди статуй, святилищ и храмов.

Нам повезло, поскольку у нас есть описание повседневной жизни, сделанное человеком, который жил и процветал в Риме во время и после войн с Карфагеном. Это был комедиограф Тит Макций Плавт. В одной из его пьес герой проводит своего рода экскурсию по Форуму – месту, где можно встретить наилучшую и наихудшую человеческую натуру. «Без порока ли, с пороком, честного или бесчестного, – говорит он, – здесь огромное множество». На нижней, или южной части торговой площади собирались уважаемые люди, которые, по словам Плавта, «любят вкладчину кутить». Он объясняет: «Если нужен лжесвидетель – вас я шлю к судам», которые проводились под открытым небом около круглого Комиция, где проходили общественные собрания (там было помещение, куда набивалось около пяти тысяч граждан и еще десять тысяч собиралось на Форуме). Хвастуны и лгуны собирались около небольшого храма Венеры Клоакины, или Венеры Очистительницы. Рассказывали, что статуя Венеры здесь как-то попала в открытую канализацию (клоаку), откуда и происходит ее прозвище. Храм представлял собой открытое круглое возвышение с двумя статуями богини. Это место очень располагало к праздному проведению времени.

«А мотов-мужей богатых сыщешь под базиликой», в которой находилась своего рода биржа, где за столами сидели менялы и заключали сделки владельцы разных предприятий. На другой стороне площади стояли ряды Старых лавок (*tabernae veteres*), где располагались в основном ростовщики. За храмом Кастора и Поллукса ходят разные мошенники, которым нельзя «верить с первых слов». На Этрусской улице (*Vicus Tuscus*) «люди продают себя». Эта

улица вела на Велабр – седловину между Палатинским и Капитолийским холмами, где «вам сами попадутся в сеть хлебники, мясники и гадатели».

Если ослепительно белая столица Птолемеев Александрия имела прямоугольный план, то Рим рос без всякого плана. Здания строились, как попало вдоль древних троп, которые вели на Палатинский и Капитолийский холмы, пока город не превратился в лабиринт темных узких переулков и небольших площадей. Вопросам гигиены почти не уделяли внимания, поэтому часто возникали заразные болезни. Римляне прилагали некоторые усилия (правда, не совсем успешные) для отвода сточных вод и использования их для удобрения полей. Однако затем назрела необходимость доставки в город большого количества питьевой воды. Для этого в 312 и 272 годах построили два акведука, в основном проходящих под землей. Первый акведук построил Аппий Клавдий Цек (о нем см. выше). К середине II века из-за увеличения численности населения города начали строить акведук Марция. С помощью этого замечательного в техническом отношении сооружения вода доставлялась на вершину Капитолийского холма. Немногие могли позволить бани у себя дома, поэтому важнейшей особенностью повседневной жизни римлян стали общественные бани, которых в Риме было около ста.

Большинство проездов в городе были немощеными, однако тротуары, видимо, делали немного поднятыми. Жители сваливали мусор и сливали использованную воду прямо на улицу. Туда же кидали умерших животных, а иногда даже какие-нибудь неопознанные трупы. Из горшков выливали помои, которые часто попадали на головы неосторожных прохожих (для этого приняли законы, определяющие условия возмещения ущерба). Антисанитария была не единственной опасностью улицы, поскольку почти по всей ширине осуществлялось движение повозок, и часто случались случаи наезда на пешеходов.

Город делился на улицы (*vicus*), которые являлись путями для движения пешеходов и повозок, а также служили общей территорией для жителей окрестных домов. У каждой улицы был какой-нибудь определяющий объект – перекресток, священная роща или святилище. Чтобы улица или дорога получила официальное название, в Двенадцати таблицах определили, что ее проезжая часть должна иметь ширину 2,5 метров на прямых участках и 5 метров на поворотах. Названия заслужили только две дороги – Священная дорога (*Via Sacra*) и Новая дорога (*Via Nova*), которая пролегла между Форумом и Палатинским холмом.

Фрагмент диалога из сочинения римского комедиографа середины II века Публия Теренция Афры рисует картину богатой части города. Раб объясняет какому-то пешеходу, как пройти по городу, где нет указателей с названиями улиц.

– Ты знаешь ту галерею у рынка?

– Ну, разумеется.

– Иди от нее прямо по дороге в гору. Дойдя до верха, спускайся дальше вниз. Там будет крутой спуск. Затем на этой стороне увидишь небольшое святилище, а около него – тропинку.

– Какую тропинку?

– Там еще растет большая маслина. Ты точно мимо этой тропинки не пройдешь.

– Ты совершенно прав! Точно!.. Я перепутал. Вернись к галерее и оттуда есть путь гораздо короче, по нему не надо будет так далеко идти. Ты знаешь дом старого Кратина?

– Ну, конечно, знаю.

– Так вот, пройди этот дом и иди прямо по дороге, дойдя до храма Дианы, поверни направо. Не доходя ворот, ты увидишь пруд. Там рядом пекарня, а напротив нее – мастерская. Именно туда тебе и надо.

По обеим сторонам главных улиц располагались лавки или убогие жилища для бедных с одной-двумя комнатами. Лавки обычно были открыты для прохожих, но иногда могли

закрываются деревянными ставнями. В них продавались все виды товаров – продукты питания, ткани, посуда, ювелирные украшения и книги. В кабаках подавали вино, смешанное с водой и приправленное травами, медом или смолой (предок нынешнего греческого вина «рецина»). Там также предлагали суп с хлебом, тушеное мясо, нарезанное жаркое, колбасы, пироги, фрукты, всякую выпечку и даже что-то подобное современной пище. Для более состоятельных посетителей имелись рестораны с посадочными местами.

За рядами лавок и жилых помещений находились дома зажиточных горожан. Первые защищали их от уличного шума и вони. Планировка таких домов строилась по одной схеме, которую расширяли на такую площадь, которую мог себе позволить владелец по своему финансовому положению. Входная дверь через узкий вестибул вела в гостиную или прихожую. Это было помещение без крыши, называемое атриум, по трем сторонам которого находились входы в темные спальни. Напротив входа находилось помещение, называемое таблинум (*tablinum*), где первоначально размещалась спальня хозяина дома. Позднее таблинум превратился в рабочий кабинет хозяина. На стенах таблинума можно было увидеть красивые фрески, а на пьедесталах – скульптурные изображения предков. По соседству с таблинумом располагался триклиний (*triclinium*) – столовая, где гости принимали изысканную пищу, лежа на кушетках. В дальнем конце дома находились жилые покои членов семьи, расположенные по сторонам внутреннего дворика с колоннами, или перистилья. В зданиях большего размера имелся второй этаж и летом роль триклиния выполнял перистиль.

Как всегда, некоторые части города были более престижными, а следовательно, жилье в них стоило дороже, чем в других. Самые дорогие здания располагались на Палатинском и Великом холмах, а также на отроге, спускающемся вдоль Священной дороги на Форум – центр заключения торговых сделок. Территорию в окрестностях города занимали огороды, где выращивали цветы и овощи. В течение II века большинство таких огородов (*horti*) выкупили богатые и преуспевающие граждане. Они построили там свои виллы – тихие зеленые уголки, куда можно было удалиться от шумной и суетной городской жизни. Такие виллы представляли собой своего рода «деревню в городе» (*rus in urbe*).

Внутри городских стен стало слишком мало земли для развития Рима, поэтому вскоре здания стали появляться на Марсовом поле (*Campus Martius*). Это поле находилось за пределами Капитолийского холма. Его использовали как пастбище, а также на нем проводили военные учения. Сципион Африканский построил на Марсовом поле виллу и разбил сад. В 221 году народный трибун Гай Фламиний построил на поле цирк для проведения Плебейских игр. Его стали называть Цирк Фламиния. Сам трибун несколько лет спустя погиб в битве у Тразименского озера. В этом цирке организовывали рынок и проводили показ трофеев после триумфов. На Марсовом поле также размещались правительственные учреждения. Одно из них – так называемая «Овчарня» (*Ovile*), огороженное место, где происходило голосование комициев, а другое – Общественное здание (*Villa Publica*), где постоянно находились чиновники, проводящие переписи, оно также использовалось для набора в армию. В 194 году Общественное здание восстановили и расширили.

Увеличение богатства в Рима во II веке привело к улучшению состояния города. Богатые и знаменитые люди строили триумфальные арки (среди них был и Сципион), портики и базилики для общественного использования. В это время проложили новые улицы и улучшили систему канализации. В строительстве широко использовали бетон (*opus caementicium*). В городе появились новые храмы, созданные в греческом стиле и облицованные мрамором или травертином. Однако даже от самого крупного римского сооружения того времени – Большого цирка – сохранилась только интересная конструкция из раскрашенных бревен.

Риму предстояло пройти долгий путь, прежде чем он смог достичь великолепия греческих

городов Востока.

Беднякам, как всегда, жилось нелегко. В городе было много рабочих мест, например в сфере услуг, в снабжении продовольствием (зерном, мясом, рыбой), в строительстве, в торговле и ремесленном производстве различных товаров (глиняной и стеклянной посуды, изделий из металла). Однако население Рима быстро росло, и многие доступные работы выполняли рабы. Можно предположить, что имел место высокий уровень безработицы или неполной занятости, по крайней мере в какие-то промежутки времени.

Городская земля имела очень высокую цену. Застройщики, как и в современных городах, старались строить ввысь и возводили многоквартирные дома, доходящие до восьми этажей. Сначала они представляли собой хрупкие каркасные сооружения, которые в любой момент могли загореться. С появлением бетона стало возможно строить нечто более прочное. Высокий жилой дом римляне называли «инсулой», или «островом». Однако инсулы только с виду казались такими прочными, поскольку на самом деле эти дома часто неожиданно разрушались.

Многие люди входили в какие-нибудь общественные объединения (коллегии, дружеские союзы, общины или курии), которые приносили в их жизнь некую стабильность вне рамок семьи. Практически ничего не известно о местных органах власти, кроме того, не было ни постоянной полиции, ни противопожарной службы. В Риме работали четыре эдила (первоначально два эдила были заместителями трибунов, а в 387 году в дополнение к ним появились еще двое, избираемые только патрициями), которые занимались обустройством городского хозяйства, организацией игр, обеспечением города зерном и водой, а также надзором за рынками. Членство в купеческой гильдии, профессиональном союзе или религиозной общине обеспечивало людям некоторую защиту от превратностей судьбы и несправедливостей жизни. Члены этих общественных организаций постоянно встречались (например, раз в месяц), совершали жертвоприношения и устраивали общие застолья. Существовали также районные сообщества, члены которых участвовали в ежегодном празднике Компиталия, проводящемся в честь божеств, покровителей местных перекрестков. Некоторые сообщества представляли собой своего рода похоронные клубы, члены которых делали небольшие, но регулярные финансовые взносы для оплаты своих похоронных затрат.

Отношения этих объединений с государством были непростыми, судя по его реакции на кризис, связанный с проведением вакханалий. Государственные чиновники не знали, что скрывалось за тем или иным объединением. Во время политических потрясений эти объединения вполне могли выступить против существующего порядка. Однако потенциально опасную «горизонтальную» социальную структуру уравнивала «вертикальная» пирамида клиентуры. Как мы уже знаем, все, кроме представителей высшей власти, являлись клиентами, то есть людьми, зависимыми от одного или нескольких своих более богатых патронов, а вместе с этим, нужными этим патронам. Эти отношения передавались по наследству и признавались всеми членами общества, хотя ни один закон не регулировал их. Если какому-нибудь человеку повезло стать клиентом сенатора, то он обычно с самого утра приходил к его дому и сопровождал его на Форум. Чем больше клиентов сопровождали «большого» человека, тем большим уважением он пользовался. А те, в свою очередь, могли получить от него спортулу (*sportula*) – немного еды или денег.

Такая система взаимного обмена товарами и услугами прочно связывала общество и практически устраняла возможность возникновения восстания снизу и реформаторских настроений сверху. Конечно, патрон мог оказаться скупым или по какой-то причине оказаться в затруднительном положении. Плавт представляет нам безработного и полуголодного клиента, оплакивающего свою судьбу:

С форума идет с открытой головою к сводникам,
Точно судят подсудимых, точно на суде они!
Нет, шутов ни в грош не ставят, любит всякий сам себя.
Я пошел отсюда, вижу – молодежь на площади.
«Здравствуйте! Где завтракаем?» – я им, а они молчат.
«Кто сказал: идем?» – я снова. Как воды набрали в рот!
Ни смешка! «Обед где нынче?» Головой качнут: нигде!

Рим стал великим и быстро растущим городом, он являлся столицей государства, здесь находилось правительство. На самом деле его жители часто не упоминали его имя, а вместо этого называли его просто «Город» (*urbs*) – не какой-то обычный город, а именно Город. Однако городская жизнь развращала людей. Они становились бездельниками: богатые – от обилия денег, а неимущие – из-за отсутствия работы. Наиболее сознательные граждане считали, что сельская местность, несмотря на ее удаленность, гораздо лучше подходит для жизни, чем город. В конце концов, сам диктатор Цинциннат, не желая себе ни славы, ни богатства, удалился в свое небольшое поместье после государственной службы. Именно из простых крестьян набирали воинов в победоносные легионы республики. Друг Цицерона, знаток древностей и эрудит Варрон, высказал в трактате «О сельском хозяйстве» свой вывод о значении деревни: «Наши великие предки не без основания предпочитали римлян-селян горожанам».

Простой римский крестьянин своими собственными словами описал хорошую жизнь. Мы можем прочитать их в надписи из итальянского города Форли. Эта надпись рассказывает нам об упорстве, трудолюбии и рассудительности римских крестьян: «Желающий жить поистине хорошо и свободно, последуй этому мудрому совету. Для начала, проявляй уважение везде, где это требуется. Далее, всегда желай своему господину всего самого лучшего. Почитай своих родителей. Добейся того, чтобы тебе доверяли. Не говори и не слушай клевету. Если не будешь никому вредить и никого предавать, то честно и счастливо проведешь радостную жизнь, не касаясь ничего дурного».

После окончания войн с Карфагеном появилось новое поколение политиков, самым деятельным и при этом наиболее несимпатичным из них был Марк Порций Катон (получивший прозвище «Старший» или «Цензор» для отличия от его тезки, жившего в I веке). Он происходил из сословия всадников. Достигнув совершеннолетия, он занимался только тем, что служил в армии или обрабатывал свои поля, точно так же, как и его соотечественник Цинциннат. Плутарх писал о Катоне так: «Спозаранку он отправляется на Форум и ведет дела тех, кто испытывает в этом нужду, а возвратившись к себе, работает вместе с рабами – зимою, надев тунику, а летом нагой, – за одним столом с ними ест тот же хлеб, что они, и пьет то же вино».

Способности Катона заметил его сосед, крупный римский аристократ. Он убедил его перебраться в столицу и заняться политической деятельностью. И вскоре Катон достиг вершины власти.

Катон считал, что в городской жизни неизменно присутствует какое-то непростительное потворство своим слабостям, свойственное грекам. Нравственными устоями каждого истинного римлянина, «обычаем предков» (*mos maiorum*) являются деревенские добродетели. В своей книге «О земледелии» (*De agri cultura*) Катон отметил, что «лучше было бы наживаться, занимаясь торговлей, не будь здесь стольких опасностей, и даже отдавая деньги в рост, если бы это только было честным занятием». Но, несмотря на это, далее он пишет: «Из земледельцев же выходят самые мужественные люди и самые дельные воины; доход земледельца самый чистый,

самый верный и меньше всего возбуждает зависти; люди, занятые этим делом, вполне благонамеренны». Гражданин на пашне со своим плугом и на поле битвы со своим мечом и копьем является источником всего лучшего, что есть в Риме.

Катон действительно сам обрабатывал свои собственные поля, но он делал это, только когда был молод и беден. Этот строгий лицемер жил очень просто, однако в противоречие своим замечательным принципам накопил огромное состояние путем ростовщичества и вкладов. Как только он добился высокого положения, он перестал жить в своем поместье и управлял им издалека. В своей книге он делится разным практическим опытом. Например, он дает землевладельцу практический совет, как ему проверять свое поместье во время отдельных посещений. Управляющий, или вилик от имени хозяина ведет дела и управляет работниками, некоторые из которых рабы, а некоторые – свободные граждане. За ним необходим жесткий контроль: «Он не должен слоняться без дела; он всегда трезв и никуда не ходит на обед. Рабы у него в работе; он следит за тем, чтобы удалось то, что приказал хозяин. Пусть он не считает себя умнее хозяина... Он не смеет совещаться с гарусником, авгуром, предсказателем и халдеем [здесь видимо проявились опасения из-за борьбы государства с вакхическими культами и т. п.]... Он первым встает с постели и последним ложится в постель».

Катону не свойственна сентиментальность. Он стремится к тому, чтобы работники были обеспечены всем необходимым для хорошей работы, но это – все. По его мнению, работники должны либо работать, либо спать. Неумение, болезнь и даже старость не являются причиной невыполнения работы: «Он должен продать состарившихся волов, порченную скотину, порченных овец, шерсть, шкуры, старую телегу, железный лом, дряхлого раба, болезненного раба; продать вообще все лишнее. Хозяину любо продавать, а не покупать».

Мы можем обвинять Катона в жестокости и несоответствии своим принципам, но обстоятельства были таковы, что для самостоятельного мелкого землевладельца, который обрабатывал свое собственное поле и отправлял своих сыновей на войну, золотое время закончилось. Шестнадцать лет пожаров, грабежей и разрушений, произведенных армией Ганнибала, привели к тому, что значительная часть сельских местностей Италии опустела, а население Рима сильно увеличилось. Для восстановления земледелия в прежнем объеме должно было пройти много лет, и в некоторых районах Южной Италии этого так и не случилось.

Бедность отчасти облегчалась развлечениями, которые были тесно связаны с религией. Некоторые периоды года, протяженностью в несколько дней, посвящались богам и считались праздничными. В это время в городе прекращалась общественная и торговая деятельность, не собирался сенат, и вся повседневная городская жизнь прерывалась на зрелища или «игры». Самыми старыми были Римские игры (*ludi Romani*), проводящиеся еще со времен царей. Их устраивали в сентябре. В это время устраивали танцевальные представления под звуки флейты, которые одновременно служили религиозным обрядом и развлечением. С 240 года до н. э. в программу игр добавили пьесы. Во время трудного и беспокойного времени, когда велась война с Ганнибалом и преодолевались ее последствия, возникли новые игры, ставшие попыткой хоть как-то смягчить грозный и непредсказуемый ход событий или же выразить благодарность за победу.

Как мы уже отмечали, в 221 году плебейский трибун Гай Фламиний основал Народные игры (*ludi Plebeii*). Затем, в 208 году возникли Аполлоновы игры (*ludi Apollinares*), в 202 году – игры Цереры (*ludi Cereales*) и в 194 году – игры Мегалезии (*ludi Megalenses*), проводимые в честь Великой матери богов перед ее новым храмом на Палатинском холме.

Любители древностей, такие как Варрон, очень любили рассуждать о происхождении уличных представлений. Они возводили их к древним сельским обрядам с танцами и

незамысловатыми стихами. В заключение своего вымышленного описания былых времен Вергилий написал, что жители Италии

игры ведут, с неискусным стихом и несдержанным смехом,
страшные хари надев из долбленной коры, призывают,
Вакх, тебя, и поют, подвесив к ветви сосновой
изображенья твои, чтобы их покачивал ветер.

Танцоров для игр сначала приглашали из Этрурии, но (как рассказывают) вскоре им начали подражать римские молодые люди, которые при этом перебрасывались разными шуточками и нескладными стихами собственного сочинения. Затем всю эту пеструю смесь слов, музыки и жестов привели в порядок и придали ей одинаковый размер. Она постепенно превратилась в ремесло, и ее записали. Так возникли письменные комедии, исполняемые во время игр. (При этом молодые танцоры независимо от этого продолжали развивать свою традицию нескладных виршей.)

Первые настоящие пьесы, исполняемые во время игр, написал Ливий Андроник, который по своему происхождению был наполовину греком. Когда римляне захватили Тарент после поражения царя Пирра, Ливия продали в рабство. Он обучал сына своего хозяина и перевел на латынь «Одиссею» Гомера. Цицерон считал его перевод неудачным, однако текст этого перевода проходили в школах, и несчастные ученики должны были учить его наизусть. До нас дошло очень мало сведений о произведениях Ливия Андроника. Известно всего несколько названий его пьес. Он писал фарсы по греческим образцам, такие как «Игрок» и «Кинжал». Его сюжеты в основном представляли собой любовные интриги богатых молодых людей с проститутками (которые всегда оказывались из аристократических родов) и их отношения с хитроумными рабами, которые постоянно затыкали за пояс своих хозяев. Среди наиболее известных преемников Ливия Андроника можно назвать Плавта и Теренция. Плавт (что на латыни значит «плоскостопый», ок. 254–184 гг.) происходил из Умбрии и сначала работал плотником для актерской труппы. Теренций (195 или 185–159 гг.) – бывший карфагенский раб. Эти комедиографы использовали в своих произведениях похожие сюжеты.

Наряду с исконно римскими формами – претекстами (*fabulae praetextae*) и «документальными» поэтическими драмами о реальных событиях прошлого – ставились трагедии на тему греческой мифологии (например, приключения троянских героев). В трагедиях отражали знаменательные события истории Римской республики, такие как «посвящение» Деция Муса в битве при Сентине и поединок Тита Манлия с вождем галлов.

Представления проходили под открытым небом, зрители располагались на траве или на скамейках, которые ставили перед деревянной сценой. Пьесы выполняли полезную социальную функцию, поскольку они обращались ко всем классам общества. Представители разных общественных слоев сидели в определенных местах. Любой римлянин мог обозреть всех зрителей и увидеть на представлении весь Рим от могущественного сенатора до простого раба, которого отпустили на небольшое время.

Консервативные политики считали, что исполнительские виды искусства являются упадочными и заимствованы у греков. Поэтому она высказывались против того, чтобы построить постоянный театр с хорошей сценой и удобными местами. Однажды сенат принял закон, по которому на представлениях было запрещено устанавливать скамьи или сидеть на земле, «чтобы умственное расслабление сочеталось с положением стоя, свойственным римлянам».

На играх часто стояла очень шумная атмосфера. Теренций очень разозлился, когда из-за

шума и беспорядка поставленная им пьеса потерпела неудачу:

Когда впервые начал я играть ее,
Бойцов известных слава (ожидали тут
Канатных плясунов к тому ж), напор толпы
Шум, крики женщин – это все принудило
Меня уйти со сцены раньше времени.

Когда он вновь начал игру и уже начался первый акт, ему опять помешали, поскольку распространился слух, что сейчас будет битва гладиаторов – зрелище, к которому проявляли повышенный интерес.

Поединки насмерть в качестве публичных зрелищ очень похожи на человеческие жертвоприношения. Их происхождение неясно, возможно римляне заимствовали их из похоронных обрядов Этрурии (наряду с охотой на диких животных) или столкнулись с ними в Кампании. Об убийстве пленных при кончине какого-то великого человека сведений нет. Гомер, будучи общепринятым создателем классических традиций, сообщает, что убитый горем Ахиллес «острой медью [мечом] зарезал» двенадцать молодых троянцев на костре своего мертвого друга и возлюбленного, Патрокла.

Не характерны были и рукопашные поединки. Впервые о них упоминается в 264 году, когда началась Первая Пуническая война. На похоронах бывшего консула, Децима Юния Брута Перы, его сыновья вывели три пары рабов, выбранных из пленных, которые боролись друг с другом на Бычьем форуме. В 216 году количество поединков один на один достигло 22, а в 174 году 74 человека боролись в течение трех дней.

Как и в случае с драмой, зрелища и религия были неотделимы друг от друга, поэтому неслучайно гладиаторские бои называли на латыни «*munus*», то есть «служба» или «пожертвование» предкам и богам. До I века они всегда проводились во время церемонии похорон какого-нибудь родственника мужского пола на временной арене, установленной на Форуме. Поскольку зрелища с насильственной смертью постепенно приобретали все большую популярность, римляне придумали им рациональное оправдание. Считалось, что гладиаторы будут отчаянно сражаться и с достоинством идти на смерть. Они должны были стать вдохновляющим примером и уроком храбрости для римских граждан. Гладиаторы стали символом римского воинственного духа, или, короче – доблести (*virtus*).

Гладиаторские бои (*munera*) в основном проводили в декабре во время праздника Сатурналий. Сатурналии можно считать прообразом христианского Рождества. Их начали праздновать в 217 году, и они являлись завершающим праздником года. Этот праздник был своего рода торжеством беспорядка. Если игры подтверждали деление на общественные классы, то Сатурналии на время отменяли его. Начиная с 17 декабря почти на неделю все повседневные общественные отношения переворачивались с ног на голову. Рабов освобождали от работы, а их хозяева прислуживали им и подавали еду (на самом деле часто рабы просто готовили ее заранее). Рабам разрешали играть в азартные игры. Даже Катон давал своим рабам дополнительную порцию вина. Граждане могли не надевать тогу и носить войлочный колпак (*pileus*), который обычно надевали освобожденные рабы. Во время праздника все обменивались подарками – восковыми свечами и небольшими глиняными фигурками – сигилляриями (*sigillaria*).

Частые римские праздники, конечно же, смягчали тяготы жизни, но для раба, безработного гражданина и частично занятого работника город все равно оставался тесной, переполненной, вонючей и совершенно нездоровой средой обитания. Богатые и власть имущие

наслаждались высоким уровнем комфорта и празднично проводили время, при этом они зорко следили за теми недовольствами, которые окружали их на каждой улице, в каждом переулке и на каждом перекрестке.

Катон неистово противодействовал греческому влиянию – упадническому с его точки зрения. Однако одному человеку, который считался воплощением греческого влияния, Катон так и не смог противостоять. Таким человеком был герой битвы при Заме, непобедимый Сципион Африканский. Значительную часть своей жизни Катон посвятил тому, чтобы как-то опорочить его.

Его раздражало величие Сципиона. Он происходил из очень знатной семьи патрициев, члены которой много раз занимали должность консула. Как мы уже знаем, его отец и дядя были замечательными военачальниками. С двадцатилетнего возраста Сципион занимал командные посты в армии и за время своей службы не проиграл ни одного сражения и не видел римскую армию побежденной. Во время ведения военных действий в иноземных странах Сципион стремился создать вокруг себя обстановку, свойственную какому-нибудь эллинистическому монарху. У него не было ни терпения, ни внутренней гибкости, чтобы процветать в условиях рыночной конкуренции. Замечательный военачальник оказался ничемным политиком.

Катон считал, что самым худшим качеством Сципиона была его приверженность греческой культуре. Он любил носить греческие одежды (а если он надевал тогу, то складывал ее таким способом, что давал повод своим недругам говорить о его женоподобном одеянии). Сципион написал автобиографию на греческом языке и очень хорошо говорил на нем. Двум своим сыновьям он дал греческое воспитание. По-видимому, его также получили две его дочери. Одну из них, Корнелию, которая вышла замуж за приверженца религиозных правил Тиберия Семпрония Гракха, считали очень культурной и высокообразованной женщиной.

Эти два человека впервые встретились в 204 году. Сципион находился в Сицилии, собирая свою консульскую армию для вторжения в Африку. Катон был одним из его квесторов, то есть занимал младшую выборную должность и занимался финансовыми вопросами. Он утверждал, что его командующий очень много денег брал на личные нужды, а также слишком щедро платил своим воинам. (Многие из них пошли в армию добровольно, таким образом, если бы утверждение Катона оказалось правдой, то верховное командование просто признало бы их наемниками.) Воины получали намного больше, чем это было необходимо для поддержания своей жизни, поэтому могли тратить излишки на роскошь и разные удовольствия. Другими словами, Сципион «губит исконную римскую простоту своих воинов». Это выражение Плутарха, но оно выглядит вполне правдоподобно, учитывая, что Катон всегда старался подчеркнуть свою неподкупность.

Сципион язвительно ответил ему, что больше не нуждается в таком скупом квесторе, и Катон вернулся домой, чтобы поднять этот вопрос в Риме. Вместе с Фабием он обвинил консула в том, что он бросил на ветер огромные деньги. Они также отмечали, что Сципион «вел себя как мальчишка, пропадая в палестрах и театрах, точно он приехал не на войну, а на праздник». В Сицилию отправили комиссию для расследования, но она не нашла никаких доказательств этого обвинения. Армия находилась в полной боевой готовности, как впоследствии показал Сципион, когда начал быстро громить войска Карфагена. На этот раз он отбил от всех нападков со стороны своих обвинителей, но они еще возвратятся. Ссоры и трения внутренней политики сильно раздражали его. Недруги Сципиона так и ждали, когда он совершит какую-нибудь промашку, которую они могли использовать против него.

Несмотря на то, что обвинение не подтвердилось, некоторые могли поверить в него, так как подозрения, высказанные Катонем и его сторонниками по отношению к Сципиону, имели основания. Пока победоносная республика решала самые сложные задачи, а решив их, получила

широкие возможности, военачальник в течение долгих лет находился вдали от Рима и от придирчивого взора сената (Сципион почти десять лет сражался в Испании и Африке с 211 года). Он командовал войсками, которые много времени провели в чужой стране. Раньше они были крестьянами и оставляли свои поля не более чем на несколько месяцев, но теперь их связь с землей почти полностью прервалась. Когда Сципион распустил свою армию, он попросил у сената дать войскам небольшие земельные участки из общественной земли (*ager publicus*) так, чтобы они могли где-то жить и как-то зарабатывать себе на жизнь. Если бы военачальник не позаботился о своих безземельных легионерах, то кто?

Сципион представлял опасность для государства, поскольку под его командованием находилась великая армия, которая, в крайнем случае, станет подчиняться только ему. Если бы он захотел, то, скорее всего, он смог бы ограничить власть сената и даже установить официальный или неофициальный деспотизм. На самом деле он не хотел этого. В глубине души он оставался верным такому государственному устройству, когда случайный выбор олигархии, смягченный демократией, приводил к ежегодной смене временных «монархов». Однако прозорливые сенаторы должны были уже взять на ум, что если какому-нибудь менее порядочному человеку удалось бы накопить достаточную силу, то он вполне мог бы ниспровергнуть республику.

Нельзя также сбрасывать со счетов, что превращение Рима из небольшого итальянского города-государства в непобедимую супердержаву привело к огрублению норм общественной жизни. Огромные богатства текли уже не только в казну, но и в карманы сенаторской элиты. Во время выборов широко распространилось взяточничество, а затем те, кого выбрали на должность, возмещали свои расходы. Они получали деньги из провинций, которыми продолжали управлять после того, как годичный срок их консульских или преторских полномочий истек. Сначала в число провинций входили две Испании (Ближняя и Дальняя), Сардиния, Корсика и Сицилия.

В 184 году Катона избрали на должность цензора. Он приложил все усилия, чтобы ограничить богатство и установить огромные налоги на роскошную одежду, повозки, женские украшения, мебель и посуду. Многие молодые люди отдавали целые состояния за красивых мальчиков или за соленую рыбу. Катон однажды сказал в народном собрании, «что об упадке нашего государства ярче всего свидетельствует то, что красивой наружности раба покупают дороже, чем полевой участок, а за бочонок сельдей платят больше, чем за пару быков». Какое отношение Сципион и его семья имели к такому поведению, мы не знаем. Однако, по словам Полибия, то, как жена Сципиона появлялась при всех на религиозных обрядах, говорит о том, что Сципион не предпринимал никаких попыток сократить расходы: «Она всегда появлялась так, чтобы показать свое высокое положение... О нем говорили не только ее роскошные одежды и богато украшенная повозка, но и все необходимые для проведения таких обрядов корзины, чаши, жертвенные сосуды и блюда, которые были сделаны из золота или серебра. За ней многочисленной свитой следовали сопровождающие ее служанки и рабы».

Критики Сципиона считали его роскошный образ жизни неотъемлемой частью общей картины морального разложения.

Катон питал сильное отвращение к злоупотреблениям властью, с которыми он столкнулся, будучи на посту цензора. Он безжалостно избавился от недостойных после того, как тщательно проверил списки членов сената и всаднического сословия. Однажды случай столкнул Катона с бывшим консулом по имени Луций Квинкций Фламинин, что очень напугало общественность. Фламинин проводил время с известным мальчиком-любовником по имени Филипп Карфагенянин. Он убедил Филиппа отправиться с ним в военный поход по Цизальпийской Галлии (ныне долина реки По). Как-то мальчик упрекнул своего возлюбленного

за то, что он заставил его уехать из Рима как раз в то время, когда там начинались гладиаторские игры, и ему придется их пропустить. Вечером они устроили званый пир и напились вина. Тем временем в лагерь привели кельтского перебежчика. Он попросил увидаться с консулом для решения вопроса о его личной защите.

Кельта привели в шатер, и он обратился к Фламинину через переводчика. Пока он говорил, консул повернулся к своему любовнику и сказал: «Раз ты пропустил гладиаторские состязания, не хочешь ли посмотреть, как умрет этот кельт?»

Мальчик согласился, не считая предложение серьезным. Тогда консул достал свой меч, висевший у него на поясе, и ударил кельта по голове, пока тот еще говорил. Когда кельт собрался бежать, он пронзил его мечом. Такое нарушение справедливости к тому, кто искал дружбы с Римом, сильно потрясло римлян, но что было действительно ужасно для римского сознания, так это убийство на пиру, совершенное в пьяном угаре.

Неужели добродетельная республика Цинцинната докатилась до этого?

По мере того как блистательная победа над Ганнибалом отступала все дальше в историю, Катон и его друзья искали любой случай, чтобы омрачить репутацию Сципиона Африканского. А тот отвечал на эти нападки с неуклюжестью льва, пытающегося отразить стаю гиен. Противостояние обострилось в 190 году, когда Сципион со своим братом Луцием возвратился в Рим после успешной кампании против сирийского царя Антиоха Великого (это описано в следующей главе).

Несколько лет спустя во время заседания сената недовольный трибун, желая создать трудности, попросил Луция объяснить, куда он потратил сумму в 500 талантов, полученную от сирийцев в виде их первого взноса в счет крупной компенсации в 15 000 талантов. При этом, скорее всего, никакого подозрения в мошенничестве не было. Деньги, по-видимому, пошли на выплату жалования воинам. В любом случае, Луций, будучи консулом и главнокомандующим, должен был отчитываться за государственные финансы, однако за деньги, полученные от врага, у него было гораздо меньше ответственности.

Невзирая на то, кто прав, а кто неправ, Сципион Африканский, будучи почетным главой Сената (*princeps senatus*), вышел из себя. Понимая, что именно он является косвенным объектом нападения, Сципион попросил принести отчетные книги военной кампании, а когда их доставили, он разорвал их перед сенатом. В тот раз дело закрыли, но братья Сципионы показали себя своевольными и видимо нечистыми на руку. Оппозиция при Катоне вскоре возобновила свои нападки. Нашли еще одного трибуна, который поставил вопрос перед народом. Когда Луций снова отказался объяснять, куда он потратил эти 500 талантов, его оштрафовали и пригрозили заключить в тюрьму, если он откажется заплатить штраф. Однако другой трибун наложил на это решение вето. Но Катон был удовлетворен, поскольку он достаточно сделал, чтобы подорвать авторитет братьев, и больше не предпринимал никаких нападков.

Когда в 186 году разразился скандал с культом вакханалии, Катон (конечно же), обвинил Сципиона и его окружение в том, что именно он распространял греческие культы и влияния, которые теперь создали такую большую опасность для республики.

Последнее нападение на Сципиона состоялось в 184 году. На этот раз обвиняемым стал сам Сципион (новое обвинение представляло собой сочетание старых). Огромная толпа клиентов и друзей сопровождала его на Форум. Согласно Полибию, он говорил кратко с присущим ему хладнокровием: «Народу римскому не подобает слушать чьи бы то ни было наговоры на Публия Корнелия Сципиона, ибо что осмелятся говорить обвинители, ему одному обязанные тем, что могут говорить».

Слушание дела перенесли на новую дату, которая оказалась годовщиной битвы при Заме.

Такую замечательную возможность нельзя было упускать. Сципион прибыл в суд и объявил, что собирается подняться на Капитолийский холм и поблагодарить богов за победу. Всякому, кто решит сопровождать его, он будет очень рад. Вся толпа единодушно оставила Форум и последовала за Сципионом. Искусный политик не остановился в Капитолийском холме и за оставшуюся часть дня посетил другие храмы в городе. Все это выглядело так, как будто Рим отмечал праздник, организатором которого был Сципион Африканский. Старое обвинение Катона стало реальностью.

Для гордого патриция этого оказалось достаточно. Он удалился в свою виллу в Литерне – городе на песчаном берегу близ Кум – и отказался явиться на суд, когда объявили новое заседание. Он сослался на свою болезнь, и это, скорее всего, было не дипломатическим оправданием, а правдой, поскольку в этом же году он умер в сравнительно раннем возрасте. Ему было всего пятьдесят два года.

Он оставил завещание, где просил похоронить его не в мавзолее Сципионов на Аппиевой дороге, а на территории своей виллы. Самый талантливый римский полководец больше не желал иметь ничего общего со своим неблагодарным городом, даже после смерти.

15. Блистательный Восток

Война с Ганнибалом закончилась, люди были измучены. После 18 лет борьбы сельские местности в Италии оказались полностью разорены, разрушено производство, опустела государственная казна, погибли сотни тысяч римских граждан и их союзников. Обычно победа имеет сладкий вкус, но на этот раз от нее отдавало горечью. Теперь в поле зрения римлян не было никакого опасного для жизни врага, им вполне хватило прошедших сражений. Все с нетерпением ждали мира и возрождения. Несмотря на это, через несколько лет после битвы при Заме сенат ввязался в новую большую войну. Когда этот вопрос подняли в народном собрании, то на него наложили вето, однако при повторном рассмотрении, народ с неохотой все-таки дал свое согласие.

Как же это могло произойти?

Римская республика оказалась неготовой управлять такой огромной территорией. В качестве наследницы Карфагена она владела островами Западного Средиземноморья и значительной частью Испании, но у нее не было никаких других территориальных устремлений. Бывшему врагу разрешили вести свои собственные дела в Северной Африке, но он не мог без особого разрешения сената предпринимать никаких самостоятельных действий, ни у себя дома, ни за границей. Италия, за исключением кельтской долины реки По, вполне привыкла к римскому господству, и после Пирра и Ганнибала римские легионы стали непобедимыми. Отныне Рим, который контролировал почти половину известного тогда мира, стал настоящей супердержавой, однако римляне не осознавали того, что это может означать.

Для многих римских граждан Восточное Средиземноморье, в отличие от Западного, представляло собой неведомую страну. Конечно, туда иногда добирались торговцы, и время от времени те, кто желали узнать о будущем, совершали трудные поездки в Дельфы. В III веке сенат вступил в дружественные, но осторожные отношения с Египтом. В остальном же римляне непосредственно не сталкивались с миром греческой политики и почти не проявляли к нему интереса. Однако времена менялись.

Теперь Рим стал более открытым для иностранного – особенно греческого – культурного влияния, чем прежде. Одни считали это нежелательным и даже опасным, а другие, наоборот, видели в этом культурное развитие, необходимое отсталому народу. Противоречие в мировоззрении римлян стало основанием более глубокой их неуверенности. Могла ли

республика наращивать свою новую власть и жить в рамках старого, удобного, но ограниченного мышления? Позволил бы ей это окружающий мир? Со всех концов известного мира к Риму стали часто обращаться за политической и военной помощью. Катон и его пуритане, утверждавшие, что не надо оказывать такую помощь, боролись против человеческой природы. Если государство имеет силу и отказывается использовать ее, то образуется вакуум, в который устремятся другие страны, проводящие недружественную Риму политику.

Должна ли Римская республика стремиться к имперскому пути развития и к цивилизаторской миссии? Если так, то традиционные пути развития должны были быть как-то приспособлены к новым условиям. Такие люди, как Сципион Африканский, считали, что эллинизированный Рим должен воспринять культурное многообразие, установить свой контроль в Средиземноморье и стать бескорыстным гегемоном этого региона. Конечно же, это был утопический взгляд. Приверженцы имперского сознания сколько угодно могут говорить о своих благих намерениях, однако на самом деле налицо вмешательство и установление внешнего контроля. Трудно поверить, что захваченные области добровольно соглашаются исполнять иноземные правила, и если они подчиняются им, то это просто разумный ответ на применение силы.

Катон и Сципион предлагали два различных ответа на военные успехи Рима. Первый унаследовал родовое, отрицательное предостережение Фабия Максима «Неторопливого», кого он был поклонником: он был крайним националистом и не стремился к созданию обширной империи. Несмотря на то, что о греческом языке и литературе он знал намного больше, чем казалось, он не желал иметь ничего общего с греческой культурой и Востоком. Катон считал, что достаточно было вытеснить Ганнибала из Италии. Сципион, в отличие от Катона, был убежденным сторонником экспансии. Эти два человека воплотили разные дилеммы, стоящие перед Римской республикой, – между традицией и новизной, эллинизмом и обычаем предков (*mos maiorum*), патриотизмом и интернационализмом, идолопоклонством и мистицизмом, строгостью и терпимостью, самоотречением и расточительностью. Чем руководствоваться Риму? Катон и его принципы завоевали много сторонников, однако Сципион, видевший Рим империей, смотрел гораздо дальше в будущее.

Более века прошло со дня смерти Александра Великого, с тех пор, как его Восточная империя распалась на три больших части – Македонию, Сирию и Египет. Эти царства соперничали между собой, и их силы постоянно находились в состоянии неустойчивого равновесия. Наряду с этими царствами существовали еще более мелкие части великой империи, такие как торговый остров Родос и небольшое, но богатое царство Пергам в Малой Азии. Крошечные города-государства Греции давно потеряли свое международное значение. Им приходилось выживать под зловещей угрозой Македонского царства, которое держало их под своим контролем. Македонские войска размещались в трех стратегических крепостях – в Коринфе, Халкиде и Деметриаде. Их называли «цепями Эллады». Некоторые греческие города объединились в союзы. Наиболее крупными были Этолийский союз в северной части Греции и Ахейский союз – на Пелопоннесе. Афины жили за счет своей прошлой славы и постепенно превратились в центр древней учености и образования, особенно по части философии.

Вторжение Пирра привело к неприятному знакомству римлян с греческой воинственностью, но, как мы уже знаем, первая военная операция Рима на греческой земле проводилась против Иллирии – полуэллинизированного пиратского царства, расположенного вдоль береговой линии Далмации. В середине III века территория Иллирии распространилась на юг и включила в себя нынешнюю Албанию. Греки, конечно же, очень обеспокоились тем, что в 244 году римляне основали свою укрепленную колонию Брундизий. Она располагалась через пролив от Греции в одной из самых удобных гаваней на восточном побережье

Апеннинского полуострова. Во время Второй Пунической войны убийство римского посольства иллирийскими пиратами привело к тому, что сенат одобрил военное вторжение на их земли.

Это раздражало македонского царя, Филиппа V – безжалостного и вспыльчивого правителя, любителя «черного» юмора. Он выступил против римского вторжения, так как считал, что эти земли входят в его сферу влияния. После битвы при Каннах Филипп встал на сторону победителя, неверно рассудив, что и окончательная победа будет за ним. Таким образом, он заключил договор о взаимопомощи с Ганнибалом. На греческих землях не происходило никаких серьезных военных операций, за исключением отдельных столкновений. В 205 году, когда Сципион вел военные действия в Северной Африке, царь понял, что он неправильно оценил ситуацию, и заключил с Римом договор о мире. В то время его военные силы находились в хорошем состоянии. Римляне обычно обсуждали условия соглашения только в том случае, если они выступали победителями, но в данный момент они были слишком заняты, чтобы преследовать Филиппа, и согласились заключить мир. Однако они не отказались от своих претензий к Македонии.

Филипп всегда стремился к незаслуженному превосходству. Когда на трон Птолемея вступил шестилетний мальчик, то Филипп решил, что настало время захватить часть заморских владений Египта. Не случайно написал автор Экклезиаста (видимо, современник царя): «Горе тебе, земля, когда царь твой – отрок». Зимой 203–202 года македонский монарх договорился со своим соперником, сирийским царем Антиохом Великим, что они поделят египетские владения.

Сирийцы двинулись на юг, а Филипп без всякого разбора напал на мирные города, расположенные на берегах Босфора, а также захватил Киклады и остров Самос. Филипп стал угрожать Пергаму и Родосу, а затем напал также и на эти государства. Такая наглая агрессия сильно озлобила ее жертвы, но что они могли сделать? Македония и Сирия были союзниками, а Египет не имел сил. Филиппу так и не пришлось бы отвечать за свои преступления, не появившись на геополитической сцене новый актер – Рим.

Пергам и Родос обратились к Римской республике за помощью. Сенат хотел сразу послать против Македонии войска, но оппозиция в народном собрании вынудила его подождать. На самом деле Филипп не нарушал никаких обязательств перед Римом, поскольку ни одно из государств, обратившихся за помощью, не входило в число официальных союзников Рима, и вмешательство было бы неоправданным. Оно противоречило римскому международному праву – «праву фециалов» (*ius fetiale*), которое строго соблюдалось. Это право предусматривало, что войну можно было объявлять только в случае обороны Римской республики или защиты ее союзников, связанных с ней договорными обязательствами.

Таким образом, в 200 году сенат послал Филиппу ультиматум, который оказался настолько жестким, что царь сразу же отклонил его. Он не мог поступить иначе. В результате обмена резкими заявлениями старший посланник сената обвинил его в агрессии. На это царь ответил, что, если разразится война, то его македонцы не ударят в грязь лицом. Посланник прервал переговоры и сообщил сенату в Рим свое отрицательное мнение. Филиппу надо было преподать урок. Когда вопрос об отношениях с Филиппом обсуждали во второй раз, народ уступил и согласился объявить войну.

Последовательность событий ясна, но не сохранилось ни одной записи обсуждения в сенате, которая могла бы объяснить мотивы этого решения. Поэтому нам придется размышлять. Одни утверждали, что этот случай является свидетельством неприкрытого империализма. Однако у нас нет почти никаких доказательств, что правящая элита стремилась к расширению территории Рима. Римляне не стали захватывать карфагенские земли в Северной Африке, и в это время они занимались умиротворением непокорных иберийцев и кочевых кельтских племен

в Северной Италии. Сенаторы, подобно остальному населению Рима, отказывались идти на войну.

Другие говорили, что в сенате заседали идеалисты, стремящиеся освободить Грецию от македонского деспота, что они хотели без всяких корыстных целей стать своего рода мировым «полицейским». Конечно, такие аристократы как Сципион Африканский были приверженцами греческой культуры, однако они не питали никакой особой привязанности к современным им грекам и проповедовали свое греколюбие исключительно для пользы Рима.

Мы не должны исключать возможность, что конфликт мог возникнуть из-за какого-то просчета. Обе стороны очень мало знали друг о друге. По-видимому, Рим преувеличил угрозу, исходящую от Македонии, а Филипп просто не отнесся серьезно к вмешательству сената в свои внутренние дела, пока не стало уже слишком поздно.

По всей вероятности, существовала одна главная причина вспышки военных действий и два связанных с ней следствия. Сенат проявил предусмотрительность и решил не позволить никакому враждебному государству собрать силу в Восточном Средиземноморье, как это сделал на Западе Карфаген. Военное сотрудничество между Македонией и Сирией, направленное в это время против Египта, с таким же успехом в будущем могло обратиться против Рима. И если представилась такая возможность, то вполне разумно было поставить Филиппа на место. В конце концов, он уже вел войну против Рима и (это – одно из следствий) еще не поплатился за это.

И наконец, большую роль играли личные устремления тех, кто правил Римской республикой. По сути дела, они представляли собой закрытую группу, состоящую приблизительно из двух тысяч человек – своего рода клуб для избранных, куда допустили всего несколько «новых членов» (таких как Катон). Соперничество между ними проходило в более или менее дружественной манере, однако в любой момент времени многие из них могли потерять свои должности. После поражения Ганнибала для управления новыми римскими владениями в Западном Средиземноморье (Ближняя и Дальняя Испания, Сицилия, Корсика и Сардиния) требовались наместники и другие чиновники. Открылись новые возможности для политической деятельности, для проведения военных походов и личного обогащения. И теперь, когда незнакомое и загадочное восточное государство попало в поле зрения Римской республики, появились вакантные должности послов, советников и даже – это можно сказать с полной уверенностью – военачальников. Римские путешественники – чиновники и торговцы – с надеждой вошли в этот новый мир. Легко представить, какие они испытали чувства волнения и жадности, когда впервые оказались в больших городах, таких как Афины, Антиохия и Эфес, посетили Семь Чудес Света и своими глазами увидели достижения греческой цивилизации.

Как обычно, легионы разворачивались очень медленно, поэтому сначала инициатива оказалась в руках Филиппа, который горел желанием устроить грабежи и резню.

На второй год наступил перелом в войне. Командование вооруженными силами Рима принял молодой и талантливый полководец по имени Тит Квинций Фламинин (брат того самого Фламинина, который убил кельта, чтобы доставить удовольствие своему любовнику, и который позднее преследовал Ганнибала до самой его смерти – см. эту страницу). Это был харизматичный, привлекательный муж, приверженец греческой культуры. Его вполне можно назвать Сципионом номер два. Несмотря на возражения некоторых сенаторов, его избрали консулом в очень раннем возрасте – двадцать девять лет.

Консул встретился с царем для переговоров, где Фламинин прямо сказал Филиппу снять «оковы Эллады» (другими словами, убрать свои гарнизоны) и возместить убытки тем государствам, поля и города которых он разграбил. Царь ответил, что никогда не освободит города, которые прежде находились под контролем Македонии, и что любые требования о

возмещении ущерба необходимо рассмотреть в суде. Консул сказал: «Здесь нет нужды ни в посреднике, ни в судьбе: ведь виноват, как всякому очевидно, тот, кто взялся за оружие первым». Филипп вышел из себя. Он возразил, что не позволит разговаривать с собой так, словно он уже побежден, после чего покинул переговоры.

Стало ясно, что Фламинин намеревался выбить македонцев из их трех крепостей, а затем изгнать их из всей Греции. Филипп понимал, что его силы не смогут выдержать длительную войну на истощение. Поэтому он начал наступление, рассчитывая на быструю победу. Однако римляне при поддержке Этолийского союза оттеснили его в Фессалию. Разъяренный царь, отступая, применял тактику выжженной земли, тогда как более разумный Фламинин не стал грабить и совершать злодеяния. Несмотря на то, что в Пелопоннесе у Филиппа остались один или два его союзника, он видел, что Греция постепенно выходит из-под его контроля. Он попросил своего противника о встрече.

Кто-то записывал ход этой встречи, и до нашего времени сохранился полный отчет, который дает понять, как в те дни строились международные отношения и что за человек был Филипп. Обстоятельства были таковы, что, несмотря на свою готовность к переговорам, Фламинин не имел никакого желания заключать мир, тогда как царь стремился к одному – любой ценой избежать полного поражения.

Встреча проходила под открытым небом на берегу моря около Фермопил. Капитаны и цари не доверяли друг другу, поэтому надо было выбрать такое место, где возможность засады будет минимальной. Застроенное городское пространство для этого не подходит, так как в любом случае трудно найти город или поселение, которые будут соблюдать полный нейтралитет. Морское побережье лучше подходило для такой встречи, потому что одна сторона могла приехать по суше, а другая по морю. Это означало, что ни одна из сторон не смогла бы легко преследовать и захватить другую.

Итак, Фламинин и различные делегаты из Греции, Пергама и Родоса собрались на морском берегу и ждали Филиппа. Он прибыл на военном корабле в сопровождении пяти галер. Царь подошел близко к берегу, но высаживаться не стал.

Консул, не смущаясь, спросил Филиппа: «Кого же ты боишься?»

«Я-то никого не боюсь, разве что бессмертных богов. Но не всем я доверяю из тех, кого вижу вокруг тебя, и менее всего этолийцам», – ответил царь.

Такое начало не предвещало ничего хорошего, однако Фламинин предложил царю, который просил об этой встрече, высказать все, что он хочет.

«Первое слово принадлежит не мне, а тебе. Объясни мне, что я должен сделать, чтобы получить мир».

Консул изложил свои условия, наиболее важное из которых то, что Филипп должен будет полностью очистить Грецию. Затем свои требования перечислили остальные участники встречи, союзники римлян. Так, например, посланник из Пергама хотел, чтобы царь восстановил святилище Афродиты и храм Афины Ники (Победительницы) близ города Пергам. Все это Филипп разрушил во время своего набега на Пергамское царство.

Некий Феней из Этолийского союза говорил очень долго, постоянно подтверждая свои мысли многочисленными примерами. Он рассказал о манере Филиппа безжалостно опустошать не только территории своих врагов, но и своих друзей и союзников. Такая речь распалила царя. Он подошел еще ближе к берегу и обвинил Фенея в том, что его речь «по своей напыщенности и лживости достойна этолийца». Он отклонил все обвинения в свой адрес, однако признал, что военачальники силою обстоятельств часто вынуждены поступать вопреки своим желаниям.

Феней, страдавший сильною близорукостью, назвал его речь нелепой болтовней. Он заявил, что надо побеждать в борьбе или покоряться сильнейшему.

Филипп, снискавший славу находчивого и насмешливого собеседника, что очень подходит для царя, не смог удержаться от сарказма. Желая задеть говорящего, он сказал: «Да, это видит даже слепой!»

Далее последовала какая-то бессвязная беседа, в которой царь продолжал высказывать нападки на этолийцев. Затем он задал своим собеседникам вполне обоснованный вопрос: «Какую же Грецию, вы велите мне очистить? Какие вы полагаете ей границы? Ведь большинство самих этолийцев вовсе не эллины». Он перечислил и другие территории, которые не считались исконно греческими, и спросил: «Могу ли я остаться в этих местах?»

Затем он обратился к другим представителям и подробно ответил на все вопросы, которые они задали: «Разрушенного Никефория и разоренного участка Афродиты не могу, конечно, восстановить, но обещаю посылать туда растения и садоводов, которые должны будут заботиться о благолепии этого места и о возвращении деревьев на месте вырубленных». Фламинин засмеялся в ответ.

Наконец, Филипп обратился к консулу и спросил: «Обязан ли я согласно его требованию очистить только те города и местности в Элладе, которые сам приобрел, или же и все те, которые перешли ко мне от предков?» Фламинин ничего не ответил, но вместо него пожелали ответить другие представители. Но время было уже позднее, и говорить речи не пристало, поэтому Филипп попросил всех представителей дать ему в письменном изложении те условия, на которых должен состояться мир. «Я одинок, – сказал Филипп, – у меня нет советников, поэтому я хочу наедине поразмыслить над предъявленными мне требованиями».

Консул не без удовольствия выслушал насмешку Филиппа и ответил: «Понятно, Филипп, почему ты одинок теперь: ты погубил ведь всех друзей, которые могли бы преподать тебе прекраснейший совет». Царь македонян улыбнулся язвительной улыбкой и замолк. Все разошлись, решив встретиться снова на следующий день.

Римляне прибыли вовремя, но царя не было. Они прождали весь день, и наконец, с наступлением сумрака, увидели македонцев. Филипп сказал в свое оправдание, что целый день изучал трудновыполнимые требования. Это была хитрость, поскольку царь он хотел встретиться с Фламинином с глазу на глаз. Через час собравшиеся сановники согласились, что царь и консул должны встретиться лично в сопровождении только нескольких своих приближенных. Царь сошел на берег и очень долго беседовал с консулом на закате дня.

Фламинин сообщил своей делегации о некоторых ограниченных уступках, на которые готовы пойти македонцы. Все присутствующие громко высказали свое недовольство результатами переговоров. Филипп заметил возбуждение в среде представителей и снова предложил перенести переговоры на следующий день.

На этот раз царь прибыл вовремя рано утром. Он произнес короткую речь, в которой сказал, что если здесь невозможно достигнуть соглашения, то он готов отправить посольство в сенат для решения всех поставленных здесь вопросов. Фламинин радостно принял предложение Филиппа, поскольку он хотел, чтобы сенат одобрил расширение его полномочий, а наступающая пора весьма удобна для того, чтобы ознакомиться с настроением сенаторов. Можно предположить, что идею о перенесении дела в сенат стороны согласовали в тихой беседе, которая прошла на темном берегу прошлой ночью.

Сенат обсудил мирные предложения Филиппа, отклонил их и предоставил консулу желаемые полномочия. Несмотря на незаурядный ум царя, его дипломатия потерпела неудачу, и военные действия возобновились. К весне 197 года Фламинин завоевал почти всю Грецию, за исключением ее «оков». Более 23 000 македонцев двинулись на юг в Фессалию, где они встретились с римской армией почти той же численности. Рельеф не подходил для сражения. Филипп и Фламинин повели своих воинов вдоль обеих сторон от небольшой гряды под

названием Киноскефалы (по-гречески «собачьи головы»). Противоборствующие армии встретились случайно. Сражение началось на неровной местности, которая больше подходила для гибкого легиона, чем для жестко построенной фаланги. Римским войскам удалось зайти врагу во фланг и атаковать его с тыла. Победа осталась за римлянами.

С самого правления Александра Великого и его знаменитого отца, Филиппа, в IV веке македонская фаланга считалась непобедимой. И вот, к удивлению греческого мира, ее разгромили на поле боя. Победа оказалась в руках каких-то неизвестных захватчиков с запада.

Честолюбивый и властный Этолийский союз, воины которого сражались вместе с римлянами, хотел полностью уничтожить государство Филиппа, однако Фламинин считал иначе. Ему оказалось достаточно того, что македонский царь был унижен и отброшен за свои границы. Полное устранение Филиппа создало бы политический вакуум, нарушающий равновесие сил в Восточном Средиземноморье. Этим воспользовались бы кельты, которые двинулись бы в Грецию с севера. Фламинин оставил на троне усмиренного Филиппа, лишил его внешних владений, включавших «оковы Эллады», и связал союзом с Римом. Будучи реалистом, царь смирился со своим новым униженным положением.

Сенатский указ, установивший условия мира, был больше, чем просто соглашение с царем Македонии. Этот указ можно считать манифестом, в котором провозгласили свободу для всех греков (то есть, на Балканах и в Малой Азии). Рим присвоил себе право определять систему управления распавшейся империи Александра. Таким образом, римляне решали не только судьбу своего побежденного врага Филиппа, но и предупреждали Антиоха, как ему действовать, чтобы они никогда не встретились у него на пути.

Но что же на самом деле означала эта свобода? Как только Филипп убрал свои гарнизоны из «оков Греции», сенат сразу же разместил там римские войска. Циники задались вопросом, не произошла ли просто смена одного деспота на другого. Рим не собирался устанавливать военную оккупацию и прямое правление, которые принесли бы много проблем и всего одно очевидное преимущество – защиту от возможной угрозы с востока от Антиоха. Отсутствие сдерживающих крепостей с римскими войсками могло сподвигнуть его к вторжению в Грецию. Кроме того, в Греции существовало множество трудноразрешимых спорных вопросов, уладить которые мог только Рим. Необходимо было усмирить агрессивного царя Спарты. Этолийцы выразили недовольство тем, что сенат недостаточно вознаградил их за помощь Риму во время войны. Они хотели расширить свои владения, даже при том, что это явно бы противоречило предоставлению независимости греческим городам-государствам. Они распускают слухи о том, что план по освобождению Греции на самом деле обман, и утверждают, что «Фламинин развязал Греции ноги только для того, чтобы надеть ярмо на ее шею».

Эти слухи имели под собой почву. Десять избранных представителей сената обсуждали с Фламинином положение дел в Греции и высказали мнение, что «оковы» должны остаться в руках Рима. Командующий понимал, что это может закончиться плохо, так как если объявить об этом, слухи этолийцев оправдаются. С большим трудом он убедил представителей сената пересмотреть свое решение.

Фламинин решил смягчить тягостное настроение и организовал празднества в столице Ахейского союза – Коринфе. Этот богатый торговый город находился на перешейке, соединяющем Пелопоннес с Северной Грецией. Там раз в два года летом (до и после Олимпийских игр, проходящих раз в четыре года) проводились Истмийские игры, состязания атлетов и праздник искусств. Сразу же объявили общее перемирие, чтобы на игры со всей Греции могли приехать атлеты и зрители. На играх устраивали гонки на колесницах, кулачные бои, борьбу и панкратион – смесь кулачного боя и борьбы, но без правил, исключая удары по глазам и укусы. Там также проводились состязания поэтов и музыкантов, в которых очевидно

разрешали участвовать даже женщинам, что в то время было нехарактерно.

Игры 196 года стали первым праздником мирного времени за несколько лет. На ристалище собралась многочисленная толпа. Фламинин велел трубачу сигналом установить тишину. Затем вышел вперед глашатай и возвестил: «Римский сенат и полководец с консульской властью, Тит Квинкий, победив в войне Филиппа и македонян, даруют свободу коринфянам, фокидянам, локрам, эвбейцам, ахейцам фтиотидским, магнетам, фессалийцам, перребам, предоставляя им не содержать у себя гарнизонов, не платить дани и жить по отеческим законам».

В объявлении были перечислены все те города, которые находились под непосредственным управлением Филиппа и требовали себе независимости.

Тотчас же при первых словах поднялся ужасный шум, вследствие чего некоторые вообще не услышали того, что сказал глашатай. Большинство же услышало, но не поверило своим ушам. Полибий пишет: «Большинство присутствующих не верило ушам своим, и слова глашатая слышались им как бы во сне, – до того велика была неожиданность события, – поэтому всякий громко требовал, чтобы глашатай с трубачом взошел снова на середину ристалища и повторил бы прежде сказанное потому, мне кажется, что люди по недоверию к слышанному желали не только слышать, но и видеть говорящего».

По просьбам народа трубач отложил свою трубу, и глашатай снова возвестил то же самое. После этого разразился такой громкий взрыв рукоплесканий, что его слышали в море, и все присутствующие встали. Через много лет очевидцы рассказывали, что те, кто только читали об этом событии, вряд ли могли себе вообразить, что же происходило там на самом деле. Некоторые вороны, которые в тот момент пролетали над ристалищем, так испугались разразившегося шума, что упали на землю.

Когда рукоплескания стихли, начался монотонный гул несмолкаемых разговоров. Уже никто не обращал никакого внимания на состязания борцов. Все ринулись к Фламинину. Люди устремились вперед, чтобы коснуться его руки, закидать его лентами и венками. Его провозгласили спасителем греков и чуть было не задавили во время многочисленных поздравлений.

О таком приеме мечтал каждый освободитель на протяжении всей истории, но, поскольку каждый доброжелательный захватчик всегда ищет свою выгоду, радостное настроение продлилось недолго.

Греческие города, получившие свободу, как обычно, продолжали соперничать между собой. Фламинин и его представители целый год решали разные вопросы и улаживали многочисленные споры. Эта была недостойная работа для высокого статуса проконсула, но ее приходилось выполнять. Сенат надеялся, что как только все споры разрешатся, он больше не будет интересоваться греческими делами. Осенью 194 года римляне наконец удалили свои гарнизоны из «оков» и вывели войска из Греции. Фламинин возвратил на повозках произведения греческого искусства и многочисленные сокровища, которые он взял для триумфа.

Сообщник Филиппа Македонского по территориальным захватам, Антиох Великий, утратил интерес к вторжению Рима в Малую Азию, которую сирийский царь считал сферой своего влияния. Со своей стороны сенат боялся, что он собирается напасть на Рим. Этот страх усугубился в связи с прибытием Ганнибала ко двору Антиоха. На самом деле у сирийского монарха не было такого намерения. Он собирался восстановить империю, которую основатель его династии, Селевк, создал из большей части того, что захватил покойный Александр. Этим и ограничивались его стремления. Что же касалось римлян, он просто хотел, чтобы они оставили его в покое. Если бы можно было заключить такой договор, приправленный обычными

банальными выражениями о вечной дружбе, то два государства могли бы развиваться своими собственными путями, не мешая друг другу.

На первый взгляд Антиох был довольно успешным правителем. Он родился около 241 года и в молодом возрасте унаследовал трон распадающегося государства от своего старшего брата, который погиб от рук убийцы. Как и другие преемники Александра, Антиох имел македонское или греческое происхождение. Преемники Александра правили крайне деспотично, всячески старались увековечить свои династии и обогатиться за счет своих подданных. В самом конце своего правления Селевк сказал своему войску: «Я не ввожу у вас никаких персидских обычаев или обычаев других народов, но скорее я устанавливаю следующий общий для всех закон: «Всегда справедливо то, что постановлено царем».

Философы развили теорию меритократии, согласно которой царское звание является вознаграждением за благородные дела, а следующий естественный шаг наверх (это очень похоже на «пути чести» (*cursus honorum*) для избранных магистратур в Риме) – достижение божественности. Геракл (греческая версия Геркулеса) указал путь, как преодолеть свою смертность. Гомер дал свое толкование понятию «раздвоение личности», когда его герой – странствующий Одиссей – спускается в подземный мир и встречает там призрак этого героя:

После того я увидел священную силу Геракла, –
Тень лишь. А сам он с богами бессмертными вместе
В счастья живет...

Одни монархи провозглашали себя божественными, наподобие того, каким стал Геракл. Они считались богоподобными еще при своей жизни. Другие утверждали о своем обожествлении перед смертью. В прошлом веке македонского царя при его въезде в Афины приветствовал хор, исполнявший гимн, написанный специально для этого события:

Иные боги далеко находятся,
К ним мольбы напрасны,
И нет их здесь, не внемлет ни один из них.
А ты – стоишь перед нами
Не каменный, не деревянный, но живой.
Молимся тебе мы...

На сложном для понимания Востоке широко распространились воззрения, объединявшие в себе рациональный скептицизм и почитание божественных особ. Они были свойственны как среди правителей, таких как Антиох, так и среди их подданных.

После своего вступления на трон энергичный и честолюбивый Антиох приступил к восстановлению своей империи. Ему не удалось вытеснить Птолемеев из захваченных ими сирийских земель, однако в Малой Азии ему сопутствовал успех. Затем он решил пойти по стопам Александра Великого и двинулся на восток в Парфию и Бактрию. Антиох пересек Кабульскую долину и спустился в Индию, где заключил договор о дружбе с индийским царем Софагасеном (Субхагасеной), у которого он приобрел слонов для своей армии. После непродолжительного похода вдоль побережья Персидского залива Антиох вернулся на родину, завоевав славу победителя. Он восстановил империю своего отца и после своего возвращения получил прозвище «Великий». Антиох рассматривал себя как великого царя, который появился после давно ушедших персидских монархов.

Теперь Антиох оказался на вершине своего могущества, и с точки зрения Рима он

представлял серьезную опасность. Очевидно, что был опытным военачальником и мог выставить такое количество воинов, которого не было у Римской республики. На самом деле его семилетний «Анабасис» («продвижение вглубь страны») представлял собой не завоевательный поход, а скорее показательную поездку по союзным государствам. Нам неизвестно, знал ли что-нибудь об этом римский сенат, однако в результате похода царю только удалось заручиться поддержкой дружественных союзников, а не создать новые сатрапии или провинции. На самом деле Антиох управлял только небольшой областью около Персеполя. Все то, что он сделал – по мнению многих, это у него хорошо получилось, – похоже на огромные декорации к историческому фильму в стиле «меч и сандалии». Такие декорации производят внушительное впечатление только с большого расстояния, однако вблизи сразу становится видно, что они сделаны из реек и гипсокартона.

Антиох захватил прибрежные города Малой Азии, что было согласовано с Филиппом в их взаимном договоре о территориальных захватах. Затем Антиох решил закрепиться на последнем клочке бывшей империи Селевкидов – во Фракии. Эта неуправляемая полуварварская страна граничила с Грецией. Для этого в 196 году Антиох переправился через Босфор на Европейский континент. Это стало его роковой ошибкой, совершенной скорее не по необходимости, а просто из-за воспоминаний о прошлом.

Римляне, конечно же, были недовольны. По их мнению, Фракия представляла собой нейтральную зону между сферами влияния римлян и Антиоха. Однако сирийский царь считал, что его нейтральная зона должна находиться западнее – на освобожденных Балканах. Чем скорее римский сенат уберет оттуда свои войска, тем лучше. Такое разное понимание неизбежно вело к войне.

Царь начал переговоры с римлянами, преследуя только незначительные цели. Римляне отказались принять его посланников, а сам он страшно возмутился назидательным тоном сената, который посмел указывать ему, как управлять на своих собственных землях. Между тем, Пергам, встревоженный сирийским экспансионизмом, как когда-то агрессией Филиппа, распространял слухи о враждебных намерениях Антиоха среди восприимчивых членов сената. Из-за этого сенат мог отменить свое самое лучшее решение – о выводе римских войск из Греции.

В 193 году Фламинин, который вернулся в Рим и говорил от имени сената, предложил Антиоху через его посланников вполне очевидное, и даже циничное, соглашение: «Если царь требует, чтобы не вмешивались мы вовсе, когда речь идет о городах Азии; тогда и сам он пусть не вмешивается в дела Европы». Другими словами, при условии, что Антиох оставляет Фракию, Рим предоставляет ему свободу действий в Малой Азии (какая «трогательная забота» о свободе греков!). Но как раз на это Антиох никогда бы не пошел, так как слишком дорога для него была мечта о возрождении обширных владений Селевка.

Именно в это трудное время руководители Этолийского союза изменили свою позицию и решили отомстить неблагодарному Риму. Они искали себе союзников и обратили свой взор на царя Филиппа. Однако, наученный горьким опытом, он решил остаться в хороших отношениях с сенатом и отказался присоединиться к мятежу. И наконец, этолийцы предложили Антиоху освободить Грецию от римлян. Большинство очевидцев сочли, что угрозу Греции представляет не Римская республика (ведь римские легионы к тому времени ушли), а скорее сами этолийцы, которые упорно стремились заполнить тот политический вакуум, который остался после ухода римлян и поражения Македонии.

В ожидании ответа они начали провоцировать волнения. Этолийцы убили царя Спарты, который многих раздражал. Затем союз попытался занять Халкиду – одни из «оков», – однако жители города твердо заявили что, поскольку Халкида уже свободна, то они не нуждаются ни в

каком «освобождении». Другие «оковы» – порт Деметриада, граждане которого были недовольны, что Рим собирался вернуть их город Филиппу в качестве награды за его преданность, перешел на сторону этолийцев.

После некоторого размышления «великий царь» принял предложение этолийцев. Что же убедило его сделать такой безрассудный шаг? Он, несомненно, понимал, что этолийцы – ненадежный союзник и что римляне, одержавшие победу над греческой фалангой, возвратятся в Грецию со своей армией. Осенью 192 года сирийский флот прибыл в Деметриаду. На берег высадилась небольшая армия всего из десяти тысяч человек и шести знаменитых боевых слонов. Такое войско вряд ли бы испугало римлян. Кажется, что царь всего лишь хотел, чтобы его уважали.

Антиох провел зиму в бездействии, наслаждаясь со своей молодой супругой – хорошенькой местной девушкой из Халкиды. Однако весной следующего года сирийского царя быстро выгнали из Греции. Римская армия наголову разгромила захватчиков в самом символическом месте Греции – Фермопильском горном проходе. Антиох, не теряя времени, вернулся по морю домой. Если он надеялся, что теперь римские легионы оставят его в покое в своей восточной империи, то он сильно разочаровался.

Сенат собрался преподавать ему урок. Консул Луций Сципион возглавил армию численностью около тридцати тысяч человек. Его знаменитый брат Сципион Африканский стал его представителем, или легатом. Помощь римлянам оказал Филипп, за что ему уменьшили размер компенсации и вернули в Македонию его сына Деметрия, который находился в Риме в качестве заложника. На сторону Рима, конечно же, встали Пергам и Родос. Несмотря на некоторые неудачи, в 190 году римские легионы впервые переправились в Азию и в декабре того же года встретились с Антиохом. К тому моменту численность римской армии удвоилась. Сражение произошло при городе Магнезии, которая располагалась в Лидии недалеко от Смирны.

На правом фланге своей армии «великий царь» со своей конницей провел успешную атаку, а затем поскакал вперед, преследуя неприятеля. Тем временем римляне разгромили сирийскую фалангу и стали уничтожать убегающих воинов. Антиох обернулся, только когда подошел к римскому лагерю и встретил там сопротивление. Он решил, что уже одержал победу и поскакал обратно в приподнятом настроении. Однако, увидев поле боя, усеянное трупами его воинов, коней и слонов, а также свой лагерь, захваченный противником, он поспешно сбежал. Несмотря на наступление темноты, он продолжал скакать и к полуночи добрался до лидийской столицы, города Сарды. Только там он почувствовал себя в безопасности.

Это стало концом Сирии как великой державы. Рим определил ей самую высокую в своей истории компенсацию – в пятнадцать тысяч талантов. Антиох лишился своих владений в Греции и в большей части Малой Азии. Ему пришлось отказаться от своих наследственных прав на Фракию. Но, как и в случае с Филиппом, римляне оставили на его троне. В это время сенат предпочел не уничтожать поверженного врага, а только лишить его возможности действовать самостоятельно. Таким образом римляне обеспечили стабильность в регионе, не утверждая там своего правления.

Последствия битвы при Магнезии стали очевидны для всех. Преемники Александра перестали быть независимыми правителями. Все свои действия они должны были согласовывать с Римом. Теперь они должны были дважды подумать, прежде чем сделать что-то, что могло бы нарушить шаткое равновесие в регионе.

В отличие от них, Пергам, Родос и свободные греческие города на побережье Эгейского моря были благодарны своему защитнику. Сенат всегда мог положиться на них, так как теперь они стояли на страже римских интересов.

Жители небольшого захолустного городка на побережье Фригии с удивлением узнали, что победители проявили к ним удивительную щедрость и освободили их от налогов. Этим городком была Троя, которая ныне представляет собой нагромождение развалин разных эпох, а близлежащая небольшая деревушка зарабатывает на туризме. Этот городок вроде бы не оказал римлянам никаких услуг, чтобы заслужить такой подарок. Однако римляне знали, что именно здесь находится их родина, их земля, которую они когда-то покинули.

Какую радость теперь должна была испытать их родина от унижения некогда торжествующих греков!

Сын Филиппа от законной жены, Деметрий, вернулся домой. Он был интересным и привлекательным молодым человеком. Во время своего вынужденного пребывания в Риме Деметрий приобрел известность в правящих кругах. Сенаторы думали, что если бы на македонском троне оказался он, то насколько им было бы удобнее иметь дело с ним, а не с его вспыльчивым отцом или с прямым наследником трона, старшим братом Деметрия, Персеем, рожденным от наложницы. Персей стал подозревать Деметрия, что тот хочет отстранить его от наследования трона. Возможно, он был прав в своих подозрениях, что повышенное внимание и лесть вскружили голову неопытному наследнику.

К сожалению, у Персея не было никаких доказательств, и поэтому ему пришлось создать их самому. Он написал поддельное письмо, якобы от Фламинина, где подробно изложил план переворота для Деметрия. Царь поверил письму и в 180 году убил своего сына. На пиру в напиток Деметрия добавили яд. Выпив отравленный напиток, молодой человек сразу понял, что произошло, и вскоре после этого у него начались боли. Он удалился в свою спальню и громко поносил своего отца и брата, обвиняя их в своей смерти. Такой шум мог привлечь внимание, поэтому к Деметрию подослали человека, который задушил его.

Впоследствии Филипп понял, что письмо было подделкой, но было уже поздно. Он обвинил Персея, однако тому повезло, поскольку царь вскоре умер. Очевидно, что страдал он больше душой, нежели телом. Он потерял сон, так как неотступная тень безвинно убитого сына не давала ему покоя.

Персей благополучно взшел на трон и сделал все возможное, чтобы рассеять все страхи, которые были у римского сената по отношению к нему. Он стал энергичным правителем, полным решимости начать все сначала после долгого господства своего отца. Персей задался целью восстановить доброе имя Македонии в Греции и дальше на Востоке. Своей открытостью и великодушием он сильно отличался от саркастического и властного отца. Такие мероприятия, как амнистия должников, снискали ему уважение народных масс, а не местной аристократии, с которой предпочитал иметь дело римский сенат. Его женитьба на дочери Антиоха и брак его сводной сестры с царем Вифинии улучшили международное положение Персея. Тщательно соблюдая условия соглашения с Римом, царь создавал и совершенствовал свою армию.

Вся эта деятельность встревожила сенат. В последние годы он стал проводить в Греции более жесткую политику. Сенат раздражали бесконечные конфликты между греческими городами-государствами и, в частности, стремление Ахейского союза к захвату всего Пелопоннеса. Однако новая популярность Персея стала сигналом чего-то более серьезного. Пергам все еще имел влияние на сенат и постоянно распространял среди сенаторов неправдоподобные обвинения против македонского царя, пытаясь настроить римлян против него.

Готовила ли возрожденная и восстановленная Македония новый вызов Римской республике? И да, и нет. Персей, конечно же, стремился улучшить политическое положение своего царства, но Филипп признал, что Македония не может соперничать с Римом и внушил это своему сыну. Римляне уклончиво отвечали на просьбы о переговорах и согласились на

временное перемирие, заключенное только для того, чтобы выиграть время для создания новой армии. Выглядело так, как будто они собирались начать войну, но в данный момент еще не были к ней готовы. В конечном счете, в 171 году сенат отправил в Грецию военный отряд.

Как и в войне с Филиппом, сначала боевые действия шли с переменным успехом, но в 168 году Персей, который не отличался полководческими талантами, проиграл решающее сражение при Пидне. Оно стало концом Македонии как независимого государства. Царство разделили на четыре самоуправляемых республики, а его бывший монарх прошел в триумфальной процессии своего победителя. Оставшуюся часть своей жизни Персей провел под стражей на вилле в небольшом городке, расположенном в гористой местности недалеко от Рима. Ему разрешили жить со всеми удобствами, привезли мебель из его дворца в Македонии и оставили бывших придворных. Разочаровавшись в своей жизни, Персей прожил после этого всего несколько лет и в 166 году довел себя голодом до смерти.

По иронии судьбы его оставшегося без трона сына звали Александром. Это имя стало печальным напоминанием о самом величайшем македонском монархе. Ему пришлось выбирать свой собственный путь. Александр выучил латынь и зарабатывал на жизнь, будучи искусным ремесленником по золоту и серебру, а также в качестве нотариуса.

Македонскую фалангу в битве при Пидне римляне победили под командованием старого полководца Луция Эмилия Павла. На обратном пути в Рим он получил страшное указание от сената. Эпир, который никак не проявлял себя со времени правления незаурядного царя Пирра, проявил неблагоразумие и поддержал Персея во время войны, которая только что завершилась. Чтобы обеспечить легионы трофеями, сенат приказал Павлу разграбить все эфирские города и поселения, оказавшие поддержку Македонии. Несмотря на то, что этот римский полководец считался знатоком греческой культуры и только что закончил осмотр примечательных мест Греции, он с большим усердием приступил к решению своей новой задачи.

Старостам каждой общины велели собрать все серебро и золото в своих зданиях и храмах. Затем легионы занимали определенную область и собирали все эти сокровища. После завершения сбора они без всякого предупреждения нападали на поселение и полностью разоряли его. За один день в рабов обращали почти 150 000 мужчин, женщин и детей. В результате такого грабежа Эпир превратился в пустыню и никогда больше не возродился.

В Риме всегда были рабы. Раньше рабами становились несостоятельные земледельцы, которые продали себя в качестве рабочей силы, и пленные враги, которых привели римские легионы после походов по Италии. Рабство являлось характерной особенностью городской жизни, однако рабов было не так много. После победоносных военных кампаний республики в дальних странах число рабов увеличилось до такой степени, что это преобразило образ жизни города. Римское общество окончательно превратилось в рабовладельческое.

По некоторым подсчетам в результате Первой Пунической войны в Риме оказалось около 75 000 рабов. В войне с Ганнибалом при захвате одного только города Тарента на продажу вывели 30 000 пленных. Теперь, с крахом Македонии и поражением Сирии, рабы и деньги хлынули в Италию. Люди могли попасть в рабство также благодаря организованному пиратству и контрабанде.

Раб не имел никаких прав: он или она были собственностью своего владельца (*res mancipi*), который имел право сделать с ними все, что ему заблагорассудится, и даже убить. Как жестокий и откровенный римлянин Варрон сказал, что раб, наряду с неимущим батраком, является своего рода «говорящим орудием».

У богатых горожан было много рабов, их число доходило до нескольких сотен. Но даже простой ремесленник владел одним или двумя. Самая худшая судьба ожидала рабов, работающих на рудниках. Жизнь их была коротка. Диодор Сицилийский заметил, что многие из

этих рабов предпочитали выживанию смерть: «Денно и ночью изнуряют в подземных прокопах свои тела, и многие из них умирают от мучительного труда. Нет для них ни отдыха, ни окончания работы, но принуждаемые ударами надсмотрщиков терпеть ужасы злосудных, они влачат жалкое существование».

Работать у крупных землевладельцев было так же плохо, как и на рудниках. На всем Апеннинском полуострове мелкие крестьянские наделы уступили место крупным земельным владениям.

Служить в доме хозяина было тоже тяжело, но лучше, чем работы на рудниках или на полях. Там раб всегда был на виду у хозяина. Красивые мальчики и девочки имели очень высокую цену на рынке, так как хозяин мог получить от них сексуальное удовлетворение. «Я знал одного раба, которому приснилось, будто бы утром хозяин поглаживает его половой член», – написал знаток по толкованию сновидений, а затем сделал зловещее дополнение, что, после этого раб «был привязан к столбу и сильно высечен». Таким образом, сны постоянно отражали два самых распространенных страха рабов – сексуального и физического насилия.

Рабам часто удавалось иметь семью, даже если партнера подыскивал им сам хозяин. Но после рождения детей они жили в постоянном страхе. Родителей могли разлучить с детьми, если хозяин решит продать детей, или же, наоборот, избавиться от старых и немощных родителей.

Открытое сопротивление было опасным, хотя несчастные рабы иногда сбегали. Побег часто заканчивался неудачей, так как римские власти могли настигнуть беглецов очень далеко от дома. В следующем столетии Цицерон очень расстроился, когда его высокообразованный раб, Дионисий, сбежал с несколькими книгами из его библиотеки. Беглого раба отыскивали в провинции Иллирик, и его рассерженный владелец просил двух наместников, правящих друг за другом, чтобы они помогли ему вернуть беглеца. История не сохранила сведений о том, что было дальше, но сам этот случай служит подтверждением того, как трудно было беглецу исчезнуть без следа.

Специальная одежда для рабов была запрещена, так как с ее помощью рабы могли увидеть, сколько их в городе, что способствовало бы к организации восстания. И действительно, восстания рабов иногда очень сильно пугали власть, однако все они терпели поражение и жестоко подавлялись. Наиболее известное восстание рабов произошло под предводительством Спартака. В 73 году фракийский раб поднял восстание в гладиаторской школе в Капуе. Прежде чем в 71 году его подавили, Спартаку удалось разбить три римских армии. Интересно, что мятежники не осуждали институт рабства как таковой, они просто хотели выйти из-под его власти.

Одной из самых замечательных особенностей римской системы рабовладения, по части смягчения этого института, являлась широко распространенная практика освобождения рабов. Рабов нередко освобождали, однако они, скорее всего, оставались работать у своего бывшего хозяина и были связаны с ним системой взаимных обязательств (клиентурой). Возможно, в некоторых случаях у раба оставалась привязанность к хозяину (хотя иногда рабы покупали себе свободу с трудом накопленными сбережениями), однако освобождение всегда было желанной целью, которое могло избавить от повиновения и тяжелой работы.

Бывшие рабы автоматически становились римскими гражданами, и их сыновья (по крайней мере, теоретически) могли занимать государственные должности. Однако на самом деле людей попрекали их рабским происхождением, даже если прошло уже несколько поколений. У римлян не было понятия национального превосходства. Со времени Ромула они привлекали завоеванные государства к сотрудничеству, а также приглашали отдельных личностей из побежденных и угнетаемых народов, чтобы те участвовали в создании империи.

Через некоторое время Рим превратился в самый многонациональный город древности, и городское население отражало этнический состав растущей империи.

В 190-е годы, когда еще не стерлась в памяти народа война с Ганнибалом, Плавт написал комедию под названием «Пуниец» (то есть «Карфагенянин»). Поражает то, что молодые герои пьесы вызывают сочувствие, несмотря на то, что все они – карфагеняне. Один из них – молодой человек, которого продали в рабство богатому хозяину, а двое других – похищенные девочки, купленные сутенером для проституции.

Купец по имени Ганнон – отец девочек – во время своих долгих поисков приезжает из Карфагена в Рим. Он произносит свою вступительную речь на карфагенском языке и только затем переходит на краткую латынь. Ганнон – типичный карфагенянин, обладающий незаурядным умом и знанием нескольких языков, который намеренно скрывает это знание. Он также показан любящим родителем и человеком, приближенным к власти. Пьеса оставляет впечатление, что карфагеняне считались очень разумным народом, который просто потерпел неудачу. По отношению к карфагенянам не ощущается никакой вражды, оставшейся от военных лет, и можно предположить, что это отражало общее мнение зрителей Плавта.

Это вовсе не старческие видения Катона Цензора, которому шел уже 81-й год. Будучи членом сенатской комиссии, он в 157 году посетил Карфаген и очень удивился тому, что увидел. После перенесенного поражения город возродился и переживал экономический подъем. Он больше не расходовал деньги на управление империей и на содержание наемников. В прежние времена богатство ему приносила торговля в Западном Средиземноморье, но Рим захватил его владения в Испании, на Сицилии, Корсике и Сардинии. Теперь процветание Карфагена зависело от земледелия в глубинных районах Северной Африки. Карфаген вывозил продовольствие и развивал выгодную торговлю с Италией. Римские посланники очень встревожились этими признаками возрождения. Аппиан пишет: «Они стали осматривать страну, тщательно обработанную и имевшую большие источники доходов. Войдя в город, они увидели, насколько он стал могуществен и насколько увеличилось его население после бывшего незадолго перед тем истребления, причиненного ему Сципионом».

Возвратившись в Рим, Катон и его сослуживцы рассказали о том, что они увидели в Карфагене. Они утверждали, что этот город снова будет представлять угрозу безопасности республики. Престарелый цензор постоянно привлекал внимание к этому вопросу. Однажды он говорил на эту тему с трибуны для ораторов на Форуме. Катон специально распахнул тогу, и на пол упала крупная аппетитная карфагенская фи́га. «Земля, рождающая эти плоды, – сказал он, – лежит в трех днях плавания от Рима». В конце каждой своей речи, произнесенной в сенате, он говорил: «Сдается мне, что Карфаген должен быть разрушен» (*Ceterum censeo Carthaginem esse delendam*).

Это было очень странно. Карфаген в течение полувека вел себя по отношению к Риму как преданный союзник и не предпринял ни одной попытки проводить независимую внешнюю политику. Он поставил большое количество зерна в качестве дара во время войн с Македонией и с Антиохом. Карфаген также стимулировал развитие экономики Римской республики, импортируя огромную массу керамической и другой посуды из Кампании и из других областей Центральной Италии. Несмотря на то, что к этому времени Карфаген уже восстановил свои крупные военные и торговые порты, он строго придерживался условий мирного договора. После битвы при Заме никто из карфагенских граждан не сделал никакой военной карьеры. К тому же у Карфагена не было ни армии, ни флота, а также ресурсов для их восстановления. А самое главное, у него не было никакого желания снова бросить вызов Риму.

Существовала одна трудность в виде неугомонного нумидийского правителя Масиниссы, которому было почти 90 лет. С течением времени он не растерял своей энергии и оставался

очень плодовитым. За время своей жизни он стал отцом пятидесяти четырех детей от многочисленных женщин. Самый младший из них был еще младенцем. Нумидийский царь постоянно пытался умиротворить и объединить кочевые племена, которыми он управлял. Он восхищался карфагенскими культурными ценностями и хотел, чтобы их приняли его подданные. Но вместе с тем он стремился захватить карфагенские земли. По условиям мирного договора 201 года он имел право возвратить себе любую область, находящуюся за границами Карфагена, которая когда-либо принадлежала Нумидии. К сожалению, условия договора были выражены очень неопределенно, и Масинисса постоянно вторгался в те владения, которые карфагеняне считали своими. Совет старейшин Карфагена многократно жаловался римскому сенату, который направлял своих посланников для разрешения спорных вопросов. Именно в такой группе посланников и оказался Катон. Они неизменно поддерживали царя или откладывали решение, независимо от того, кто был прав или виноват в каждом конкретном случае.

Но, несмотря на эту нерешенную проблему, Карфаген процветал и делал все возможное, чтобы умиротворить сенат. Почему же тогда Катона так сильно терзал этот карфагенский вопрос? Во время войны он сражался против Ганнибала, и у него остались горькие воспоминания. Вероятно, он вполне серьезно полагал, что бывший враг стремился возродить свое могущество. Политические противники Катона не соглашались с его мнением относительно роста могущества Карфагена, при этом они утверждали, что если у Рима не будет сильного и опасного врага, то он станет слабым и его постигнет разложение.

Все большее число римлян поддерживало Катона, но для этого у них были свои, более циничные причины. Они знали, что война может принести им значительную выгоду. Карфаген представлялся им зрелым фруктом, готовым упасть с дерева прямо в их цепкие руки. Плутарх рассказывает историю богатого молодого римлянина, который организовал необычный пир. В центре стоял медовый пирог, своими очертаниями похожий на город. Римлянин сказал своим гостям: «Вот это – Карфаген, давайте, грабьте его». Рим становился жадным и безжалостным. Как и в случае с Филиппом Македонским сенат тайно одобрил войну и ждал какого-нибудь повода, чтобы начать ее.

Наступление кризиса ускорили два события. В 151 году Карфаген заплатил свой последний взнос из числа обещанных выплат, таким образом Римская республика потеряла выгодный источник дохода. Затем совет старейшин, подобно уверенному и независимому владельцу дома, выплатившему свою ипотеку, потерял терпение по отношению к Масиниссе, который слишком далеко вторгся в карфагенскую землю.

150-е годы были для Рима нелегким временем. Победители карфагенян постепенно уходили со сцены. Они легко достигли успеха в Восточном Средиземноморье и вели трудные продолжительные кампании на севере Апеннинского полуострова в Цизальпийской Галлии, но теперь их опыт и навыки постепенно забывались. Теперь сражаться стало не с кем, и в отсутствие великих кампаний республика распустила свои легионы. Когда снова возникла необходимость в армии, то военное обучение надо было начинать сначала. Младшие командиры гораздо меньше внимания уделяли дисциплине, обучению и качественному снабжению.

Сразу после захвата у карфагенян Испании и установления там двух провинций римляне испытывали трудности, покоряя иберийцев. Жители Испании часто возмущались грабежами, которые устраивали корыстные наместники. В год своего консульства Катон совершил против иберийцев успешный военный поход и был награжден триумфом, однако проблема осталась. В 154 году в Испании вспыхнуло восстание, продолжавшееся до 133 года. Римские военачальники сочетали в себе некомпетентность с предательством. Даже сенат был потрясен,

когда проконсул вторгся в Лузитанию (примерно на территории нынешней Португалии) и согласился на мирный договор с мятежниками. Он обещал переселить их на плодородную землю и предложил собраться в трех отдельных долинах, где он собирался отвести им определенные территории. Он велел, чтобы лузитане сложили оружие, и они опрометчиво повиновались этому приказу. Затем проконсул уничтожил их поодиночке. После возвращения в Рим проконсул был привлечен к суду, а Катон выдвинул против него обвинение. Однако, благодаря богатой нечестно нажитой добыче, он добился оправдания.

Борьбу против римлян продолжил один из немногих, избежавших уничтожения. Добропорядочный пастух и охотник по имени Вириат всегда был верен своему слову. Он представлял собой прямую противоположность своим римским противникам. Вириат разработал тактику партизанской борьбы. Его малочисленные группы внезапно нападали на римлян, а затем исчезали в горах. В конце концов, в 140 году проконсул подкупил трех ближайших соратников Вириата, чтобы они убили его во сне. Когда они сделали это и попросили у римского военачальника награду, он отказал им со словами: «Римляне никогда не жаловали воинов, убивающих своих полководцев». Это замечание стало прекрасным примером смеси благородства и обмана, которая стала характерной особенностью римского общества.

У слияния двух рек с крутыми берегами среди лесистых долин стояла большая крепость Нуманция (Сьерра-Муэла, близ Сории). Она отражала римские нападения в течение десяти лет. Неспособные командиры легионов проявили полную бездарность. В конце концов, в 133 году Нуманция пала под ударами известного полководца Публия Корнелия Сципиона Африканского. Он был приемным сыном Эмилия Павла, а Эмилий Павел – сыном Сципиона Африканского. У Эмилия Павла не было детей, поэтому последнее имя «Эмилиан» подчеркивало первоначальную родственную связь. Благородные семьи часто выручали тех, кто по каким-то причинам остался без наследников. Они давали им возможность усыновить одного из своих сыновей. Не спрашивая совета у сената, Сципион стер город с лица земли, о чем до сих пор свидетельствует слой пепла, найденный на месте этого города.

Рим, наконец, окончательно утвердился в Испании.

Своим крайне необдуманным решением карфагеняне создали для себя ловушку, а затем с широко раскрытыми глазами шагнули в нее.

Они никогда не соглашались вести войну без разрешения сената. В 152 году они создали армию, чтобы прекратить, наконец, грабежи Масиниссы, и двинулись в наступление. Рим они об этом не уведомили. Оказалось, что в это время в Карфагене был Сципион Эмилиан, который предпринял неудачную попытку заключить перемирие. Затем нумидийский царь загнал в угол и осадил карфагенские войска. Карфагенская армия постепенно слабела от болезней и нехватки продовольствия, поэтому ей пришлось сдаться. По условиям перемирия карфагенянам разрешили уйти, взяв с собой только одну тунику на каждого. Во время выхода из осады нумидийская конница напала на беззащитных людей и уничтожила большинство из них. Из двадцати пяти тысяч человек в Карфаген возвратилась жалкая горстка воинов.

Когда члены сената узнали об этих событиях, они сразу же приступили к набору войска, не давая никаких объяснений. Говорили только, что необходимо «иметь возможность быстро использовать набранное войско соответственно обстоятельствам». Совет старейшин не дал себя обмануть и без промедления отправил своих посланников в Рим. Они объяснили, что карфагенское правительство не одобрило войну с Масиниссой и что виновные в ее начале были за это казнены. Сенат, понимая, что у него теперь есть свой повод к войне (*casus belli*), не удовлетворился таким ответом. Один из сенаторов спросил, почему Карфаген не осудил своих командиров не в начале войны, а в конце, когда они оказались разбиты? Этот вопрос остался без ответа. Посланники спросили, какой ценой они могут добиться прощения. «Если

удовлетворите римский народ», – последовал тревожный неопределенный ответ. Второе карфагенское посольство умоляло дать ему точные указания. Сенат отослал его обратно со словами: «Вы хорошо знаете, что нам надо».

Карфагенские власти совершенно не знали, что делать. Они решили, что единственная их надежда – это безоговорочная капитуляция. В Рим пробилась третья делегация, которая узнала лишь только то, что война уже объявлена. Тем не менее, сенат цинично принял капитуляцию и потребовал триста заложников-детей.

Рим не испытывал никаких трудностей в наборе воинов для легионов, поскольку все понимали, что Карфаген явно не сможет победить, и воинов ждали богатые трофеи, сокровища и рабы. В 149 году очень многочисленная армия из 80 000 пехотинцев и 4000 всадников пересекла море и высадилась в Африке. Командующие ей два консула получили секретный приказ полностью разрушить Карфаген сразу же после захвата города. На сторону Рима встал крупный финикийский порт Утика, расположенный в 60 стадиях (около 11 км) от Карфагена и «имевший удобные гавани для причала судов, достаточно большие к тому же для высадки войск».

Известие о вторжении потрясло карфагенское правительство. Оно старалось сделать все возможное, чтобы избежать войны на полное поражение. Карфагеняне снова отправили посланников просить мира, на сей раз уже в римский лагерь. Когда послы из Карфагена прибыли туда, консулы воссели на высоком трибунале, а все войско выстроилось по обеим сторонам длинными рядами с начищенным до блеска оружием и с высоко поднятыми штандартами, чтобы посланники могли судить о многочисленности войска. Консулы приказали трубачу дать знак молчания, и карфагенским послам велели идти к консулам вдоль всего лагеря. Но к возвышению они приблизиться не смогли, так как дорогу им преграждала натянутая веревка.

Они спросили, зачем нужны были такие огромные силы для победы над врагом, у которого не было намерения сражаться. Карфаген добровольно бы подчинился любому наказанию за свои прегрешения. В ответ консулы потребовали от города полностью разоружиться. Карфагеняне исполнили это, и вскоре к римскому лагерю потянулись ряды повозок, груженных разного рода оружием на 20 000 человек и множеством катапулт.

И только теперь консулы возвестили о своих истинных намерениях. Они похвалили карфагенян за то, что они до сих пор все так хорошо исполняли, и попросили с твердостью выслушать последний приказ сената: «Сдайте Карфаген нам, уйдите для нашего спокойствия из Карфагена, поселитесь в каком хотите месте вашей страны в восьмидесяти стадиях (около 15 км) от моря, так как этот город решено скрыть до основания».

Это было невыносимо. Народ не смог бы жить, если бы его удалили бы от главного элемента своего жизненного уклада – моря. В гневе и горе люди преобразились. Они забили камнями несчастных посланников, когда те вернулись, а также всех проримских политиков, которых смогли обнаружить. Карфагеняне также нашли и убили всех римских торговцев, которые, к своему несчастью, оказались в городе. Карфаген принял величественное и отчаянное решение – он будет сопротивляться Риму.

Карфагеняне знали, что они не смогут победить своего противника, но и так просто ему не сдадутся. Им на пользу пошла слабая подготовка римских командиров. Тройная линия городских укреплений, высокие стены и башни – все это создавало для осаждающих значительные трудности. Два года напряженной борьбы не принесли успеха ни одной из сторон. С точки зрения римлян единственный славный эпизод войны был связан с доблестным и дальновидным Сципионом Эмилианом, который в свои 35 лет занимал должность военного трибуна. Среди прочего он заставил отступить карфагенскую нумидийскую конницу.

Два старика – Катон и Масинисса, – на которых лежит почти вся ответственность за начало этой войны, умерли еще до того, как стал известен ее исход. Оба они очень хорошо отзывались о молодом Сципионе. Несмотря на свою неприязнь к роду Сципионов и постоянные нападки на его деда, Сципиона Африканского, Катон, увидев молодого Сципиона, признал его талант. Он способствовал, чтобы Сципиона выбрали консулом и командующим армией, несмотря на его молодой возраст, который формально не позволял занимать эту должность. Опровергая свою притворную неприязнь ко всему греческому, Катон цитировал «Одиссею»:

«Разум удержан ему... Души
Прочих умерших порхают... как тени».

Нумидийский монарх стремился защитить свое царство, завоеванное с таким трудом. Он решил разделить его и передать трем своим сыновьям. Он поступил мудрее, чем король Лир, так как понимал, что ему будут нужны внешние гарантии. И вот, в своем завещании он велел сыновьям слушаться Сципиона, как бы он ни разделил между ними земли и власть.

Теперь, когда у Сципиона оказалась верховная власть (*imperium*), он усилил дисциплину в своих войсках и вместо обучения стал проводить нападения на городские стены. Он полностью блокировал город, для чего построил укрепления на перешейке, который соединял город с материком, а также проложил в море длинную насыпь, закрывавшую вход в гавань. После проведения всех этих мероприятий падение Карфагена стало только вопросом времени. Когда в городе осталось очень мало продовольствия, карфагенский главнокомандующий, Гасдрубал, присвоил себе диктаторские полномочия.

Перед решающим нападением Сципион провел обряд эвокации (*evocatio*), как когда-то Камилл сделал перед разрушением города Вейи. В ходе обряда он призвал карфагенские божества покинуть свои храмы и переселиться в новые святилища в Риме. Теперь Карфаген стал «безбожным» городом, с которым можно было делать все, что угодно. Затем легионы прошли от римской насыпи через две гавани и по узким улицам к самому высокому месту города – Бирсе. Сципион приказал поджигать и разрушать здания, чтобы освободить место для наступления пехотинцев. Напряженная борьба продолжалась и днем, и ночью, почти целую неделю. Некоторые воины превратились в уборщиков улиц. Они сгребали с улиц мусор, трупы и даже раненых. Наконец, из Бирсы вышли люди и призвали Сципиона проявить милосердие к оставшимся в живых. Консул согласился, и из города вышли 50 000 обессиленных и голодных мужчин, женщин и детей. Их судьбу теперь должны будут решить на рынках рабов.

В городе остались около 900 римских перебежчиков, которым отказали в прощении. У них не осталось никакого выбора, кроме как стоять насмерть. Они заняли храм бога исцеления, Асклепия. Этот храм стоял на отвесной скале и был очень хорошо защищен. Там же укрылся Гасдрубал со своей семьей.

Гасдрубал понял, что его положение безнадежно, и незаметно проскользнул через римские боевые порядки. Сципион принял его сдачу, несмотря на то, что он совершил злодеяния и замучил до смерти некоторых римских пленных. Сципион показал его перебежчикам. Когда те увидели его, они попросили дать им минуту спокойствия, а затем стали осыпать Сципиона проклятиями. После этого они подожгли храм. Жена Гасдрубала имела более строгие принципы, чем ее муж. После проклятий в его адрес, она зарезала своих детей, бросила их в огонь, а затем шагнула туда сама. Перебежчики также сожгли себя заживо.

Теперь, когда сопротивление прекратилось и война закончилась победой, Сципион обозрел весь город и залился слезами, подобно Марцеллу в Сиракузах. Долгая и величественная история Карфагена завершилась. Он долгое время стоял, погружившись в собственные мысли,

размышляя о превратностях судьбы. Он думал о возвышении и падении великих городов и империй – Трои, Ассирии, Вавилонии, Персии и, наконец, о царстве Александра. Неужели и Рим когда-нибудь постигнет та же самая участь?

Он обратился к своему другу, который стоял вместе с ним, а это был не кто иной, как историк Полибий. Как и все образованные римляне в момент нахлынувших чувств, Сципион прочитал ему строки Гомера из «Илиады», которые накануне своей гибели изрек один из величайших воинов-тroyанцев Гектор:

«Знаю и сам хорошо, – и сердцем, и духом я знаю:
День придет, – и погибнет священная Троя. Погибнет
Вместе с нею Приам и народ копыеносца Приама».

Однако такая вспышка благородных чувств не удержала победоносного военачальника от разрушения Карфагена до основания и торжественного проклятия того места, где когда-то возник этот город, которое отныне должно будет стать пастбищем для овец.

Римляне ужасно повели себя по отношению к Карфагену. На самом деле у них не было никакого реального оправдания за Третью Пуническую войну, и еще меньше причин было для уничтожения города. Как мы видели, они очень любили с усмешкой говорить о «пунической верности» (*Punica fides*), однако их собственная репутация справедливого и честного партнера во II веке оказалась подмоченной. Должно быть, они очень плохо себя чувствовали, от того что они совершили. Таким образом, не случайно римляне стали переписывать свое легендарное прошлое, пытаясь восстановить свое доброе имя.

Первые истории Рима были написаны на греческом языке. Во вводных главах этой книги я рассказал, как римляне связали себя с греческими мифами и легендами. Таким образом они завоевали себе доверие у греков и доказали, что они не являются варварами и обладают всеми достоинствами цивилизованной жизни. На самом деле римляне не имели никакого отношения ни к известным нам тroyанцам, ни к Троянской войне (если она вообще имела место).

Катон стал первым, кто написал историю Рима на латинском языке. Она называлась «Начала» (*Origines*). Это был объемный прозаический труд в семи книгах, которые, к сожалению, не дошли до нашего времени. На основании того, что известно нам об этом труде, и по сохранившимся фрагментам можно сказать, что «Начала» представляли собой грандиозный опыт коллективного самооправдания. Человек, который постоянно призывал к разрушению Карфагена, на первый план своего труда выдвинул типичные римские достоинства: доблесть, законопослушание, честность, уважение к семье, государству и богам.

В двух книгах излагается история происхождения разных народов Италии, по-видимому, для утверждения национальной целостности Рима и его права на лидерство. Первым векам существования Рима посвящена только одна книга, в то время как две войны с Карфагеном рассматриваются каждая в отдельной книге, и, наконец, в последних двух книгах излагаются события первой половины II века до рокового 149 года. Такое подробное описание недавнего прошлого несомненно отражало интерес читателя, но также давало возможность автору объяснить, оправдать и восхвалить победу Рима, приведшую к геноциду. Автор представил список семи обязательств Карфагена перед Римом, которые он, по мнению автора, нарушил. Можно предположить, что карфагенская версия событий практически не рассматривалась.

Первые эпические поэты Рима, Гней Невий и Квинт Энний из Калабрии, также обращались в своем творчестве к теме Пунических войн. Их стихи не сохранились, но мы знаем, что в них авторы пытались вписать исторические события в греческие легенды и установить тесные генетические связи Рима с Троей. Один или два фрагмента в поэме Невия

«Пуническая война» (*Bellum Punicum*) посвящены традиционной покровительнице Рима, Венере. Она просит своего отца, Юпитера, успокоить шторм, который может уничтожить флот Энея. За кулисами также можно заметить вредное присутствие Юноны, которая спустя сто пятьдесят лет появляется у Вергилия в его известной поэме «Энеида». Эта поэма сохранилась полностью, и весь этот фрагмент в ней заимствован у Невия. Вергилий возлагает ответственность за шторм на Царицу Небес, и точно так же, несомненно, считал его предшественник. В более ранней версии, по-видимому, также присутствует сбившийся с пути Эней, который высадился на берег Дидоны. Их трагические отношения подготовили почву для борьбы между их потомками.

Друг и поклонник Катона Энний считал себя вторым Гомером. Его произведение «Анналы» содержит всю римскую историю от падения Трои в 1184 году (согласно вычислениям Эратосфена – известного греческого математика и создателя географии как науки) до цензуры Катона в 184 году. Тысячелетний эпос завершается похвалой римскому государственному деятелю, достигшему преклонного возраста. Энний описывал непрерывный рост римского могущества и постоянное ослабление власти греков, которые когда-то уничтожили Трою. Три книги, или главы, посвящены карфагенянам, в одном фрагменте он назвал их «юношами в платьях», а в другом – «злыми надменными врагами», которые калечат своих противников. Поэт показывает, что во время Второй Пунической войны Юнона, наконец, смягчает свой гнев и проявляет милосердие, а ее всемогущий муж, Юпитер, поклялся ниспровергнуть Карфаген.

Основная цель поэтов и ранних историков состоит в том, чтобы поддержать надуманное тождество между этими двумя странами, объяснить своим современникам, почему у Дидоны и Энея не сложились отношения. Это является доказательством того, что ссора между Римом и Карфагеном не имела никакого отношения к чувству жадности, страха или корысти, свойственным простым смертным. Это столкновение было предопределено свыше. Оно отражало любовь и ненависть в Олимпийском пантеоне.

Колесо судьбы сделало свой полный оборот. Таким образом, Ганнибал мстит за Дидону, а Фламиний и его преемники воздают грекам за то, что они захватили Трою. Неудивительно, что Сципион Эмилиан так боялся будущего, поскольку он знал, что колесо фортуны когда-нибудь обязательно повернется еще один раз.

По страшному и странному совпадению в том же самом году, когда римляне стерли с лица земли Карфаген, они разрушили и другой известный и красивый город. С разрушением Коринфа греки потеряли свою свободу. По иронии судьбы именно здесь пятьдесят лет назад Фламиний возвестил грекам, что Рим гарантирует им независимость.

В 167 году после битвы при Пидне римляне решили преподать урок несговорчивым и ненадежным греческим государствам. Их поведение во время Третьей Македонской войны не оправдало никаких ожиданий. Из двух греческих союзов самым худшим оказался Этолийский союз, поэтому более пятисот его руководителей были ликвидированы. Что касается ахейцев, то тысячу человек, в верности которых возникли подозрения, выслали в Италию (история должна быть благодарна, поскольку в этот список внесли Полибия, который провел много лет в Риме, изучил его политику и, как уже отмечалось, стал близким другом Сципиона Эмилиана).

Изгнанники долгое время спокойно жили в Риме. Только в 150 году оставшимся в живых и достигшим преклонного возраста разрешили вернуться на родину. Когда сенат стал подробно обсуждать эту тему, поднялся Катон и возмущенно сказал: «Можно подумать, что нам нечего делать: целый день сидим и рассуждаем, кому хоронить старикашек-греков – нам или ахейским могильщикам». На самом деле долгое отсутствие этих людей на родине привело к важному последствию – в Греции прекратились антиримские настроения.

В следующем году вдруг появился претендент на трон Македонии. Он быстро захватил четыре крошечных республики. Их создали для того, чтобы македонцы не смогли выступить против Рима, однако у этих республик не было никаких возможностей защищаться. Восстание вскоре подавили, но сенат понял, что единственный способ поддержания стабильности состоял в том, чтобы захватить Македонию и превратить ее в провинцию. От западного побережья Греции до берегов Босфора римляне построили Эгнатиеву дорогу. Она связала все римские колонии и обеспечила быстрый доступ к нестабильным областям на Балканах и эллинистическим царствам Востока.

В Греции ссора с возмущенными ахейцами привела к вооруженному конфликту. Несколько римских посланников прибыли в столицу Ахейского союза, Коринф, где их избили местные жители. Терпение Рима закончилось. В 146 году консульская армия в битве разгромила войско ахейцев и вошла в незащищенный город. В качестве назидательного примера римляне продали в рабство всех жителей Коринфа, которым не удалось бежать, а городские здания и храмы полностью разрушили. Все сокровища и старейшие произведения искусства подверглись разграблению. Даже через сто лет то место, где находился Коринф, было пустынно. Грецию присоединили к римской провинции Македония. По некоторым подсчетам за первую половину II века Греция потеряла около четверти своего населения.

Судьбы Македонии, Карфагена и Коринфа показали миру, что римляне изменялись. Богатство соблазнило их. Ради него они могли действовать без всяких правил даже при отсутствии серьезного врага, который мог бросить вызов их военному могуществу. Они больше не готовы были терпеть инакомыслие. Диодор Сицилийский, по-видимому, повторяя наиболее честного критика Рима, историка Полибия, отметил в I веке до н. э., что раньше Римская республика отличалась «самым добрым отношением к тем, кого она победила». Далее он пишет: «На самом деле, до сих пор в их действиях не было никаких проявлений жестокости или мести. Они относились к побежденным не так, как враги, а скорее как благотворители и друзья... Одних они сделали своими согражданами, другим предоставили право на смешанный брак, третьим – вернули их независимость, но никогда не наносили никакой обиды, которая могла показаться чрезмерно жестокой. Благодаря их исключительному человеколюбию цари, города и целые народы принимали римские нормы жизни. Но как только под их господством оказался почти весь обитаемый мир, они стали утверждать свою власть жестокостью и разрушением прославленных городов».

Эта новая жестокость сопровождалась увеличением коррупции в общественной жизни. Рано или поздно, она все равно бы проникла во все государственные учреждения республики. Под сверкающим щитом славы начала размножаться бактерия самоуничтожения.

Катон был лгуном и лицемером, но когда он осуждал моральное разложение своей эпохи, он говорил о том, что хорошо знал.

16. Родные братья

Корнелия была поистине величайшей женщиной. Будучи второй дочерью Сципиона Африканского, она принадлежала к одной из самых богатых и аристократических семей Рима. Получив хорошее образование, она никогда не оставляла умственных занятий, и, по словам Плутарха, «в ее окружении постоянно бывали греки и ученые».

Образ жизни Корнелии не отличался от людей ее круга, но, как многие аристократические женщины, обладающие вкусом, она одевалась с утонченной простотой (по удачному выражению Горация – «просто и изящно» (*simplex munditiis*)). Однажды она принимала свою подругу из Кампании, где показ роскоши и украшений были в порядке вещей. Ее гостя

попросила показать, какие украшения она носит. Корнелия подождала, пока два ее сына вернутся домой из школы, а затем сказала: «Вот мои украшения».

Дочери аристократов редко выходили замуж по любви, и Сципионы не являлись исключением. Муж Корнелии, Тиберий Семпроний Гракх находился в числе политических противников ее отца, однако он возражал против попыток Катона и его друзей вызвать ее дядю Луция в суд за взяточничество. В награду за это ему в жены отдали Корнелию. Они вступили в брак спустя некоторое время после смерти Сципиона Африканского, который последние годы разочаровался в службе. Корнелия в тот момент была еще подростком, а Гракху уже перевалило за сорок.

Несмотря на большую разницу в возрасте, это был счастливый союз. Корнелия родила двенадцать детей, но только трое из них дожили до совершеннолетия – одна дочь и двое сыновей, Тиберий и Гай. Гракх любил свою жену, и подтверждением этого служит одна странная история. Однажды у себя на постели он обнаружил двух змей – самца и самку. Как истинный суеверный римлянин, он счел это тревожным знамением и решил посоветоваться с прорицателем. Полученный им совет оказалось очень трудно выполнить, поскольку он выглядел так, как будто это был чей-то умысел. Гракху нельзя было ни убивать змей, ни отпускать обеих сразу, можно было только убить какую-то одну из них. Кроме этого прорицатель сделал такое пояснение: если убить самца, то вскоре умрет он, а если самку, то умрет Корнелия. Поскольку Гракх был гораздо старше своей жены, то он решил, что справедливо будет пожертвовать собой. Таким образом, он убил самца, а самку отпустил.

Независимо от того, правдива эта история или нет, Гракх действительно умер вскоре после второго срока своего консульства в 163 году. Молодая вдова осталась воспитывать детей. Как мы уже знаем, Сципион Африканский вел себя так, как какой-нибудь восточный монарх, поэтому его дочь была самой известной женщиной Римской республики, о которой знали многие правители. Египетский фараон Птолемей VIII предложил ей выйти за него замуж. Поскольку он носил прозвище «Фискон» (на греческом это означает «толстобрюхий» или «пузатый») и совершенно не привлекал Корнелию, то она вежливо отказала ему. Корнелия решила не выходить замуж и управлять своими владениями сама. Она посвятила себя воспитанию детей. Корнелия жила беззаботной жизнью римской матроны. Аристократическим вдовам несвойственно было оставаться незамужними, но Корнелия была независимой женщиной, которые очень редко встречались в Древнем мире.

Мы не знаем, как Корнелия воспитала своих сыновей, но в какой-то момент в III веке система образования в Риме изменилась. Первоначально она основывалась на обучении ученика учителем, которое контролировал отец. В семьях трудящихся, по-видимому, детей обучали навыкам земледелия или торговли, а в аристократических домах – военной подготовке и принципам общественной жизни на Форуме. Постепенно в Риме распространялась греческая модель образования. Для детей нанимали греческих учителей (например, поэты Ливий Андроник и Энний), которые обучали как латинскому, так и греческому языкам. Скорее всего, так происходило в богатой семье, где почитали греческую культуру, какой и была семья Сципионов.

Почти в то же время в Риме открылись начальные и средние школы, куда Корнелия видимо и отдала Тиберия и Гая. В этом случае в школу и из школы их водил педагог, обычно из числа рабов. Он также следил за их поведением. Хозяин средней школы, или грамматик, преподавал язык и поэзию. Иногда он сам являлся незаурядным мыслителем. Дети, достигшие подросткового возраста, продолжали учение. Мальчиков на какое-то время посылали помогать какому-нибудь действующему сенатору. Их можно уподобить современным стажерам. Очень распространенной формой искусства являлось красноречие, так как оно было необходимо для

политической карьеры. Учителя риторики оттачивали свое мастерство на основе тщательно разработанных методов убеждения.

Положение женщин в Древнем Риме было неоднозначным. Их основная задача состояла в том, чтобы рожать законных детей, важным условием для этого было сохранение целомудрия вне брачного ложа. Женщины не имели политических прав. Они не могли посещать народное собрание, обращаться к нему и голосовать. Женщины также не могли занимать никакие государственные должности.

Как правило, девушки выходили замуж очень молодыми, в возрасте 12–15 лет, однако их мужьями часто становились люди, которым было уже за двадцать или даже больше. Независимо от того, достигла девушка половой зрелости или нет (вообще считалось, что она наступала в 14 лет), она могла вступить в брак, особенно, если речь шла о знатных патрицианских семьях. Существовали разные виды брачного контракта. Жену могли передать в руки (*manus*) мужа, но со временем это становилось все менее распространенной практикой. Чаще всего она оставалась под формальной властью своего отца (*patria potestas*), а если он к тому времени умирал, то она управляла своими делами по «своему праву» (*sui iuris*), имея при этом какого-нибудь опекуна (*tutor*). Именно в таком положении находилась Корнелия.

Получить развод было легко. Из-за большой разницы в возрасте в Риме существовало большое количество вдов. Многие вдовы вступали в повторный брак, однако римляне восхищались такими, как Корнелия, которые были в браке только один раз (*univira*) и оставались верными одному человеку.

(Мальчики, конечно же, имели больше свободы, нежели девочки. Считалось, что в молодости они могут вести разгульную жизнь в разумных пределах. Однажды, когда Катон увидел, как юный аристократ выходит из борделя, он сказал ему: «Продолжай в том же духе». Когда он снова встретил этого же молодого человека в том же самом месте, он заметил: «Когда я предложил тебе продолжать в том же духе, я не подумал, что ты сделаешь этот место своим домом».)

Несмотря на юридические ограничения, женщины, если они того желали, могли играть важную роль в семейной и общественной жизни. В противном случае они традиционно соблюдали скромность и порядочность. В своем домашнем хозяйстве жена была госпожой (*domina*) и имела равные права с мужем. Она вела насыщенную общественную жизнь, навещала подруг, ходила на игры и участвовала в пирах своего мужа. Если она продвигала своего мужа по службе, то ей удавалось оказывать влияние на политическую деятельность. Несмотря на то, что браки часто заключали не по любви, а по расчету, мы знаем о многих счастливых парах.

В Риме дети умирали в младенчестве не у одной Корнелии. Обязанности производить потомство препятствовали крайне слабые познания в медицине. Высшие сословия видимо уже занимались вопросами контроля над рождаемостью и абортами, однако неясно, насколько действенны были их методы. Известно, что римские женщины применяли промывание влагалища, смазывали его густым оливковым маслом, вставляли пропитанную уксусом губку, а также многократно прыгали после полового акта. Зачастую все эти методы не давали желаемого результата. Врачи прилагали все усилия для увеличения рождаемости и не занимались способами, облегчающими аборт. В медицине Гиппократ имелось средство, которое, как утверждалось, предохраняло от беременности в течение года. К сожалению, мы не знаем, что это за вещество (некоторые предполагают, что это сульфат железа – копиапит). Для контроля над рождаемостью обычно использовали различные растения. В наше время обнаружили, что некоторые из таких растений действительно обладают противозачаточными свойствами, например дикая морковь (*Daucus carota*).

Женщины, нарушающие правила приличия, не могли рассчитывать на снисхождение со стороны общества. В I веке некая Семпрония испытала на себе всю силу мужского осуждения. Считалось, что она была внучкой Корнелии, но вне зависимости от того, правда это или нет, она обладала привлекательностью и незаурядным умом. Семпрония удачно вышла замуж и получила хорошее образование, изучив греческую и латинскую литературу. Она писала стихи, рассуждала на разные темы и была интересной собеседницей.

Однако, как пишет историк Гай Саллюстий Крисп (мы знаем его под именем Саллюстий), у ее личности была и другая сторона: «Она играла на кифаре и плясала изящнее, чем подобает приличной женщине; она знала еще многое из того, что связано с распущенностью. Ей всегда было дорого все, что угодно, но только не пристойность и стыдливость; что берегла она меньше – деньги ли или свое доброе имя, было трудно решить. Ее сжигала такая похоть, что она искала встречи с мужчинами чаще, чем они с ней. Она... не раз нарушала слово, клятвенно отрицала долг, была сообщницей в убийстве».

Интересно, какой неубедительный ход мыслей: указание на несущественные проступки, состоящие в постоянном посещении вечеринок, постепенно переходит к необоснованному обвинению в причастности к убийству, как будто одно обязательно приводит к другому. Некоторые неумеренные черты Семпронии приписывали также Танаквиль и Туллии, видимо потому что историки поздней республики заимствовали ее черты, чтобы создать художественные образы ранних римских цариц. Как и в случаях с царицами, настоящий проступок Семпронии, по-видимому, состоял в том, что она открыто поддерживала оппозиционного политика и непозволительно вмешивалась в мужскую сферу деятельности. Явно выдуманные или преувеличенные обвинения в сексуальной распущенности и более тяжких преступлениях служили своего рода наказанием, так как они ухудшали ее положение в обществе.

Корнелия выдала замуж за своего знаменитого двоюродного брата Сципиона Эмилиана свою дочь, также носившую имя Семпрония. Теперь центром ее внимания были два ее сына – «украшения». Внешне они были очень похожи друг на друга, однако по характеру они сильно отличались. Тиберий был старше Гая на девять лет. Как пишет биограф братьев, Плутарх, «выражение лица, взгляд и жесты у Тиберия были мягче, сдержаннее, у Гая резче и горячее, так что, и выступая с речами, Тиберий скромно стоял на месте, а Гай первым среди римлян стал во время речи расхаживать по ораторскому возвышению и срывать с плеча тогу». Образ жизни Тиберия отличался простотой и скромностью, в то время как Гай в сравнении с ним казался легкомысленным и расточительным.

Перед юношами – потомками самого известного римлянина того времени – открывалась политическая и военная карьера. Корнелия обычно корила сыновей тем, что чаще ее имя связывают со Сципионом Эмилианом, а не называют матерью Гракхов. Карьера Тиберия закончилась почти сразу же, как только началась. Его назначили квестором или казначеем консульского командующего в Испании. Военные действия против местных повстанцев проходили очень неудачно. Мятежники окружили римлян, которые нашли убежище в своем лагере. Узнав, что неприятель ожидает подкрепление, консул зажег все огни и ночью вывел свою армию численностью 20 000 человек. Он попытался скрыться в том месте, где раньше стоял римский лагерь. Однако иберийцы стали преследовать римлян, и вскоре римская армия оказалась в их полной власти. Консул, видя, что его положение безвыходно, решил сдаться, клятвенно согласившись соблюдать условия сдачи. Благодаря своему отцу, который когда-то командовал войсками в Испании, Тиберий заслужил уважение иберийцев и сыграл ведущую роль при разработке этих условий.

Члены сената страшно возмутились, когда узнали о том, что произошло. Легионы не

сдавались. Трибунал, в числе которого был Сципион Эмилиан, постановил, что римляне не должны соблюдать условия соглашения. Однако соглашения, принятые под присягой, отменить просто так было невозможно. Для исправления такого религиозного преступления консула отправили обратно нагим в цепях для выдачи иберийцам (однако они отказались принять его, как когда-то было при поражении римлян у Кавдинских Вил).

Несмотря на то, что Тиберий способствовал заключению соглашения о сдаче, сам он не понес никакого наказания. Некоторые причиной этого называют влияние его приемного дяди – Сципиона. Возможно также, какое-то значение имела его популярность в войсках. Цицерон пишет, что «суровость, проявленная сенатом при расторжении этого договора, вызвали у Тиберия раздражение и страх, что и заставило этого храброго и славного мужа изменить строгим воззрениям своих отцов». В результате Тиберий не просто расстроился, но полностью изменил своим принципам.

Взгляды Тиберия изменились. От политического консерватизма он перешел к отстаиванию интересов народа. Существовал один вопрос, который интересовал его больше других, – это земельная реформа.

Во время своего долгого сухопутного пути в Испанию, чтобы принять квесторское судно, Тиберий, направляясь на север, проезжал через Этрурию. Он очень удивился тому, как мало людей работало на полях. И все увиденные им пахари и пастухи были не коренные жители Италии и не римские граждане, а иноземные рабы. В 137 году, после своего возвращения, он подробно занялся этим вопросом.

Обнаруженное им состояние дел с землей необходимо было изменить. Когда Рим победил всех своих врагов на Апеннинском полуострове, то он конфисковал у побежденных народов значительные площади их земель. Одну часть этих земель передали мелким землевладельцам и колонам (*coloniae*), а другая осталась общественной землей (*ager publicus*). После окончания войны с Карфагеном власти занялись ведением новых войн в Греции, Малой Азии и Испании, при этом в Южной Италии много общественной земли осталось нераспределенной.

Во время победоносных прибыльных войн II века большое число римских воинов в течение многих лет отсутствовали на родине. Богатые землевладельцы постепенно скупили их участки земли, а затем начали присваивать себе общественную землю. Ганнибал во время своего похода опустошил тысячи югеров земли, поэтому для восстановления сельскохозяйственного производства на них требовались большие вложения. На этих территориях возникали не отдельные небольшие хозяйства, а крупные земельные владения, или латифундии (*latifundia*). В основном хозяева таких владений не занимались трудоемким выращиванием зерновых культур, предпочитая ему животноводство. Все латифундии имели большое количество рабов.

В результате таких перемен постепенно исчезли зажиточные крестьяне, доход которых давал им право на призыв в армию. (Как упоминалось ранее, неимущие или «занесенные в списки только по наличию правовой самостоятельности» (*capite censi*) не призывались на военную службу.) Это относилось не только к римлянам, но и к гражданам союзных с Римом государств, которые обязаны были предоставлять свои войска для войн, которые вела Римская республика. Наиболее очевидное решение этого вопроса напрашивалось само собой. Можно было разрешить призывать в легионы граждан этой категории, однако у римлян традиционно сохранялось убеждение в том, что храбро сражаться за свою страну будут только те, кто обладает какой-нибудь собственностью. Поэтому такое решение оказалось неприемлемым.

Не один Тиберий понимал, что сложилось неприемлемое положение, которое срочно надо исправлять. Мыслящие римляне беспокоились не столько по поводу экономического возрождения села (поскольку Рим все больше покупал зерно и другое продовольствие в

Северной Африке и на Сицилии), сколько о сокращении численности той общественной прослойки, из которой формировались легионы. Римляне также боялись постоянного увеличения числа недовольных рабов, которые заменяли свободных римских граждан по всему полуострову. И это были не чьи-то ужасные домыслы, а реальная угроза, поскольку в 133 году на Сицилии вспыхнуло сильное восстание рабов, подавить которое удалось только через год. Крупные политики высказывались за проведение изменений. Друг Сципиона Эмилиана, Гай Лелий, будучи консулом, за несколько лет до Тиберия предложил провести реформы, однако он столкнулся с таким яростным сопротивлением, что вскоре отказался от них. За это его наградили ироническим прозвищем «Мудрый» (*Sapiens*). Многие сенаторы незаконно присваивали себе общественную землю и противодействовали любым попыткам решения земельного вопроса.

Тиберий решил, что настало время действовать. Он был слишком молод, чтобы как-то повлиять на тех, кто занимал высшие должности, такие как претор или консул, однако он пользовался поддержкой народа, который наделил его правами трибуна. Как уже говорилось, должность трибуна не входила в число государственных должностей, и встречи были назначены народным советом. Цель Тиберия состояла в том, чтобы расширить суверенитет народного собрания и установить ответственность перед ним должностных лиц. Трибуны могли предлагать законы и проводить встречи с сенатом. Однако со временем они превратились в обычных игроков политической сцены, иногда даже их использовал сенат, чтобы накладывать вето на проекты неподконтрольных ему выборных должностных лиц. До появления Тиберия Семпрония Гракха деятельность народных трибунов не отличалась радикальностью.

На 133 год Тиберия избрали одним из десяти трибунов, и он предложил проект земельной реформы (*lex agraria*). Он понимал, что в сенате у него появятся жестокие противники, и сделал все возможное для создания сбалансированного компромиссного соглашения. Тиберий вспомнил о старом прекратившем свое действие законе, по которому запрещалось иметь больше 500 югеров земли (ок. 125 га). Однако Тиберий смягчил условия, разрешив иметь еще 250 югеров на взрослого сына каждого землевладельца (этот пункт впоследствии отменили, так как многие были недовольны им), и предложил отдать всю землю в вечную собственность. При этом плодородные области Кампании не попадали в сферу действия этого закона. Выявленные излишки земли должны были быть разделены на участки площадью 30 югеров (7,5 га) и распределены между бедными римскими гражданами. Их нельзя было продавать (видимо их можно было только передавать по наследству), и за них должна была взиматься небольшая арендная плата.

До сих пор все делалось вполне разумно. Но затем Тиберий принял роковое решение. По установившейся традиции все новые законы сначала надо было представлять на рассмотрение сенату и только потом отправлять в народное собрание для утверждения. Отважный трибун решил обойти недовольный сенат и сразу же представил свой проект народу. Формально это не противоречило закону, но шло вразрез с установившимися обычаями: такого не случалось почти сто лет.

Тиберий активно отстаивал свое начинание, которое быстро приобрело большую популярность. В Риме проводилась своего рода агитационная кампания, в результате которой сторонники законопроекта исписали все стены, памятники, портики и колонны, находившиеся в оживленных местах. «Дикие звери, населяющие Италию, имеют норы, у каждого есть свое место и свое пристанище, – говорил Тиберий, – а у тех, кто сражается и умирает за Италию, нет ничего, кроме воздуха и света». Такое убедительное красноречие находило понимание у слушателей, однако молодой трибун и близкий товарищ Тиберия, Марк Октавий, внезапно

заявил, что он намерен использовать свои официальные полномочия для наложения вето на проект закона. Тиберий всячески убеждал его, чтобы он изменил свое решение. Он сказал, что у Октавия имеется много общественной земли, однако он готов возместить ему потери за счет собственного состояния.

Но все было напрасно. Тиберий созвал на Форуме народное собрание и велел глашатаю зачитать новый закон. Однако Октавий приказал глашатаю молчать. Тиберий отложил встречу на следующий день, но новая встреча также окончилась безрезультатно. Тогда стороны решили передать свои разногласия для рассмотрения в сенат, но там сенаторы только посмеялись над ними. Тиберий вернулся обратно в народное собрание, где он совершил свой следующий роковой поступок. Он объявил о новой отсрочке принятия закона, но предупредил, что в следующий раз он не только поставит на голосование свой законопроект, но и внесет предложение о том, может ли Октавий дальше исполнять свои полномочия. Тиберий сделал все, как он обещал. На следующей встрече объявили голосование по смещению Октавия, однако произошла задержка, так как кто-то украл урны для голосования. Голосование проходило по трибам. Трибы одна за другой высказывались за смещение Октавия. Когда проголосовали все трибы, Тиберий повернулся к Октавию и попросил, чтобы он пересмотрел свое мнение о законопроекте. «Не мешай делу, столь священному, столь полезному для всей Италии», – умолял он. Октавий отказался. Узнав, что большинство триб проголосовало против него, он покинул собрание. Его друзья срочно увели его с Форума, где, скорее всего, с ним могли расправиться. Затем собрание утвердило законопроект и создало комиссию для его осуществления. В состав этой комиссии вошли оба брата Гракхи.

Приблизительно в это время умер царь Пергама. Стремясь предотвратить гражданскую войну, он завещал свое царство Риму, которое стало его азиатской провинцией. Вся пергамская казна перешла собственности Рима, и у Тиберия возникла прекрасная мысль принять закон, по которому эти деньги можно было распределить среди мелких собственников земли, чтобы они могли купить себе необходимые семена и орудия труда.

Во время своего противостояния с Октавием Тиберий, скорее всего, снова не нарушил закон, однако смещение трибуна оказалось невиданным доселе обстоятельством. Даже если земельная реформа была достойной причиной – и многие считали ее таковой, – то все эти действия выглядели так, как будто сторонники реформы ради достижения своих целей готовы пойти наперекор установленным правилам. Они нарушили неустойчивое равновесие между народным собранием и сенатом, которое поддерживалось в республике в течение многих столетий.

Наступило лето, когда народное собрание не собиралось. Победивший Тиберий опасался, что, когда он в конце года передаст свою должность другому, его закон будет отменен еще до того, как проявятся все его преимущества. Таким образом, вся проделанная работа ни к чему не приведет. Кроме того, Тиберий беспокоился относительно своей безопасности, так как, являясь избранным представителем народа, он обладал личной неприкосновенностью, а после ухода с должности у него ее не будет. И наконец, он принял третье и последнее роковое решение. Пойдя на явное нарушение закона, он выдвинул свою кандидатуру в трибуны на следующий год. Для консерваторов в сенате это было уже слишком.

Голосование началось на выборах, которые проводили на Капитолийском холме, однако порядок вскоре нарушился. Обязанности председателя решили передать другому трибуну, который был другом Тиберия. Против этого многие стали возражать. Тогда Тиберий перенес голосование на следующий день. Чтобы опередить своих противников, он вместе со своими сторонниками рано утром занял место проведения собрания перед храмом Юпитера Лучшего и Величайшего. Уходя из дома, Тиберий случайно поранил большой палец ноги о порог, из-за

чего ему в сандалию натекла кровь. Это было недобрый предзнаменованием.

Тем временем сенат собрался в небольшом храме богини верности Фидес неподалеку от места народного собрания. Там преобладали противники Тиберия, лидером которых был его двоюродный брат, также внук Сципиона Африканского. Его звали Публий Корнелий Сципион Назика («Большой нос»). Известный политик, в разное время занимавший все высшие государственные должности, теперь был верховным понтификом, или первосвященником. Назика отличался высоким самомнением. Однажды на шумном собрании он произнес: «Тише, граждане. Я гораздо лучше вас знаю интересы народа».

Назика попытался убедить консула объявить чрезвычайное положение, но консул отказался применять силу и убивать гражданина без суда. Тем временем, снаружи начались столкновения между приверженцами разных сторон. Воцарился хаос. Трибуны оставили свои места, священники закрыли храм Юпитера, и много людей пыталось спастись бегством. В шумной неразберихе Тиберий коснулся рукою головы, стараясь показать, что ему грозит опасность. Об этом сообщили сенаторам, которые решили, что этот жест означает желание Тиберия получить царскую диадему (белая тряпичная лента, символизирующая царскую власть) и стать царем.

В течение всей истории Римской республики это было самое страшное преступление. Стремление к тирании не заслуживало никакого милосердия. Назика использовал этот момент. «Ну что ж, если глава государства – изменник, тогда все, кто готов защищать законы, – за мной!» – воскликнул он. Верховный понтифик накинул край тоги на голову, как будто он собирался совершить жертвоприношение, и выбежал из храма в сопровождении сенаторов и их свиты.

Сторонники Гракхов были настолько потрясены при виде ринувшейся на них толпы, что многие потеряли самообладание. Назика и его сторонники схватили все то, что побросали их противники – палки, пруты и т. д., – и разбили скамьи, установленные для проведения собраний. Затем они преследовали Гракхов и сталкивали их с крутого обрыва Капитолийского холма. Кто-то ухватил за тогу Тиберия, но он сбросил ее и побежал дальше. По горькой иронии этого потенциального (предположительно) деспота настигли около статуй римских царей. Один из противников ударил его ножкой скамьи по голове, затем подошли другие, и неприкосновенного трибуна забили до смерти. Ему еще не исполнилось и тридцати лет. После прекращения беспорядков под покровом темноты все трупы сбросили в Тибр.

Гибель Тиберия стала потрясением, которое подорвало основы государства. Римляне по-разному отнеслись к этим событиям. Двоюродный брат Тиберия и исполнитель главной роли во всех этих событиях, образованный Сципион Эмилиан, осторожно высказал свое одобрение. Сенат приказал допросить всех консулов, избранных на 132 год, и казнить тех, кого уличат в сговоре с Тиберием. Народ пришел в ярость от действий Назики, и его вызвали в сенат для объяснения. Присутствие Назики в Риме оказалось нежелательным. Его назначили посланником в дальнюю провинцию, и вскоре он умер своей смертью в Пергаме.

Как это ни странно, никто не стал противодействовать проведению земельной реформы, и комиссия по ее осуществлению беспрепятственно продолжала свою работу. Римскую элиту возмутила не столько политика Тиберия, сколько методы ее проведения в жизнь. Кроме того, отмена реформы могла привести к сильному возмущению в обществе. Лучше всего было оставить все, как есть.

Однажды римский консул приехал в Теан Сидицинский (ныне Теано), небольшой городок на границе с Самнием, жители которого говорили на оскском языке. Консула сопровождала жена. Она захотела вымыться в мужских банях (вероятно они являлись местной достопримечательностью. Остатки этих бань сохранились до настоящего времени). Городскому

квестору, некоему Марку Марию велели выгнать из бань всех посетителей, чтобы освободить для нее место. Позднее она пожаловалась своему мужу, что бани готовили для нее очень медленно, и кроме того, их очень плохо вычистили.

Консул велел установить на площади столб и привести к нему самого знатного жителя Теана, Мария. Там с него сорвали одежду и высекли прутьями. Когда известие об этом дошло до соседнего города, его народное собрание приняло закон, запрещающий пользоваться общественными банями, когда в городе находится римский государственный чиновник.

Гай Семпроний Гракх рассказал эту историю в своей речи, посвященной возмутительному поведению высокопоставленных римлян во время их поездок по Италии. С такой вопиющей несправедливостью поступали не только государственные служащие. «Я покажу вам на одном примере, сколь велик произвол и необузданность молодых людей, – рассказал Гракх о другом подобном случае, – несколько лет тому назад из Азии был отправлен в качестве посла молодой человек, еще не занимавший в то время магистратуры. Его несли на носилках. Ему навстречу шел погонщик волов из Венузии и в шутку, поскольку не знал, кого несут, спросил – неужели покойника? Услышав это, тот велел опустить носилки и ремнями, которыми носилки были связаны, приказал бить его до тех пор, пока он не испустил дух».

Союзные Риму города высказывали свое негодование. Они не только возмущались высокомерием римских сановников, но и чувствовали, что историческое соглашение, несколько веков действующее между ними и их завоевателем, начало нарушаться.

Система из около 150-ти двухсторонних договоров между Римом и каждым его союзником успешно работала. Как мы уже знаем, они должны были выставлять войска, если Рим попросит их о помощи во время войны. Рим, в свою очередь, гарантировал своим союзникам безопасность и обеспечивал их частью трофеев, захваченных в результате победы. Союзники также имели право получать часть захваченных земель и участвовать в основании колоний.

С возникновением огромной заморской империи эти условия изменились. Новые провинции платили налоги непосредственно в римскую казну. Колонизация прекратилась. Тиберий Гракх признал, что в помощи нуждались не только римские граждане, но и остальные жители Италии, поэтому его реформы означали раздел общественной земли на территориях римских союзников.

Дальновидные римляне признавали необходимость земельной реформы, однако они также понимали, что надо было что-то делать для удовлетворения союзных Риму городов и как-то возместить им экономические потери. Одним из таких людей был Сципион Эмилиан, к которому не раз обращались землевладельцы из числа римских союзников. Они возражали против того, что римская комиссия пытается изменить их местные правовые нормы. Сципион принял меры, чтобы консул рассмотрел такие спорные случаи. Однако высший чиновник понял, что на него возложили решение неблагодарной задачи, и сразу же уехал в свою далекую провинцию.

Сципион уже завоевал себе дурную славу из-за несогласия с планами Тиберия Гракха, и теперь его сочувствие союзникам стали сильно раздражать городские толпы, которые не видели причин идти на уступки каким-то «иноземцам». Политические противники Сципиона утверждали, что он собирается полностью отменить земельный закон Тиберия и устроить вооруженную бойню. При таких настроениях в городе почти никто не удивился, когда в 129 году Сципиона обнаружили мертвым без всяких ран на теле. Ночью он собирался написать речь для выступления в народном собрании и положил около себя письменную дощечку.

О его смерти сразу распространились разные слухи. Одни говорили, что Сципиона убила мать Гракхов, Корнелия (теперь, конечно же, она приобрела известность), чтобы

предотвратить отмену закона, принятого ее сыном. Другие рассказывали, что Корнелию подстрекала ее дочь, Семпрония, которая была замужем за Сципионом, а тот не любил ее из-за внешнего уродства и бесплодия. Третьи утверждали, что Сципион покончил собой, так как он понимал, что будет не в состоянии сдержать данные им обещания. Говорили также, что рабов Сципиона подвергли пытке (так всегда делали в случае смерти хозяина дома), и они сообщили, что его задушили какие-то иноземцы, проникшие к нему в помещение через заднюю часть дома.

Возможно, что Сципиона убили, но если сообщения о том, как было найдено и как выглядело его тело, верны, то скорее всего он умер от сердечного приступа или припадка. В любом случае он был мертв. Поскольку о его деятельности на государственной службе высказывались неоднозначно, то Сципиона не удостоили похорон за государственный счет.

В течение нескольких лет после убийства своего брата Гай Гракх не появлялся на Форуме и не участвовал в общественной жизни. Он был чужд праздности, не участвовал в распутных вечеринках, не имел страсти к вину и накоплению денег, и это отличало его от многих своих сверстников. Ему нравилась армейская служба, однако он сильно возмутился, когда ему незаконно продлили срок службы в Сардинии, где он был квестором. В гневе он прибыл в Рим. Там его обвинили в неисполнении своих обязанностей, но он легко оправдался, произнеся убедительную речь в свою защиту. Он уже прослужил дольше, чем того требовал закон. Кроме этого он добавил: «Я – единственный из всего войска взял с собою в Сардинию полный кошелек и увез его оттуда пустым, тогда как остальные, выпив взятое из дому вино, везут в Рим амфоры, доверху насыпанные серебром и золотом».

Сторонники реформы неоднократно призывали его выставить свою кандидатуру на должность трибуна, а консервативные сенаторы презирали его, так как опасались, что его изберут. Говорили, что Тиберий явился Гаю во сне и сказал: «Рано или поздно ты должен будешь умереть той же смертью, что и я». Его мать не хотела повторения прошлого и не одобрила его поступок. Сохранилось ее письмо, в котором она увещевала своего сына: «Кроме убийц Тиберия Гракха ни один враг не принес мне столько страданий и создал столько трудностей, сколько ты. Поскольку ты остался моим единственным сыном, ты должен сделать все возможное, чтобы в своей старости я пережила как можно меньше страданий».

Гай не послушался Корнелии и покорился неизбежности. В 123 году его избрали трибуном.

Можно сказать, что времена постепенно менялись, поскольку Гай не испытывал никаких затруднений в своей деятельности, и его переизбрали на второй год. Гай начал проведение радикальных реформ. Прежде всего, для успокоения духа своего покойного брата, он ввел два новых закона. Первый закон запрещал тому, кого однажды сместили с государственной должности, впредь занимать любую другую. Скорее всего, этот закон был нацелен на Октавия, но, как пишет Плутарх, против этого закона выступила Корнелия и убедила своего сына не принимать его. Народ был восхищен таким великодушным поступком.

Второй закон касался судов. Гай запретил проводить любые судебные заседания без одобрения народного собрания. Если какой-нибудь чиновник лишил гражданина его гражданских прав путем наказания или изгнания, то его необходимо привлечь к суду перед народом, как если бы он был врагом государства. Действие этого закона распространялось на прошлые события, поэтому бывшего консула, который в 132 году организовал преследование сторонников Тиберия, отправили в изгнание. Гай действовал не только из-за желания отомстить. Он хотел напомнить реакционным сенаторам о тех опасностях, с которыми они могут столкнуться, если не будут считаться с волей народа.

Гай еще раз подтвердил закон о земле Тиберия, однако он не стал распределять некоторые

общественные земли, по-видимому, для того, чтобы сдать их в аренду неримлянам. Он также объявил об основании трех колоний в Италии и одной – в Северной Африке на опустошенных землях Карфагена. Последнюю колонию назвали Юнония или «Место Юноны» (быть может, он хотел угодить этой богине?). Этот проект признали неудачным, поскольку его осуществление отменяло проклятие недавно умершего Эмилиана. В конце концов, на месте Карфагена оставили находившееся там пастбище для скота. Тогда Гай Гракх предложил план строительства новых дорог по всей Италии. Все эти меры могли привести к сокращению безработицы.

Непрерывно растущий Рим требовал увеличения поставок зерна, а также непрерывности этих поставок. Зерно закупали в Африке и на Сицилии. Если там случались неурожай, то в городе начинался голод. Голодные бунты представляли собой большую угрозу для государства. Гай создал постоянные запасы зерна на случай его недостатка и установил фиксированную цену для продажи этого зерна гражданам.

Трибун обратил свое внимание на распространившееся в обществе взяточничество. Он принял законы против мошенничества и воровства наместниками провинций и учредил специальный суд по делам о взятках и вымогательствах должностных лиц (*quaestio de repetundis*), который разбирал дела в присутствии сенаторов. Однако этот суд очень редко выносил приговоры, потому что судьи часто оказывались друзьями ответчиков. Гай решил исправить это. Он ввел в состав судов всадников (*equites*), которые когда-то составляли римскую конницу, а теперь стали сословием, по имущественному цензу стоящим на одну ступень ниже сенаторов. Это привело к тому, что вскоре сенаторы вообще оказались вытеснены с судебных заседаний, где теперь заправляли только представители всадников.

Гай сделал для всадников еще много всего. В последние годы это сословие приобрело большое экономическое значение. Некоторые всадники стали землевладельцами, их не интересовала государственная деятельность, а значительная часть превратилась в преуспевающих деловых людей. В Римской республике было немного государственных должностей и косвенные источники дохода (таможенные сборы и т. п.) отдавали на откуп разным компаниям (*societates equites*). Эти компании также получали подряды на выполнение государственных заказов – строительства общественных зданий и дорог, организации военных поставок. Сенаторам, конечно же, не разрешалось самим заниматься торговлей, но наместники провинций, проконсулы и пропреторы, ответственные за сбор прямых налогов, имели широкие возможности для вымогательства. Чтобы гарантировать приток денежных средств, необходимых для проведения реформы, трибун выставил на аукцион право сбора прямых налогов в новой богатой провинции Азия. С одной стороны это делалось в интересах компаний, а с другой явилось отражением недоверия в честность сенаторов.

Эти меры проводились для решения каких-то срочных насущных вопросов, но в конечном итоге Гай, по-видимому, стремился укрепить и расширить богатое сословие, не связанное с государственной службой. Оно должно было стать противовесом сенатской аристократии. Если это не являлось его намерением, то результат был именно такой.

Во время реформы проводились и другие изменения в государственном устройстве и управлении. Как всегда, главными принципами были честность и эффективность. Гай обладал гораздо большей дальновидностью, чем его брат. Реформы Гая Гракха представляли собой всестороннюю политическую программу. Когда он появлялся на Форуме, то казалось, что он являет собой все правительство Рима. Плутарх пишет, что его постоянно видели «окруженным подрядчиками, мастерами, послами, должностными лицами, воинами, учеными». Гай явно пытался переустроить систему государственной власти в направлении народного правления, однако он нигде не говорил об этом.

У нас нет никаких доказательств, что он собирался как-то ограничить или даже ликвидировать сенат. Скорее всего, он хотел очистить сенат и сделать его более восприимчивым к интересам народа. Он сочетал в себе отвращение Катона к действиям правящей элиты и приверженность Сципиона Эмилиана к справедливым отношениям с провинциями. Гай был убежденным сторонником перемен, но не революционером.

В течение своего второго срока Гай почувствовал на себе недовольство союзников. На примере судьбы Эмилиана он понял, что ему будет трудно завоевать одобрения в обществе, если он станет угождать италийцам. Его коллега, второй трибун, несколькими годами ранее занимавший должность консула, внес предложение о предоставлении гражданства любому римскому союзнику, который того пожелает, а для тех, кто не пожелает – право обжалования действий римских чиновников. Сенат очень возмутился и в качестве ответной меры отправил консула в Галлию, чтобы он привел из порта Массалия военную помощь. Вопрос сняли с рассмотрения.

Трибун понимал, что лучше было бы не касаться вопроса о союзниках, однако опасность серьезного недовольства во всей Италии была слишком велика. Он предложил, чтобы латинские поселения (то есть, имеющие второразрядное гражданство) получили полноправное римское гражданство, а остальные союзники получили те права, которые прежде имели латины. Римская толпа возмутилась, а оппозиция в сенате против этого категорически возражала.

Один из консулов пошел в нападение. Он высказывал устрашающие заявления, проводя своего рода антииммигрантскую кампанию того времени. Он заявил: «Представь себе, если мы дадим гражданство латинам, то останется ли у тебя место в народном собрании, где сейчас находишься, и хватит ли тебе места на играх и празднествах. Разве ты не понимаешь, что они все заполонят?»

Второй трибун, поддерживающий сенат, по своему популизму даже превзошел Гая. Он выдвинул такие предложения, удовлетворяющие как народное собрание, так и италийцев. Их сразу же одобрили, но так никогда и не осуществили (они и не были предназначены для осуществления), отклонив при этом законопроекты Гая. Единственным практическим результатом этих предложений была дискредитация Гая среди народных масс города.

После того как Гай проиграл выборы на третий срок, его противники сразу начали свертывать его законодательство. Сам он недавно вернулся из Карфагена, чтобы заняться постройкой Юнии, и в переполненном народном собрании на Капитолийском холме один из новых трибунов 121 года высказался против закона о создании этой колонии. Теперь, когда начались трудные времена, Корнелия забыла о своих разногласиях с сыном и помогла ему найти телохранителей. Эти нанятые люди скрывались где-то на задах собрания и смотрели за Гаем, который в сильном возбуждении прохаживался по портику. Может быть, он просто хотел понаблюдать за дебатами, а может, собирался расстроить встречу.

Затем судьба сыграла злую шутку. Опимий, ликтор одного из консулов Луция, обнажил руку и сделал оскорбительный жест. Какой-то возмущенный сторонник Гракха нанес ему удар палочкой для письма. Это был всего лишь предлог, на который рассчитывал консул. Он немедленно пошел в сенат и убедил его членов проголосовать за введение чрезвычайного положения. В этот раз впервые появилось постановление сената о чрезвычайном положении, обязательное к исполнению – «сенатус-консульт» (*senatus consultum ultimum*). Сенат постановил «консулам озаботиться, чтобы государство не потерпело никакого ущерба» (*Videant consules ne quid detrimenti res publica caperet*).

Такая расплывчатая формула означала, что высшей государственной власти предоставлялось право применять крайние меры против преступников, которые подвергали опасности существование государства. Но была ли у сената реальная власть приостанавливать

осуществление римскими гражданами своего права? Ответ зависел от политических взглядов человека и от ощущения данного момента. Если рассмотреть этот вопрос беспристрастно, то сенат был только совещательным органом, хотя и высшей инстанции, и его постановления не имели юридической силы. Консул имел абсолютную власть, однако по закону он не мог наказывать граждан без суда (что было подтверждено недавно принятым законом Гая Гракха). По этой причине граждане имели право на апелляцию (*provocatio*) к народу. На самом деле немногие осмеливались противодействовать приказам действующего консула, однако, будучи мудрым человеком, он понимал, что когда-нибудь, после сложения своих полномочий, он тоже мог испытать на себе гнев народного собрания и предстать перед судом.

Такие высокопарные рассуждения никого не интересовали в крайне обостренной ситуации. Опимий обратился к сенаторам с призывом вооружаться, и велел всем всадникам на следующее утро выступить, приведя с собой двух вооруженных рабов. Ночь прошла в Риме тревожно. Утром сторонники Гракха захватили Авентинский холм, который во все времена служил традиционным убежищем плебейских предводителей. Гай не хотел вооружаться (у него был только кинжал) и вышел из дома в тоге, как всегда, когда он просто спускался на Форум по своим обычным делам.

После неудачных переговоров Опимий отправил на Авентинский холм лучников, которые стали выпускать стрелы в толпу, чем привели сторонников Гая в смятение. Отчаявшись от того, что произошло, Гай не стал принимать участия в схватке. Широкими шагами он удалился в храм Дианы, поднялся на вершину и вошел в святилище. По иронии судьбы, святилище было посвящено единению, убежищу и примирению, что никак не подходило для описания того дня. Гай пребывал в такой унынии, что собирался покончить с собой, но его друзья отобрали у него кинжал и убедили его бежать.

Уходя от преследующих врагов, Гай, его раб и два его друга бросились к узкому деревянному мосту через Тибр. Друзья Гая остановились и остались у входа на мост, где, подобно Горацию и его соратникам, приняли бой со своими преследователями, чтобы Гай смог бежать. Но вскоре они оба погибли.

За Гаем следили какие-то люди с той стороны реки. Они призывали его бежать скорее, но не предложили никакой помощи. Когда он попросил дать ему коня, никто не внял его просьбе. Когда они попали в руки врагов, раб так крепко обнял своего хозяина, что оказалось невозможным нанести смертельный удар второму, пока не погиб первый. (Согласно другой версии гибели Гая, он все-таки успел покончить с собой.) Убийцы отрубили голову Гая и принесли к Опимию, который обещал выдать им за нее столько золота, сколько весила голова. Некоторые рассказывали, что убийца Гая вытащил из головы мозг и залил череп свинцом, чтобы она весила намного больше.

Несмотря на благие намерения братьев Гракхов, проведение реформ привело к катастрофе. Политика Гракхов была вполне рациональной, и, в конечном счете, большая часть их законодательства вошла в систему римского права. Экономические последствия земельных реформ принесли большую выгоду. Сенат относился к братьям как генерал, столкнувшийся с мятежом. Он признал большинство своих ошибок, но казнил зачинщиков мятежа.

Однако результаты их усилий применительно к системе государственного управления оказались отрицательными. Жители Апеннинского полуострова как никогда прежде выражали свое недовольство. Народ наращивал свое могущество в народном собрании, всадники впервые почувствовали свою силу против сената. До Гракхов никто не понимал, что республикой можно было управлять со скамьи трибунов. Как сенат, так и народ в своих действиях проявляли крайнюю степень эгоизма, не считаясь ни с какими общественными интересами.

Государственное устройство Рима представляло собой сложное переплетение рычагов и

противовесов, в котором отжившие институты органично уживались с более современными. Для эффективного управления требовались восприимчивость, изобретательность и, прежде всего, способность приспосабливаться, уступать и добиваться компромисса. В течение многих веков эти качества вызывали восхищение у римских политиков, независимо от того, кто обладал ими – их друг или их противник.

И вот теперь трагический путь Гракхов ясно показал, что Римская республика превратилась в огромное нестабильное государство, совершенно не способное развиваться. Не случайно Аппиан начал свою историю гражданских войн именно с этого момента. Он заметил: «Никогда прежде не приносили меч в народное собрание, никогда не проливали кровь граждан. Так дело продолжалось до тех пор, пока Тиберий Гракх... первый погиб во время народного волнения, причем были перебиты около храма на Капитолии многие его сторонники. После этого гнусного дела волнения уже не прекращались, причем всякий раз враждующие партии открыто поднимались одна против другой. Часто пускались в ход кинжалы, и то одно, то другое из должностных лиц в промежутках между волнениями находило себе смерть либо в храмах, либо в народном собрании, либо на форуме, и этими жертвами были то народные трибуны, то преторы, то консулы, то лица, добивавшиеся этих должностей, а то и просто люди, бывшие на виду. Все время, за исключением коротких промежутков, царила беззастенчивая наглость, постыдное пренебрежение к законам и праву».

После гибели Гая мать Гракхов уехала из Рима. Она обосновалась в Мизене, на узком перешейке, который достигает своей наибольшей высоты на скалистом мысу у северного края Неаполитанского залива. Это было удаленное место, откуда открывались замечательные виды. Однако Корнелия не стала уединяться и продолжала вести светский образ жизни. Плутарх пишет: «У нее было много друзей, дом ее славился гостеприимством и прекрасным столом, в ее окружении постоянно бывали греки и ученые, и она обменивалась подарками со всеми царями».

Она с радостью предавалась воспоминаниям о жизни и личных качествах своего отца. Но еще больше изумления она вызывала, когда без печали и слез рассказывала о своих сыновьях, обсуждала их деятельность и печальную гибель, причем она делала это так, как будто речь шла о деятелях первых веков Рима.

Свои потерянны «украшения» Корнелия пережила больше чем на десять лет. Она умерла на рубеже веков. Ей не удалось в полной мере оценить то, что они совершили.

17. Триумф и трагедия

Эти две ничем не выдающиеся личности являлись довольно неприятными представителями человеческого рода, если не сказать хуже.

Старшего звали Гай Марий. Он родился в 157 году в небольшой деревушке близ города Арпина, расположенного в области Лаций в 100 км к юго-востоку от Рима. В этой горной местности когда-то жили вольски и самниты. Марию удалось получить избирательное право, несмотря на то, что остальные жители его родного города получили это право только 30 лет спустя.

Как писал биограф Мария, Плутарх, родители мальчика жили очень бедно, а он сам, как говорят, работал за небольшие деньги, как простой крестьянин. По-видимому, какое-то время он был кузнецом. Не ведая никакой утонченности, он приучил себя к крайней бережливости. Скорее всего он гордился своим скромным образом жизни. Позднее Марий выдвинул свою кандидатуру на государственную должность. Во время избирательной кампании он постоянно упоминал о своем образе жизни и сравнивал себя с изнеженными аристократами. В этом он

чем-то напоминал Катона: «В своем высокомерии эти люди глубоко заблуждаются. Их предки оставили им все то, что только можно: богатства, изображения, славную память о себе... По их словам, я неопрятен и груб, так как не умею изысканно устроить пирушку и у меня нет актера, да и повар обошелся мне не дороже, чем управитель усадьбой. Охотно признаю это, квириты! Ведь от отца и других бескорыстных мужей я усвоил, что изящество подобает женщинам, мужчинам – труд».

В юности Марий выбрал единственный доступный для него путь, который мог вывести его из провинциального захолустья – он пошел служить в армию. Незаурядные способности Мария вскоре заметили. Возможно также, что несмотря на бедность Мария, его социальное положение было выше, чем он хотел признать. На самом деле он происходил из семьи всадников, которая просто оказалась в трудном положении. Если этот так, то именно это обстоятельство могло помочь ему быстро продвигаться по службе.

Характер у Мария был довольно жесткий. Плутарх как-то увидел его статую в Равенне и написал: «Наше впечатление вполне соответствует тому, что рассказывают о мрачности и суровости его нрава». Марию вполне подходила военная жизнь. Он отказался изучать греческую литературу и не говорил на греческом языке. Кроме того, он считал, что нельзя обучаться культуре у наставников, которые сами находились в рабстве. Недоброжелатели считали его лицемером, который говорит что-то только для того, чтобы добиться своего, не гнушаясь при этом шантажом. Однако, подобно шекспировскому герою Яго, они испытали раздражение, поскольку на самом деле Марий приобрел репутацию честного человека.

Одно свойство Мария никто не смог отрицать – это сочетание его силы духа и реализма. Позднее на обеих ногах у него развилось расширение вен. Ему не нравилось, что его ноги были обезображены, и он решил позвать врача, чтобы тот провел операцию. Тогда еще не было обезболивающих средств, и пациента просто связывали. Марий отказался от связывания, решив все вытерпеть. Не шевельнувшись и не застонав, он перенес мучительную боль от надрезов на одной ноге. Но когда врач перешел к другой, Марий остановил его и сказал: «Я вижу, что исцеление не стоит такой боли».

Луций Корнелий Сулла по своему положению и характеру, по-видимому, очень сильно был похож на типичного деревенского парня с грубыми манерами. Сулла был на двадцать лет младше Мария. Он родился в семье незнатного патриция, который жил в постоянной бедности. Один из его предков, о котором сохранились воспоминания, прославился лишь тем, что его изгнали из сената. Сулла почти ничего не унаследовал от своего отца, из-за чего он ютился в дешевом помещении на первом этаже в бедном районе города.

Сулла жадно интересовался литературой и искусством. Когда у него появлялись какие-нибудь деньги, он проводил большую часть своего времени с актерами и актрисами. Он любил пьянствовать и острословить с разными бесстыдными людьми театра и сцены. За столом он и слышать не хотел ни о каких серьезных делах, при этом на службе он казался совершенно другим человеком – строгим и настойчивым.

Молодой аристократ видимо очень быстро находил общий язык с пожилыми женщинами. Мачеха Суллы любила его так, как будто он был ее собственным сыном. Она оставила ему все свое состояние. Затем Сулла влюбился одну общедоступную женщину по имени Никопола, и благодаря своему юношескому обаянию и страсти он, в конце концов, добился ее взаимности. После ее смерти он снова получил наследство, которое она ему завещала. Таким образом, он стал довольно богатым человеком. Однако Сулла любил не только женщин. Самой страстной его любовью был известный трагический актер Метробий, который играл в театре женские роли. Сулла любил Метробия до последнего дня своей жизни.

Сулла обладал очень примечательной внешностью. У него были серые глаза и тяжелый

проницательный взгляд. Его лицо было покрыто родинками, имевшими вид неровной красной сыпи, между которыми иногда виднелась белая кожа. Какой-то афинский насмешник сложил о нем издевательский стишок: «Сулла – смоквы плод багровый, чуть присыпанный мукой».

Марий и Сулла стали лидерами двух группировок в римской общественно-политической жизни. Одна из них – популяры (*populares*) – выступала за народ и являлась продолжателями дела Гракхов. Они поддерживали народное собрание, стремясь ограничить власть сената. Популяреры были наследниками многовековой борьбы за права плебеев. Другая группировка – оптиматы (*optimates*), так называемые «лучшие люди», которые не доверяли демократии и выступали за сохранение власти знатных семей, за то, чтобы только их члены могли занимать государственные должности.

Эти группировки не являлись организованными политическими партиями с четко разработанными программами, что мы можем видеть в современных парламентских демократиях. Они больше похожи на постоянно меняющиеся фракции. Их методы часто менялись. Лидер популяров мог стремиться к личной власти, тогда как оптиматы обычно отстаивали общие интересы. Однако в руководстве обеих группировок все равно находились выходцы из аристократии, только иногда какой-нибудь случайный «новый человек» (*novus homo*), такой как Марий, допускал туда простых граждан. Обычным гражданам разрешали голосовать, но их участие в политике ограничивалось только наблюдением и ожиданием. Кроме этого, кандидаты на государственные должности предлагали им взятки. Когда у граждан заканчивалось терпение, они поднимали бунт.

Пути необразованного простачка Мария и страстного распутника Суллы впервые пересеклись в Северной Африке. Они сражались с Югуртой. Этот даровитый полководец и коварный интриган был внуком нумидийского царя Масиниссы, который почти сто лет назад помог римлянам победить Ганнибала в битве при Заме. В молодости Югурта служил в Испании у Сципиона Эмилиана, где завоевал большое уважение у командования. Югурта отличался сильным честолюбием и часто добивался своего с помощью своей необычайной щедрости на подкуп. Сципион дал ему один добрый совет. В доверительной беседе он сказал Югурте, чтобы тот стремился поддерживать дружбу со всем Римом, а не с отдельными римлянами, а также отказался от своей привычки предлагать всем взятки. Будущий царь не обратил никакого внимания на эти мудрые слова.

Когда нумидийский царь умер, он завещал государство двум своим сыновьям и своему племяннику Югурте. Подобный раздел власти между тремя правителями очень хорошо показал себя после смерти Масиниссы вероятно потому, что римляне поддерживали такое состояние. Однако Югурта не хотел ни с кем делить власть. После того как он убил одного из братьев, второй, Адгербал, бежал в Рим. Сенат, не зная положения дел, решил, что Нумидию необходимо разделить пополам между двумя оставшимися претендентами. Югурта отказался от такого раздела и осадил Адгербала в его столице. Римские торговцы, проживающие у осажденного царя, предложили ему сдаться при условии, что Югурта сохранит ему жизнь.

Югурта принял условия, но как только его двоюродный брат оказался у него в руках, он казнил его, а вместе с ним и многих римских торговцев. Это стало роковой ошибкой. Рим никогда не прощал убийство своих граждан. Югурте объявили войну, и сенат отправил в Африку римскую армию. Однако Югурта вскоре согласился сдаться римскому военачальнику при условии, что он останется на своем троне.

Такой ход событий сильно удивил римлян. Многие считали, что Югурта подкупил всех римских офицеров, с которыми он вел переговоры. Сенат создал комиссию по расследованию. Югурту привезли в Рим, и под гарантии безопасности ему велели назвать имена всех тех, кого он подкупил. Однако перед этим он как всегда подкупил трибуна, чтобы тот любым способом

воспрепятствовал оглашению имен. Его также обвинили в убийстве его двоюродного брата, который жил в Риме по приглашению одного из консулов и потребовал передать ему трон Нумидии. К этому моменту стало очевидно, что с Югуртой было невозможно вести никакие дела. Его отправили обратно в Африку, и война возобновилась.

Плохо подготовленная римская армия потерпела от нумидийцев поражение и вынуждена была пройти под хомутом копий, как в прошлые неудачные времена самнитских войн. Римляне обязали покинуть Нумидию. В конце концов, в 109 году сенат понял, что Югурта – серьезный противник, и для продолжения войны в Африку отправили умелого и неподкупного военачальника.

Звали его Квинт Цецилий Метелл. Метелл был выходцем из семьи крупного сенатора. Среди клиентов Метелла числился и Гай Марий, который стал его легатом или представителем. К своим сорока восьми годам Марий сделал достойную для «нового человека» карьеру политика: в 114 году его выбрали претором и назначили наместником Лузитании. Он упорно стремился получить высшую государственную должность, даже если для этого пришлось бы пойти против своего давнего покровителя.

Метелл успешно вел военные действия, однако он действовал очень медленно. Югурта не сдавался. Марий начал волноваться, что война слишком затянулась. Он завоевал уважение среди рядовых римских воинов и римских торговцев, а также чувствовал поддержку избирателей на родине. Марий попросил у Метелла разрешение вернуться в Рим, чтобы выставить свою кандидатуру на должность консула и принять командование. Будучи аристократом, как и Марий, раздраженный Метелл не смог отказать, но отпустил язвительную шутку в адрес своего легата: «Так, значит, ты, милейший, собираешься покинуть нас и плыть домой домогаться консульства? – спросил он. – А не хочешь ли стать консулом в один год вот с этим моим сыном?» Сыну Метелла тогда было всего двадцать лет.

В результате Марию разрешили взять отпуск. В Риме он заручился поддержкой народа и всадников и добился избрания на должность консула. Народное собрание отклонило решение сената, который постановил продлить командование Метелла и не назначать на его место Мария. Такая узурпация традиционной роли сената в назначении военачальников в провинции создала опасный прецедент. Она подготовила почву для разных честолюбивых военачальников и политиков, которые старались обойти установленные законом ограничения.

Марий был полон решимости при первой же возможности покончить с Югуртой, для чего он произвел новый набор войск. Однако затем Марий обнаружил, что военные действия идут медленно и трудно, как и у его предшественника. Он захватывал крепость за крепостью, но легионы готовились к худшему – к битве с очень мобильным неприятелем на территории, которая хорошо подходит для развертывания конницы. Югурта укрепил свое положение, заключив союз со своим соседом, мавретанским царем Бокхом. В конце концов произошло генеральное сражение, в котором Марий одержал решительную победу. Она стала возможна в значительной степени благодаря Сулле. В наиболее ответственный момент он появился вместе со своей конницей.

Несмотря на поражение, коварный нумидийский царь все еще оставался на свободе. Но даже коварство не спасло Югурту, так как его новый друг Бокх решил сдать его римлянам. Одновременно с этим царь обещал Югурте передать ему Суллу. С таким выдающимся пленником, считал нумидиец, ему легко будет договориться о мире с Римом. И вот, Бокх пригласил к себе этих двух человек. Сулла целиком доверился ему и отправился на встречу только с несколькими спутниками. Мавретанский царь очень долго размышлял и колебался, выдавать ли Суллу Югурте, или наоборот. В конечном счете он решил, что дружба с Римом ему выгоднее, и сдал римлянам Югурту.

Югурту привезли в Рим и провели в триумфе Мария. От понесенного поражения он потерял рассудок. После триумфа его раздели и отвели в Мамертинскую тюрьму – главную тюрьму Рима. Когда его поместили в крошечную круглую камеру, откуда был сток в Большую клоаку, Югурта сказал: «О Геракл, какая холодная у вас баня!» Шесть дней он умирал от голода, находясь в полной темноте.

Марий пришел в ярость, когда узнал, что Сулла воспользовался его славой, поскольку все утверждали, что победу в войне одержал именно Сулла. По его просьбе ему сделали кольцо с геммой, где был изображен Бокх, передающий Сулле Югурту.

Мы можем только представить себе, какая улыбка была на лице Метелла.

Мария объявили великим военным реформатором, однако может случиться так, что древние источники использовали его в качестве своеобразной вешалки, на которую можно было повесить много важных реформ, проведенных в разное время.

Еще Гракхи обнаружили, что время обеспеченных земледельцев закончилось. Когда Марий набирал себе дополнительные войска для Африки, он записал в армию много бедняков или вообще неимущих, которых по закону нельзя было допускать в легионы. Само по себе это не было новшеством, как может показаться сначала, поскольку имущественный ценз для набора в легионы долгое время постоянно снижался, и Марий принял меры к тому, чтобы найти не призывников, а добровольцев.

Так или иначе, многие призывники были не в состоянии заплатить за свое оружие и снаряжение, как раньше, поскольку у них уже не было никаких хозяйств, куда они могли возвратиться. Войска, которые представляли собой ополчение, теперь превращались в нечто похожее на профессиональную армию. Это имело одно очень опасное последствие: воины стали все больше и больше зависеть от своих командиров. Командиры должны были не только обеспечивать их хорошим оружием и снаряжением, но и заниматься обустройством воинов после того, как они отслужат срок своей службы, который увеличился с 6 до 16 лет. Как мы уже видели, такой вопрос возник уже во время командования Сципиона.

В течение II и I века система манипул из трех линий пехотинцев и передовой линии легковооруженных лучников уступила место когорте – подразделению численностью 480 пехотинцев, разделенных на три манипулы. Теперь легион состоял из десяти когорт. Он был менее сложным и более сплоченным, чем в прежнем составе, поэтому во время сражения командиру было гораздо проще им управлять.

Марий ввел единую форму, снаряжение и вооружение. Для поддержания чести каждого подразделения он создал символ легиона – аквилу (*aquila*). Аквила представляла собой серебряного орла, укрепленного на длинном шесте. Захват аквилы неприятелем означал страшный позор для всех воинов легиона.

В римской армии появилось небольшое приспособление, которое увеличило возможность выживания на поле боя. Основным оружием легионера было тяжелое метательное копье, или пилум. Когда его бросали во врагов, то те часто поднимали его и отправляли обратно. Железный наконечник копья крепился к деревянному шесту двумя металлическими заклепками. Одну из заклепок заменили деревянным штифтом, для того чтобы при попадании копья в цель и падении его на землю наконечник погнулся или отскочил от шеста. В результате этого копье стало нельзя использовать повторно.

Марий сократил численность тех, кто обслуживал лагерь, в результате чего легионеры стали более независимы. Теперь кроме оружия им приходилось нести запас продовольствия для чрезвычайных ситуаций, а также разные орудия и приспособления для приготовления пищи и строительства укреплений. Сгорбленные под тяжестью поклажи пехотинцы еле передвигали ноги. Они были похожи на вьючных животных, из-за чего их прозвали «мариевыми мулами».

Внезапно возникла страшная опасность, угрожавшая самому существованию Рима. Все римляне хорошо запомнили поражение в битве при Аллии, а также последующий захват и разграбление их города кельтами в IV веке. Орды варваров, вышедшие из темных лесов Центральной Европы на залитые солнцем земли Средиземноморья, навсегда остались в памяти в виде какого-то кошмара, который теперь было невозможно себе представить.

Время от времени кельты появлялись снова. В 279 году они вторглись в Грецию и до нанесения им поражения сумели дойти до города Дельфы. Кельты-переселенцы обосновались в Галатии (ныне это центральная часть Анатолии). Рим делал все возможное, чтобы уменьшить вероятность их новых вторжений в Италию, создавая буферные территории. В 120 году на месте нынешней Южной Франции возникла провинция Трансальпийская Галлия, позднее переименованная в Нарбонскую Галлию. За эти годы многие консульские армии совершали походы на север, чтобы вытеснить кельтские племена из долины реки По. В конце концов, в I веке в этой области возникла провинция Цизальпийская Галлия.

В 113 году до Рима дошли тревожные вести о том, что два германских племени, кимвры и тевтоны, огромными толпами двинулись на юг вместе со своими женами. Родина этих племен находилась где-то в районе Ютландии. Тем временем, среди правящего сословия Рима все больше распространялся вирус бездействия и взяточничества. В Восточных Альпах эти кочевые племена нанесли римскому консулу поражение. Но, к счастью для республики, после этого племена двинулись на запад, в Галлию, куда они дошли в 110 году.

Следующие консулы также терпели поражения. Наиболее тяжелым стал разгром в битве при Араузионе (современный Оранж, близ Авиньона) в 105 году. Это стало самое крупное поражение римлян после битвы при Каннах. Сообщают, что потери римлян при Араузионе составили около 80 тысяч человек. Италия оказалась беззащитной перед захватчиками. Мужчинам моложе тридцати пяти лет запретили покидать страну. Рим готовился к худшему.

Когда известия о катастрофическом поражении достигли Рима, Марий все еще находился в Африке. На волне широкой известности Мария переизбрали консулом на следующий год при его отсутствии. Это не соответствовало никаким правилам, однако в народном собрании понимали, что другими кандидатами были ни на что не способные аристократы, и хотели иметь командующего, который смог бы отразить нашествие кельтов.

Кельты не спешили продвигаться дальше и расселялись по Галлии. Благодаря этому у Мария появилась передышка, во время которой он провел свои военные реформы (или усовершенствовал то, что было сделано прежде) и подготовил свои войска для напряженной борьбы. Его избирали консулом в течение шести лет. Это было неслыханно, однако все понимали, что лучше иметь на этой должности боеспособного военачальника республики, чем ежегодно менять командующего с целью одного лишь соблюдения правил.

Кельты разделили свои силы на две части. Тевтоны (вместе с родственным племенем амбронов) собирались войти в Италию по побережью, в то время как кимвры должны были спуститься на полуостров с альпийского перевала Бреннер. Марий ждал первых и не стремился сразу вступать в сражение. Продвижение кельтов наводило страх, поскольку они заполонили всю равнину. Римляне заперлись в своем лагере и наблюдали за их продвижением. Если верить Плутарху, то их шествие тянулось мимо лагеря целых шесть дней.

Марий неотступно следовал за неприятелем до тех пор, пока не нашел подходящее место для сражения. Первая же стычка с кельтами оказалась успешной для римлян, и на следующий день римская армия начала сражение. Три тысячи римских воинов укрылись в засаде позади кельтов. Легионы смогли отразить нападение тевтонов и даже продвинуться вперед. Затем, ошеломленные от удара с тыла, кельты в панике бежали.

Тела убитых кельтов остались лежать там, где они пали. Земля, в которой они истлели,

наполнилась перегноем, и жители Массилии собирали кости и строили из них ограды для своих полей. По некоторым сообщениям, в течение нескольких лет в этом месте собирали очень богатые урожаи винограда.

Вскоре Марий присоединился к консульской армии, которая готовилась встретить кимвров в долине По. В 101 году в самый разгар лета объединенные силы встретились с неприятелем за городом Верцеллы (ныне Верчелли в области Пьемонт). Противоборствующие армии подняли такое облако пыли, что первое время не видели друг друга. Кельты не привыкли к сильному зною и вскоре потерпели полное поражение. Их женщины из отвращения убивали всех своих беглецов, которые встречались им на пути, а затем многие из них душили своих детей и закалывали себя кинжалами.

Рим справился с внешней опасностью, однако в нем так и не наступил мир. Теперь ему пришлось сражаться с внутренними врагами.

Марий так и не смог стать настоящим политиком. Не обладая внешней привлекательностью, он очень хорошо умел отдавать приказы войскам и не мог добиваться соглашений с гражданскими лицами. В то время, когда он несколько лет занимал должность консула и вел военные действия против кельтов, ему была необходима политическая поддержка на Форуме. Он нашел себе союзника, нагловатого и озлобленного трибуна Луция Апулея Сатурнина. Будучи выходцем из аристократии, Сатурнин изменил своему сословию и стал популяром, после того как его уволили с должности квестора, отвечающего за поставку в Рим зерна из порта Остия.

Замечательный оратор и опытный посредник Сатурнин в 103 году был избран трибуном. Его политика не отличалась сложностью: он старался как можно больше противодействовать сенату. Сатурнин начал сотрудничать с Марием и от его имени принял закон о поселении ветеранов войны с Югуртой на землях в провинции Африка. Сатурнин никогда не гнушался применять силу против своих противников. Когда другой трибун попытался наложить вето на его проект, Сатурнин велел своим сторонникам прогнать его и закидать камнями. Он также помог Марию выиграть очередные выборы, и в 102 году Марий четвертый раз стал консулом.

После победы над кельтами Марий возвратился в Рим и вступил в новое соглашение с Сатурнином. Трибуна и консула объединила ненависть к Метеллу, который противодействовал Марию в Африке, а также попытался удалить Сатурнина из сената по причине его безнравственности. И вот, они подготовили для Метелла ловушку.

В сенат внесли предложение, что всем солдатам, как латинам, так и римским гражданам, уволенным со службы после поражения кимвров и тевтонов, необходимо выделить участки земли в Трансальпийской Галлии и в колониях в разных местах по всему Средиземноморью. В проект этого закона добавили необычное условие, что каждый сенатор должен дать клятву без возражений принять этот новый закон. Все знали, что Метелл сочтет это условие неправомерным посягательством на его сенаторскую независимость.

Марий заверил всех до одного, что он никогда не будет связывать себя такой клятвой. Затем, через несколько дней, когда наступил крайний срок для того, чтобы дать клятву, он неожиданно созвал сенат и сказал, что под давлением народа изменил свое решение. Однако он придумал хитроумную отговорку, которая намекала на возражение Метелла. Марий сказал, что он даст клятву и будет повиняться закону, «если только это закон». Возбужденные сенаторы один за другим последовали за своим лидером, за исключением Метелла. Он попался на это ухищрение и остался в одиночестве. Метелл остался при своем мнении и удалился с собрания. Наказанием ему стало изгнание.

Марий, несмотря на свою настойчивость, не стремился к радикальным переменам, поэтому вскоре он понял, что популяры выходят из-под его контроля. Сатурнин выиграл

очередные выборы и в третий раз стал трибуном, а один из его друзей попытался стать консулом. Когда сторонники Сатурнина на виду у всех избili до смерти главного соперника на должность консула, стало ясно, что Сатурнин зашел уже слишком далеко. Он сразу же лишился общественной поддержки.

Сенат второй раз в истории принял указ о наделении консула чрезвычайными полномочиями. Между тем, трибун со своими сторонниками занял Капитолийский холм. Оставив их на время в покое, Марий собрал вооруженных людей и перекрыл им водопровод. Это стало поворотным событием в истории Рима, поскольку воинам со снаряжением и оружием было запрещено находиться в пределах города. То обстоятельство, что консул очень быстро нашел, собрал и вывел этих людей, говорит о том, что эти люди уже были преданы не государству, а ему лично.

Измученные жаждой мятежники вскоре сдались. Им обещали сохранить жизнь и на время заперли в здании сената у подножия Капитолийского холма. Однако разъяренная толпа залезла на крышу и стала разбирать черепицу. Люди бросали ее вниз на мятежников, пока большинство из них не погибло.

На этом все закончилось. Консульские полномочия Мария закончились, однако из-за своего явно слабого политического опыта и неопределенных взглядов он перестал участвовать в общественной жизни. Как выразился Плутарх: «Уступая другим в любезном обхождении и во влиянии на дела государства, Марий жил теперь в пренебрежении, подобный орудью войны во время мира». По каким-то своим делам он отправился на Восток и на время исчез с исторической сцены.

Древние историки не очень лестно отзывались о Сатурнине, поэтому мы не можем оценить, каким он был государственным деятелем. Возможно, что он был просто каким-то недовольным раздраженным выходцем из высшего сословия или достойным преемником Гракхов, а может быть и тем и другим. Однако ясно одно: если раньше старая республика решала проблемы посредством обсуждения, то теперь оптиматы и популяры стали постоянно прибегать к насилию, от которого они так и не смогли избавиться.

Если распались дружеские отношения между разными группами населения на Форуме, то нечто подобное произошло между Римом и его союзниками в Италии. Много лет шли разговоры о предоставлении им полноправного римского гражданства, однако этого так и не произошло. Народные массы, голосовавшие на собраниях в Риме, никогда не поддерживали предложений, которые кому-то принесут выгоду за их счет.

В 91 году трибуном был избран яркий молодой оптимат Марк Ливий Друз. Он был трудолюбив, но имел высокое самомнение. С детства он отказался от праздников. Когда он строил себе дом на престижном Палатинском холме, его архитектор пытался спроектировать его таким образом, чтобы никто не видел, что делается внутри. «Нет, – ответил Друз, – возводи его так, чтобы мои сограждане могли видеть все, что я делаю». Трибун решал все политические вопросы и быстро настроил против себя членов сената, представителей народа и всадников. Он здраво рассудил, что римским союзникам в Италии необходимо дать все, что они пожелают, и предложил предоставить им избирательное право. Однако многие выступили против этого предложения. Друза стали подозревать в сговоре с руководителями союзников, некоторые из которых часто бывали у него на пирушках. Такой вывод, несомненно, сделали из-за открытости его дома. По этой же причине он поплатился жизнью за свои планы. Однажды вечером после занятий в освещенном портике он отпускал от себя людей. Внезапно он крикнул, что ранен, и после этих слов упал на землю. Ему пронзили бедро сапожным ножом. Нож нашли, а убийца скрылся.

Союзники уже разработали тайный план восстания, однако они ждали, чем закончатся

попытки Друза провести реформы. После гибели Друза они отказались от переговоров в пользу военной силы. Их военная цель выглядела, мягко говоря, не совсем обычно: большинство союзников стремилось не к уничтожению Римской республики, а к вступлению в нее. Они хотели заставить римлян стать своими друзьями, получить равные с ними права и иметь возможность голосовать. Но среди союзников был один народ, у которого были другие цели. Этот народ ненавидел своих завоевателей на протяжении всех долгих и горьких веков рабства. Этот народ – самниты. Они так никогда и не смирились со своим поражением в нескольких войнах, происходивших двести лет назад. Всякий раз, когда появлялась такая возможность, они с воодушевлением брали в руки оружие и снова выступали против своего давнего врага.

К несчастью, планы союзников очень быстро раскрыли, и им пришлось начать наступление слишком поздно – в конце теплого времени года. Однако они взяли инициативу в свои руки и сметали все на своем пути. Поскольку все победоносные римские армии всегда более чем наполовину состояли из союзников, то им было известно обо всех римских методах ведения войны. Легионам пришлось сражаться против своих старых товарищей.

Риму пришлось набирать свое войско зимой, и к весне 90 года он выставил сорок легионов. В армию призвали всех римлян из благородных семей (офицером служил даже такой далекий от армии человек, как молодой Цицерон). Военные действия развернулись на двух театрах – на севере Центральной Италии и в области Самний. На обоих этих театрах италийцы добились значительных успехов. Наиболее крупным их достижением стала гибель на поле боя римского консула. Римляне вспомнили о Марии, который принял командование и отразил нападение италийцев на севере (однако вскоре он ушел в отставку якобы по причине слабого здоровья, а на самом деле из-за того, что ему видимо не полностью доверяли, так как он был уроженцем города Арпина). Несмотря на то, что значительная часть Апеннинского полуострова была охвачена войной, латинские и римские укрепленные колонии остались верны Риму.

За два месяца римляне не добились никаких успехов, и восстание распространилось на юг. К концу года этруски и умбры на севере собирались примкнуть к италийцам. Сенат, наконец, принял историческое решение. Рим мог победить только одним способом – признать основную причину войны и найти ей решение. В Риме приняли закон, по которому всем латинским и италийским городам, которые вообще не вступили в войну или же сложили оружие, обещали предоставить полноправное римское гражданство.

После этого война продолжалась еще два года, но это своевременное решение, позднее распространенное на всех, вскоре затушило военный пожар. На юге вел успешные действия Сулла. Легионы стали побеждать, и даже самниты пали духом. Вооруженное противостояние постепенно прекратилось.

Война стала ужасным потрясением. С обеих сторон погибли тысячи человек. Говорили даже, что сельская местность Италии оказалась опустошена даже больше, чем после походов Пирра и Ганнибала. Однако наряду с отрицательными последствиями, были и положительные. Все свободные люди, жившие к югу от реки По, стали римскими гражданами. Вскоре они стали рассматривать Италию как единую страну. Разные области сохранили свою самобытность, однако теперь они уже находились в более крупном сообществе, где им были гарантированы все права римского гражданства.

Однако предоставление избирательных прав италийцам ослабило систему государственного управления, которая изначально создавалась для одного города-государства, где большинство граждан за день или два могли доехать до Рима и отдать там за кого-то свой голос. В будущем интересы тех, кто посещал народные собрания в Риме, не всегда совпадали с интересами новых граждан из дальних областей.

На политическую сцену вышел новый блистательный актер – понтийский царь Митридат.

Понт – далекое царство, находившееся на южном побережье Черного моря. Для обычного римлянина эта страна представлялась краем известного тогда мира, однако она являлась частью империи Александра Великого и поэтому входила в сферу греческой культуры. Официальным языком Понта был греческий. На морском побережье стояли города-государства, построенные по греческому образцу. Во внутренних областях страны находилось высокое обширное плоскогорье, где персидские аристократы управляли местными крестьянами.

Царская династия вела свое происхождение от неудачного «царя царей» Дария, которого в IV веке сверг с трона македонский завоеватель. Семейную жизнь Митридата можно оценить, рассмотрев его родословную. Его отца убили, а мать умерла в заключении. Пять родных братьев (из семи) умерли насильственной смертью, все они погибли от рук своего брата Митридата, который в дополнение к этому убил еще и двух собственных сыновей. Такое нередко происходило в эллинистических монархиях, где самыми страшными врагами правителя обычно являлись его ближайшие родственники.

Митридат родился около 120 года. Он был старшим сыном. Когда ему было одиннадцать лет, его отца отравили на пиру. Выгоду от этого получила его жена, дочь Антиоха Великого, которая вероятно и являлась убийцей царя. Она правила государством, пока ее сыновья не достигли совершеннолетия. По-видимому, она больше симпатизировала не Митридату, а своему младшему сыну Хресту, или же (что тоже вполне вероятно) она вообще не хотела, чтобы ее дети стали взрослыми и потребовали передать им царскую корону.

В четырнадцатилетнем возрасте Митридат стал бояться за свою жизнь. Однажды он отправился на охоту и не возвращался домой целых семь лет. Скорее всего, все эти годы он провел в долинах и лесах Центрального горного массива Понта и в сознании народа стал романтическим народным героем. Когда он, наконец, возвратился в столицу Понта, Синоп, он уже обладал сильной поддержкой, поэтому его мать беспрекословно выполнила все его условия. Митридат согласился править вместе с Хрестом, однако этот юноша стал главным интриганом во дворце. Старший брат был слишком своевольным и не мог смириться с ограничениями совместного правления. Он обвинил Хреста в заговоре, провел суд и публично казнил младшего брата.

Понт традиционно проводил проримскую политику, однако молодой царь собирался бросить вызов новой западной империи. Он считал, что Римская республика не обратит внимания на его усилия по созданию своей империи на восточном побережье Черного моря. Государство Митридата расширилось и достигло Колхиды, бывшей легендарной родиной Медеи и местом хранения Золотого руна.

В 104 году Митридат вместе с царем соседней Вифинии вторглись в Галатию и Пафлагонию и вскоре захватили эти области. Затем они двинулись в Каппадокию, однако там между ними вспыхнула ссора, так как они не смогли договориться, кто будет управлять ей. Митридат отправил в Рим своих посланников, чтобы те подкупили сенаторов. За это сенаторы должны будут признать его вторжение и встать на его сторону по вопросу о Каппадокии. В 99 или 98 году в частной поездке на Востоке находился Марий. Он встретился с Митридатом и в довольно жесткой форме предостерег его. «Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян, – посоветовал ему Марий, – либо молчи и делай, что тебе приказывают».

Однако сенат не стал решать этот сложный и запутанный вопрос. Он постановил, чтобы оба царя ушли из Каппадокии. Они подчинились. Сулла, который в то время занимал пост пропретора Киликии, посадил на трон Каппадокии нового царя, выбранного местной знатью.

В 90 году, пока Рим вел войну со своими италийскими союзниками, Митридат снова начал свое наступление. На этот раз он занял Вифинию и (во второй раз) Пафлагонию. Для разбирательства с этим неугомонным деспотом сенат отправил комиссию во главе с неким

Манием Аквилею. Комиссию сопровождал небольшой военный отряд. Римские представители велели Митридату немедленно убираться в Понт. Он, как и раньше, повиновался. Однако римляне не помогали бесплатно. Они попросили у вифинского царя деньги и посоветовали, где их взять. Они предложили ему вторгнуться в Понт. Царь Вифинии с неохотой подчинился.

Митридат потерял терпение. Он всегда старался избегать прямого военного противостояния с Римом, но теперь он почувствовал, что у него не осталось никакого выбора, кроме как сопротивляться. Довольно быстро он победил три армии, посланные против него. Аквилей был захвачен и казнен. В наказание за его жадность в горло ему налили расплавленное золото.

Царь достиг точки невозврата и понял, что ему надо идти дальше. Он прошел по римской провинции Азия и объявил о долгожданной свободе греческих городов-государств и об отмене долгов. Он откликнулся на просьбу Афин освободить Грецию. Встал вопрос, как ему поступить со многими тысячами римских и итальянских купцов, находившихся в городах Азии. Если их оставить в покое, то они стали бы потенциальной «пятой колонной», а собрать их всех вместе и вывезти было очень затратно.

Митридат принял самое опасное решение за все время своего долгого правления. Он отправил письмо всем местным правителям Азии, в котором приказал им через тридцать дней с момента получения этого письма уничтожить всех выходцев из Италии – мужчин, женщин и детей – и оставить их непогребенными, что в древнем мире считалось страшным оскорблением. Почти все местное население с воодушевлением исполнило этот приказ, однако в каком-то одном городе для убийств использовали наемников. В городах можно было увидеть страшные сцены. Как только началась резня, многие бежали в храмы, надеясь найти там убежище. В Эфесе беглецов, укrywшихся во всемирно известном храме Артемиды (греческое соответствие римской Дианы) отрывали от статуй богини и убивали, а в Пергаме тех, кто укрылся в храме бога исцеления, Асклепия, пронзали стрелами. Всего во время этой резни погибло около 80 000 человек.

Понтийский царь понимал, что Рим никогда не простит ему и всем тем, кто участвовал в этом истреблении. Теперь жители Азии были заинтересованы в успехах Понта. Римский сенат получил горький урок, который ему пришлось изучать. То усердие, с которым население прибегло к массовым убийствам, показало, насколько сильна была ненависть к римской продажности и жестокости.

Сенат словно в насмешку предложил полноправное римское гражданство всем союзным народам, живущим к югу от реки По. Многие тысячи новых граждан, составляющих тридцать пять племен, разделили всего на несколько триб. Это означало, что, несмотря на огромную численность, эти люди никогда не смогли бы отстоять свои интересы (как мы помним, каждая триба обладала только одним коллективным голосом).

В 88 году консулом избрали консервативно настроенного Суллу. Он добился этого благодаря возросшей популярности из-за своих выдающихся действий во время Союзнической войны. Сулла сразу же получил в наместничество провинцию Азия, другими словами, ему поручили командовать армией против Митридата. До сих пор все шло хорошо.

Трибуном на этот год избрали одного из самых успешных ораторов того времени Публия Сульпиция Руфа. В молодости Цицерону удалось попасть на его выступление. «Сульпиций из всех ораторов, которых я когда-либо слышал, был, бесспорно, самый возвышенный и, так сказать, самый патетический оратор, – писал впоследствии Цицерон, – голос у него был сильный и в то же время приятный и звонкий». К тридцати пяти годам Сульпиций стал блестящим и влиятельным оптиматом, но как только его избрали трибуном, он изменил свои пристрастия и присоединился к популярам. По-видимому, это произошло из-за его близкой

дружбы с убитым Друзом. Сульпиций отстаивал интересы итальянских союзников Рима и взялся за решение непростой задачи – принятия закона, по которому новые граждане Рима будут справедливо разделены на 35 триб.

Сульпиций предполагал, что против его закона выступят как члены сената, так и представители народа, поэтому он заключил соглашение с Марием. Марий все еще тяготился тем, что его исключили из общественной жизни, и, несмотря на свои семьдесят лет, он хотел снова поучаствовать в каких-нибудь военных действиях. Марий имел большую популярность среди простых избирателей, а также мог обеспечить Сульпицию поддержку среди сословия всадников. Трибун, в свою очередь, мог отменить назначение Суллы командующим на Востоке и передать командование Марию.

Оскорбленный Сулла велел прекратить всякую общественную деятельность и объявил неприсутственные дни (*iustitium*). В ответ на это Сульпиций вывел свою толпу на улицы. На Форуме начались беспорядки, в ходе которых даже пытались посягнуть на жизнь консулов. Сулле удалось бежать, но к своему стыду, ему пришлось просить убежище в доме Мария близ Форума. Преследователи Суллы пробежали мимо здания, а Марий вывел беглеца через черный ход. Сулла еще некоторое время оставался в городе. Он отменил неприсутственные дни (*iustitium*), а затем бежал в военный лагерь к своим шести легионам, которые он должен был повести против понтийского царя.

Сульпиций принял свой закон и казнил некоторых сторонников Суллы. Как только консул узнал, что его отстранили от командования, он сразу же созвал собрание всего войска. Воины с нетерпением ждали выгодной войны и боялись, что Марий вместо них наймет на службу других людей. Сулла сообщил им о насилии, которому подвергся он, будучи римским консулом. Он попросил воинов повиноваться приказам, не задумываясь над тем, каковы они будут. Они, конечно же, понимали, что он имел в виду, и все же, когда Сулла приказал идти на Рим, они выполнили его приказ. Однако многие командиры не согласились вести войско против своей родины и бежали из лагеря.

Таким образом, произошел второй поворотный момент в истории Рима. Политики перестали, как прежде, избивать своих противников и даже убивать их, и теперь для решения своих вопросов они стали прибегать к настоящей гражданской войне. Аппиан прямо говорит об этом: «Все эти убийства и гражданские волнения оставались пока делом отдельных партий. Но затем руководители партий боролись уже друг против друга как на войне, при помощи больших армий, причем сама родина служила им как бы призом».

Поскольку в Риме не было военного гарнизона, то Сулла во главе двух легионов вступил в Рим, не встретив никакого сопротивления. Это было страшным кошмаром. Строгое древнее табу запрещало вооруженным воинам входить в город (за исключением триумфа). Никогда прежде в Риме не случалось такого явного и вопиющего нарушения традиций. Когда воины прорывались в центр города по узкой улочке, потрясенные жители стали бросать им на головы черепицу с крыш, однако подошел Сулла и пригрозил им сжечь их дома.

Теперь, когда консул стал единоличным властителем Рима, он без всяких препятствий отменил все законы Сульпиция. Он также принял некоторые меры к тому, чтобы усилить сенат и ограничить власть трибунов. Прошли выборы консулов, однако у Суллы не было времени контролировать их результаты, и один из двух новых консулов, Луций Корнелий Цинна, оказался популяром, который не поддерживал Суллу. Видя, что все складывается не в его пользу, Сулла поспешил на Восток для борьбы с Митридатом.

На одной из вилл нашли Сульпиция, которого осудили к смерти. Раба, предавшего Сульпиция, сначала освободили, а затем сбросили со Тарпейской скалы. Марию с трудом удалось избежать расправы, и он попытался ускользнуть от своих преследователей. Он

отправился в Африку, но во время плавания заболел морской болезнью и высадился на берег около приморского города Цирцеи в 100 километрах к югу от Рима. Мучимые голодом, он и его спутники бесцельно бродили по лесу. Выйдя к берегу, они увидели вдали отряд всадников. На лодке Марий добрался до одного из торговых кораблей, которые, к его счастью, в то время проходили мимо этого места. Торговцы с неохотой взяли на борт своего знаменитого, но нежелательного гостя и вскоре высадили его на дикий берег, оставив ему немного еды.

Старик снял свои одежды и скрылся в грязном болоте. Когда его нашли, он был голый и весь покрытый илом. Мария привели в близлежащий город и передали местным властям, которые решили, что его надо убить. Это дело поручили какому-то кельту (возможно, выходцу из племени кимбров, которое Марий уничтожил в сражении более десяти лет назад). Он вошел в темное помещение, где лежал Марий, и услышал из темноты громкий голос: «Как? Ты смеешь поднять руку на Мария?»

Кельт бросил свой кинжал, выбежал на улицу и закричал: «Не смогу я убить Гая Мария!» Его реакция заставила изменить отношение к Марию. Его привели на берег, нашли ему судно и отправили в провинцию Африка, где он когда-то поселил многих своих ветеранов. И только здесь Марий, наконец, оказался среди друзей.

Пока Сулла находился на Востоке, новый консул, Цинна, попытался снова ввести законы Сульпиция для новых граждан. Однако сенат отстранил Цинну от консульства, лишил гражданских прав и изгнал из города. Марий после пережитых испытаний возвратился в Италию и сформировал войска. Вскоре к нему присоединился Цинна. Второй раз в истории Рима легионы прошли по городу.

Марий и Цинна начали убивать оптиматов. Воинам разрешили грабить и убивать всех, кого их командующие считали своими противниками. Среди многих погибших государственных деятелей был Квинт Лутаций Катул, который был консулом вместе с Марием в 102 году, когда они вместе отражали нападение кельтских орд. Чтобы не быть убитым, он покончил собой. Катул в закрытой комнате распалил уголь и задохнулся от дыма. Никому не позволили хоронить убитых, поэтому птицы и собаки раздирали трупы. Спустя пять дней Цинна прекратил резню.

В 86 году Марий седьмой раз победил на выборах консула, что стало невиданным событием римской истории. Однако через семнадцать дней после вступления в должность он умер. Старый, больной и безумный, он впал в беспамятство. Как писал Плутарх: «Ему чудилось, будто он послан военачальником на войну с Митридатом, и потому он проделывал всякие телодвижения и часто издавал громкие крики и вопли, как это бывает во время битвы».

Прошли три года, во время которых консулом был Цинна. Италия пребывала в мире. По-видимому, он правил очень хорошо. В Риме приняли полезные законы, позволившие облегчить долговое бремя и восстановить качество чеканки монет, которое сильно ухудшилось. Но Сулла, наконец, победил понтийского царя и возвратился в Италию. Он вынашивал месть. Цинну убили его собственные войска, которые перешли на сторону Суллы. Непродолжительная гражданская война положила конец правлению популяров.

На заключительном этапе войны самниты, которые еще не забыли поражения в Союзнической войне, снова взяли за оружие. Они присоединились к консульской армии, которая потерпела поражение от Суллы. Многие самниты попали в плен. Победитель решил окончательно решить вопрос с самнитами и всех их уничтожить. После этого злодеяния самниты уже ясно понимали, что их ожидает, поэтому они решились на последний отчаянный ход. Их войско устремилось в поход на Рим. Сулла помчался обратно и перехватил самнитов в тот момент, когда они уже были у Коллинских ворот. Сражение продолжалось весь день и не закончилось даже ночью. В какой-то момент самниты чуть было не одержали верх над

противником, однако затем римляне нанесли им поражение. Это была последняя битва самнитов. После нее римляне вторглись на их земли и истребили там почти все население. Самний превратился в пустыню.

Теперь Сулла решил организовать погром в самом Риме – проскрипции (как мы уже знаем, это внесение имен обреченных на табличку, выставленную на всеобщее обозрение). Он решил найти и ликвидировать всех своих политических противников. Резня продолжалась в течение многих месяцев. Головы жертв выставили на возвышении для ораторов на Форуме. Владения казненных конфисковали и использовали для выплаты вознаграждения воинам, уволенным из армии. По сообщению Аппиана, во время этой резни погибли 90 сенаторов и около 1600 представителей сословия всадников, но, скорее всего, общее число уничтоженных было намного больше. Пострадали также многие италийцы. Количество сенаторов уменьшилось с 300 до 150 человек. Останки Мария вытащили из могилы и рассеяли.

Сулла освободил себя от любых судебных проверок и по сути дела восстановил всемогущую должность диктатора, которую не использовали более века. Его избрали «диктатором для написания законов и укрепления республики» (*legibus scribundis u rei publicae constituendae*). Срок его полномочий не ограничивался традиционными шестью месяцами. Фактически, он вообще не оговаривался.

Таким образом, новый властитель Рима получил столько времени, сколько ему было нужно для преобразования системы управления. Сенат, по его мнению, испортился, и его надо было исправить. Трибуны имели много власти, а их необходимо было приручить. Одним словом, мир надо было переделать так, чтобы он стал безопасным для оптиматов. Прежде всего Сулла стремился предотвратить появление нового «Суллы».

Число сенаторов увеличили до 600 человек. Последовательность прохождения государственных должностей во время карьеры – «путь чести» (*cursus honorum*) – установили с минимальными ограничениями по возрасту. Квестором, или младшим казначеем, человек мог избираться с 30 лет, эдилом – с 36 (эту должность в карьере была необязательной); претором – с 39 и, наконец, консулом – с 42 лет. Число квесторов увеличили с 8 до 20, как только срок их полномочий заканчивался, они автоматически становились сенаторами. Таким образом, в сенат постоянно приходили новые люди. Создали новые суды, которые рассматривали определенные преступления. В суде больше не могли заседать представители всадников. Туда снова призывали только сенаторов.

Для контроля над непослушными военачальниками, такими как сам Сулла, наместникам запретили покидать свои провинции или вести войну без особого разрешения Рима. Обвинение в неповиновении приравнивали к измене. Его стали называть «умаление величия римского народа» (*maiestas minuta populi Romani*).

Трибунам ограничили право наложения вето. Им не разрешали принимать законопроекты без предварительного одобрения сената.

К всеобщему удивлению, когда в 80 году диктатор полностью осуществил все свои законодательные преобразования, он ушел в отставку. По-видимому, после службы он неплохо проводил время. Как пишет Плутарх, жена Суллы умерла, и он вступил в повторный брак с молодой женщиной, которая познакомилась с ним на гладиаторских играх. Несмотря на новый брак, Сулла, по сообщению Плутарха, «не отказался от общества актрис, актеров и кифаристок. С самого утра он пьянствовал с ними, валяясь на ложах. Ведь кто в те дни имел над ним власть? Прежде всего комический актер Росций, первый мим Сорик и изображавший на сцене женщин Метробий, которого Сулла, не скрываясь, любил до конца своих дней, хотя тот и постарел».

Как ни странно, когда Сулла шел по городу с друзьями, никто не пытался ни напасть на него, ни задержать его. Самое худшее, что произошло с ним, были оскорбления одного

мальчика. Он шел за Суллой до самого его дома и всю дорогу поносил его. Бывший диктатор терпеливо снес ругань мальчика, произнес пророческие слова: «Этот мальчик послужит помехой для всякого другого человека, обладающего такую властью, какую обладал я».

Всю свою жизнь Сулла верил в свою удачную судьбу и добавил к своему имени прозвище Феликс, или «Счастливый». Этим он напомнил всем легендарного римского царя Сервия Туллия, большая часть жизни которого прошла удачно. Однако, в конце удача оставила Суллу, как и царя. Он недолго прожил после отставки. Он умер в 78 году после очень неприятной болезни. Внутренности его оказались поражены язвами, и в них завелись черви, которые питались омертвевшей плотью. Сулла прожил около 60 лет. Ранние признаки неизлечимой болезни могут служить причиной того, что он неожиданно для всех сложил с себя властные полномочия.

В IV веке нашей эры, когда Западной Римской империи осталось существовать еще около ста лет, вышел сборник кратких биографий 86-ти наиболее известных римлян под названием «Известные люди города Рима» (*De viris illustribus urbis Romae*). Туда вошли наиболее известные имена римской истории от Ромула и Рема до Марка Антония. В списке также были представлены пять иноземных правителей – самых опасных врагов Римской республики: Пирр, Ганнибал, Вириат (предводитель восставших иберийцев), Клеопатра и Митридат.

Понтийский царь потратил всю свою долгую жизнь, сражаясь с Римом. Он чуть было не ликвидировал римские владения в Восточном Средиземноморье. Когда Сулла выехал из Италии, чтобы сражаться с ним, Митридат уже утвердил свою власть над Балканами и Малой Азией и сосредоточил в своих руках огромные финансовые средства и трудовые ресурсы. Однако после двух крупных сражений легионы вытеснили его из Греции и захватили Афины, которые пригласили понтийского царя освободить их от римского правления. Значительная часть городского центра была разрушена, а многие афиняне погибли.

В 85 году Сулла переправился в Малую Азию, но вместо того, чтобы продолжить борьбу, он поспешно заключил мирный договор в месте под названием Дарданы близ руин Трои. Митридат согласился передать римлянам свой флот, освободить все занятые им в Малой Азии земли и выплатить компенсацию в две тысячи талантов. В результате этого он не только сохранил свой трон, но и получил от римлян статус «наиболее благоприятного государства» как друг и союзник римского народа. В таких условиях для него это очень хороший итог. Однако призраки 80 тысяч убитых римских торговцев остались неудовлетворенными.

В 75 или 74 году умер царь Вифинии, бывший в разное время то другом, то врагом Понта. Он завещал свои владения Риму. Сенат принял наследство, не заботясь о том, что этот шаг нарушает равновесие сил на Востоке. Митридат не смог смириться с тем, что римская власть оказалась на пороге его царства. Он сразу же вторгся в эту новую римскую провинцию.

В Вифинию и Азию назначили двух проконсулов. Митридат победили первого, но потерпел поражение от второго – одаренного и высокомерного военачальника по имени Луций Лициний Лукулл. После двух лет войны многочисленная понтийская армия оказалась полностью разгромленной. Митридат бежал, пытаясь защитить свое царство.

Лукулл не спешил. Он отказался заключать мирное соглашение, как это сделал Сулла, и вскоре двинул свои войска в само Понтийское царство. Последовала ожесточенная борьба, но в 70 году все царство оказалось в руках Лукулла. Митридат бежал в Армению, где правил его зять Тигран, предоставивший ему убежище. Римский военачальник отправил посланника к армянскому двору с требованием выдачи понтийского царя. Ожидая ответа, Лукулл реорганизовал денежное обращение в своей провинции, в которой оказалось много долгов. Его реформы вызвали сильное недовольство среди римских сборщиков налогов, которые привыкли вымогать огромные суммы. Они распространяли слухи против Лукулла, утверждая, что он

затягивает ведение войны ради достижения собственной славы.

Тигран отказался выдавать своего тестя, который возвратился в Понт. Лукулл вторгся в Армению, однако после нескольких крупных побед его войска отказались продолжать войну. Будучи умелым командиром, Лукулл оказался неспособным договориться с людьми. К сильному неудовольствию Лукулла, Сулла назначил на его место своего преданного сторонника Гнея Помпея, известного нам как Помпей Великий. Он уже без всяких трудностей завершил то, что немного не довел до конца Лукулл.

Преданный своими двумя сыновьями, Митридат скрывался в своей крепости в Крыму. У него больше не осталось никаких надежд, и он принял яд. Однако яд не подействовал, несмотря на то, что царь быстро ходил, чтобы ускорить отравление. Это произошло, по-видимому, потому что из предосторожности, свойственной восточным монархам, Митридат много лет потреблял небольшие дозы различных ядов и выработал своеобразный иммунитет. Тогда понтийский царь приказал своему слуге убить его. Митридат прожил около 75 лет, и почти 50 из них он теми или иными способами беспокоил римлян.

Помпей оказался не только замечательным полководцем, но и превосходным администратором. До своего возвращения в Италию он установил на Востоке такое управление, которое сохранялось в течение многих последующих лет. Помпей определил границы римских провинций от Понта на Черном море вдоль всего Восточного Средиземноморья до границы с Египетским царством, которое еще сохраняло свою независимость. За этой границей находились небольшие зависимые царства, служившие своеобразным буфером между сферой влияния Рима и огромной Парфянской империей, которая простиралась от реки Евфрат до Индии.

29 сентября 61 года, в свой сорок пятый день рождения, Помпей отпраздновал великолепный триумф в честь своих побед в Малой Азии, а также в память о более ранней успешной военной кампании против пиратов в Средиземноморье. Двигалась длинная вереница колесниц и повозок, нагруженных огромным количеством драгоценных металлов. На них было более 75 000 000 денариев серебра в чеканной монете (равное видимо всем налоговым сборам Рима за один год), трон и скипетр Митридата и статуя этого царя высотой более 3,5 метров, сделанная из чистого золота, а также колесницы из золота и серебра.

Из других необычных предметов можно отметить луну из чистого золота, огромную шахматную доску, инкрустированную драгоценными камнями. Знаменитый энциклопедист Плиний Старший сообщает о «квадратной горе из золота, на которой можно увидеть оленей и львов и все виды фруктов, созданные золотой виноградной лозой». Этот загадочный предмет, по-видимому, использовался для оформления стола во время пиршеств. На этом триумфе римской общественности показали наиболее причудливую восточную роскошь.

Огромные картины изображали ключевые моменты военной кампании. Они представляли Тиграна и Митридата, как они сражались, потерпели поражение и бежали. Изображалась смерть понтийского царя. Тигран остался в живых и попал в плен. Вместе со своей женой, дочерью и другими пленниками он шел в процессии. Сразу после триумфа его, по традиции, казнили в Мамертинской тюрьме.

На табличке красовалась хвастливая надпись:

«Кораблей с медными боевыми носами взято в плен 800;
городов основано в Каппадокии 8,
в Киликии и Келесирии 20,
в Палестине – ныне называемая Селевкида.
Побеждены цари:

Тигран армянский,
Арток иберийский,
Ороз албанский,
Дарий мидийский,
Арега – набатей,
Антиох из Коммагены».

Сам полководец ехал на колеснице, украшенной драгоценными камнями. На нем был плащ, который когда-то принадлежал Александру Великому, «если только это правда!», скептически заметил Аппиан. Видимо этот плащ нашли среди захваченного имущества Митридата. Помпей преклонялся перед личностью македонского царя, поэтому в процессии несли его портрет, искусно отделанный жемчугом. Александр был изображен на этом портрете с открытым лбом и зачесанными назад волосами.

С возвращением Помпея с Востока возвышение Рима прекратилось. Республика уничтожила своего последнего внешнего врага, и теперь она находилась в полной безопасности. На самом деле она превратилась в величайшую империю, которую когда-либо видел классический мир. За исключением пустынных берегов Северной Африки, Римская республика контролировала всю береговую линию Средиземного моря.

В последующие сто пятьдесят лет произошли новые территориальные приобретения. Они происходили в основном в результате крайне агрессивного укрепления пограничных областей. Римляне пытались устранить кельтскую угрозу с севера, которая после захвата кельтами их города в IV веке сохранилась в памяти жителей, как страшный кошмар. В 50-е годы Гай Юлий Цезарь завоевал Галлию (примерно нынешняя Франция) и присоединил ее к Риму, а еще через сто лет, при императоре Клавдии, римляне вторглись в Британию. В это же время, наконец, завершилось завоевание всей Испании. Северная граница Рима отодвинулась к берегам Рейна и Дуная, которые являлись естественными оборонительными рубежами. После смерти Клеопатры Египет превратился из зависимого царства в римскую провинцию. Империя обрела свои естественные границы.

Надежды Суллы оказались разбиты. Он отстранил от власти народ, укрепил власть сената и ограничил всемогущих проконсулов, командующих армиями. Этим он намеревался восстановить в государстве стабильность. Однако он подал очень плохой пример, когда пошел с войском на Рим. Преемникам Суллы понравилось именно это его действие, а не все остальные благие мероприятия. Проскрипции (и более ранняя резня Мария) показали римлянам зловещую правду: правящий класс забыл о той необыкновенной терпимости, которую он проявлял в период противостояния патрициев и плебеев.

Реформы, проведенные Суллой, произошли слишком поздно и уже не могли принести никакой пользы. Система управления развалилась после ремонта по нескольким взаимосвязанным причинам. Как уже отмечалось, предоставление избирательных прав всем жителям Италии означало, что народное собрание, эффективно работающее в небольшом городе-государстве, утратило свою демократическую законность, потому что большинство граждан не могло присутствовать на встречах. Стремясь отстаивать народные интересы, трибуны стали управлять народной массой и, таким образом, смогли отстранить сенат от решения вопросов управления. Это нарушило равновесие между тремя составными частями «смешанной» системы управления (как ее представляли себе Полибий и Цицерон), а именно, когда принципы монархического, олигархического и демократического управления представляют, соответственно, консулы, сенат и народ.

Появление империи очень усложнило работу правительства. Правило, по которому на все

руководящие должности надо было выбирать каждый год, привело к серьезным трудностям при осуществлении стратегического планирования, иногда оно вообще становилось невозможным. У представителей аристократии зачастую не хватало способностей для создания эффективного управления. Контролировать наместников провинций и препятствовать им обогащаться путем вымогательства и мошенничества стало практически невозможно. Теоретически сенат оставался тем органом, который мог решать вопросы на долгосрочную перспективу, однако нападки народных трибунов ослабили его власть.

Крупные неурядицы в отдаленных уголках Средиземноморья привели к тому, что правила стали нарушать. Некоторые способные и честолюбивые деятели при поддержке народа смогли добиться для себя командных должностей на многолетний срок (например, назначения Суллы и Помпея командующими армий для борьбы с Митридатом).

Уменьшение численности мелких землевладельцев, из числа которых раньше набирали легионы, и преобразование ополчения граждан в профессиональную армию с долгим сроком службы означало, что на первом месте у воинов была уже не верность государству, а преданность своим военачальникам, которые отстаивали их интересы. Упорное нежелание сенаторов выделять уволенным со службы воинам участки земли еще больше ухудшило положение.

Законодательство Суллы просуществовало недолго. Помпей вступил в политический союз с крупным финансовым спекулянтom по имени Марк Лициний Красс. Сенат не смог противостоять тому, чтобы в 70 году они оба стали консулами (хотя им явно не хватало опыта для этой должности) и восстановили полномочия народных трибунов.

Однако у сената хватило сил не дать им развернуться. Последним назначением Помпея стало назначение его командующим для борьбы с Митридатом. После своего блистательного триумфа Помпей должен был расформировать свою армию, однако сенат отказался помогать воинам, уволенным со службы. Наиболее выдающимся политиком того времени был выходец из аристократии, популярен Гай Юлий Цезарь. Он убедил Помпея и Красса объединиться с ним и создать тайный союз, впоследствии известный как Первый триумvirат.

Объединив все свои финансовые ресурсы и клиентов, три человека получили контроль над всем государством. Цезаря избрали консулом на 59 год. Преодолев сопротивление своего напарника – второго консула, он принял закон о наделении землей бывших воинов Помпея и назначил командующими себя и Красса. Красс отправился в военный поход против Парфянской империи, однако он вскоре понял, что не справится с возложенной на него задачей. Парфяне вскоре разгромили его войско, а его самого убили.

У Цезаря дела шли гораздо лучше. За десять лет он покорил кельтские племена Галлии и проявил себя на поле боя столь же успешно, как и на Форуме. В политическую жизнь Рима он вернулся только в 50 году. Цезарь снова попытался добиться консульской должности, однако сенат по формальной причине отказал ему в выдвижении своей кандидатуры. После этого Цезарь со своими легионами перешел через небольшую речку под названием Рубикон, по которой проходила граница между провинцией Цизальпинская Галлия и самой Италией. «Жребий брошен», – сурово произнес Цезарь. Сенат сделал ставку на Помпея и долго сопротивлялся, но Цезарь победил своего бывшего партнера в большом сражении при Фарсале в Центральной Греции. Помпей бежал в Египет, где пал от рук местных царедворцев.

В 45 году война закончилась, и Цезарь стал хозяином римского мира. Он не стал повторять ошибку Суллы и преждевременно слагать с себя властные полномочия. Цезарь объявил себя пожизненным диктатором. На самом деле это было то же самое, что провозгласить себя царем, а это – непростительное преступление. В 44 году до н. э. на мартовские иды во время заседания сената недовольные аристократы закололи Цезаря

кинжалами. Он упал на землю прямо у подножия статуи Помпея Великого.

Однако прежде чем в империю возвратился мир, должно было пройти еще 14 лет. Приемный сын Цезаря, неопытный, но способный восемнадцатилетний Октавиан вместе с талантливым военачальником, приспешником Цезаря, Марком Антонием, провел проскрипции, по жестокости сравнимые с теми, что делал Сулла. После поражения убийц Цезаря при Филиппах они разделили между собой империю. Октавиан взял себе Запад, а Антоний – Восток. Благодаря стараниям этих политических деятелей республика прекратила существование. Они также не смогли договориться между собой, в результате чего последовала еще одна гражданская война, которую выиграл Октавиан, одержав победу в морском сражении у мыса Акции.

В 27 году искусным маневром Октавиан внезапно восстановил республику, но это была только видимость. Он получил почетное прозвище «Август», что значит «Возвеличенный». Октавиан вернул выборы, и политическая жизнь, казалось, возвратилась в свое нормальное состояние. Однако он обеспечил себе полный контроль над легионами, и ему предоставили полномочия трибуна, которые постоянно продлевали, а также право вето, право выносить на обсуждение законы и личную неприкосновенность. При этом Октавиан формально не занимал никаких государственных должностей. Представители правящего класса, численность которых сократилась во время войн, согласились с таким положением дел.

Немногим более ста лет прошло с того времени, когда трибуном был Тиберий Гракх, и почти пятьдесят лет прошло с правления Суллы (*Sullanum regnum*). Как в неизменном сюжете греческой трагедии, система управления в ходе своего развития привела к таким последствиям, которые, в конце концов, разрушили ее.

18. Послесловие

Часто говорят, что историю пишут победители, но в случае Рима ее написали проигравшие, которые трактовали ее со своей точки зрения. Даже те, кто издавал свои произведения под пристальным взглядом императоров, вспоминали Римскую республику с уважением и ностальгией. Большую роль в прославлении республики сыграли Цицерон и Варрон. Зачастую они допускали ошибки в своих изысканиях и высказывали неверные суждения, но, как священный огонь, они сохранили дух ушедшей в небытие республики.

Они ничего не достигли на политическом поприще. Будучи врагами Юлия Цезаря, с приходом его к власти они заговорили о крушении всех своих надежд. Впоследствии Варрон заключил мир с великим диктатором, который поручил ему организовать первую в Риме публичную библиотеку. Он умер в своей постели в преклонном возрасте, прожив 89 лет. Цицерон более стойко придерживался своих убеждений. После мартовских ид он смело возвратился в политику. Пытаясь спасти республику, он стал жертвой проскрипций Октавиана и Марка Антония.

Два друга, Цицерон и Варрон, известны нам в основном своими произведениями. Их жизнь в сельском поместье не прошла впустую. Проводя раскопки и изучая прошлое, насколько это было возможно в то время, они много писали о возвышении Рима. Цицерон написал про Варрона: «Ведь именно твои книги как бы возвратили нас домой, живших доселе в своем городе чужестранцами или странниками, и дали нам наконец возможность познать, кто мы и откуда. Ведь ты раскрыл нам и возраст нашего отечества, и священную историю, и учение жрецов, и науку ведения военных и гражданских дел, ты дал нам описание всех местностей и городов... Ты просветил во многом и наших поэтов и вообще латинскую словесность и язык».

По своей учености Цицерон не отставал от Варрона, отличаясь от него своей склонностью

к полемике. Цицерон утверждал: «Мы должны управлять государством – если не в курии и на форуме, то в сочинениях и книгах, как делали ученейшие древние, и изучать нравы и законы». Его главные произведения – «О государстве» и «О законах». В этих двух объемных трудах он исследовал историю римской системы управления и рекомендовал использовать ее достоинства в ходе проведения реформ. Будучи умеренным консерватором, он считал, что «чрезмерная свобода как у народов, так и у частных людей рушится, превращаясь в чрезмерное рабство».

Цицерон обладал проницательным взором, поэтому нам может показаться странным, что его книги не содержат более точного анализа происходящих событий. Объяснить это можно тем, что, подобно многим своим современникам, он рассматривал политику не с точки зрения идеологии и структурных звеньев, а главным образом с позиции личного восприятия. В общественной жизни происходило падение нравственных устоев. Все было бы хорошо, если бы началось возвращение к традиционным ценностям – к «обычаю предков» (*mos maiorum*). Цезарь не согласился. Будучи гениальным провидцем, он понимал, что поэтапные реформы не спасут текущее положение и тем более не вернут в общество идеалы Цинцинната. Необходимо полностью изменить систему управления.

Убитый горем после смерти своей дочери в 45 году, Цицерон продолжал писать серию книг, в которых он представил латинским читателям греческую философию. Последующие поколения судят о нем по его книгам, которые вот уже две тысячи лет заставляют размышлять европейских читателей разных эпох.

Цицерон считал Юлия Цезаря новым Ганнибалом. Несмотря на то, что диктатор подавлял и унижал Цицерона-политика, он очень уважал Цицерона-писателя. Цезарь как-то написал о Цицероне, что «его триумф и лавры достойнее триумфа и лавров полководца, ибо расширивший пределы римского духа предпочтителен тому, кто расширил пределы римского господства».

Похвала злейшего врага раздражает больше всего, однако она также является наиболее убедительным подтверждением признания.

Таким образом, постепенное разрушение Римской республики имело одно положительное последствие. Неуверенность в сегодняшнем дне заставила таких людей, как Цицерон и Варрон, изучать свое общее прошлое, чтобы как-то объяснить причины переживаемого ими упадка, и, в качестве противовесия, показать основы исчезающего величия своей страны. Они вызвали римскую идею, которая живет и дышит вот уже две тысячи лет.

Однако того, что закончилось, уже не вернешь, и они, конечно же, понимали это. Цицерон написал эпитафию: «Наше поколение, получив государство как превосходную картину, но уже потускневшую от времени, по небрежности своей не только не обновило ее теми же красками, какими она была написана, но даже не позаботилось о сохранении хотя бы ее общего вида или очертаний».

Хронология

Традиционные и мифологические даты выделены курсивом. Некоторые традиционные даты признаются за исторические. Для краткости некоторые имена и названия мест, включенные в этот список, не встречаются в основном тексте.

1084 Падение Трои.

753 Ромул основывает Рим.

ок. 625 Первые свидетельства о контактах с этрусками.

- 753–715 Правление Ромула.
715–673 Правление Нумы Помпилия.
673–642 Правление Тулла Гостилия.
642–616 Правление Анка Марция.
617–579 Правление Луция Тарквиния Приска (Древнего).
579–534 Правление Сервия Туллия.
534–510 Правление Луция Тарквиния Гордого.
509 Падение монархии, первый договор с Карфагеном.
494 Первый раскол между плебеями и патрициями.
493 Договор Спурия Кассия с латинами.
491 Кориолан наступает на Рим.
486 Начало 50-летних войн с эквами и вольсками.
479 Битва при Кремере. Истребление Фабиев.
474 Сиракузский правитель Гиерон I Сиракуз победил этрусков при Кумах.
471 Народный собрание и избрание трибунов.
451–450 Правление децемвиров. Установление законов Двенадцати таблиц.
449 Раскол между плебеями и патрициями. Законы Валерия-Горация. Наделение трибунов законодательным правом.
447 Избрание квесторов из народа. Учреждение трибутных комиций.
445 Учреждение военных трибунов с консульскими полномочиями.
443 Первое назначение цензоров.
431 Диктатура Цинцинната. Битва в Альгидских горах. Окончательный разгром эквов.
396 Введение платы воинам. Падение города Вейи.
390 (или 387) Битва при Аллии. Разграбление Рима.
378 Начало строительства Сервиевой стены.
367 Законы Лициния-Секстия. Восстановление консульства. Первое назначение курульных эдилов.
366 Первое избрание консула из народа. Избрание первого претора.
358 Восстановление договора с латинами.
356 Первый диктатор из народа.
354 Союз с самнитами.
348 Возобновление договора с Карфагеном.
343–341 Первая Самнитская война.
340–338 Восстание латинов. Распад Латинского союза.
337 Избрание первого претора из народа.
326–304 Вторая Самнитская война.
323 Смерть Александра Македонского.
321 Поражение римлян в Кавдинском ущелье.
312 Цензорство Аппия Клавдия.
298–290 Третья Самнитская война.
295 Битва при Сентине.
287 Закон Гортензия делает решения народного собрания обязательными для исполнения всеми гражданами.
282 Римский флот нападает на Тарент.
281 Римляне нападают на Тарент, который обращается за помощью к эпирскому царю Пирру.
280–275 Война с Пирром.

- 279 Битва при Аускуле.
- 278 Договор Рима с Карфагеном. Пирр отправляется на Сицилию.
- 276 Пирр возвращается в Италию.
- 275 Пирр терпит поражение при Малвенте (Беневенте) и возвращается в Грецию.
- 272 Сдача римлянам Тарента. В Риме родился Ливий Андроник.
- 264 Начало Первой Пунической войны. Мамертинцы из Мессены просят у Рима помощи против Карфагена. Рим направляет им на помощь войска. Первое состязание гладиаторов в Риме.
- 263 Гиерон II переходит на сторону римлян. Сиракузы вступают в союз с Римом.
- 263/262 Сицилийские города-государства переходят под контроль Рима.
- 262/261 Осада и падение Акраганта.
- 261 Карфагенский флот совершает набеги с Сардинии на итальянское побережье. Рим строит флот.
- 260 Победа в морском сражении при Милах.
- 259 Гальмикар Барка ведет боевые действия на Сицилии, а также сражается на Корсике и Сардинии.
- 258 Рим нападает на Панорм. Карфаген терпит поражение на Сардинии вблизи города Сульци.
- 257 Рим вторгается на Мальту и одерживает незначительную победу при Тиндарисе.
- 256 Регул побеждает карфагенский флот при Экноме и отправляется в Северную Африку, где он побеждает карфагенскую армию и захватывает Тунис.
- 256/255 Провал мирных переговоров.
- 255 Карфагенская армия под командованием спартанца Ксантиппа побеждает Регула близ Туниса. Регул попадает в плен. Римский флот одерживает победу у мыса Бон, а затем терпит большие потери из-за шторма.
- 255/254 Восстановление римского флота.
- 254 Рим захватывает Панорм. Карфаген удерживает Дрепану и разоряет Акрагант.
- 253 Рим пытается захватить Лилибей. Военный флот римлян сильно страдает из-за шторма.
- 252 Рим захватывает Гимерские Термы и Липарские острова.
- 251/250 Гасдрубал терпит поражение близ Панорма.
- 250–241 Осада римлянами Лилибея.
- 249 Карфагеняне одерживают победу над Клавдием Пульхером в морском сражении у Дрепана. Римляне понесли тяжелые потери в результате шторма близ Камарина. Рим захватывает Эрикс.
- 248 Подавление мятежа карфагенских наемников.
- 248–244 Набег карфагенян на побережье Италии.
- 247 Гальмикар Барка прибывает на Сицилию и располагается лагерем на горе Эйркта.
- 244 Гальмикар захватывает Эрикс.
- 242 Новый римский флот осаждает Дрепану и Лилибей.
- 242/241 Решающая победа римлян у Эгатских островов.
- 241 По условиям мирного договора к Риму отходит Сицилия. Окончание Первой Пунической войны.
- 241–237 Война с наемниками в Карфагене.
- 238–225 Нападение на Корсику и Сардинию и присоединение их к Риму.
- 236 Гальмикар Барка и его сын Ганнибал отправляются в Испанию. Барка начинает завоевательный поход.

- 231 Римское посольство к Гальмикару Барке в Испанию.
- 229–228 Первая Иллирийская война.
- 228 Гальмикар Барка гибнет в сражении. Комендование принимает его зять Гасдрубал.
- 225 Нашествие кельтов остановлено в результате битвы при Теламоне.
- 226 Римское посольство к Гасдрубалу в Испанию. Соглашение о границе по реке Эбро.
- 221 Убийство Гасдрубала. Командование принимает Ганнибал. Город Сагунт обращается за помощью к Риму.
- 219 Вторая Иллирийская война. Ганнибал берет штурмом Сагунт.
- 218–201 Вторая Пуническая война.
- 218 Ганнибал переходит через Альпы и вторгается в Италию. Битвы при Тицине и Треббии.
- 217 Битва у Тразименского озера.
- 216 Фабий Максим – диктатор. Битва при Каннах. Крупное поражение в Южной Италии. Восстание в Капуе.
- 215 Римляне частично восстанавливают армию. Смерть сиракузского правителя Гиерона.
- 214 Римляне добиваются успеха в Испании. Сиракузы переходят на сторону Карфагена.
- 214–205 Первая Македонская война.
- 213 Марцелл осаждает Сиракузы.
- 212 Ганнибал захватывает Тарент. Марцелл захватывает Сиракузы. Сципион захватывает Сагунт.
- 211 Ганнибал наступает на Рим и снимает осаду Капуи. Братья Сципионы терпят поражение и погибают.
- 21 °Сципион Младший (позднее Африканский) прибывает в Испанию.
- 209 Сципион захватывает Новый Карфаген.
- 208 Марцелл попадает в ловушку и погибает. Сципион побеждает в битве при Бекуле. Гасдрубал выходит из боя и отступает в Италию.
- 207 Гасдрубал терпит поражение и погибает в битве при Метавре.
- 206 Сципион побеждает в битве при Илипе и возвращается Италию.
- 205 Сципион, избранный консулом, становится командующим римской армии в Африке. Сципион на Сицилии.
- 204 Сципион высаживается в Северной Африке. В Риме родился Энний. В Риме вводится культ Богини-Матери.
- 203 Разрушение карфагенского и нумидийского лагерей. Сражение на Великих равнинах. Мирные переговоры. Ганнибала отзывают в Карфаген.
- 202 Назначение последнего диктатора (следующий будет Сулла). Битва при Заме. Карфаген сдается. Фабий Пиктор пишет первую прозаическую историю Рима.
- 201 Рим заключает мирное соглашение с Карфагеном, который становится зависимым от Рима государством.
- 200–196 Вторая Македонская война.
- 197 Македонский царь Филипп V терпит поражение в битве при Киноскефалах. Мирный договор с Филиппом.
- 196 Фламинин объявляет в Коринфе о свободе Греции. Ганнибала избирают суфетом Карфагена.
- 195 Ганнибала изгоняют из Карфагена. Масинисса начинает захват карфагенской территории.
- 194 Рим выводит свои войска из Греции.
- 192–189 Война с Антиохом. Антиох в Греции.

- 191 Битва при Фермопилах; Антиоха вытесняют из Греции.
- 189 Сципион побеждает Антиоха в битве при Магнезии.
- 188 Присоединение Азии.
- 187 Критика Сципионов.
- 186 Противодействие тайному культу Вакха.
- 184 Сципион покидает Рим. Катона избирают цензором.
- 181–179 Первая Кельтиберская война в Испании.
- 179 Филипп V Македонский умирает, и его трон наследует Персей.
- 173 Римские посланники отправляются решать спор между Масиниссой и Карфагеном.
- 172 Первое избрание двух консулов из плебеев.
- 172–167 Третья Македонская война.
- 168 Персей терпит поражение в битве при Пидне.
- 167 Македония разделена на четыре республики. Тысяча ахейцев выслана в Италию (в том числе Полибий).
- 166–159 Теренций ставит свои комедии.
- 153–151 Вторая Кельтиберская война.
- 151 Карфаген объявляет войну Масиниссе.
- 149–146 Третья Пуническая война.
- 149 Вышли в свет «Начала» Катона.
- 147 Македония становится римской провинцией.
- 146 Разрушение Карфагена. Африка становится римской провинцией. Война между Римом и Ахейским союзом. Разрушение Коринфа.
- 143–133 Третья Кельтиберская война.
- 133 Тиберий Гракх избран трибуном. Принятие закона о земельной реформе и создание земельной комиссии. Аггал III завещает Риму Пергам. Тиберий Гракх погибает во время мятежа сенаторов. Сципион Эмилиан захватывает Нуманцию. Присоединение Испании. Восстание рабов на Сицилии.
- 132 Специальный суд выносит наказания сторонникам Гракха. Решение о принятии законов народным собранием без одобрения сената. Окончание восстания рабов на Сицилии.
- 129 Загадочная смерть Сципиона Эмилиана.
- 125 Неудачные попытки предоставить гражданские права латинам.
- 123 Гая Гракха избирают трибуном первый раз. Принятие многих законов в этом и следующем году. Подтверждение земельной реформы Тиберия. Особые суды над чиновниками, которые подвергали граждан смертной казни или изгнанию без одобрения его народом. Юридическая реформа: в судах против взяточничества стали заседать только представители сословия всадников. Планы создания больших заморских колоний, таких как Юнония на месте Карфагена. Создание запасов зерна и контроль за его распределением. Осуществление многих проектов по строительству зданий и дорог. План по предоставлению гражданства всем италийским союзникам отклонен.
- 122 Гая Гракха избирают трибуном второй раз. Противостояние Гая и трибуна Марка Ливия Друза. Гая Гракха не переизбирают трибуном на 121 год. Сенат впервые издает указ о чрезвычайном положении. Гракха и его сторонников силой отстраняют от власти сенаторы и всадники. Гракха убивают, или он совершает самоубийство.
- 116 Начались трудности в отношениях с Югуртой. По решению сената Нумидийское царство делится между Югуртой и Адгербалом.
- 112 Югурта осаждает Адгербала, который сдается и погибает. Уничтожение италийских торговцев в Нумидии. Рим объявляет войну Югурте.

- 111 Югурта сдается, но сохраняет власть. Он посещает Рим, где убивает своего соперника-нумидийца.
- 110 Возобновляется война с Югуртой.
- 109 Метелл ведет военные действия против Югурты.
- 107 Марий, избранный консулом, сменяет Метелла.
- 106 Марий продвигается в Западную Нумидию. Мавретанский царь Бокх выдает Югурту Сулле.
- 105 Кимвры и тевтоны наносят поражение двум римским армиям в битве при Араузионе около реки Рона.
- 104 Марий, избранный консулом второй раз, проводит реорганизацию римской армии, совершенствуя ее вооружение и тактику. Югурта умирает от голода после участия в триумфе Мария. Второе восстание рабов на Сицилии.
- 103 Марий, избранный консулом третий раз, ведет свою армию в Галлию. Сатурнин, избранный трибуном, поддерживает Мария. Наделение земельными участками воинов Мария, уволенных со службы.
- 102 Марий, избранный консулом четвертый раз, наносит поражение тевтонам в битве при Аквах Секстиевых (Эксан-Прованс).
- 101 Марий, избранный консулом пятый раз, наносит поражение кимврам в битве при Верцеллах (Верчелли).
- 10 °Сатурнин второй раз избран трибуном. Марий, избранный консулом шестой раз, разрывает отношения с Сатурнином. Восстание в Риме. Сенат принимает указ о чрезвычайном положении. Марий восстанавливает порядок. Сатурнин и его сторонники осуждены. Закончилось второе восстание рабов на Сицилии.
- 98 Марий уходит из политики и уезжает на Восток как частное лицо.
- 97–92 Сулла, будучи проконсулом провинции Азия, приказывает понтийскому царю Митридату вывести свои войска из Пафлагонии и Каппадокии. Митридат исполняет приказ.
- 91 Марк Ливий Друз Младший избран трибуном. Его планы предоставить римское гражданство итальянским союзникам Рима проваливаются. Друза убивают. Начинается Союзническая война. Митридат захватывает Вифинию. Аквиллий провоцирует к нападению на Понтийское царство.
- 90 Уступки римлян в Союзнической войне. Предоставление римского гражданства итальянским союзникам.
- 89 Победы римлян в Союзнической войне.
- 88 Союзническая война продолжается с самнитами, которые постепенно слабеют. Сулла первый раз избран консулом. Трибун Сульпиций Руф предлагает лишить Суллу командования армией, сражающейся с Митридатом, и поставить на его место Мария. Сулла наступает на Рим, захватывает город и отменяет постановления Сульпиция. Марий бежит в Африку. Митридат занимает Малую Азию и приказывает уничтожить всех римских и итальянских торговцев. Митридата приглашают «освободить» Грецию.
- 87 Цинна и Марий захватывают Рим и уничтожают своих противников. Сулла высаживается в Греции и осаждают Афины.
- 86 Падение Афин. После поражения в двух битвах понтийская армия отступает из Греции. Марий, избранный консулом седьмой раз, умирает. Цинна посылает армию в Азию (командующим которой с 84 года становится Сулла).
- 85 Сулла заключает с Митридатом мирный договор в Дарданах близ Трои.
- 84 Новые римские граждане распределены по трибам. Цинна убит бунтовщиками.
- 83 Сулла высаживается в Италии. Вторая Митридатова война (до 82).

82 Гражданская война в Италии. Сулла побеждает в битве у Коллинских ворот. Начинаются проскрипции.

81 Сулла становится диктатором, он реформирует систему управления и принимает закон против преступности.

80 Второе консульство Суллы.

79 Сулла объявляет себя диктатором.

78 Смерть Суллы.

75 (или 74) Царь Никомед завещает Вифинию Риму.

74 Митридат вторгается в Вифинию. Лукулла назначают командующим армией против Митридата.

73–71 Восстание рабов в Италии под предводительством Спартака.

68 После успешных военных действий против Митридата войска Лукулла отказались продолжать войну.

67 Помпея назначают командовать военной операцией против пиратов. Он очищает от них все Средиземноморье.

66 Помпей получает командование армией, сражающейся против Митридата.

63 Митридат покончил с собой. Цицерона избирают консулом.

62 Помпей устанавливает границы Рима на Востоке и возвращается в Италию.

61 Сенат отказывает Помпею в консульстве и не дает землю его уволенным со службы воинам.

60 Юлий Цезарь, Помпей и Красс заключают союз, известный как Первый триумвират.

59 Цезаря избирают консулом.

58–50 Цезарь завоевывает Галлию.

49–45 Гражданская война.

48 Битва при Фарсале.

44 Убийство Цезаря.

43–33 Октавиан, Марк Антоний и Марк Эмилий Лепид создают Второй триумвират. Прокрипции. Гибель Цицерона.

32–31 Гражданская война.

31 Антоний и Клеопатра терпят поражение в битве у мыса Акции.

30 Антоний и Клеопатра покончили с собой.

27 Октавиан Август устанавливает новую систему управления.

43 Завоевание Британии.

Благодарности

Кристофер Синклер-Стивенсон и Лондонская библиотека были двумя моими верными опорами в Англии. На другой стороне Атлантики мой замечательный редактор, Уилл Мерфи, вместе со своим заместителем Кейти Доун-Айен, с пониманием относился к нарушению мною сроков сдачи, давая при этом множество мудрых советов. Как и в случае с моими предыдущими книгами, профессор Роберт Кэйп из Остин-колледжа в штате Техас любезно прочитал мой черновик и высказал ценные замечания и предложения.

Зубному врачу Шэйну Нозохуру я благодарен за совет о состоянии зубов Пирра.

Издательство «Пингвин-букс» я благодарю за любезное разрешение процитировать его переводы Ливия и Полибия.

Источники

Об истории Римской республики мы знаем по книгам, написанным в основном в эпоху расцвета империи с I века до н. э. до III века н. э. История Рима также переписывалась в монастырских хрониках и сборниках разных авторов византийского времени. Большинство текстов представляют собой прозаические хроники, однако там, где описываются первые века существования Рима, очень трудно отличить реальные события от вымысла. Если в записях появлялись промежутки без всяких событий, то их обычно заполняли не тем, что произошло в действительности, а тем, что должно было произойти по мнению автора. События, происходящие после начала упадка республики, дают нам возможность пересмотреть более ранние истории. Иногда событие, случившееся в какое-то определенное время, переписывали и вставляли в описание более ранней эпохи.

Тит Ливий (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.) написал обширную историю от основания Рима до современной ему эпохи. Он был уроженцем Северной Италии и современником императора Августа. Произведение Ливия в полном виде состояло из 142 «книг» (то есть больших глав). Однако после падения империи и уничтожения текстов христианскими монахами многие произведения древнеримской литературы оказались утрачены. До настоящего времени дошло только 35 книг Ливия. Ливий – замечательный мастер художественного слова. Некоторые его истории читаются с захватывающим интересом, однако автор внес в свое повествование нравоучительные и драматические сюжеты. Эти художественные отступления необходимо отделять от тех описаний, которые наиболее близко отражают реальность.

В отличие от Ливия, грек Полибий (около 200–118 гг. до н. э.) значительную часть своей жизни провел в Риме в качестве изгнанника. Полибий завоевал известность в правящих кругах и написал историю недавнего (с его точки зрения) прошлого. Он исследовал период между 264 и 146 годами, когда Рим превратился в могущественную средиземноморскую державу. Стиль Полибия не отличался красотой, поскольку основное внимание автор уделял точности изложения. Он беседовал с оставшимися в живых участниками событий, которые он описывал, изучал документы (например, договоры), обращал внимание на географию (и часто сам посещал места этих событий), а также сам являлся очевидцем происходящего. «Голый рассказ о случившемся забавляет читателя, но пользы не приносит ему вовсе, – заметил он, – чтение истории становится полезным, если в рассказе выяснены и причины событий». По своему общему отношению к истории его можно сравнить с Фукидидом – историком Пелопоннесской войны, жившим в V веке. Из первоначальных 40 томов истории Полибия полностью сохранились только 5. Остальная часть его произведения дошла до нас в виде различных фрагментов, сохранившихся в византийских библиотеках.

Еще один замечательный греческий писатель – Плутарх – жил на рубеже I и II веков нашей эры. У него появилась необычная идея создать «параллельные» жизнеописания известных греков и римлян, например Александра Великого и Юлия Цезаря. Хотя эти сравнения не содержат почти никакой новой информации об описываемых личностях, каждое такое жизнеописание само по себе является увлекательным произведением. Автор очень подробно разбирает каждый доступный ему источник, однако он не всегда верно оценивал их надежность. Плутарх не претендует на то, чтобы быть историком, скорее его можно считать моралистом, который исследует вопрос о влиянии характера на судьбы людей. Обладая хорошей проницательностью, Плутарх всегда замечал какие-то забавные или необычные случаи. Кроме жизнеописаний, Плутарх написал еще немало других произведений, в которых мы можем найти много полезных сведений о греческом и римском мире.

К концу I века греческий автор, Диодор Сицилийский, завершил работу над своей

«всеобщей» историей, которая на самом деле посвящена Греции, его родине, Сицилии, и позднее – Риму. Из 40 книг Диодора полностью сохранилось только 15, остальные дошли до нас только во фрагментах. Этот автор крайне неаккуратно подходит к изложению событий. Он заслуживает доверия ровно настолько, насколько можно доверять его зачастую неназванным источникам, которые он обычно вставляет в свой труд без изменений.

Дион Кассий (около 164 – после 229) – выходец из Греции, ставший римским сенатором и консулом. Он написал историю Рима в 80 книгах от основания города до 229 года н. э. Десять книг, посвященные Пуническим войнам, утеряны. Часть книг, где описывается период от 69 года до н. э. до 46 года н. э., сохранилась, хотя после 6 года н. э. имеются значительные промежутки. От остальных книг сохранились только отрывки и пересказы. У Диона простая и ясная манера изложения, его описания убедительны, однако его стиль не отличается выразительностью.

В тени известных авторов остались те многочисленные историки, труды которых оказались утерянными, но стали материалом для сохранившихся произведений. Одним из них был первый римлянин, который составил историю города, – римский сенатор по имени Квинт Фабий Пиктор, живший во второй половине III века до н. э. Он писал на греческом языке, отчасти для того, чтобы принести в Рим греческие принципы историографии, а отчасти для того, чтобы познакомить греческий мир с этим новым развивающимся государством.

Квинт Энний (230–169) написал эпопею, Аннаты (Летопись), в которой излагается история римского народа от падения Трои и скитаний Энея до эпохи, современной автору. От его произведения остались только разрозненные отрывки. Друг Энния, Марк Порций Катон, по прозвищу Цензор, написал подобное произведение, названное «Начала», которое также не сохранилось. Это было первое историческое сочинение на латинском языке.

Историей Рима занимались многие греческие историки, работы которых оказались утеряны. Среди них можно назвать Иеронима Кардийского и Тимея Тавроменийского (уроженец Сицилии, предполагаемые искажения которого очень раздражали Полибия).

Где же первые римские историки добывали информацию для своих произведений? Полезным источником являлась семейная традиция. В богатых аристократических домах хранили вещи своих предков, связанные с занимаемыми ими должностями и с триумфами, которые они праздновали. Однако ко всем этим сведениям надо было относиться осторожно, поскольку дух соперничества часто приводил к преувеличению значимости событий.

Сохранялись также устные традиции, которые, вероятно превращались в драматические пьесы, исполняемые во время игр. Например, история свержения с престола первого Тарквиния читается, как театральная постановка (мы уже знаем, что в эпоху поздней республики постоянно ставили пьесы на тему римской истории, например о Ромуле, о свержении царей и о битве при Сентине во время Самнитских войн).

Должностные лица Римской республики хранили архивы. Верховный понтифик (*pontifex maximus*) обязан был вести ежегодные записи важнейших событий и имен государственных служащих – «Большие анналы» (*annales maximi*). Скорее всего, подобные записи велись и в других учреждениях. У плебса имелись свои письменные отчеты, которые хранились в храме Цереры на Авентинском холме. По-видимому, эти документы отражали события, начиная с возникновения республики, и в первые века записи делали редко и не очень подробно. Записывали также различные договоры, законы и посвящения, иногда их высекали на камне или вырезали на бронзовых табличках.

Со II века до н. э. наиболее образованные римляне стали заниматься изучением древностей. Кто-то остроумно заметил, что знаток древностей – это тот, кто «интересуется историческими событиями, не интересуясь самой историей». Наиболее известным знатоком

древностей своего времени был плодовитый автор и друг Цицерона – Варрон. Темы его исследований были крайне разнообразны: древние тексты, такие как Двенадцать таблиц, здания и памятники Рима, государственные архивы, латинский язык, календарь, религиозные обряды, истории семей, образ жизни общества, происхождение названий мест и ритуальные церемонии. К сожалению, некоторые его выводы оказались совершенно неверными, особенно в области этимологии, однако он собрал множество любопытных и интересных сведений. Еще одним знатоком древностей был Дионисий Галикарнасский, сознательная жизнь которого прошла в эпоху правления Августа. Его целью было примирить греков с римским правлением. Проза Дионисия не отличается выразительностью, однако его пространные «Римские древности» – настоящая сокровищница любопытных фактов о ранней истории Рима.

Цицерон в своем произведении «О государстве» делает полезные замечания о ранней истории города, которые интересны не только своим содержанием, но и отражают то, как относились к этим событиям в I веке. В своей работе «О законах» Цицерон исследует основы законодательства и предлагает всесторонние реформы римской системы управления.

Римские и греческие историки очень редко описывали повседневную жизнь людей, занятия искусством и творчеством, роль и положение женщин, а также экономическое развитие. Все свое внимание они сосредоточили на политических и военных вопросах, а также на деяниях великих людей. К счастью, до нашего времени сохранилась значительная часть личной переписки Цицерона. На ее основе мы можем понять, что чувствовали люди во время разрушения республики. У нас также есть много медицинских текстов, например письма Цельса. В свободное время представители высшего сословия зачитывались произведениями некоторых талантливых поэтов эпохи поздней республики и ранней империи. Однако, чтобы получить более широкую картину жизни греко-римского мира, мы должны проанализировать результаты археологических раскопок и ознакомиться с различными надписями делового и личного характера. Все это поможет нам лучше узнать о деятельности местной администрации в разных частях Средиземноморья и о повседневной жизни простых людей. Несмотря на несистематичность такого материала и на трудности его исследования, он представляет большую ценность для историка.

Примечания

Сокращения (в скобках приведены переводы произведений античных авторов на русский язык)

Апп Гр – Аппиан, Гражданские войны (Аппиан. Римские войны / пер. под ред. С.А. Жебелева и О.О. Крюгера. СПб, 1994)

Апп Ган – Аппиан, Война с Ганнибалом (Аппиан. Римские войны / пер. С.П. Кондратьева. СПб, 1994)

Апп Мит – Аппиан, Война с Митридатом (Аппиан. Римские войны / пер. С.П. Кондратьева. СПб, 1994)

Апп Пун – Аппиан, События в Ливии (Аппиан. Римские войны / пер. С.П. Кондратьева. СПб, 1994)

Апп Самн – Аппиан, Войны с самнитами (Аппиан. Римские войны / пер. С.П. Кондратьева. СПб, 1994)

Апп Сиц – Аппиан, Войны на Сицилии и остальных островах (Аппиан. Римские войны / пер. С.П. Кондратьева. СПб, 1994)

Апп Ибер – Аппиан, Иберийско-римские войны (Аппиан Александрийский. Римская

история / пер. С.П. Кондратьева. М., 2002)

Апп Сир – Аппиан, Сирийские дела (Аппиан. Римские войны / пер. С.П. Кондратьева. СПб, 1994)

Арист Пол – Аристотель, Политика (Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебелева. М., 1983)

Арр – Арриан (Луций Флавий Арриан Ксенофон), Поход Александра (Арриан. Поход Александра / пер. М.Е. Сергеенко. М., 1993)

Арр Инд – Арриан (Луций Флавий Арриан Ксенофон), Индика (Арриан. Индия / пер. О.В. Кудрявцева // Вестник древней истории, 1940, № 2)

Арт – Артемидор, Онейрокритика (Артемидор. Онейрокритика / пер. М.Л. Гаспарова, И.А. Левинской, В.С. Зилитинкевич, Э.Г. Юнца. СПб, 1999)

Аск – Асконий, Комментарии к пяти речам Цицерона

Аф – Афинея Навкратийский, Пир мудрецов (Афинея. Пир мудрецов / пер. Н.Т. Голинкевича. М., 2003, 2010)

Авг Гр – Августин, О граде Божиим (Августин. Творения. Том 3, 4. СПб, 1998)

Ав Гел – Авл Геллий, Аттические ночи (Авл Геллий. Аттические ночи / пер. А.Б. Егорова, А.П. Бехтер, А.Г. Грушевого, О.Ю. Бойцовой. СПб, 2007–2008)

Авр Вик Цез – Аврелий Виктор, О цезарях (Римские историки IV века / пер. В.С. Соколова. М., 1997)

Авр Вик Люд – Аврелий Виктор, О знаменитых людях (Аврелий Виктор. О знаменитых людях / пер. В.С. Соколова // Римские историки IV века. М., 1997)

Биб – Библия

Цез Гр – Цезарь, Гай Юлий, Записки о гражданской войне (Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / пер. М.М. Покровского. М., 1993)

САН – Кембриджская история древнего мира (*Cambridge Ancient History*)

Кат – Катулл, Оды (Гай Валерий Катулл Веронский. Книга стихотворений / пер. С. В. Шервинского. М., 1986)

Кат Зем – Катон, Марк Порций, О земледелии (Марк Порций Катон. Земледелие / пер. М.Е. Сергеенко. СПб, 2008)

Циц Ак – Цицерон, Марк Туллий, Учение академиков (Цицерон, Марк Туллий, Учение академиков / пер. Н.А. Федорова. М., 2004)

Циц Ат – Цицерон, Марк Туллий, Письма к Аттику (Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III, годы 46–43 / пер. В.О. Горенштейна. Москва – Ленинград, 1951)

Циц Бал – Цицерон, Марк Туллий, Речь в защиту Луция Корнелия Бальба (Цицерон. Речь в защиту Луция Корнелия Бальба / пер. В.О. Горенштейна // Вестник древней истории, 1987, № 2)

Циц Бр – Цицерон, Марк Туллий, Брут или о знаменитых ораторах (Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / пер. И.П. Стрельниковой. М., 1972)

Циц Див – Цицерон, Марк Туллий, О дивинации (Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты / пер. М.И. Рижского. М., 1985)

Циц Бл – Цицерон, Марк Туллий, Письма близким (Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III, годы 46–43 / пер. В.О. Горенштейна. М.–Л., 1951)

Циц Пр – Цицерон, Марк Туллий, О пределах блага и зла (Марк Туллий Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н.А. Федорова. М., 2000)

- Циц Гар – Цицерон, Марк Туллий, Об ответах гаруспиков (Марк Туллий Цицерон. Речи. Том II (62–43 гг. до н. э.) / пер. В.О. Горенштейна. М., 1962)
- Циц На – Цицерон, Марк Туллий, О нахождении материала
- Циц Об – Цицерон, Марк Туллий, Об обязанностях (Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. В.О. Горенштейна. М., 1993)
- Циц Фил – Цицерон, Марк Туллий, Филиппики (Марк Туллий Цицерон. Речи. Том II (62–43 гг. до н. э.) / пер. В.О. Горенштейна. М., 1962)
- Циц Гос – Цицерон, Марк Туллий, О государстве (Марк Туллий Цицерон. Диалоги / пер. В.О. Горенштейна. М., 1994).
- Циц Ам – Цицерон, Марк Туллий, Речь в защиту Секста Росция из Америк (Марк Туллий Цицерон. Речи. Том I (81–63 гг. до н. э.) / пер. В.О. Горенштейна. М., 1962)
- Циц Ст – Цицерон, Марк Туллий, О старости (Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / пер. В.О. Горенштейна. М., 1993)
- CIL – Свод латинский надписей (*Corpus Inscriptionum Latinarum*)
- CIS – Свод семитских надписей (*Corpus Inscriptionum Semiticarum*)
- Кол Сел – Колумелла, Луций Юний Модерат, О сельском хозяйстве (О сельском хозяйстве (Катон, Варрон, Колумелла, Плиний) / пер. М. Е. Сергеенко. М., 1957)
- Кор Гам – Корнелий Непот, О знаменитых иноземных полководцах, Гамилькар (Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. Н.Н. Трухиной. М., 1992)
- Дион – Кассий Дион, Римская история (Кассий Дион Коккеян. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. А.В. Махлаюка, К.В. Маркова, Н.Ю. Сивкиной, С.К. Сизова, В.М. Строгоцкого. СПб, 2011)
- Дион Хр – Дион Хрисостом, Речи
- Дио Гал – Дионисий Галикарнасский, Римские древности (Дионисий Галикарнасский. Римские древности / пер. Н.Г. Майоровой, И.Л. Маяк, Л.Л. Кофанова, А.М. Сморгачева, В.Н. Токмакова, А.Я. Тыжова, А.В. Щеголева. М., 2005)
- Дио Сиц – Диодор Сицилийский, Историческая библиотека
- Эккл – Экклезиаст, книга Библии
- Эн – Энний, Квинт, Анналы
- Евт – Евтропий, Флавий, Краткая история от основания Города (Евтропий. Краткая история от основания Города. / Пер. А. И. Донченко // Римские историки IV века. М., 1997)
- Иез – Иезекииль, книга Библии
- Фест – Фест, Секст Руф, Бревиарий о победах и провинциях римского народа (Секст Руф. Бревиарий о победах и провинциях римского народа. / Пер. Т.И. Кузнецовой. // Памятники поздней античной научно-художественной литературы. М., 1964)
- Флор – Флор, Публий Анней, Эпитомы римской истории Титу Ливию обо всех войнах за семьсот лет (Эпитомы римской истории обо всех войнах за семьсот лет / пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой // Малые римские историки. М., 1996)
- Гер – Геродот, История (Геродот. История в девяти книгах / пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972)
- Гом Ил – Гомер, Илиада (пер. Н.И. Гнедича)
- Гом Од – Гомер, Одиссея (пер. В.В. Вересаева)
- Гор Кар – Гораций (Квинт Гораций Флакк), Оды (Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970)
- Гор Эп – Гораций (Квинт Гораций Флакк), Эподы (Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970)

- Гор Пос – Гораций (Квинт Гораций Флакк), Послания (Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970)
- Гор Сат – Гораций (Квинт Гораций Флакк), Сатиры (Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М., 1970)
- ILS – Избранные латинские надписи (*Inscriptiones Latinae Selectae*)
- Иер – Иеремия, книга Библии
- Лив – Ливий (Тит Ливий), История Рима от основания города (Тит Ливий. История Рима от основания города. М., 1989)
- Макр – Макробий, Амвросий Феодосий, Сатурналии (Макробий. Сатурналии / Пер. В. Т. Звиревича. Екатеринбург, 2009)
- Ор – Орозий, Павел, История против язычников (Павел Орозий. История против язычников / пер. В.М. Тюленева. СПб, 2004)
- Пав – Павсаний, Описание Эллады (Павсаний. Описание Эллады / пер. С.П. Кондратьева. М. 2002)
- Пет – Петроний, Гай, Сатирикон (Петроний. Сатирикон / пер. А.К. Гаврилова при участии Б.И. Ярхо и М.Л. Гаспарова // Римская сатира. М., 1989)
- Пин – Пиндар, Немейские оды (Пиндар, Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980)
- Плавт Пл – Плавт, Тит Макций, Пленники (Тит Макций Плавт. Комедии / пер. А. Артюшкова. М., 1997)
- Плавт Кур – Плавт, Тит Макций, Куркулион
- Плавт Пун – Плавт, Тит Макций, Пуниец
- Плин – Плиний Старший, Естественная история
- Плут Ал – Плутарх, Александр (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1994)
- Плут Кат – Плутарх, Марк Катон
- Плут Кор – Плутарх, Гай Марций Кориолан
- Плут Фаб – Плутарх, Фабий Максим
- Плут Фл – Плутарх, Тит Квинций Фламинин
- Плут Г Гр – Плутарх, Гай Гракх
- Плут Мар – Плутарх, Гай Марий
- Плут Марц – Плутарх, Марцелл
- Плут Мор – Плутарх, Моралии (Плутарх. Моралии: сочинения / пер. М.Л. Гаспарова, Н.В. Брагинской. М., 1999)
- Плут Пом – Плутарх, Помпей
- Плут Поп – Плутарх, Попликола
- Плут Пирр – Плутарх, Пирр
- Плут Ром – Плутарх, Ромул
- Плут Сул – Плутарх, Сулла
- Плут Т Гр – Плутарх, Тиберий Гракх
- Пол – Полибий, Всеобщая история (Полибий. Всеобщая история / пер. Ф.Г. Мищенко. СПб, 1994–1995)
- Проп – Проперций, Секст Аврелий, Элегии (Секст Проперций. Элегии / пер. А. И. Любжина. М., 2004)
- Салл Кат – Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп), О заговоре Катилины (Записки Юлия Цезаря. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / пер. В.О. Горенштейна. М., 1999)
- Салл Юг – Саллюстий (Гай Саллюстий Крисп), Югуртинская война (Записки Юлия Цезаря. Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / пер. В.О. Горенштейна. М., 1999)
- Стр – Страбон, География (пер. Г.А. Стратановского)

Свет Юл – Светоний (Гай Светоний Транквилл), Божественный Юлий (из книги Жизнь двенадцати цезарей)

Свет Тиб – Светоний (Гай Светоний Транквилл), Тиберий (из книги Жизнь двенадцати цезарей)

Тац Ист – Тацит, Публий (или Гай) Корнелий, История (Корнелий Тацит. Сочинения. Т. 2. История / пер. Г.С. Кнабе. СПб, 1993)

Тер Бр – Теренций (Публий Теренций Афр), Братья (Теренций. Комедии / пер. А.В. Артюшкова. М., 1988)

Тер Св – Теренций (Публий Теренций Афр), Свекровь (Теренций. Комедии / пер. А.В. Артюшкова. М., 1988)

Тео – Теофраст, О причинах растений (Феофраст. Исследование о растениях / пер. М.Е. Сергеенко. Рязань, 2005)

Вал Макс – Валерий Максим, Достопамятные деяния и изречения (Валерий Максим. Достопамятные деяния и изречения / пер. С.Ю. Трохачева. СПб, 2007)

Вар Лат – Варрон, Марк Теренций, О латинском языке (Варрон. О латинском языке (отрывки) / пер. Я.М. Боровского. СПб, 1996)

Вар Сел – Варрон, Марк Теренций, О сельском хозяйстве (Варрон. Сельское хозяйство / пер. М.Е. Сергеенко. М.–Л., 1963)

Вер Эн – Вергилий (Публий Вергилий Марон), Энеида (Вергилий. Собрание сочинений / пер. С.А. Ошерова. СПб, 1994)

Вер Гео – Вергилий (Публий Вергилий Марон), Георгики (Вергилий. Собрание сочинений / пер. С.А. Ошерова. СПб, 1994)

Зон – Зонара, Иоанн, Всемирная хроника (фрагменты книг Диона Кассия)

Посвящение Треббия

Зловещая заря зажгла вершины гор.
Проснулся стан. Внизу, под бурною рекою,
Нумиды конные столпились к водопою,
И всюду звонких труб гремит призывный хор.

Вождю и авгурам – лжецам наперекор –
Семпроний, славою смущенный боевою,
Не справившись с рекой и близкою грозой,
Дал ликторам приказ: идти, поднять топор.

На черных небесах, как скорбные виденья,
Пылали в зареве инсубрские селенья,
И где-то далеко тревожно слон кричал...

А там, в тени моста, в тумане горных склонов,
Стоял задумчивый, довольный Ганнибал,
Внимая топоту глухому легионов.

(пер. В. Жуковского)

Введение

Замечательные письма Цицерона позволяют нам представить, как жили люди в Риме в эпоху поздней республики.

xxvii «Однако у меня появляется надежда» Циц Бл 175 (Fam., IX, 1).

xxviii «Наконец, один из молодых людей» Плут Сул 31 1–2.

xxix «Горе мне!» Плут Сул 31 6.

xxix «Посмотрите внимательно на этого человека» Циц Ам 46 135.

xxx «Только бы для нас было твердо одно» Циц Бл 177 (Fam., IX, 2).

xxx Сноска не нужна

xxxi «Если у меня будет время для поездки в тускульскую усадьбу» Циц Бл 179 (Fam., IX,

5).

xxxi «Если ты не приедешь ко мне» там же, 180 (Fam., IX, 4).

xxxi «Эти твои тускульские дни» там же, 181 (Fam., IX, 6).

xxxi «В этом мире к каждому из нас» Т.Б. Маколей, Гораций, строфа 27.

1. Новая Троя

Здесь излагается легенда об Энее. В основном я придерживался канонической версии Вергилия, представленной в его эпической поэме «Энеида», но также я использовал другую версию событий, которую изложил Дионисий Галикарнасский.

«и (как утверждают некоторые) знаменитый палладий» По другой версии, палладий похитили Одиссей и греческий герой Диомед, в результате чего палладий оказался, по разным вариантам легенды, в Афинах, Спарте или Риме.

«Другая история повествует» Дио Гал 146.

«Смотрит Эней, изумлен» Вер Эн 1 421–425.

«Этот новый Парис» там же, 4 215–217.

«Эней Верный» Вер Эн в разн. местах.

«Так перестань же себя и меня» указ. соч., 4 360–361.

«Пусть ни союз, ни любовь» там же, 4 624–629.

«все еще стоял памятник» Дио Гал 1 64 4–5.

«прошло семь лет» там же, 1 65 1.

2. Цари и тираны

История рождения и детских лет Ромула и Рема изложена на основе сочинений Дионисия Галикарнасского, Плутарха и Ливия. Основная история не подлежит сомнению, однако имеются версии отдельных событий, о достоверности которых ведутся споры.

«Геркулес, став сильнейшим из всех» Дио Гал 1 41 1.

«Они были в добрых отношениях» Плут Ром 6 3.

«древний праздник» Появление в истории праздника луперкалий связано с другом Цицерона, историком Элием Тубероном. Дио Гал 1 80 1.

«историческому сочинению не пристало» Дио Гал 1 84 1.

«Благодаря реке город мог» Циц Гос 2 5 10.

- «место погребения Фаустула » Дио Гал 1 87 2.
 «Этеокл и Полиник » см., например, трагедию Эхилла «Семеро против Фив».
 «Каин убил Авеля » Бытие 4:9–16.
 «был зачат в утробе своей матери » Плут Ром 12 2–6.
 «немногим более трех тысяч латинян » Дио Гал 1 87 2.
 «Консу – богу благих советов » первоначально – бог-смотритель запасов зерна.
 «Я выбрал вас » Дион 1 5 11.
 «выработал собственный стиль » Ioann. Laur. Lyd., De magistr. rei publ. Rom. 1 7.
 «находчивость одного человека » и «мой Рим » Лив 1 16 5–7.
 «Один из самых ранних историков Рима » Фабий Пиктор.
 «измышлять было легко » Циц Гос 2 10.
 «новую комету » Свет Юл 88.
 «Что касается самих священнодействий » Циц Гос 2 14.
 «ее провели тридцать раз » Плут Кор 25 3.
 «да погибнет всякая римлянка » об истории Горация, см. Лив 1 26.
 «Этот брус существует и по сей день » Лив, там же.
 «все здания, общественные и частные » указ. соч., 1 29 6.
 «мост назывался «Сублиций » см. Richardson, A New Topographical Dictionary...
 «Внемли, Юпитер » Лив 1 32 6.

3. Изгнание

Основными письменными источниками являются сочинения Ливия и Дионисия Галикарнасского, дополненные замечаниями Цицерона из его книги «О государстве».

«похоже на вопрос о том, как звали мать Гекубы » Это мнение Теодора Моммзена. См. Mommsen 19, p. 121 со ссылкой на Свет Тиб 70 3. Гекуба была женой троянского царя Приама.

«более всех других привержены » Лив 5 16.

«правила как основывать города » Фест 358 L.

«Любой самый обыкновенный предмет » Этот абзац заимствован у Ж. Эргона, См. Neurgon, 224–225.

«золотые украшения » Neurgon, p. 152 (цитата Раньеро Менгарелли).

«Феопомп, оставил очень подробное » Цитируется по Аф 12 14 517d. Трудно оценить, насколько достоверно такое свидетельство. Оно имеет некоторое подтверждение у Посидония через Диодора Сицилийского 5 40. Посидоний объясняет такое нездоровое поведение слабостью этрусков, проявившейся у них после римского завоевания. Однако сексуальная неразборчивость сама по себе не мешает военному искусству.

«между 620 и 610 годами » Традиционная дата – 657 год до н. э., но современные ученые полагают, что казни Кипсела произошли позже. См. Cornell, p. 124.

«географ Страбон даже утверждал » Стр V II 2.

«Ведь в наш город притек из Греции » Циц Гос 2 19 (34).

«Благодаря своей просвещенности и образованию » там же, 2 19 34.

«Она и при мне еще сохранилась » Дио Гал 3 71.

«не римлянином, но пришлым » там же, 3 72 5.

«Это был Сервий Туллий » Император Клавдий (I век н. э.), будучи знатоком этрусков, утверждал совершенно противоположное. По-видимому, его утверждение ближе к тому, как на самом деле пришел к власти Сервий. Клавдий говорил, что Сервий был этрусским наемником,

который прибыл в Рим во главе армии. См. речь Клавдия, сохранившаяся в записях. Лионская табличка, ILS 212 1 8–27.

«сыном рабыни » Некоторые древние историки понимали, что, если римский царь является потомком раба, то это ниже его достоинства (*infra dignitatem*). Поэтому они предположили, что его мать первоначально была знатной женщиной и только потом попала в рабство, будучи захваченная в плен во время войны. См. Лив 1 39.

«Когда он, воспитанный среди рабов » Циц Гос 2 21 (37).

«Царь-де просто оглушен ударом » Лив 1 41 5.

«искренне верил в свою удачу » Например, Сулла и Юлий Цезарь в I веке до н. э.

«особые отношения с богиней удачи, Фортуной » См. Cornell, p. 146.

«[Царь] утвердил принцип» Циц Гос 2 22 39–40.

«насчитала около 80 000 граждан » Лив 1 44 2. У Дионисия приводится число 84 700. Дио Гал 4 22 2.

«население города составляло около 35 000 человек » см. Cornell, pp. 204–208.

«Вот как он рожден » Лив 147 11.

«самого верха Киприйской улицы » там же, 147 6–7.

«Сивилла раньше сидела в бутылке » Пет 48.

«Ее обнаружил один современный археолог » Амедео Маури в 1932 году.

«пути и повороты » Циц Гос 2 25 45.

«Тарквиний старался никому не передавать » об этом абзаце, см Дион 2 116.

«Сладкая возможность урвать для себя » Лив 1 54 10.

«через земли, где редко ступала нога римлянина » там же, 1 56 6.

«тяжелой даже для пешехода налегке » Пав 10 5 5.

«бронзовый «Дельфийский возничий » ныне в археологическом музее в Дельфах.

«Пифию выбирали из местных жительниц » На самом деле их было трое, двое сменяли друг друга, а третья находилась на крайний случай. Дельфийский оракул представлял собой хороший источник дохода.

«любовный скандал » Я основываюсь на более сложной, даже можно сказать постановочной, версии событий, которую изложил Ливий (1 57–59). Дионисий, в отличие от него, постоянно перемещает ключевые фигуры без всякой цели между Ардеями и Римом, пытаясь создать хоть что-то правдоподобное.

4. Что же произошло на самом деле

Основными письменными источниками являются сочинения Ливия, Дионисия Галикарнасского и Цицерона.

«приличны скорее твореньям поэтов » Лив 1 предисловие, 6–7.

«троянский народ по большей части » Дио Гал 1 61 1.

«*Romulus* » и означает «основатель Рима», см. Ogilvie 1 p. 32.

«любви к спокойствию » Циц Гос 2 14 27.

«религиозные священнодействия [и] законы » там же, 2 14 26.

5. Земля и ее народ

Древнюю историю Рима прославляли поэты Вергилий, Гораций и Проперций. Более подробно об этом см. Scullard, *A History of the Roman World 753 to 146 B.C.*, Chapter 1.

«каменный дождь» Лив 13 11.

«лавр, мирт, бук и дуб» Тео 5 8 3.

«Весь Лаций – благодатный край» Стр 5 3 5.

«В целом Этрурия» Дио Сиц 5 40 5 (по цитате Посидония).

«Забыв и форум, и пороги гордые» Гор Эп 2 7–16.

«Вот в чем желания были мои» Гор Сат 2 6 1–4.

«В курию, ныне высокое здание» Проп 4 111–114.

«Гомер написал свои большие эпосы» Гомер, конечно, скорее всего один из многих авторов, среди которых была даже женщина. Семуэль Батлер приводит доказательства, что автором «Одиссеи» была молодая женщина с Сицилии (см. *The Authoress of the Odyssey*, 1897).

«мы [римляне] воспитаны не на заморских и занесенных к нам науках» Циц Гос 2 15 29.

«дикие нравом, они ни быков запрягать не умели» Вер Эн 8 315–18.

«дикарями, что по горным лесам» там же, 321.

«Капитолий, блещет золотом» там же, 348.

«Стада попадались навстречу повсюду» там же, 360–361.

«хижина с глинобитными стенами» Современные археологи нашли следы отверстий и углубления для нескольких хижин. По-видимому, могла сохраниться не одна хижина. Подобную хижину установили на Капитолийском холме.

«остатки древнего поселения» см. *Stambaugh*, pp. 11–12.

6. Наконец свободные

Основные письменные источники – сочинения Ливия, Дионисия Галикарнасского и Цицерона, а также Диона Кассия. Казнь сыновей Брута описана у Плутарха в жизнеописании Попликолы.

«а из-за любовного скандала» см. *Ogilvie*, pp. 94–96, 218–220. Он утверждает, что видимо Лукреция покончила с собой, ожидая обвинительный приговор членов семьи, во главе которых стоял ее законный супруг (подобным образом тогда поступали при супружеской измене).

«двум чиновникам, называемым «консулами»». Скорее всего их полномочия определились спустя некоторое время. Я перечисляю их полностью. Сначала их видимо называли преторами. Некоторые исследователи утверждали, что в какой-то промежуточный период после образования республики ей управлял только один выборный чиновник. Однако доказательств этого очень мало, поэтому в истории установилась традиция правления двух консулов/преторов.

«вступили в должность в 509 году» Эта традиционная дата, которая довольно точная (может быть расхождение в один год вперед или назад). А вот является ли один из двух первых консулов Брут реальной исторической фигурой – вопрос спорный.

«ввели должность диктатора» Консулы устраивали выборы своих преемников, но в их отсутствие этим вопросом занимался диктатор.

«отдельное собрание патрициев» О составе раннего сената, см. *Cornell*, pp. 248–249.

«авторитет «был больше, чем совет» Mommsen, *Romisches Staatsrecht*, vol. 3, chap. 2 (1887).

«опустить свои прутья» Циц Гос 2 31 54.

«окончательное решение» Право обжалования существовало при царях и видимо теперь не предусматривалось.

«народ, избавленный от царей» Циц Гос 2 31 (57).

«Заговорщики решили, что они должны вместе принести... клятву» История разоблачения заговорщиков странным образом похожа на то, как Цицерон описывал заговор Катилины в I веке до н. э.

«Ну, Тит, ну, Тиберий» Плут Поп 6 1.

«жестоким и невероятным» Дио Гал 5 8 1.

«Его поступок, при всем желании» Плут Поп 6 3–4.

«назад к римскому берегу» У Полибия (6 55) окончание истории другое: Гораций утонул.

«Статую Горация установили» Ав Гел 4 5.

«упомянул автор» Плин 16 236.

«Порсена приготовился к долгой осаде» Об осаде см. Лив 2 12 1.

«об афинском царе» Кодр – последний полулегендарный царь Афин, после которого были новые правители – архонты.

«Порсена, когда город ему сдался» Великий римский историк – Тацит, Тац Ист 3 72.

«В соглашении, которое Порсена заключил» Плин 34 139.

«ее назвали в честь них «*vicus Tuscus*» Дио Гал 5 36 2–4. Конечно, могло случиться и так, что историю специально придумали для объяснения названия улицы.

«старинный обычай: при распродаже» Лив 2 14 1–4.

7. Народный мятеж

Основные письменные источники – сочинения Ливия и Дионисия Галикарнасского, а также жизнеописание Кориолана у Плутарха. Отрывок о Кориолане скорее всего является художественным вымыслом. В своем трактате «Брут, или О знаменитых ораторах» Цицерон заметил: «Фемистоклу и Кориолану выпала одинаковая судьба». Фемистокл стал спасителем Афин во время персидского вторжения. Затем его изгнали, и он собирался бороться против своей родины.

«поднимались на малонаселенный... холм» В некоторых древних источниках, например Плут Кор 6 1, этот холм идентифицируется со священной горой, расположенной в пяти километрах от города у реки Анио. Но, скорее всего, здесь речь идет об Авентинском холме, который тесно связан с политическими выступлениями народа.

«Налицо – массовый протест» По общему мнению современных исследователей, этот раскол является подлинным историческим событием, действительно произошедшим из-за долговых проблем.

«В те времена» Лив 2 32 9–12.

«храма бога торговли Меркурия» см. Ogilvie, pp. 22–33.

«Народ, избавленный от царей» Циц Гос 2 33.

«историю одной такой жертвы» Лив 2 23 (цитату см. далее). Этот случай вполне мог быть и вымышленным. Он очень похож на риторический прием, который использовали для обучения будущих ораторов. Но такие случаи, конечно же, вполне типичны для того времени.

«Аппий Клавдий» Аппий – первое имя, или преномен, которое выделяет его из остальных Клавдиев.

«объединились в группу, названную плебсом» Здесь я придерживаюсь версии Корнелла, см. Cornell, pp. 256–258.

«государством в государстве» Выражение Т. Моммзена, см. Mommsen 3 145, который, в свою очередь, заимствовал его у Ливия 2 44 9.

«*Первыми избранными трибунами* » Дионисий здесь видимо дает вымышленные характеристики первым двум трибунам – Дио Гал 6 70. На самом деле на месте Брута мог быть Луций Альбиний, как сообщается у Аскония – Аск, р. 117.

«*суд линча, замаскированный под божественное правосудие* » см. Cornell, р. 260.

«*и только спустя двадцать лет* » в 471 году до н. э.

«*право «сопротивления»* » Законы Валерия Горация в 449 году.

«*О слушаниях в сенате не составляли никаких отчетов* » Лив 3 55 13.

«*так, чтобы ничего из того, что делалось* » Зон 7 15.

«*А если вы не прекратите сотрясать государство* » Дио Гал 7 25 4.

«*Поступать так совершенно глупо* » Плут Кор 16 4.

«*Положение разрешилось* » Встреча Волумнии с Кориоланом описана у Плутарха – Плут Кор 33–36.

«*Вы избраны трибунами плебеев* » Лив 3 9 11.

«*государственный деятель, три раза избиравшийся консулом* » Имеется в виду Спурий Кассий, который был консулом в 502, 493 и 486 годах. Некоторые современные ученые сомневаются в истории его возвышения и падения.

«*Текст этого договора могли увидеть* » Циц Бал 5 3.

«*как только его отец дал показания против него* » В наших источниках возможна путаница. По-видимому, Спурия Кассия осудили на семейном суде собственные родственники, во главе которых стоял его отец.

«*серьезное сопротивление* » Сообщается, что в 454 году римляне отправили делегацию из трех человек в Афины, чтобы изучить законы Солона (638–558). Однако это маловероятно, поскольку в то время у власти в Афинах стоял Перикл и вряд ли бы он стал представлять приезжим такое устаревшее законодательство. Скорее всего римляне изучили разные законы и систему управления греческих городов в Италии. В другой версии, децемвирам давал советы некий греческий философ, находящийся в изгнании.

«*замысловатыми предположениями* » Например, Огилви утверждает, что «вторая коллегия вымышлена от начала до конца», см. Ogilvie р. 452

«*Децемвират вскоре после своего блистательного начала* » Лив 3 33 2.

«*десятью Тарквиниями* » там же, 3 39 3.

«*Как и с падением монархии* » Современные ученые сомневаются в достоверности истории о насилии над Лукрецией. Может быть это правильно, но Корнелл (Cornell р. 275) утверждает, что история Аппия Клавдия и Вергинии очень старая, и ее главные элементы основывались на каких-то реальных событиях.

«*У меня есть неопровержимые доказательства* » Лив 3 48 1–3. Эта речь скорее всего является художественным переложением Ливия.

«*расположились на Авентинском холме* » Лив (3 52 2) пишет, что они направлялись на священную гору. Скорее всего, это излишнее усложнение истории.

«*Уж я-то знаю, что нас ждет* » там же, 3 54 3–4.

«*разумно решили, ради сохранения согласия, стоять за народ* » Циц Гос 2 31 54.

«*надменно, в соответствии с манерой Клавдиев* » Странно, что в течение многих веков в роду Клавдиев из поколения в поколение появлялись какие-то невыносимые люди. Некоторые утверждают, что все это выдумки враждебных им римских историков. Может быть и так. Однако (например) у нас есть надежные доказательства недостойного поведения Клавдиев в эпоху поздней республики (отношения Цицерона с Клодием Пульхром и Аппием Клавдием, как следует из его переписки). Скорее всего, здесь дело не в генетических особенностях, а в нежелании учитывать интересы других людей.

«покончил с собой » Дио Гал 9 54 3–6. Несомненно, это очередное художественное описание.

«У консулов теперь было три важных закона » В древних источниках по-разному описывается смысл законов Валерия Гортензия. Несомненно, что произошли существенные изменения в системе управления, но совершенно непонятно, когда это случилось. Я придерживаюсь мнения, которое принято большинством современных ученых. Тот, кто захочет поглубже копнуть эту сухую землю, могут обратиться к «Кембриджской истории древнего мира», см. САН, pp. 227–235.

«и сегодня... остаются истоком » Лив 3 34 6.

«Человек может собирать плоды » Таблица 7 10 (по традиционной нумерации таблиц).

«Пусть они содержат в порядке дорогу » Таблица 7 1.

«Если кто-то задолжал » Таблица 3 10.

8. Падение Рима

Основные письменные источники – сочинения Ливия и Дионисия Галикарнасского с дополнениями из работ Цицерона и Полибия.

«15 июля 496 года» Эта дата приведена у Ливия 2 42 5.

«источника, находящегося прямо у храма Весты » Водоем Ютурны.

«Кастор и Поллукс » в греческой передаче – Кастор и Полидевк.

«прекрасное и достойное величия » Дио Гал 6 13 5.

«Ливию «казалось чудом » Лив 6 12 2.

«Карфагенянам возбрагается » Пол 3 22 11–13. Это соглашение исторически достоверно. Будучи надежным историком, Полибий сообщает, что он лично убедился, что соглашение, записанное на бронзовой пластине, сохранили в казначействе эдилов около храма Юпитера, Лучшего и Величайшего. Полибий признал некоторую проблему с переводом архаичной латыни, однако приведенный им текст соглашения не оставляет сомнений в подлинности.

«находились за пределами Лация » Latium Vetus, Старый Лаций.

«во времена Цицерона » Циц Бал 5 3.

«Пусть мир между римлянами » Дио Гал 6 95 2.

«Этрусские правящие круги города Капуя » Лив 4 37 1–2.

«Луций Квинций Цинциннат » Лив 3 26–29.

«самый богатый из всех городов Этрурии » там же, 5 22.

«Однажды их войска даже дошли до Рима » Первая война с Вейями, 483–474 гг.

«Известно вам, отцы-сенаторы » Лив 2 48 8. Реконструкция Ливия.

«вместо царей там стали править выборные чиновники » см. Briquel, p. 44.

«Авл Корнелий Косс » Лив 4 19. Достоверное событие.

«льняной нагрудник » Надпись и нагрудник, по-видимому, восстановили в 222 году, когда третьего победителя удостоили «тучными доспехами» и он проходил обряд посвящения в храм. См. Ogilvie Livy 1–5, pp. 558–565.

«увеличили численность своей армии с четырех до шести тысяч » см. Kerrie, p. 18.

«прямо предложила использовать » Изложено по Лив 5 16 9–11.

«проложили, чтобы предотвратить сток воды » см. Ogilvie 1, pp. 658–659.

«Чтобы и работа не прерывалась » Лив 5 19 10–11.

«деревянная статуя богини » Дио Гал 13 3. Резная деревянная статуя – ксоанон. Простые фигурки в то время фигурки делали из терракоты.

«Последуй за нами, победителями, в наш город» Лив 5 21 3

«Зачем подтверждать или опровергать» там же, 5 21 8–9.

«единственное доступное им право – римское гражданство» Об этом возможном предположении см. САН 7 2, pp. 312–313.

«Слышен был и голос, провещавший изволение» там же, 5 22 6.

«Как печальны вы, древние Вейи!» Этим поэтом был Секст Проперций См. Проп 4 10 27 30.

«Уже надвигалась громада беды» Лив 5 37 1.

«[Они] не имели понятия об изысках» Пол 2 17 8–12.

«имеют высокий рост» Содержание этого абзаца излагается по Дио Сиц 5 28 и 32.

«Рассказывали невероятную историю» Если в этом есть хоть какая-то доля правды, то приглашенные кельты могли вмешаться в какую-нибудь внутреннюю ссору в Клузии.

«около десяти тысяч римлян сражались с тридцатью тысячами кельтов» Scullard, p. 103.

«Римляне бежали, оставив множество убитых» Ливий преувеличивает масштаб бедствия с целью создания драматического эффекта. Из последующих событий следует, что значительная часть римской армии сумела бежать.

«далее описывает Ливий» Лив 5 39–49. Он преувеличил ущерб, нанесенный кельтами.

«в ходе странного ритуала» Описание этого ритуала см. Ogilvie, p. 725. Также Лив 5 41.

«многие общественные и частные записи» Лив 6 1.

«Но их приближение не укрылось от гусей» там же, 5 47.

«они были посвящены Юноне» Юнона не проявляла особого интереса к гусям. Скорее всего эти птицы сохранились в авгуракуле – месте получения предсказаний на Капитолийском холме. По тому, как птицы клевали свою пищу, предсказывали настроение богов. См. Ogilvie, p. 734; этот рассказ – «подлинный исторический материал».

«Эта сделка, омерзительная и сама по себе» Лив 5 48 9.

«варвары ушли не навсегда» см. Oakley 1, pp. 360–365; обсуждение галльского нападения на Рим между битвой при Аллии и битвой при Сентине.

«страшный вестготский король Аларих» Аларих захватил Рим в 410 году н. э.

«будучи вызваны домой вторжением» Пол 2 18 3.

«Спешка не позволяла заботиться» Лив 5 55. Эта история может быть городской легендой, которую создали для объяснения случайного расположения городской канализации.

«работа по ее возведению началась в 378 году» там же 6 32.

«порождая у наблюдателя впечатление» Дио Гал 4 13 4.

9. Под ярмом

Основной источник – сочинение Ливия, дополненное выдержками из трудов Диона Кассия, Цицерона и Дионисия Галикарнасского.

«Кавдинскими Вилами» Первая часть этой главы посвящена кавдинской трагедии, которая описана у Ливия (Лив 91).

«Консулов, чуть не нагих» там же, 9 6 1–2.

«Неужели и тут, как всегда, вы отыщете повод» там же 9 11 6–7.

«не испытывали никакой благодарности к самнитам» Дион 8 36 21.

«дважды упоминает о договоре» Циц На 2 91–94.

«есть сведения о том, что в 319 году один римский военачальник» см. САН 7, pt. 2, p.

371.

«Побеждает не обязательно тот » Дион 8 36 21.

«приблизительно пятьдесят три патрицианских рода » см. Grant, p. 61.

«Это ничего, – воскликнул Секстий» Лив 6 35 8.

«трибуны не давали проводить выборы » Римские историки, включая Ливия, сообщали о патиетнем сроке, когда выборы не проводились. Они сделали такое довольно необычное сообщение, по-видимому, для того, чтобы исправить расхождение между традиционными датами в ранней республике и точными датами, появившимися в период ее расцвета.

«Эту должность занимали патриции » На должность претора плебеи стали избираться с 337 года.

«Фурий поклялся тогда, победитель этрусков » Овидий, Фасты 1 641–644.

«простой народ словно заново обрел свободу » Лив 8 28 1. Ливий утверждает, что долговая кабала была отменена, но, скорее всего, он выдал желаемое за действительное.

«кузнец своей судьбы » Саллюстий, Письма к Цезарю, 1.1.2. Известно, что Наполеон высказал такое же мнение при рассмотрении кандидата на пост маршала Франции: «Повезет ли ему?»

«в 312 году, когда занимал должность цензора » См. Лив 9 29 и Дио Сиц 20 36.

«Я, в свою очередь, причисляю к трем великопнейшим деяниям» Дио Гал 3 67 5.

«решения плебейского совета » Лив 8 12 15–17. Ливий пишет, что Квинт Публилий Филон принял такой закон о народном собрании, но более вероятным кажется, что Публий признал законность решений совета, если они получили «власть отцов» – то есть, одобрение сената – и что в полной мере их приняли в 287 году. См. Oakley 2, pp. 524–527.

«Наше государство создано» Циц Гос 2 12.

«не путем рассуждений» Пол 6 10 13.

«Тит Манлий » Изложение этой истории у Ливия (8 7).

«Янус, Юпитер, Марс-отец, Квири » Лив 8 9 6–8. Непонятно, это точная передача текста обряда или же это пересказ Ливия. Однако его читатели конечно же хорошо понимали его пересказ, поскольку они знали многие обряды, являющиеся важной частью их жизни.

«Случались ли такие случаи? » см. САН, 7 2, p. 362.

«вне пределов Лация » Древний Лаций был немного меньше современной области Лацио.

«площадь территории » см. САН 7 2, p. 367.

«По современным расчетам » см. САН 7 2 353. Такая большая точность говорит о том, что за ней скрывается предположение.

«Если окружающая местность сильно влияла на... людей » Более полное описание Самния, см. Salmon pp. 14–27.

«около 450 000 человек » там же.

«они брили волосы на теле » Аф 12 518b.

«У самнитов существует прекрасный закон » Стр. 5 4 12.

«поэт Гораций, живший в I веке » Гор Кар 3 6 39–41.

«придумали оскские племена » О происхождении гладиаторских состязаний см. Grant, *Gladiators*, pp. 19, 55.

«Первая непродолжительная война » Некоторые современные историки полагают, что этой войны вообще не было, о другом мнении – см. Oakley vol. 2 pp. 307–311.

«Давайте станем лагерь против лагеря» Лив 8 23 8–9.

«многочисленной армии союзников и латинов » там же, 10 26 14.

«промчалась лань » Лив 10 27 8–9.

«чуть было не дрогнули » Thomas Creevey, *Creevey Papers*, p. 236 (London: John Murray,

1903).

«последовал примеру своего отца» Некоторые современные исследователи сомневаются в исторической достоверности этого «посвящения», однако имеется много свидетельств в пользу «посвящений» обоих Дециев Мусов, и нет никаких сомнений, что младший Дециус Мус погиб в битве при Сентине. См. Oakley 4, pp. 290–291.

«Уже не могли они держаться» Лив 10 31 15.

«Для отдельного римского воина» Этот и последующие абзацы о ходе сражения основаны на книге Рэндалла Коллинза «Насилие» («Violence»), которая посвящена исследованию современной войны. С некоторой осторожностью я предположил, что на основе некоторых выводов этой книги вполне можно описать чувства римского легионера.

«тумана войны» фон Клаузевица» см. Carl von Clausewitz, On War, Book 2, chap. 2, paragraph 24.

«Сражение часто имеет какой-то свой ритм» см. Collins, p. 40.

«только четверть из них нападает» там же, pp. 44ff., основано на сражениях Второй мировой войны.

«охватывает ужас» там же, p. 47.

«одна треть солдат на поле боя» там же, p. 69. Расчет основан на фотографиях, сделанных во время военных действий на Второй мировой войне.

«в древних и средневековых войнах» там же, p. 79.

«От центурионов римляне требуют» Пол 6 24 8–9.

«Римская территория... увеличилась» см. Oakley 4, p. 3.

«25 процентов от числа всех взрослых граждан мужского пола» САН 7 pt. 2, pp. 383 ff.

10. Авантюрист

Жизнь Александра описали Арриан, Плутарх и Квинт Курций Руф. Последние дни жизни царя описаны на основе придворных документов, взятых из полулегендарной греческой «Истории Александра Великого». Основной письменный источник для описания Пирра – сочинение Плутарха.

«Что это была за болезнь – неизвестно» Некоторое время после его смерти, предполагали, что Александра отравили. Однако это маловероятно, потому что после начала болезни он жил еще две недели, а в Древнем мире еще не знали медленно действующих ядов. Внезапные смертельные случаи от болезни часто ошибочно принимали за убийства.

«Вижу, что будет великое состязание» App 7 26 3.

«Александр никогда не получал» App 7 14.

«бороться и искать, найти и не сдаваться» Последняя строка стихотворения «Улисс» Альфреда Теннисона.

«Те же, какие побудили тебя» Циц Гос 3 14 24.

«убил престарелого царя этого города, Приама» Можно вспомнить монолог актера в пьесе «Гамлет» (акт 2, сцена 2), посвященный этому событию.

«Александр позвал его во сне» Плут Пирр 1 12.

«скорее пугающее, нежели величавое» там же, 3 4–5.

«страдающие болезнью селезенки» там же, 3 4–5.

«царь носил протез из слоновой кости» По другому мнению (см. Champion, p. 19) у Пирра были слившиеся зубы, однако они объединяют только два зуба, а не весь ряд зубов.

«гениальным от рождения» Дион 9 40 3–4.

«не мог сидеть без дела » Гом Ил 491 и далее.

«В Таренте было много «зеленеющих» деревьев » Гор Пос 1 16 11.

«долгая весна приходит » Гор Кар 2 6 17–18.

«Я пойду в тот край » там же, 13–16. Гиметус – гора в Аттике, известная своими пчелами. Венафро – долина в Центральной Италии, через которую протекает река Вольтурно. Там растет много оливковых деревьев.

«численностью 30 000 человек » Стр 6 3 4.

«Впоследствии, однако, ввиду процветания города » там же.

«предложили свои услуги в качестве нейтральных посредников » Лив 9 14 1.

«во главе которого встал... Луций Постумий Мегелл » Источники последующих событий – Дион 9 39 3–10 и Дио Гал 19 5, 6.

«на сей раз им было уже не до смеха » Апп Самн 7 3.

«в своей известной истории Плутарх » Плут Пирр 14 2–7.

«Археологи нашли несколько табличек » Содержание этого абзаца приводится по статье: E. S. Roberts, «The Oracle Inscriptions Discovered at Dodona», *Journal of Hellenic Studies*, vol. 1, 1880.

«Зевсу пеласгийскому, додонскому » Гом Ил 16 233 и далее.

«время крупной войны » Пав 8 11 12. По мнению Петера Леви, «Сицилия», по-видимому, один из небольших холмов около проспекта Сингроса на дороге в Пирей.

«толковать его по своему желанию » Дион 9 40 6.

«Монеты, выпущенные... при поддержке Пирра » см. САН 7 pt. 2, pp. 4636.

«Слонов оттеснили, наконец, в узкое место » Апп 5 17.

«Пирр выбросился в море » Плут Пирр 15 3–4.

«чернь в Таренте по доброй воле не склонна » там же, 16 2.

«вершили военные дела на словах » там же, 16 2.

«Царь Пирр приветствует Левина » Дио Гал 19 9–10. Контакты консула и Пирра достоверны, несмотря на то, приводит ли Дионисий подлинный текст письма, или же он сам сочинил его.

«Порядок в войсках у этих варваров » Плут Пирр 16 5.

«при Гранике » Сообщения противоречат друг другу. Наиболее вероятно, что Александр ночью отправил свою армию переходить реку Граник ниже по течению, чтобы утром встретиться с удивленными персами. См. Green, «Alexander of Macedon», Appendix.

«Если мы одержим еще одну такую победу » Плут Пирр 219.

«Царь Пирр, эпитроты » см. САН 7 pt. 2, pp. 468–469.

«сравнил Пирра с игроком в кости » Плут Пирр 26 2. Это сказал македонский царь Антигон Гонат.

«Разгромленные в пух и прах » Зон (Дион) 8 4.

«Я поддерживаю тебя Пирр » там же.

«своими речами взял больше городов » Плут Пирр 14 2.

«Киней привез с собой » там же.

«роскошной женской одежды » Зон (Дион) 8 4.

«Предложенные им условия » Апп Самн 10 1.

«До сих пор, римляне, я никак не мог примириться » Плут Пирр 19 1.

«собранием царей » там же, 19 5.

«был речистым » Циц Бр 14 55.

«археологи раскопали каменную шкатулку » О содержании этого абзаца см. САН 7 pt. 2 pp. 471–472.

«Погибла большая часть войска » Плут Пирр 21 10.

«Если тот или другой народ » Пол 3 25 3–5.

«пуническую осаду », то есть «карфагенскую». Так на латинском передается греческое слово *rhoiñix*, обозначающее карфагенян.

«Пирр, раздраженный, повернулся » Плут Пирр 24 3.

«Если Пирру не терпится умереть » там же, 31 2.

«лишь пурпурными облачениями » Плут Пирр 8 1. О «наклоне головы» см. Плут Ал 4 1.

«Какое ристалище для состязаний » Плут Пирр 23 6.

11. Все на море

Здесь не будет ссылок на Ливия. Основным источником является сочинение самого точного историка Древнего Рима – Полибия. В дополнение к нему используются труды Диона Кассия, Диодора и Аппиана. Сведения о путешествии Ганнона сохранились на одной из надписей. Религия карфагенян описана в Библии.

«Исследовательская флотилия вышла » Рассказ о путешествии Ганнона приводится полностью в статье: Warmington, pp. 7 4–6. (Muñller, K. [1965]: *Geographi graeci minores*. 1 1–14). Надпись о путешествии Ганнона не сохранилась до наших дней. Ее перевели с карфагенского языка на греческий. Ученые сомневаются в ее подлинности, однако история этого путешествия изложена вполне логично в полном соответствии с географией. Поскольку появилось сообщение об отправке Ганнона, то уместно предположить, что некоторые подробности плавания, особенно на начальном этапе, изменили или вообще опустили для того, чтобы обмануть всех возможных конкурентов.

«западный предел обитаемого мира » Пин 4 69.

«Они выгружают свои товары » Гер 4 196.

«Несмотря на нехватку воды и очень жаркую погоду » Арр Инд 43 11–13.

«Тридцать пять дней прошло » там же.

«египетский фараон, склонный к гигантским проектам » Гер 4 42.

«его цитирует в своих записках один римский писатель IV века н. э. » Руф Фест Авиен в своей географической поэме «Описание морского побережья» (*Ora Maritima*), pp. 114–129, 380–389, 404–415.

«И прекращу шум песней твоих» Иезекииль 26:13–14.

«превратились из тирян в африканцев » Дион Хр 25 7.

«Если ты купил землю » Кол Сел 1 1 10.

«часто цитировали греческие и латинские авторы » В частности Кол Сел.

«получения пчел из туши » там же. 9 14 6.

«Для сравнения, протяженность римской стены » см. Dyson, p. 18.

«Сзади расположился амфитеатром город » Г. Флобер, Саламбо, гл. 4.

«На острове построен » Апп Пун 96.

«[Они] – суровы и угрюмы» Плут Мор 79 90.

«чтобы никто не проводил сына своего » 4-я книга Царств 23:10.

«и устроили высоты Ваалу » Иеремия 19:5.

«В своем рвении загладить вину » Дио Сиц 20 14 4–6.

«родители спасали своих собственных младенцев » Плут Мор 171 C – D.

«Госпоже Танит» CIS i 5507.

«прекрасное государственное устройство » Арист Пол 2 8.

«Карфаген не обладал бы... таким могуществом» Циц Гос 1 фрагм. 3.

«часть жителей изгнали» Пол 1 7 3–4.

«жалость к попавшим в беду» Дио Сиц 23 1 4.

«опасных и страшных соседей» Пол 1 10 6.

«в безрассудстве и трусости» там же, 1 11 5.

«На самом деле все было не так» Дион, фрагмент 11 43.

«Двумя верхними веслами гребли по два человека» Возможно и другое размещение: пять человек гребли одним веслом или три человека гребли верхним веслом, а два – нижним.

«Не имея средств к морской войне» Пол, фрагмент 1 20 12.

«Одна карфагенская квинквирема» Некоторые подвергли эту историю сомнению, утверждая, что римляне, скорее всего, переняли военно-морские навыки у тарентинцев. Однако у них вроде бы не было квинквирем (если бы они были, то тарентинцы, конечно же, передали бы их Риму вместе с другими судами). Карфагенские суда, по общему признанию, в то время являлись лучшими по своим мореходным качествам.

«[Обучающие] посадили людей» Пол, фрагмент 1 21 2.

«видимо, забив камнями» Ороз 4 4 8.

«Они запирали его в глубокую подземную темницу» Авл Гел 7 4 3. Эти историком был Квинт Элий Туберон, отец или сын. Полибий не упоминает историю его возвращения в Рим. Он обязательно написал бы об этом, если бы это возвращение состоялось, и таким образом, возвращение не находит подтверждения. Что касается пытки Регула, то это, скорее всего, выдумка его вдовы, которая хотела этим оправдать пытки двух пленных карфагенян. См. САН 7, pt. 2, p. 556.

«Пусть они пьют» Свет Тиб 2 2 2.

«Если бы мой брат воскрес» там же, 2 4.

«следует помогать друзьям» Апп Сиц (Константин Багрянородный, сборник «О посольствах», 1).

«Обе стороны, наконец» Пол 1 58 5–6.

«Отечество мое согласно подчиниться» Кор Гам 1 5.

«продолжительнее, упорнее и важнее» Пол 1 63 4.

12. «Ганнибал у ворот!»

Основным и наиболее достоверным источником является сочинение Полибия. Описание Ливия тех же событий имеет более художественную направленность. Также использовались фрагменты трудов Диона, Диодора Сицилийского и Аппиана.

«В то время как мой отец» Пол 3 11 5–7. В первоисточнике повествование ведется от третьего лица.

«Ганнибал у ворот» Циц Пр 4 9 22.

«он воспытал страстью к одному привлекательному молодому аристократу» Кор Гам 3 2.

«ставили ему в вину бездарное руководство» Апп Ган 2 2.

«подвергали его всевозможным истязаниям» Пол 1 88 6.

«Кто-то из детей разорвал ему ухо» Г. Флобер, Саламбо, гл. 15.

«нельзя, пожалуй, указать» Пол 3 2 8 1.

Later on after the conclusion Dio Sic 25 8.

«работали около сорока тысяч рабов» см. Miles, pp. 219–220.

«отправили к Гамилькару посланников» Дион 12 48.

«своей нерадивостью и беспечностью» Пол 2 13 7.

«Насколько он был смел» Лив 21 4 5–8.

«часто отмечали его сограждане» Пол 9 26 11.

«Мы не оставим без внимания» там же, 3 15 7.

«Голод довел защитников города до людоедства» Авг Гр 3 20.

«Их жены, видя со стен конец своих мужей» Апп Ибер 12.

«Старейший из [римских посланников]» Пол 3 33 2–4.

«прошло двадцать лет» По странному стечению обстоятельств, между Второй и Первой Пуническими войнами прошло столько же времени, сколько между Первой и Второй мировыми войнами в XX веке. Карфагеняне, как и немцы, чувствовали унижение от того, что на самом деле их не победили, но им приходилось выплачивать огромные компенсации и отказаться от некоторых исконных территорий.

«около 90 000 пехотинцев и 12 000 всадников» Все данные о численности войск взяты у Полибия, известного своей точностью (Пол 3 35).

«появляется новая легендарная личность» Этот раздел приводится по книге Р. Майлз, см. Miles, pp. 241–255.

«Он увидел, что чудовище» Циц Див 1 24 49.

«выпустил серебряные сикли» см. САН 8, р. 39.

«Необходимо было пробивать тропинку в скале» Лив 21 37.

«мягче делался и климат страны» там же.

«Для охраны отец дал ему отряд отборной конницы» Пол 10 3 4–5.

«У посвященного Геркулесу священного источника» Лив 21 62 9 и 22 1 10.

«Расчет Ганнибала оправдался» Современники относились к Фламинию с предубеждением, и классические историки, по-видимому, преувеличили его недостатки. Однако обвинение его в нетерпении довольно правдоподобно. Оно объясняет его действия.

«Гибель консула стала началом конца» Лив 21 6.

«Мы проиграли большое сражение» там же, 22 7.

«ему дали еще в детстве» Плут Фаб 13.

«для римлянина» он много читал» Циц Ст 12.

«его за то, что он не отчаялся в республике» Лив 22 61 14.

13. Птица без хвоста

Ливий и Полибий описали Вторую Пуническую войну с начала до конца. Последний особенно ценен нам, так как он предоставил нам сведения об организации римской армии.

Unus homo nobis cunctando restituit rem Циц Об 1, 24, 84.

«Ганнибал перебросил через стену копьё» Плин 34 32.

«он посмотрел на него» Плут Мар 19 1.

«он награл столько картин» там же, 21 5.

«Тарентинцы могут оставить у себя своих богов» Лив 27 16 8.

«сенат так и не смог договориться» там же, 26 18 3.

«Если народ решил назначить меня эдилом» там же, 25 2 6.

«Полибий был другом семьи Сципионов» Пол 10 2 5.

«Хотя я и желал бы казаться для всех» там же, 10 40 6.

«А враги уже стояли» Лив 27 47.

«Если же судьба отнимала всякую надежду» Пол 11 2 9–10.

«Узнаю злой рок Карфагена» Лив 27 51 12.

«стоял в густой роще, огражденный высокими пихтами» там же, 24 3. Сведения о храме Юноны приводятся в книге М. Джегер (Jaeger).

«Если верить Цицерону» Циц Див 1 24 48.

«из прокарфагенского источника» Из сочинения личного историка Ганнибала Силена, которое сохранилось в пересказе Луция Антипатора.

«солдаты карфагенской армии – выходцы из Италии – отказались отправляться в Африку» Лив 30 20 6.

«Вы должны простить мой проступок» Пол 15 19 5–7.

«как располагаются войска республики» там же, 6 19–42.

«При столь внимательном и заботливом отношении» там же, 6 39 11.

«огромного числа оливковых деревьев» Авр Вик Цез 37 3. Последний источник, где говорится об экономическом возрождении Карфагена.

«Он велел главному казначею явиться к нему» Лив 33 46 1–7.

«Достойно ли, не довольствуясь тем» там же, 33 47 5.

«Сципион... засмеявшись, сказал ему» Апп Сир 10.

«он скорее всего находился в Карфагене» См. Lancel, p. 195; Holleaux, pp. 75–98.

«у него остался единственный выбор – самоубийство» Плут Фл 20 4–6 (включая последние слова Ганнибала).

«он принял яд» В древнем мире самым распространенным смертельным ядом был аконит. После его приятия смерть обычно наступает через час, но при большой дозе она может наступить почти сразу же. Симптомы обычно не очень приятны. По-видимому, даже после приятия большой дозы не было уверенности в ее мгновенном эффекте. Попросить раба убить себя – было самым надежным способом.

«оставили жить, подобно птице, слишком старой» Плут Фл 21 1.

14. Перемены и упадок

Часть сочинения Полибия, которые посвящены этому времени, не сохранились, поэтому главным источником является труд Ливия. Повседневную жизнь римлян описали Плавт и Теренций.

«кузницу всех пороков и преступлений» Лив 39 10 6–7.

«Больше мерзостей» там же, 39 13 10–12.

«Сохранилась надпись» CIL i2 2, 581.

«ущерб репутации и бесчестия» Лив 39 19 5.

«Одни осмеивали нравы их и обычаи» там же, 40 5 7.

«веру, которая пятнает людские умы» и «низкого происхождения грек» там же, 39 8 3–6.

«Он во власти темной страсти» Кат 63 6–10. Катулл написал это в I веке, однако он повторяет то, во что верили и чему следовали в III веке.

«Если должностное лицо» Плут Марц 5 1–2.

«Изображение представляет собою маску» Пол 6 53–54.

«Рим... не был только собранием памятников» Подробное описание городской жизни см. Stambaugh, passim.

«экскурсию по Форуму» Плавт Кур 461ff.

«Без порока ли, с пороком» Это описание римского Форума приводится в пьесе Плавта

«Куркулион» строфа 469 и далее. Теоретически, Плавт и Теренций (см. ниже) ставили свои пьесы в греческих городах, однако изображенная в них городская жизнь несомненно римская.

«там было помещение, куда набивалось» см. Dyson, p. 49.

«Большинство проездов в городе были немоощными» Мощение улиц началось в 174 году.

«улица или дорога получила официальное название» Вар Лат 7 15.

«Ты знаешь ту галерею у рынка?» Тер Бр 573–584.

«С форума идет с открытой головой» Плавт Пл строфы 478–484.

«Наши великие предки не без основания» Вар Сел 2 предисловие 1.

«Желающий жить поистине хорошо» СЦЛ 11 600.

«Спозаранку он отправляется на Форум» Плут Кат 3 1–2.

«Из земледельцев же выходят» Кат Зем введение 4.

«Он не должен слоняться без дела» там же, 5 2,4 и 5.

«Он должен продать состарившихся волов» Кат Зем 2 7.

«о происхождении уличных представлений» Лив 7 2 3–13. Ливий вероятно заимствовал у Варрона его записки о театре, которые до нас не дошли. В целом объяснение довольно правдоподобно.

«игры ведут, с неисканным стихом» Верг Гео 2 384–388.

«чтобы умственное расслабление сочеталось» Вал Макс 2 4 2.

«Когда впервые начал я играть ее» Тер Св пролог, строфа 33 и далее.

«острой медью [мечом] зарезал» Гом Ил 23 175.

«дополнительную порцию вина» Кат Зем 57.

«губит исконную римскую простоту своих воинов» и «вел себя как мальчишка» Плут Кат 3 6–7.

«что об упадке нашего государства» Пол 31 25.

«Она всегда появлялась так» там же, 31 26 3–4.

«Однажды случай столкнул Катона» Плут Кат 17. У этой истории есть разные версии. В одной из них вместо мальчика была девочка, в другой – что убитый был не кельт-перебежчик, а осужденный преступник, а в третьей – убить его попросила блудница, и наконец, убийство совершил не сам консул, а его ликтор. Однако, в своем изложении этой истории Ливий (39 42) утверждает, что он прочитал речь Катона об этом деле, и нет никаких причин сомневаться в ее неправде. Скорее всего, версия Катона наиболее достоверна.

«Противостояние обострилось» Сохранившиеся записи суда над Сципионом сильно запутаны. Я описал наиболее вероятную, по моему мнению, версию событий.

«Народу римскому не подобает» Пол 23 14 3 (Свида).

«Он оставил завещание» Как всегда, существуют и другие истории. Однако Ливий видел гробницу Сципиона с его статуей в Литерне. Хотя в семейном мавзолее Сципионов в Риме установили еще одну его статую, но она видимо являлась просто памятником. Наиболее вероятно, что Сципион похоронен именно в Литерне. Кого же еще могли похоронить в этой гробнице?

15. Блистательный Восток

Сочинения Ливия и Полибия постепенно теряют значение, уступая свое место Плутарху – его жизнеописаниям Катона и Эмилия Павла. При описании падения Карфагена мы опирались в основном на труды Аппиана.

«Блистательный Восток» см. William Wordsworth, *On the Extinction of the Venetian*

Republic.

«оковы Эллады» Пол 18 11 5.

«Горе тебе, земля» Экклезиаст 10:16. Эта ветхозаветная книга могла быть написана около 200 года до н. э.

«Консул встретился с царем» Лив 32 10 – весь абзац, включая ответ консула.

«Встреча проходила под открытым небом» Пол 18 1–12. Также Лив 32 32–36. Такие переговоры между двумя соперниками проходили не один раз, например, встреча триумвиров в 43 до н. э. на речном острове около Болоньи и встреча Секста Помпея с Октавианом и Марком Антонием у мыса Мизен в 39 году до н. э.

«Фламинин развязал Греции ноги» Плут Фл 10 2.

«Римский сенат» Пол 18 46 5.

«Большинство присутствующих не верило» там же, 7.

«Некоторые вороны, которые в тот момент пролетали» Плут Фл 10 6.

«Я не ввожу у вас никаких персидских обычаев» Апп Сир 61.

«После того я увидел священную силу Геракла» Гом Од 11 601–603.

«Иные боги далеко находятся» Аф 6 253 b – f. См. Green, *From Alexander to Actium*, p. 55.

«Если царь требует, чтобы не вмешивались» Лив 34 58 2.

«Жители небольшого захолустного городка» там же, 38 39 10.

«Он написал поддельное письмо» там же, 40 23 4–9. Ливий был убежден, что это письмо поддельное, и у нас нет никаких оснований думать иначе.

«Очевидно, что страдал он больше душой» там же, 40 56 8–9.

«говорящим орудием» Вар Сел 1 17 1.

«Денно и ночью изнуряют в подземных прокопах свои тела» Дио Сиц 5 38 1.

«Я знал одного раба, которому приснилось» Арт 1 78. Артемидор жил во II веке, однако он пользовался произведениями более ранних авторов, и его примеры, скорее всего, не зависят от времени.

«комедию под названием «Пуниец» Как и свои остальные пьесы, Плавт поставил эту пьесу в Этолии на северо-западе Греции, однако создается впечатление, что ее герои напоминают римлян.

«вступительную речь на карфагенском языке» Не совсем ясно, на каком языке говорит Ганнон, на подлинном карфагенском или же на искусственном языке, созданном специально для этой комедии.

«Они стали осматривать страну» Апп Пун 69.

«крупная аппетитная карфагенская фи́га» Плут Кат 27 1.

«Сдается мне, что Карфаген должен быть разрушен» Это известное выражение встречается в разных вариантах у многих авторов: Плут Кат 27 (*δικήν δε μὴ κβί Κβсчеднб мз ейнбй*), Плин 15 74, Флор 1 31 4, Авр Вик Люд 47 8.

«Вот это – Карфаген» Плут Мар 200 11.

«Римляне никогда не жаловали воинов» Евт 4 16.

«иметь возможность быстро использовать» Апп Пун 74.

«Если удовлетворите римский народ» и «Вы хорошо знаете, что нам надо» там же, 75.

«имевший удобные гавани для причала судов» там же.

«Разум удержан ему» Гом Од 10 495.

«Сципион обозрел весь город» Апп Пун 132. Аппиан утверждает, что слышал это от Полибия, которому рассказывал сам Сципион.

«Знаю и сам хорошо» Гом Ил 6 448–449.

«*День придет* » Этот день действительно пришел. 24 августа 410 года вестготский король Аларих разграбил Рим.

«*где когда-то возник этот город* » Апп Гр 1 24.

«*Римляне ужасно повели себя* » Этот раздел приводится по книге Р. Майлз, см. Miles, pp. 348–351.

«*фрагмент в ней заимствован у Невия* » Макр 6 2 31.

«*юношами в платьях* » Эн 8 270. Для этой и последующих ссылок на Энния нумерация дана по изданию Леба. См. Skutsch, *The Annals of Ennius*, OUP; 1985.

«*злыми надменными врагами* » там же, 282.

«*наконец, смягчает свой гнев* » там же, 293.

«*Можно подумать, что нам нечего делать* » Плут Кат 9 2.

«*Грецию присоединили к римской провинции Македония* » После этого Греции пришлось дожидаться независимости до XIX века.

«*самым добрым отношением* » Дио Сиц 32 4 4–5.

16. Кровные братья

Для этой части используются сведения из сочинения Аппиана, а основными источниками являются жизнеописания Тиберия и Гая Гракхов, написанные Плутархом.

«*в ее окружении постоянно бывали греки и ученые* » Плут Г Гр 19 2.

«*просто и изящно* » Гор Кар 15 5.

«*Однажды она принимала* » Вал Макс 4 4 praef.

«*В награду за это ему в жены отдали Корнелию* » История замужества Корнелии напоминает историю бракосочетания ее сына, поэтому ее нельзя считать достоверной.

«*одна странная история* » Плут Т Гр 1 2–3.

«*Продолжай в том же духе* » Цит. по Balsdon, *Life and Leisure*, p. 119 (Porphyrio and Ps) пересказ в Гор Сат 1 2 31f.

«*она была внучкой Корнелии* » см. Balsdon, *Roman Women*, p. 48.

«*Она играла на кифаре* » Салл Кат 25 1–5.

«*мягче, сдержаннее* » Плут Т Гр 2 2.

«*чаще зовут тещей Сципиона Эмилиана* » там же, 8 5.

«*при поражении римлян у Кавдинских Вил* » Быть может, историю поражения Кавдинских Вил переписали в свете этого последнего разгрома.

«*суровость, проявленная сенатом* » Циц Гар 43.

«*Дикие звери* » Плут Т Гр 9 4.

«*он готов возместить ему потери* » там же, 10 5.

«*Не мешай делу* » Апп Гр 112.

«*место проведения собрания* » Я полагаю, что оно находилось перед храмом Юпитера. См. Richardson fig. 19, p. 69.

«*Тише, граждане* » САН 9, p. 60.

«*Ну что ж, если глава государства – изменник* » Плут Т Гр 19 3.

«*Я покажу вам на одном примере* » Авл Гел 10 3 5.

«*Я – единственный из всего войска* » Плут Г Гр 2 5.

«*Рано или поздно ты должен будешь умереть* » Циц Див 1 26 5б.

«*Кроме убийц Тиберия* » Кор Гам Фрагмент. Ученые склоняются к тому, что эти фрагменты писем подлинные.

«выступила Корнелия» Плут Г Гр 4 1–2.

«окруженным подрядчиками, мастеровыми» там же, 6 4.

«Представь себе» САН 9, р. 83.

«вернулся из Карфагена» Это выглядит довольно странным, поскольку трибуны не должны были выезжать за границу города. Видимо Гай получил какое-то специальное разрешение.

«помогла ему найти телохранителей» Плут Г Гр 13 2.

«Убийцы отрубили голову Гая» там же, 17 4.

«Сенат относился к братьям как генерал» Я благодарен за это замечательное сравнение Эндрю Линтотту, см. САН 9, р. 85.

«Никогда прежде не приносили меч в народное собрание» Апп Гр 1 2.

«У нее было много друзей» Плут Г Гр 19 2.

17. Триумф и трагедия

Важные источники – жизнеописания Мария и Суллы, созданные Плутархом (а также, в меньшей степени, жизнеописания Цезаря, Цицерона и Помпея). Югуртинскую войну описал Саллюстий. Для основного повествования использованы сочинения Аппиана и Диона Кассия, а для изложения вопросов организации римской армии – книга Л. Кеппи (Kerrie).

«какое-то время он был кузнецом» Авр Вик Цез 33. Это очень поздний источник, поэтому есть сомнения в его достоверности.

«В своем высокомерии эти люди глубоко заблуждаются» Салл Юг 85 29–40. Эту речь написал Гай Саллюстий Крисп, которого мы знаем как Саллюстия. Если это не слова самого Мариа, то они вполне отражают его чувства.

«Наше впечатление вполне соответствует тому» Плут Мар 2 1.

«Я вижу, что исцеление» там же, 6 3.

«Сулла жадно интересовался литературой и искусством» Описание личной жизни Суллы, включая стишок о нем, приводится в Плут Сул 2.

«Другая группировка – оптиматы» В латинском языке это слово употребляется только во множественном числе.

«служил в Испании у Сципиона» Салл Юг 7–8.

«Так, значит, ты, милейший» Плут Мар 8 3.

«О Геракл, какая холодная у вас баня!» там же, 12 3.

«мариевыми мулами» Плут Мар 13 1.

«тянулось мимо лагеря целых шесть дней» там же, 25 1.

«если только это закон» там же, 29 4.

«Уступая другим в любезном обхождении» Плут Мар 32 1.

«Нет, – ответил Друз, – возводи его» Плут Мор 800f.

«Союзники уже разработали тайный план восстания» Разразившаяся впоследствии война стала называться «Союзнической войной».

«сельская местность Италии оказалась опустошена» Фл 2 6 11.

«Однажды он отправился на охоту» Эта история, похожая на легенду о Робин Гуде, скорее всего вымышленная.

«Либо постарайся накопить больше сил, чем у римлян» Плут Мар 31.

«Сулпиций из всех ораторов» Циц Бр 203.

«Все эти убийства и гражданские волнения» Апп Гр 1 55.

«Ему чудилось, будто он послан военачальником» Плут Мар 45 6.

«По сообщению Аппиана, во время этой резни погибли 90 сенаторов» там же, 1 103. В другом месте Аппиан называет 40 погибших (Апп Гр 1 95).

«не отказался от общества актрис» Плут Сул 36 1.

«Этот мальчик послужит помехою» Апп Гр 1 104.

«отпраздновал великолепный триумф» Подробности этого триумфа описаны у разных авторов: Апп Мит 1 116–117, Плут Пом 45, Плин 33 151 и 37 13–14.

«Кораблей с медными боевыми носами» Апп Мит 1117.

18. Послесловие

Основные источники – сочинения Цицерона: его письма, «О Государстве» и «Учение академиков».

«Ведь именно твои книги» Циц Ак 13 9.

«мы должны управлять государством» Циц Бл 177 (9 2).

«чрезмерная свобода... рушится» Циц Гос 1 68.

«его триумф и лавры достойнее триумфа» Плин 7 117.

«Наше поколение, получив государство» Циц Гос 5 2.

Источники

«Голый рассказ о случившемся» Пол 12 25b.

«интересуется историческими событиями» цит. по книге Корнелла, см. Cornell, p 2.

Государственное устройство Древнего Рима

Народное собрание – куриатные, центуриатные и трибутные комиции

Сенат – состоял из представителей знатных семейств, занимался внешнеполитическими, финансовыми и религиозными вопросами, обсуждением законопроектов.

Консулы – занимались наиболее важные гражданскими и военными делами

Преторы – имели судебные полномочия, занимались юридическими вопросами

Народные трибуны – выполняли функции по защите прав и поддержанию порядка

Сенат – высший государственный орган в Древнем Риме. Хотя никакими узаконенными функциями он не обладал, рекомендации сената (лат. *senatusconsulta*) обладали такой же силой, как и законы Республики. Его власть держалась, главным образом, на авторитете, и, кроме того, была подкреплена уважением к обычаям предков и религиозным пиететом.

Сенат эпохи развитой и поздней республики состоял из 300 сенаторов, обычно бывших высокопоставленных должностных лиц государства (магистратов) (в более отдаленные времена – родовых старейшин). Пополнением сената ведали цензоры, которые из числа бывших магистратов включали в его состав наиболее достойных. Власть сената распространялась на все сферы государственной жизни. В его исключительном распоряжении находилась казна. В сенате предварительно обсуждались все проекты законов и кандидатуры будущих магистратов.

Кроме того, в его ведении находилась внешнеполитическая деятельность Республики.

В Риме собирались три вида народных собраний – **комиций** (в переводе с лат. – *собрание*); до реформ Сервия Туллия в середине VI в. до н. э. народные собрания собирались только по куриям и назывались куриатными комициями. Они были единственным видом народного собрания. Однако курии были замкнутыми объединениями патрициев с сильными пережитками родового управления и не включали плебеев. Сервий Туллий, роль которого в оформлении Римского государства особенно велика, допустил плебеев к военной службе и создал так называемое центуриатное устройство. В связи с тем, что в V–IV вв. до н. э. важнейшие проблемы общественной жизни порождались многочисленными войнами, борьбой патрициев и плебеев, значение куриатных комиций сильно упало и решающее значение в государственной жизни приобрели собрания римских граждан по центуриям, в которые входили как патриции, так и плебеи.

Куриатные комиции – старейшая форма народного собрания Римской Республики. В них решались вопросы о вручении империя должностным лицам и усыновлении граждан.

До реформы Сервия Туллия куриатные комиции были в Риме единственным видом комиций и состояли, очевидно, лишь из патрициев. Вопрос, состояли ли плебеи в куриатных комициях во времена Республики, в науке дискусионен. Одни авторы (например, Эрнст Херцог) считали, что и во времена Республики куриатные комиции включали только патрициев. Другие (например, Вильгельм Зольтау), отстаивали точку зрения, что плебеи были включены в их состав еще во времена царского Рима. Однако для царского периода присутствие плебеев в куриатных комициях довольно сомнительно. Так, И. Л. Маяк делала вывод, что плебеи стали принимать участие в этом виде комиций не ранее IV в. до н. э. Местом их проведения был *Comitium* на Форуме.

Главные функции куриатных комиций состояли в следующем:

1. Вынесение Куриатного закона об империи – этот закон был необходим для того, чтобы вручить ординарному или экстраординарному магистру высшую власть – империй.
2. Утверждение отдельных частных актов – усыновлений и завещаний, то есть куриатные комиции ведали вопросами семейного права.

С течением времени и политическая роль куриатных комиций, и, соответственно, их популярность, снижались. К концу Республики наделение магистратов империей осталось фактически единственной функцией этих собраний, и на них собиралось лишь 30 ликторов, символизировавших 30 курий. Тем не менее, с формальной точки зрения, куриатные комиции вплоть до своего исчезновения при Империи оставались сосредоточием высшей власти, так как именно они вручали магистратам империй.

Центуриатные комиции – высший вид собрания народа Римской Республики. В них избирали высших магистратов, объявляли войну и заключали мир, судили граждан по уголовным делам (лишение гражданина его гражданских прав).

Собрание распределялось по принципу имущественного ценза. По преданию были учреждены предпоследним римским царем Сервием Туллеем. По функциям они вытеснили куриатные комиции. Прежде чем подавать голос, участники одной центурии совещались между собой. Каждая центурия имела один голос в комициях, поэтому общее число голосов равнялось количеству центурий. Однако, большинство центурий принадлежало первому классу (крупным землевладельцам) и перевес принадлежал часто именно ему. Всего имелось 193 центурии, голосование останавливалось, если первые 97 центурий голосовали единым мнением.

Так как центуриатные комиции были собранием воинов, то, по закону, они не могли собираться в самом городе Рима и собирались вне священной границы города на Марсовом поле. В течение собрания на Капитолии развевалось красное боевое знамя. Созывать центуриатные комиции могли только высшие магистраты, обладавшие императорскими консулы, преторы и диктаторы. До 287 г. до н. э. через центуриатные комиции проходило большинство законов. После этим правом наделялись также трибутные комиции. Тем не менее даже тогда полномочия центуриатных комиций оставались весьма широкими. Они объявляли войну и заключали мир. В центуриях выбирали всех высших магистратов.

Трибутные комиции – собрание, в котором принимались конституционные законы; разбирались уголовные дела, связанные с наложением штрафов; выбирались квесторы, эдилы, военные трибуны.

Существовало три вида трибутных комиций:

1. Чисто плебейские собрания, проводились под председательством плебейских магистратов (плебейского трибуна или эдила). Постановления назывались плебисцит. После 287 г. до н. э. плебисциты стали иметь силу законов для всех граждан, независимо от происхождения. До того они были обязательны лишь для плебеев.

2. Патрициано-плебейские собрания. Патриции начали принимать активное участие в работе трибутных комиций после 471 г. до н. э., после расширения прав последних. Проводились под председательством консула или претора – высших магистратов, первоначально избиравшихся только из патрициев. Постановления назывались законы. Здесь избирали квесторов и курульных эдилов. Эти собрания обладали и судебной властью.

3. Собрание плебеев, на котором не принимались никакие постановления. На них заслушивались сообщения магистратов, народ совещался между собой, но голосования не происходило. Данный вид комиций, в силу своей специфичности, просуществовал в Риме дольше всех остальных, дожив до времен империи, был широко распространен в римской императорской армии.

Голосование в трибутных комициях было таким же, как и в куриатных или центуриатных. Созывать комиции могли только магистраты. Повестка и дата собрания обсуждались заранее, тексты законопроектов, имена кандидатов предварительно публиковались (выставлялись на форуме). Комиции собирались в определенные дни – дни перед календами и большинство из дней, предшествовавших идам.

На собрании объявлялся вопрос, и, без какого-либо обсуждения, начиналось голосование. В ранний период оно было устным и открытым, со второй половины II в до н. э. голосование стало закрытым и письменным. При голосовании на Марсовом поле (где обычно проходили избирательные комиции) человек входил в одно из 35 (по числу триб) закрытых помещений. Триба определяла свой голос независимо от того, сколько ее членов явилось для голосования. Если голосование проходило на Капитолии или Форуме (законодательные и судебные комиции), то сначала голосовали в трибах, потом подсчитывали число триб, проголосовавших «за» или «против». Абсолютное большинство давали 18 триб из 35 (4 городских и 31 сельская).

Магистраты – общие названия государственных должностей в Древнем Риме. Магистраты делились на:

1. Ординарные (обычные) – консулы, преторы, цензоры, квесторы, эдилы, народные трибуны.

2. Экстраординарные (создавались при чрезвычайных обстоятельствах) – диктаторы, интеррексы, начальники конницы при диктаторе, децемвиры, военные трибуны, триумвиры.

3. Курульные – консулы, диктаторы, децемвиры, военные трибуны, триумвиры, преторы, цензоры, эдилы.

4. С империем (высшая власть в римском государстве, которой наделяли только в особых случаях до принципата Октавиана Августа) – консулы, преторы, диктаторы, децемвиры, военные трибуны, триумвиры.

5. Высшие – все магистраты с империем, цензоры, народные трибуны.

Ниже магистратной лестницы находились служащие – ликторы, писцы, посыльные; и, так же, государственные рабы – тюремщики, палачи.

Государственный строй в Древнем Риме в царский период

Рекс (глава общины, военный предводитель, избирался на комициях)

Сенат (Совет старейшин, состоял из 300 сенаторов, занимался ведением текущих дел и обсуждением вопросов, которые выносили потом на народное собрание)

Комиции (народные собрания, участие в которых принимали только патриции)

Семь легендарных и полулегендарных царей Древнего Рима

Ромул (правил 753–715 до н. э.)

Нума Помпилий (правил 715–674 до н. э.)

Тулл Гостилий (правил 673–642 до н. э.)

Анк Марций (правил 642–617 до н. э.)

Луций Тарквиний Древний (правил 616–579 до н. э.)

Сервий Туллий (правил 578–535 до н. э.)

Луций Тарквиний Гордый (правил 535–509 до н. э.)